

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX ВВ.

Выпуск 5

Санкт-Петербург
2009

ББК 63.3(2)
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

д. и. н. Т.М. Китанина, к. и. н. Ю.В. Иванова-Бучатская

Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 5 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2009. 282 с.

ISBN 978-5-98709-196-8

В пятом выпуске сборника опубликованы научные статьи о представителях одной из крупнейших диаспор Петербурга — немцах, проживавших в городе в XVIII, XIX и XX вв. **Читатель узнает об их жизни и деятельности, вкладе в развитие науки, культуры, медицины как в городе, так и в России.**

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России и Санкт-Петербурга.

Проект осуществлен Фондом «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербург» при поддержке Федерального министерства иностранных дел Германии.

ISBN

© А.Ю. Харитоновна, обложка, 2009
© МАЭ РАН, 2009

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель, представленный вашему вниманию сборник научных статей посвящен наиболее многочисленной иноверческой диаспоре в столице России — немцам.

В этом, как и в предыдущих выпусках, российские и немецкие историки, искусствоведы, краеведы, потомки родов и семей российских немцев рассказывают о судьбах немцев, проживавших в Санкт-Петербурге в XVIII, XIX и XX вв., об их вкладе в развитие науки, искусства, музыки, медицины в городе и России. Прогрессивная деятельность отдельной личности не должна быть забыта.

В этой книге можно познакомиться с судьбами венценосных особ, деятельностью немецких ученых XVIII–XIX вв. — П.С. Палласа, К.Ф. Вольфа, А. Шлегельмильха, деятелей культуры — И.Г. Фосса, скульпторов А. фон Бока и Г.Р. Залемана, государственного деятеля В.В. Меллера-Закомельского и многих других.

Интерес представляют и статьи, в которых рассказывается, как в русских литературных произведениях описаны различного рода персонажи немецкой национальности.

Заключительная статья сборника повествует о Стрельнинской немецкой колонии, судьбах ее обитателей в предвоенные и военные годы. В 2010 г. отмечается 300-летие со дня ее основания.

Сведения об авторах

архимандрит Августин (Никитин), доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Богданов В.И., к. физ. н., в. н. с., Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН.

Векслер А.Ф., консультант отдела краеведения Дворца творчества юных.

Ефимов М.В., зам. директора по науке, Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Парк-Монрепо».

Зенкевич С.И., ведущий библиотекарь Библиотеки Академии наук.

Иванов Д.В., ст. хранитель Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Иодко О.В., с.н.с., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Кривдина О.А., канд. искусствоведения, в. н. с., Русский музей.

Малова Т.И., н. с., Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН.

Мошник Ю.И., н. с., Гос. Историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Парк-Монрепо».

Сардак Л.Л., главный специалист ОАО «Силовые машины» (Санкт-Петербург).

Сафонов М.М., д. и. н., с. н. с., Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Степаненко О.А., краевед, член общества «Возрождение Петергофа».

Толмачева В.А., методист Центра детского творчества Ломоносовского района, руководитель школьного музея деревни Горбунки.

Цветкова Н.А., инженер, член Русского генеалогического общества (Санкт-Петербург).

Шван Х.К., стипендиат Евангелическо-лютеранской церкви в России и странах СНГ.

Шеффер В.Ф., д. мед. н., прихожанин кирхи Петра и Павла в Санкт-Петербурге.

Шрадер Т.А., к. и. н., с. н. с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

XVIII век

Д.В. Иванов

Немецкие ученые XVIII в. и формирование буддийских коллекций Кунсткамеры

В Яицком городке имел я счастье
видеть множество таких истуканов,
которые все вылиты из меди, густо позолочены,
и такой же чистой работы,
каковы суть сообщенные при сем изображения.

П.С. Паллас. Путешествие по разным
провинциям Российской империи

Одним из наиболее выдающихся исследователей-путешественников эпохи Екатерины II был Петр Симон Паллас (1741–1811), который являлся классическим ученым-энциклопедистом XVIII в. Российское правительство в то время было крайне заинтересовано в проведении комплексных географических исследований империи. К весне 1768 г. было организовано пять географических экспедиций. Паллас был назначен руководителем одной из них, однако фактически он намечает маршрут для трех отрядов¹. Экспедиция началась в июне 1768 г., и только в июле 1774 г. П.С. Паллас вернулся в Петербург. За это время исследователи побывали в центральной России, Поволжье, Урале и в Сибири. Путешествие Палласа имело колоссальное значение для изучения культуры народов, проживающих в Российской империи. Им были подробно описаны обычаи, облик, одежда, жилища и верования различных народов, от финнов до монголов. Большое значение имели материалы по повседневной и духовной культуре калмыков². Большое внимание Паллас уделил буддизму у калмыков. В своей работе «Путешествие по разным провинциям Российской империи» он описывает пантеон северного буддизма, церковную иерархию, представления буддистов о строении мира³.

В ходе экспедиции были собраны многочисленные сведения о минералах уральских гор, растительном и животном мире, богатейший этнографический материал. Всего П.С. Палласом была опубликована

151 работа по зоологии, ботанике, минералогии, геологии, географии, сельскому хозяйству, медицине, этнографии, нумизматике и археологии, языкознанию, не считая описаний путешествий и переводов⁴.

Палласа сопровождали двое сотрудников Кунсткамеры — чучельник Павел Шумский и рисовальщик Николай Дмитриев. Практически все материалы, собранные путешественником, предназначались для Кунсткамеры. В настоящее время в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН хранятся всего две небольшие коллекции Палласа. Одна из них находится в фондах Сибири (№ 828), а другая в фондах Зарубежной Азии (№ 741). В начале XX в. в составе коллекции № 741 насчитывалось 6 предметов, однако 3 предмета (мантия для богослужения, куртка ламская и юбка ламская) были переданы в 1983 г. в Музей религии и атеизма. В настоящее время в коллекции № 741 числятся всего 3 предмета (шапки ламские).

В фондах Зарубежной Азии хранится также коллекция № 719, часть экспонатов из которой может быть отнесена к предметам из собраний Палласа. В этой связи интересна одна из остановок, совершенных Палласом во время его длительного путешествия.

В августе 1769 г. П.С. Паллас посещает Яицкий городок — административный центр яицкого казачества, расположенный в большой излучине, образованной рекой Яик и впадающей в нее речкой Чаган. В Яицком городке проживала верхушка яицкого казачества — войсковой атаман, войсковые старшины, два есаула, войсковой дьяк и войсковой писарь. Всего в городке жило пятнадцать тысяч казаков, включая находящихся на службе калмыков⁵. В непосредственной близости от Яицкого городка находились кочевья калмыков, описанные Палласом⁶. В Яицком городке местный атаман предложил ему купить коллекцию буддийской скульптуры. Вот как об этом пишет сам Паллас в рапорте в Академию наук: «В таком же затруднении нахожусь я и сейчас, имея в виду прекрасную коллекцию литых, хорошо позолоченных монгольских и калмыцких идолов, или бурханов, которую продает здешний атаман. Императорская Кунсткамера по этой части еще очень бедна, и потому я отобрал около 25 идолов, те, что лучше всего сохранились и отличаются один от другого. Когда я вернусь из Гурьева, я должен буду принять решение и либо упустить из рук такое превосходное украшение для Кунсткамеры, либо пойти на новый риск, не ведая, как к этому отнесется Императорская Академия наук»⁷. На заседании Конференции 25 сентября 1769 г. было принято решение о закупке 25 калмыцких «идолов» для Кунсткамеры⁸. Из письма Палласа в Академию наук и из протоколов заседаний Конференции Императорской Академии наук следует, что 25 литых по-

золоченных буддийских статуэток поступили в Кунсткамеру. В 1800 г. была издана книга О. Беляева, посвященная истории Кунсткамеры. В ней Беляев пишет про собрание «мунгальских и калмыцких медных вызолоченных, внутри пустых бурханов, или идолов, которые куплены в 1770 году за 1030 рублей, и кои как своей редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения заслуживают примечания зрителей»⁹. Хранитель Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук Ф.К. Руссов отмечал, что основа буддийских собраний Академии была положена Палласом, который приобрел «ламаистскую» скульптуру у казачьего атамана в Яицком городке¹⁰.

В настоящее время в фондах Зарубежной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН хранится только одна коллекция П.С. Палласа. Это упоминавшаяся выше коллекция № 741, в состав которой входят детали одеяния буддийского монаха. Никаких буддийских изображений в коллекции № 741 не числится.

Можно предположить, что эти экспонаты были переданы в другой музей или были перераспределены по другим коллекциям, а информация о собирателе при этом была утрачена. П.С. Паллас опубликовал несколько изображений купленных им предметов в «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs»¹¹ («Путешествие по разным провинциям Российской империи»), «Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc.» («Достопримечательности мордвинов, казаков, калмыков, киргизов, Башкиров и др.»)¹², «Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften» («Собрание исторических известий о монгольских народах»)¹³.

Детальное сравнение опубликованных Палласом изображений с экспонатами из буддийских собраний Кунсткамеры позволяет утверждать, что по крайней мере часть предметов, купленных Палласом в Яицком городке, хранится в МАЭ РАН в составе коллекции № 719. Необходимо отметить, что скульптура из фондов музея сравнивалась с гравюрами XVIII в., однако нам удалось обнаружить особенности постаментов, корон, наличие или отсутствие атрибутов, повреждения, которые дают возможность достаточно точно соотнести эту скульптуру с приобретениями Палласа.

Коллекция № 719 поступила в Музей антропологии и этнографии в 1837 г. из Азиатского музея. В описи в графе «местность» указано — «Монголия», в графе «народ» — «монголы». В описи приведена также краткая информация о предметах, которые определены как буддийская скульптура. Попробуем проследить историю формирования этой коллекции.

В 1818 г. президент Императорской Академии наук С.С. Уваров просил министра духовных дел и народного просвещения устроить при Кунсткамере особое отделение для восточных рукописей и предметов под названием «Восточный кабинет» и назначить хранителем этого «кабинета» известного востоковеда академика Х.Д. Френа. Френ предложил другое название — «Азиатский музей»¹⁴. Так началась история «музея в музее». Под Азиатский музей было выделено помещение на первом этаже здания Кунсткамеры. И в него были переданы восточные рукописи, монеты, археологические предметы, а также *коллекция калмыцких предметов культа*¹⁵.

К сожалению, необходимо отметить практически полное отсутствие документации за этот период. Передача экспонатов рассматривалась тогда как простое перемещение предметов из одного музея при Императорской Академии наук в другой академический музей, находившийся в том же здании. Сохранилась опись Азиатского музея на предметы, которые числятся в настоящее время в коллекции № 719. В ней экспонаты обозначены как «мунгальские и калмыцкие бурханы, или идолы, и другие принадлежащие к их идолослужению вещи»¹⁶. Информация о дате поступления и собирателе в ней отсутствует. Описание экспонатов почти слово в слово повторяет описание «бурханов», купленных Палласом, которое приводит О. Беляев. Так бодхисаттва Авалокитешвара в обеих описях обозначен как божество, называемое «писателями-путешественниками Менитопом»¹⁷. Что это за загадочный Менитоп автору не известно.

В 30-х гг. XIX в. начался процесс формирования на базе Императорской Кунсткамеры нового музея, который получил название Музей антропологии и этнографии. В Музей антропологии и этнографии из Азиатского музея стали возвращаться этнографические экспонаты и предметы культа. При этом формировались новые коллекции, о которых было известно только то, что они поступили из Азиатского музея, а информация о собирателях оказалась полностью утраченной. К таким вернувшимся коллекциям относится и коллекция № 719. То, что экспонаты из этой коллекции до Азиатского музея находились именно в Кунсткамере, подтверждают также бирки с номерами Императорской Кунсткамеры, сохранившиеся на некоторых предметах.

История собрания буддийской бронзовой скульптуры выглядит так — Паллас в Яицком городке покупает у казачьего атамана «ламаистских бурханов», которые в 1770 г. поступают в Императорскую Кунсткамеру, в 1818 г. эта скульптура передается в Азиатский музей уже как коллекция калмыцких предметов культа, а в 1837 г. дополненная други-

ми экспонатами коллекция передается в Музей антропологии и этнографии, где получает № 719.

В настоящее время можно точно определить как предметы, привезенные Палласом, следующие экспонаты:

1. № 719-59 Лха-мо. Бронза, позолота. Сино-тибетский стиль. Конец XVII — начало XVIII в.

Лха-мо — гневное буддийское женское божество; изображается сидящей на муле. На гравюре, опубликованной Палласом, у мула отсутствуют ухо и хвост, а статуэтка расположена на невысоком прямоугольном неорнаментированном постаменте¹⁸. Этот постамент явно неоригинальный. Для буддийской скульптуры характерен постамент-реликварий (обычно овальной или подтреугольной формы), орнаментированный по краям лепестками лотоса. Внутри постамента помещались тексты сутр и мантр. Статуэтка № 719-59 также расположена на неоригинальном деревянном лакированном постаменте, который явно был добавлен позднее. У статуэтки, хранящейся в Кунсткамере, так же как и у мула из книги Палласа, отсутствуют одно ухо и хвост. И на гравюре, и у статуэтки отсутствуют изображения глаз на крупе мула, которые являются одним из главных атрибутов мула Лха-мо и изображаются практически всегда.

2. № 719-34 Бодхисаттва Авалокитешвара. Бронза, позолота. Монголия. Начало XVIII в.

Скульптура представляет собой изображение одиннадцатиликой, восьмирукой формы бодхисаттвы Авалокитешвары (божества сострадания). Отметим постамент круглой формы, украшенный двойным рядом лепестков лотоса с тройными прожилками. Подобный постамент изображен и на гравюре в книге Палласа¹⁹. Автору больше не известно ни одной буддийской скульптуры, расположенной на подобном постаменте. Наиболее близкими, но не тождественными являются постаменты работы выдающегося монгольского скульптора и политического деятеля Дзанабазара²⁰. Благодаря такому уникальному постаменту можно утверждать, что на гравюре изображена статуэтка № 719-34.

3. № 719-36 Бодхисаттва Манджушри. Медь, позолота, инкрустация бирюзой и кораллами. Непал. XV в.

Изображение довольно редкой четырехрукой формы бодхисаттвы. Бодхисаттва Манджушри почитался как божество мудрости, однако его четырехрукая форма почиталась также как божество любви и была особенно популярно в Непале. На гравюре, опубликованной Палласом, отсутствуют два атрибута бодхисаттвы Манджушри — лук и стрела²¹. Функция этих атрибутов аналогична луку и стреле Амура. У статуэтки

номер № 719-36 из фондов Кунсткамеры также отсутствуют лук и стрела. Короны на скульптуре и на гравюре одного типа, причем необходимо отметить редкость этого типа короны, украшенной по бокам прямыми свисающими лентами.

Автор в данной работе осознано не приводит подробное описание божеств, их поз и атрибутов, поскольку эта информация представляет интерес только для узкого круга специалистов.

Экспонаты, перечисленные ниже, очень похожи на предметы, опубликованные Палласом, однако они не имеют характерных особенностей, позволяющих отождествить их.

4. № 719-35 Женское божество. Бронза, позолота. Сино-тибетский стиль. Начало XVIII в.

Четырехликое, десятирукое женское божество. Более точное определение изображенного персонажа не возможно, так как и на гравюре, и на скульптуре из фондов музея присутствует только один атрибут (ваджра). Остальные атрибуты были утрачены еще в XVIII в.

5. № 719-56 Лама. Бронза, позолота. Тибет. XVII в.

6. № 719-67 Ступа. Бронза, позолота. Тибет. XVII в.

7. № 719-58 Гневное божество. Бронза, позолота. Сино-тибетский стиль (?). XVIII в.

8. № 719-60 Майтрея. Тибет. Конец XVII — начало XVIII в.

9. № 719-4 Лама. Бронза, позолота. Тибет. XVII в.

При взгляде на эту скульптуру бросается в глаза необычная шапка с подвернутыми внутрь ушами. На гравюре в книге Палласа монах изображен одетым в такую же необычную шапку.

Сам Паллас определял эти скульптуры как «позолоченных монгольских и калмыцких идолов», однако только изображение бодхисаттвы Авалокитешвары № 719-34 является работой монгольского мастера. Одна скульптура непальская, четыре тибетские, и три выполнены в сино-тибетском стиле. Ни одной статуэтки, которая может быть определена как калмыцкая работа, в коллекции нет. Все привезенные Палласом предметы, если и не уникальны, то довольно редки и представляют несомненную историческую ценность. Палласом было опубликовано большее количество буддийских изображений, однако они достаточно типичны и не обладают особенностями, позволяющими соотнести их со скульптурой из фондов Кунсткамеры. В настоящее время только 9 экспонатов из коллекции № 719 могут быть достаточно точно определены как предметы, приобретенные Палласом.

Самым интригующим вопросом остается вопрос о том, как такое интересное и разнородное собрание буддийской бронзовой скульптуры

оказалось у атамана Яицкого казачьего войска. Как нам представляется, атаман мог «добыть» эти предметы только у калмыков, проживавших на Яике. Поэтому Паллас называет их калмыцкими «идолами». Необходимо отметить, что у калмыков в XVIII в. бытовали незаурядные и очень дорогие культовые предметы, из самых разных уголков буддийского мира.

В 1793–1794 гг. Паллас совершил путешествие по южным провинциям Российской империи. В ходе этой экспедиции он посетил центральную Россию, Астрахань, калмыцкие степи, Кавказ, Крым²².

В фондах Музея антропологии и этнографии хранится европейская гравюра №719-1 08/9(6) определенная в описи как европейский рисунок. На самом деле это — иллюстрация к альбому Палласа о его второй экспедиции²³. На гравюре изображен буддийский алтарь в калмыцком храме. Гравюры из работ П.С. Палласа являются ценнейшим материалом по культуре калмыков XVIII в.

Необходимо еще раз отметить вклад выдающегося ученого-путешественника эпохи Екатерины II в становление буддологии в России и в формировании буддийских коллекций Кунсткамеры.

Примечания

¹ *Муравьев Вл.* Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977. С. 19.

² Ученые-исследователи Калмыкии (XVII — начало XX вв.). Элиста, 2006. С. 170–172.

³ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. С. 490–529.

⁴ *Кеттен ф.П.* Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895. С. 17–49.

⁵ *Муравьев Вл.* Указ. соч. С. 39.

⁶ *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 455–490.

⁷ Научное наследие П.С. Палласа. Письма 1768–1771 гг. СПб., 1993. С. 89.

⁸ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. СПб., 1899. Т. 2. С. 704–705.

⁹ *Беляев О.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. II. С. 151.

¹⁰ Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Вып. I. С. 17.

¹¹ *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Petersburg, 1773. T. 1 ab. 10.

¹² *Pallas P.S.* Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt und Leipzig. 1773. Tab. VII, Tab. VIII.

¹³ *Pallas P.S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. SPb., 1801 Pl. IX.

¹⁴ *Базиянц А.* Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР 1818–1968. М., 1969. С. 16–17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Опись Азиатского музея. Статья VI. Вложена в опись коллекции № 719 МАЭ РАН (отдел учета).

¹⁷ Беляев О. Кабинет Петра Великого. Часть II. СПб., 1800. С. 152.

¹⁸ Pallas P.S. Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt und Leipzig. 1773. Tab.VII, fig. 6.

¹⁹ Там же. Tab.VII, fig. 4.

²⁰ Цултэм Н.О. Искусство Монголии. М., 1982. Рис. 21.

²¹ Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. SPb., 1801. Pl.IX fig. 3.

²² Муравьев Вл. Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977. С. 88.

²³ Second voyage de Pallais, ou voyages entrepris dans les pays méridionaux de l'Empire de Russie. Paris, 1811. Pl.8.

В.И. Богданов, Т.И. Малова

Геодезические и картографические работы Ф.В. Бауера в связи с катастрофическим наводнением Невы 1777 г.

О биографии и основных итогах военной и инженерной деятельности генерала-квартирмейстера и генерала-инженера Фридриха Вильгельма Бауера (1731–1783) мы уже рассказывали¹. Генерал-квартирмейстер Ф.В. Бауер, широко образованный военный инженер на службе Фридриха Великого, приехал в Россию в 1769 г. по приглашению Екатерины II и стал активным участником войны с Турцией (1768–1774 гг.) в армии генерала-фельдмаршала П.А. Румянцева. В этот период он, один из героев этой войны, проявил себя как выдающийся стратег, автор многих нововведений в армии, инициатор реорганизации Генерального штаба. Однако состояние здоровья положило конец его военной карьере, и Ф.В. Бауер переходит на инженерную службу. Екатерина II «соизволила оказать ему новые своей доверенности знаки, поручением важных должностей его исправлению, кои он и исполнял с особливою ревностью; и кои не меньше как и воинские его подвиги делают ему великую память и славу»².

Реконструкция Старорусского солеварного завода, расчистка Невских порогов и устройство Новгородского канала между Волховом и Мстой, строительство каменных гаваней в Кронштадте и Риге, обследование Ладожского канала в целях его исправления, укрепление городов

на границах Могилевской, Полоцкой, Лифляндской и Эстляндской губерний, модернизация укреплений Нарвы и Ревеля, изыскание сообщений между Днепром и Западной Двиной, строительство Большого театра в Санкт-Петербурге, углубление городских рек и каналов, гранитная облицовка петербургских набережных, мощение улиц, реконструкция дороги на Петергоф и Царское Село, устройство ливневой городской канализационной системы, активное участие в строительстве водопроводов в пригородах Санкт-Петербурга и в Москве — вот далеко не полный перечень его исключительно плодотворной деятельности и «суть те великия дела», за которые «потомство безпристрастными похвалами его превозносить будет»³. В его ведении состояла комиссия строения городского вала, постройка московского арсенала и городской верфи в Петербурге, он также автор ряда проектов фортификационных сооружений и «Инструкции о дорогах». Заслуги генерала-квартирмейстера и генерала-инженера Ф.В. Бауера перед Россией и Петербургом очевидны. Однако сопоставление их с сохранившимися материалами о нем и о его трудах свидетельствует об искажении и приуменьшении его подлинных заслуг и даже о забвении его имени.

Предшествовавший опыт астрономо-геодезических и картографических работ Ф.В. Бауера

Впервые как астрономо-геодезист, картограф и гидролог Ф.В. Бауер проявил себя еще в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. во время службы в армии Фридриха Великого. После заключения мира Ф.В. Бауер «избрал уединенную жизнь и посвятил ее ученым упражнениям». В этот период он «между прочими делами трудился наипаче в начертании полезных карт и чертежей, изображающих соединенную армию в различных положениях тогда бывшую, коими он и снабдил ученой свет и которых цену ведают все те, кои о таковых вещах судить в силах находятся»⁴.

В ходе войны с Турцией генерал-квартирмейстер Ф.В. Бауер также составлял карты и схемы военных действий. В «Записках о княжестве Волоском и о войне с Турцией 1768–1774 гг.» он, в частности, писал: «Полезда исправных чертежей, или карт, служащих к удобному и порядочному познанию земель, всем довольно известна, по причине недостатка в ясности. Я собственным дознал опытом, сколько карты и повествования, кои мы имеем о землях, служивших зрелищем начавшейся в 1768 году войны, между Россиею и Портою суть не совершенны и исполнены погрешностей; вследствие сего предприял я в предлагаемом

мною публике сочинении исправить все то, о чем другие географы или не старались, или учинили погрешности. Пребывание мое в сих странах и должность моя в сем мне много помогли. В сем намерении я приказал моего ведения, то есть генерального штаба, или колонежным главным офицерам сочинить карты столько справедливые и точные, сколько воинские возмущения то позволяли; а для уверения себя в точности оных я поверил оные с объяснениями доставленными мне от Губернаторов или исправников каждого уезда; помощь учиненная мне Императорскою Санктпетербургскою Академиею Наук, привела меня в состояние определить довольно точно долготу и широту следующих мест <...> [таблицу 1 см. ниже. — В.Б., Т.М.].

Сии пункты служили мне основанием в сочинении Генеральной карты; они определены с наивеличайшею астрономическою точностию, и не имеют тех ошибок, кои находятся в других картах, по причине неисправно учиненных над оными наблюдений; я старался также помощью треугольников сыскать многие другие неподвижные точки, для определения истинного положения других мест. Источники, из коих я почерпнул познания о состоянии описанных мною провинций, суть во-первых архивы, кои я велел разбирать многим людям и между прочими Князю Кантакузену и Логофету или Канцлеру Волосскому, кои доставили мне из оных весьма подробные выписки. Сей Логофет кроме своего языка знал хорошо язык Французской и имел великую во всем способность и заслугу. Но я ограничен будучи едиными намерениями землеописателя, выписывал из оных только то, что соответствовало предмету моего сочинения, не стараясь проникнуть в темноту летописцев, о времени и происхождении сих народов...»⁵.

Таблица 1

Астрономические координаты пунктов Волосского княжества⁶

Места	Широта	Долгота	
		от Парижской обсерватории	От 1 меридиана
Бендеры	46°15'50"	27°50'32"	47°15'32"
Акерман	46 11 56	28 23 45	48 23 45
Килия новая	45 20 23	—	—
Измаил	45 21 —	26 30 —	46 30 —
Букарест	44 26 45	23 48 —	43 48 —
Браилов	45 15 20	—	—
Фокшаны	45 38 50	24 42 50	44 42 30
Яссы	47 8 25	25 9 45	45 9 45

Начало этих записок Ф.В. Бауера предваряет «Проспект, или Прозор, Землеописательного и воинского собрания чертежей, служащего введе-

нием к повествованию предпоследней войны между Россией и Оттоманскою Портою, начавшейся в 1768 году и оконченной в 1774 году. Сочиненного по приказанию Г.Б. ...», из которого следует, что все перечисленные в нем 39 листов чертежей «находятся при Императорской Санктпетербургской Академии наук, где и получить их можно в книжной лавке за установленную цену»⁷. В перечень этих чертежей, в частности, включены: «Местоописательный чертеж как Молдавии⁸ так и Бессарабии с руководством обеих сражающихся войск с начала бывшего в 1769 м году похода до конца войны», на 6 листах «большой голландской бумаги»; аналогичный чертеж «Валахии и Краиовского Банната», на 4 листах; чертежи «Подоллии и Волынии, до которых простирались движения Российского войска», на 2 листах; Крыма, Геллеспонта, «начиная от Черного до Средиземного моря на 4 листах»; «части Булгарии, находящейся между горою Емом и Дунаем»; Чертежи сражений, осады крепостей, действия армий; «Морского сражения и разных действий Российского флота в Средиземном море», на 4 листах; и др.

Фортификационные сооружения XVIII в. строились вблизи озер и рек. В этом были и их сила, и уязвимость. Отсюда заинтересованность Ф.В. Бауера в изучении гидрологии территорий военных действий. В качестве примера приведем его содержательное описание гидрологических особенностей Волосского княжества: «Наводнения от Волоских рек бывают также как и от всех текущих с высоких мест. Обыкновенно оные случаются весною, когда снег тает на горах в месяце Майе и Июне, также бывают и в конце осени. 1771 года наводнение Дуная продолжалось до половины Июля; сия река вступила в свое место в конце сего месяца, и вода оной была еще весьма низка в начале Октября. Случается, что среди лета реки и ручьи нечаянно поднимаются, когда бывают великие на горах дожди. Часто можно переходить по суху маленькой ручей, которой чрез несколько минут по том переезжают с великою трудностью и опасностью...»⁹.

В переводе «Изображения жизни...» приводится характеристика его картографических заслуг: «Изданныя Боуром карты, прежде и во время бывшей войны между Россией и Турциею, им сочиненныя, почитаются во своем роде наилучшими, и будут вечным свидетельством его трудолюбия и учености»¹⁰. Однако уже в 1883 г. Н.П. Глиноецкий писал о печальной судьбе этого наследия, в частности о карте Молдавии, считавшейся в свое время образцовою, сведения о которой дошли до нас «единственно по изданию ея в Австрии. Быть может, и хранятся по архивам кой-какия из его работ, но о них нигде не упоминается». Далее он сообщает: «В ноябре 1832 года были препровождены из министерства

Императорского Двора в департамент генерального штаба для хранения, книги, карты и бумаги генерала Баура, но неизвестно какая участь их постигла, так как самое дело об их передаче (за № 839 по канцелярии департамента), уничтожено в 1854 году, что значится в описях дела за 1832 г.»¹¹.

Картографические и нивелирные работы Ф.В. Бауера в связи с наводнением 1777 г. Сведения об оригинальном Плане и нивелирном Каталоге к нему

Не лучшим образом обстоят дела с картографическими и нивелирными работами, выполненными Ф.В. Бауером по Высочайшему повелению Екатерины II в связи с наводнением Невы 10 (21) сентября 1777 г. — одним из самых разрушительных за всю историю Санкт-Петербурга. Максимальная высота подъема воды во время этого потопа, согласно академику В.Л. Крафту¹², достигала 10 футов 7 дюймов (примерно 323 см в английской футовой мере)¹³ над ординаром реки Мойки (недавно были получены свидетельства явного занижения его официально принятой высоты¹⁴). Картины повсеместного хаоса и разрушений, гибели людей и человеческих бед изложены в ряде работ¹⁵. Но, как отметили Ю.Н. Беспятых и Н.Л. Сухачев, «о наводнении 1777 года, судя по имеющейся мемуарной литературе, вспоминали редко. Создается впечатление, что о нем забыли до следующей катастрофы»¹⁶. По словам П.П. Каратыгина, «очевидцы наводнения 1777 года уверяли своих детей, что оно было гораздо бедственнее, нежели наводнение 1824...»¹⁷. Однако сведения об оригинальных Плане и Каталоге нивелирования, преподнесенных Ф.В. Бауером Екатерине II, чрезвычайно скудны, неоднозначно трактуются, а их поиски до настоящего времени не увенчались успехом.

А.Л. Майер, занимавшийся в первой половине XIX в. по Высочайшему повелению составлением атласа «Исторических планов столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839 г.» и «Объяснения к историческим планам»¹⁸, писал в 1843 г.: «По собственному предначертанию Его Императорского Величества начато было в 1833 и окончено в 1838 году систематическое собрание всех предположений о застроении города С.-Петербурга, с основания столицы до нынешних времен. Полное собрание предположений, включая в себя 255 планов и 337 фасадов и профилей, разделено на VII периодов или атласов, с присовокуплением подробных описаний. В каждом атласе кроме чертежей о предположениях помещен план, изображающий (по масштабу 50 сажен на дюйм) — действительное положение, в каком находилась Столица в начале пе-

риода». Далее А.Л. Майер отмечает: «В начале 1839 года последовало Высочайшее повеление об издании этих VII планов в уменьшенном масштабе (по 500 сажен на дюйм), и с подробными оглавлениями»¹⁹.

Описание IV периода А.Л. Майер предваряет информацией о том, что «при составлении плана 1777 года принят основанием Генеральный план о нивелировке С.-Петербурга, начатый после наводнения 10-го сентября 1777 года, под надзором искусного и заслуженного генерал-инженера и генерал-квартирмейстера Боуера, и по смерти его оконченный инженер-полковником Липгартом. Оригинальный план, поднесенный Государыне Императрице Екатерине II-й в 1779 году, составлен по масштабу 100 сажен на дюйм и по означению главных зданий, как равно и по точности показания промеров по нивелированным пунктам, остается лучшим памятником топографии С.-Петербурга того времени»²⁰. Дополнительные сведения об изначальном месте нахождения оригинального плана содержатся в практически идентичных названиях его копий, выполненных Комиссией А.Л. Майера и хранящихся в Государственном музее (ГМИ) Санкт-Петербурга и в Российской национальной библиотеке. Приведем одно из них: «Часть Генерального плана С.Петербурга, или Чертеж о действительном положении Нарвской части в 1777 году, составленный на основании плана бывшего в Кабинете Государыни Императрицы Екатерины II»²¹.

Сведения об оригинальном нивелирном Каталоге к Плану Ф.В. Бауера также скудны. На титуле копии его (ГМИ Санкт-Петербурга), парадно оформленной, указаны год окончания нивелирных работ Ф.В. Бауером — 1779 г., год завершения перевода Каталога с «иностранных языков на русский» и дополнений его (и, вероятно, Плана) И. Липгартом — 1795 г. Из «Предупреждения» к этой копии мы узнаем, что перевод осуществлен по указанию «Монархини», что переводчик, «сколько мог», придерживался подлинника и что в целях удобного поиска домов с метками высот наводнений в процессе последующих работ И. Липгарт дополнил Каталог сведениями о новых номерах домов, а также об их новых владельцах (полностью «Предупреждение» цитируется ниже)²². Аналогичные сведения содержатся в московском экземпляре (копии) нивелирного Каталога Ф.В. Бауера, хранящегося в РГВИА (ч. 1)²³.

Сопоставление и анализ сохранившихся копий Плана Ф.В. Бауера: проблемы авторства, масштабов, года завершения

Архивные и библиотечные поиски свидетельствуют о существовании нескольких копий Плана Ф.В. Бауера, рассредоточенных по разным

хранилищам. Нами выполнен сравнительный анализ двух основных экземпляров, дошедших до наших дней, — в Петропавловской крепости (ГМИ Санкт-Петербурга) и в РГВИА (Москва). Названия этих планов несколько отличаются друг от друга. Так, План ГМИ озаглавлен: «План Столичного Города Святого Петра с показанием возвышения воды от бывшего в 1777^м году сентября 10го дня наводнения на плане под номерами синею краскою означенными»²⁴. План РГВИА носит название «План Города Святого Петра со описанием знатного публичного строения и с показанием бывшего в 1777^м году сентября 10го дня наводнения, которое означается красною пунктированной линиею с синею оттушовкою»²⁵. Описания планов опубликованы в Атласе «Петербург — Ленинград», 1957 г. (с пояснительной статьей С.М. Тривуш²⁶) и в статье Р.Л. Золотницкой²⁷, опубликованной в Известиях Всесоюзного географического общества, 1957 г.

Отметим прежде всего, что в указанных статьях планы из собраний ГМИ и РГВИА «переименованы» в «Планы Петербурга конца XVIII века». Кроме того, автор пояснительной записки к Атласу 1957 г. отмечает, что Ф.В. Бауер руководствовался распоряжением «о производстве работ по нивелированию города» и «в результате произведенной съемки» составил План «с указанием горизонталей и отметок высот»²⁸. Однако нами не обнаружено никаких свидетельств ни о подобном распоряжении, ни о плане с горизонталями высот (см. предыдущий раздел). Мы не будем останавливаться подробно на анализе этой статьи, но отметим любопытную деталь: в ней указано, что «граница наводнения в плане обозначена красной пунктирной линией с синей оттушевкой»²⁹. Однако на Плане ГМИ в правом нижнем углу приведен иной текст: «Пунктирная линия с синею оттушовкою означает бывшее в 1777^м году в городе наводнение»; красный же цвет линии фигурирует в заглавии Плана РГВИА.

Сравнение Планов свидетельствует об очевидном их сходстве, подтверждая тем самым, что они оба являются репликами одного исходного, вероятно, оригинального Плана, составленного «по масштабу 100 сажен на дюйм» и преподнесенного «Государыне Императрице Екатерине II». Планы ГМИ и РГВИА — рукописные, с раскраской акварелью. Сохранность Плана ГМИ удовлетворительная, в отличие от Плана РГВИА. Элементы содержания планов идентичны: это жилая и промышленная застройки Санкт-Петербурга с предместьями, казенные и частные дома, церкви, рынки и др. (с обозначением черными цифрами отдельных наиболее значимых зданий), система улиц и «перспектив» (они отмечены красными цифрами), метки пунктов нивелирования, в которых была из-

мерена высота подъема воды во время наводнения, с номерами их, соответствующими номерам нивелирного Каталога (синие цифры), граница затопления города во время наводнения. Для расшифровки красных и черных букв и цифр на обоих Планах в виде таблиц в правой и левой частях помещены «Изыяснения» (экспликация). Их оформление на экземпляре ГМИ удовлетворительное, чего нельзя сказать об экземпляре РГВИА: там надписи выполнены часто небрежно, уже поверх имеющихся. Это обстоятельство противоречит заключению о том, что экземпляр РГВИА является оригиналом «плана Баура — Липгарда»³⁰, и, возможно, свидетельствует об использовании экземпляра РГВИА в качестве рабочего плана в картографических и других целях. С этих позиций нельзя согласиться и с представлением о Плане ГМИ, «прекрасной сохранности», но не имеющем «ни подписи И. Липгарда, ни штампа Депо карт», как о «более поздней копии» плана РГВИА³¹.

Определенные сложности возникли у исследователей XX в. при решении вопроса об авторстве оригинального Плана. Высказано, например, предположение, что имя И. Липгарта в нивелирных Каталогах к Плану Ф.В. Бауера значится не случайно; а поскольку именно он завершил после кончины Ф.В. Бауера все работы по переводу и дополнению нивелирного Каталога, то это обстоятельство в полной мере относится и к самому Плану. Следовательно, И. Липгарт — автор или соавтор Плана, что подтверждается его подписью на экземпляре РГВИА. Действительно, на Плане, хранящемся в РГВИА, есть подпись И. Липгарта (в левой части около нижней рамки). Вышеупомянутые исследователи считают этот факт прямым доказательством своей версии, однако, по нашему мнению, такое утверждение преждевременно. Судя по официальной подписи и штампу Депо карт, И. Липгарт был, по-видимому, начальником какого-то отдела Депо карт, но в таком случае процедура контроля за копированием и перемещением картографических материалов могла входить в его обязанности. Наконец, нельзя не отметить, что, несмотря на всю неоднозначность вопроса об авторстве И. Липгарта в создании Плана Ф.В. Бауера, в юбилейном Атласе 2003 г. приведена его репродукция из коллекции А.Л. Майера под названием: «План города Санкт-Петербурга 1777 года, составленный на основании плана, поднесенного Государыне императрице Екатерине II генерал-инженером и генерал-квартирмейстером Боцером (? — *В.Б., Т.М.*) и сочиненного под его руководством Полковником Липгартом»³²... К сожалению, автора фрагментов текста о Ф.В. Бауре в этом Атласе нам установить не удалось. Однако цитированный фрагмент трудно согласовать с текстом самого А.Л. Майера³³ и высказыванием И. Липгарта в отношении при-

лагаемого к обсуждаемому Плану нивелирного Каталога, где он недвусмысленно пишет о Ф.В. Бауере как об авторе нивелирных работ (см. следующий раздел).

Спорны некоторые аргументы, приводимые в исследованиях XX–XXI вв. Например, утверждения о том, что План, хранящийся в РГВИА, был составлен И. Липгартом «не ранее 1792 г.»³⁴, а План ГМИ — «не ранее 1780 г. и не позже 1795 г.»³⁵. Воспроизведенный в юбилейном Атласе 2003 г. план Ф.В. Бауера из коллекции А.Л. Майера был создан, по мнению неустановленного автора, «не ранее 1789 и не позднее 1795 г.»³⁶. Эти выводы опираются на изменение градостроительной ситуации с начала 80-х годов XVIII в. до 1795 г. Однако при длине всего интервала в 3–15 лет разброс оценок нижней его границы достигает 9–12 лет!

Отметим также, что в основе этих заключений лежит не менее спорное предположение о том, что на оригинальном Плане Ф.В. Бауера отсутствовали здания или сооружения, строительство которых еще не было завершено. Так, «характерной особенностью» плана РГВИА, в сравнении с теми, которые были составлены до 1777 г., считается «правдивое отражение на нем существовавшей тогда застройки города, без увлечения проектами, типичного для планов Петербурга того времени»³⁷. Но мог ли Ф.В. Бауер преподнести в 1779 г. Екатерине II План, на котором отсутствовали бы дома и объекты, строительство которых еще не было завершено, но инициатором многих из которых была Императрица, а руководил строительными работами сам автор оригинального Плана?.. Этот довод не означает отсутствие дополнений, внесенных И. Липгартом в первоначальный план, особенно в районах освоения новых территорий.

Не соответствует действительности и утверждение о том, что План Ф.В. Бауера из коллекции А.Л. Майера «имеет ошибку датировки», например «показано административное деление города на 10 частей, введенное в 1782 г.»³⁸. Но нетрудно убедиться, что и на этом плане, и в тексте «Объяснений к историческим планам...» А.Л. Майера указано территориальное деление Санкт-Петербурга в период создания оригинального плана не на X (д е с я т ь), а на IX (д е в я т ь) частей³⁹. Так что об «ошибке» плана, созданного по Высочайшему повелению, говорить не приходится. Территория же Санкт-Петербурга подразделена на X частей на планах ГМИ и РГВИА. Однако и это обстоятельство не может быть использовано для решения вопроса об авторстве такого грандиозного по тем временам геодезического и картографического труда, как обсуждаемый оригинальный план Санкт-Петербурга.

Неоднозначным представляется также вопрос о масштабах двух рассматриваемых копий Плана Ф.В. Бауера. В пояснительной статье к «Плану Санкт-Петербурга конца XVIII века» (Атлас, 1957 г.; экземпляр ГМИ) указан масштаб «100 саж. в 1 дм.» (1:8400)⁴⁰, аналогичный масштабу оригинального Плана, согласно А.Л. Майеру⁴¹. В статье же об экземпляре РГВИА указан другой масштаб — «130 саженей в дюйме» (1:10920)⁴². Однако мы склонны считать эти значения неверными и по выполненным непосредственно по «мачтабам» Планов оценкам предлагаем для обоих экземпляров другой масштаб — 1:12000. Аргументация этого утверждения приведена в комментариях⁴³.

Любопытным представляется тот факт, что на рассматриваемых планах — разные картуши (художественные вставки в картографические изображения, так популярные в XVIII в.). Причем разница не только композиционная, но и смысловая.

Доминирующая фигура картуша Плана ГМИ (рис. 1) — аллегорическое изображение Екатерины II в образе Афины с соответствующими атрибутами царской власти.

Рис. 1. Картуш Плана Ф.В. Бауера, экземпляр ГМИ (Санкт-Петербург)

У ее ног — военные трофеи, рог изобилия, измерительные и чертежные инструменты. Композиционно картуш состоит как минимум из трех частей. Очевидна объединяющая тема создания картуша: Россия — сильное, могущественное и просвещенное государство, победительница Турции. На заднем плане картуша изображена сцена наводнения Санкт-Петербурга: бурные волны вокруг Медного всадника; мчащийся

по этим волнам в колеснице Посейдон; возлежащая на берегу Богиня Невы⁴⁴, рядом с которой — кратера, из которой вытекает разбушевавшаяся река, затопляя Столицу. Но спокойна Императрица — усилиями верных соратников будут реализованы меры по поднятию территории города...

В левой части картуша изображена ветка дерева, композиционно с основным рисунком никак не связанная. Возможно, что ветка — фрагмент прежнего изображения. Можно ли связать этот факт с предположением о существовавшей ранее иной топографической основе, сказать сложно. Во всяком случае не исключено, что изначальный картуш, возможно, не связанный тематически с наводнением, был заменен на другой...

Верхний фрагмент правой части картуша, с изображением Петропавловской крепости, Собора Святых апостолов Петра и Павла, флагшточной башни Нарышкина бастиона с развевающимся флагом, очень похож на уменьшенную копию картуша Плана РГВИА.

Рис. 2. Картуш Плана Ф.В. Бауера, экземпляр РГВИА (Москва)

На картуше Плана Ф.В. Бауера, хранящегося в РГВИА (рис. 2), нет ни аллегорических изображений, ни каких бы то ни было намеков на наводнение. Представлен вид Петропавловской крепости, причем в тихую погоду. Необычная перспектива (ракурс) изображения затрудняет решение вопроса о месте, с которого оно выполнено. По всей видимости, это либо левый берег Невы у «Мраморного» дворца, либо территория к востоку от Петропавловской крепости на правом берегу Невы, у нынешних северных опор Троицкого моста.

Наиболее точное и корректное описание Планов Ф.В. Бауера содержится в исследовании Н.К. Шаблаевой⁴⁵. Автор приводит подробную картину, сложившуюся в картировании Санкт-Петербурга с середины до конца XVIII в.; упоминает Академические планы 1737 г., изданные в 1741 и 1753 гг., «Махаевский» план, План капитан-поручика фон Зихгейма, Проектные планы А. Квасова, составленные по результатам съемки города в 1763–1764 гг. Это обстоятельство может пролить свет на проблему поиска топографической основы, на которой был выполнен План Ф.В. Бауера. Очень привлекательным выглядит следующее утверждение: «Составление плана 1777 г. Ф.В. Бауером явилось началом первого этапа в создании специальных планов Петербурга, отражающих физико-географические и социально-экономические явления. Такие планы, как и карты других мест Российской империи, получили распространение в XIX в. и особенно в XX в. В этом его особое значение»⁴⁶.

Сопоставление и анализ сохранившихся копий нивелирных Каталогов Ф.В. Бауера к его Плану

Обратимся теперь к сохранившимся нивелирным Каталогам, прилагающимся к копиям Плана Ф.В. Бауера. К экземпляру Плана ГМИ прилагается Каталог «Нивелирование града Санкт-Петербурга, сочиненное бывшим господином генерал-инженером, генерал-квартирмейстером и разных российских орденов кавалером фон Бауром в 1779^м году. Переведенное по Высочайшему повелению с иностранных языков на российский в 1795^м году Иваном Липгартом»⁴⁷.

К экземпляру Плана РГВИА прилагаются два Каталога: 1) «Нивелирование Санкт-Петербурга. Военно-Топографическое Депо. № 11747. Часть 1»⁴⁸ с пояснением «Сочиненное бывшим господином генерал-инженером, генерал-квартирмейстером и разных российских орденов кавалером фон Бауром в 1779^м году. Переведенное по Высочайшему повелению с иностранных языков на российский в 1795^м году»⁴⁹; 2) «Нивелирование Санкт-Петербурга. Военно-Топографическое Депо.

№ 11747. Часть 2»⁵⁰, с пояснением «Перевод по Высочайшему повелению с примечанием, которыя покойной Господин генерал-инженер Боур самолично учинил во время бывшаго в 1777^m году в Санкт-Петербурге наводнения. Иван Липгард»⁵¹.

И петербургский, и московский экземпляры — рукописные, в достаточно хорошем для произведений конца XVIII в. состоянии. Все три альбома — в красных сафьяновых переплетах с надписями на обложках, выполненными золотым тиснением; бумага — плотная, с водяными знаками; обрез страниц позолочен, форзац расцвечен. Размеры и объем альбомов отличаются друг от друга: 49,5 × 64,0 см (экземпляр ГМИ) и 32,5 × 20,3 см (каждая из частей экземпляра РГВИА). Парадно оформленным представляется экземпляр ГМИ.

В экземпляре Каталога ГМИ и в части 1 экземпляра РГВИА имеются Предупреждения, написанные И. Липгартом. Вследствие практической идентичности обоих текстов, приведем ниже один из них, соответствующий экземпляру Каталога ГМИ:

«Господин генерал инженер фон Баур, пылая нелицемерною ревностию к службе Ея Императорскаго Величества, никогда не оставлял без наблюдения того, что соответствовало спасительным монаршим Ея намерениям, и служило к благоденствию Ея верноподданных. Случившееся в 1777^m году в Санкт-Петербурге наводнение, есть опытным его ревности свидетелем. Во время такового несчастливаго произшествия, по Высочайшему повелению он самолично делал примечания, сколько вода возвышалась против обыкнаеннаго ея положения, а после издал и сию книгу, в которой означил против каждого дома на сколько футов была ея высота. Сим он подал довольно сведения начальству, где и каким образом позволять строить обывателям дома, и на каком основании. Неупустил он так же в книге сей открыть правила к расположению подземных труб для стока как снежной так и дождевой воды, при том означил в котором году, и на сколько некоторые улицы насыпную землю возвышены, а другие возвышаться должны. Я, получив доверенность от моея Монархини преложить сие похвальное сочинение с иностранных языков на российский, сколько мог держался подлинника. Но как оные дома, пред которыми деланы были бывшим генерал инженером примечания, перешли уже в другия руки, то для удобнейшаго оных приискания, я старался узнать за кем и под какими №^{ми} они ныне состоят, по сему и означил как прежних так и нынешних их владельцев. *Иван Липгард*».

Из этого текста следует, что автором копий петербургского и московского нивелирных Каталогов является, безусловно, Ф.В. Баур, что год

создания оригинала — 1779, а год перевода и дополнений его И. Липгартом — 1795.

Отдельного внимания заслуживают экземпляры Каталогов ГМИ и РГВИА (ч. 1), содержание которых предваряют краткое описание специфики нивелирования и обработки результатов наблюдений и сведения об исторических наводнениях Невы. Далее следует собственно перечень высот меток наводнения 1777 г. Высоты приведены во французской футовой линейной мере. В Каталогах ГМИ и РГВИА (ч. 1) они представлены в двух системах отсчета: над ординаром Адмиралтейского футштока и относительно максимального уровня наводнения над тем же ординаром. В части 2 Каталога РГВИА содержится список высот меток наводнения 1777 г., но только в системе отсчета от максимального уровня наводнения над ординаром Адмиралтейского футштока. Этот список представляет собой упорядоченные по отдельным районам и улицам выписки высот из части 1 Каталога РГВИА с практическими примечаниями, описывающими устройство ливневой канализационной системы в этом районе и рекомендации для последующих инженерных работ. В таблице 2 воспроизведен фрагмент из Каталога РГВИА (ч. 2) для района Большой Конюшенной улицы с метками высот высокой воды во время наводнения 10 (21) сентября 1777 г. (№ 132–139 по Каталогу), а ниже таблицы — одно из таких примечаний, относящееся к этому району:

Таблица 2

Выписка из нивелирного Каталога Ф.В. Бауера с дополнениями и последующими изменениями И. Липгарта (экземпляр РГВИА, ч. 2)⁵²

№	Названия мест	футы	дюймы	линии
	Большая Конюшенная			
132	угол дому шталмейстера Ребиндера	2	5	—
133	у купца Шадмирова	2	—	—
134	дом обер берейтора Липунова	3	3	—
135	дом шведского пастора Крона	3	—	—
136	бутка у Валинского переулка	3	6	—
137	Реформатская церковь	3	6	—
138	дом портного Мейера	3	2	—
139	угол дому при кирке с. Петра	3	4	—

«Примечание. От № 137 [см. таблицу 2. — В.Б., Т.М.] идет падение улицы к колодцу № 5. Сей имеет главное сообщение с трубою колодца № 1. Улица склоняется при колодце № 5, и воды текут как от № 137, так и с высоты углов № 138 и 139 Голландской и с. Петра кирок также в ко-

лодец № 5. Углы составляют самые низкие места для стоку вод. В сию трубу проведены две малые трубы, которые спускают воду со дворов Голландской и с. Петра киров. Сей колодец лежит против ординарной воды 5^ю дюймами ниже № 1. Падение от № 137 к колодцу весьма малое, и стороны угла от середины надлежит со временем на несколько дюймов возвысить; также все палисадники перед домами находящиеся уничтожить. Мостовая у полиции также очень худа, и для того надобно сделать новую»⁵³.

В заключение сформулируем некоторые выводы:

1. Ф.В. Бауер создал по Высочайшему повелению «Генеральный план о нивелировке Санкт-Петербурга», начатый после катастрофического наводнения Невы 1777 г., и преподнес его (вероятно, вместе с Каталогом) Екатерине II в 1779 г. С 1779 г. оригинальные План и, вероятно, Каталог находились в кабинете Екатерины II. Фраза И. Липгарта о том, что он перевел «похвальное сочинение с иностранных языков на русский», порождает версию о нескольких экземплярах оригинальных Плана и Каталога к нему, изготовленных на различных иностранных языках в презентационных целях.

2. «Генеральный план о нивелировке Санкт-Петербурга» Ф.В. Бауера и Каталог к нему были переведены И. Липгартом на русский язык и приведены в соответствие с градостроительной обстановкой 1795 г. и новыми адресами домов с метками высот наводнения 1777 г. Однако название «Генеральный план о нивелировке» не проясняет вопроса о времени выполнения геодезической плановой съемки территории города и о завершении собственно картографических работ. Были ли эти работы Ф.В. Бауера выполнены до катастрофического наводнения Невы 1777 г., или они были близки к завершению, или же весь объем геодезических и картографических работ был выполнен Ф.В. Бауером после наводнения? Достоверными сведениями об этом мы не располагаем.

3. План Ф.В. Бауера и нивелирный Каталог к нему, дошедшие до нас в копиях, являются бесценными историческими материалами, которые необходимо исследовать с различных позиций целого ряда отраслей знания, в частности географии, геодезии, гидрологии, градостроительства, картографии, метрологии, петербурговедения и др.

4. К сожалению, не все выполненные к настоящему времени исследования отражают объективную ситуацию — в них много неясностей, неточностей и просто ошибок.

5. Необходимо продолжить активные поиски оригинальных Плана и нивелирного Каталога и всесторонний комплексный анализ их копий (с дополнениями И. Липгарта), с целью привлечения геодезического и картографического наследия Ф.В. Бауера к фундаментальному всестороннему изучению уникального природного явления, неразрывно связанного с историей развития Санкт-Петербурга, — феномена разрушительных наводнений Невы.

Примечания

¹ Богданов В.И., Малова Т.И. Фридрих Вильгельм Бауер на службе Российской Империи во второй половине XVIII в. // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. Вып. 4 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 5–24.

² Изображение жизни покойного Генерала-Инженера и Кавалера Федора Вилимовича Боура, Переведено с немецкого Дмитрием Флееровым, на иждивении и под смотрением Н. М. А. СПб., 1785. С. 29.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ [Бауер Ф.В.]. Записки Повествовательные Землеописательные и Политические о Княжестве Волоском, с Присоединением проспекта чертежей землеописательных и военных предпоследней войны между Россиею и Оттоманскою Портою Сочиненные Г. Б.... переведены с Французского, печатаны на иждивении В.Р. Во граде Святого Петра 1791 года, с дозволения Указного у Вильковского, содержателя типографии, для Комиссии об учреждении Училищ. [V], [III], 114 с.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Там же. С. I.

⁸ В оригинале названия местностей выделены курсивом.

⁹ [Бауер Ф. В.]. Записки... С. 8.

¹⁰ Изображение... С. 38.

¹¹ Глиноецкий Н.П. История Русского Генерального Штаба. Т. I. 1698–1824 гг. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1883. С. 98–99, 392.

¹² Krafft W.L. Notices et remarques sur les debordemens de la Néva a St.Petersbourg, accompagnées d'une carte representant la crue et la diminution des eaux du canal de Kronstadt, pour chaque jour de l'année 1777 // Acta Academiae Scientiarvm Imperialis Petropolitanae, pro Anno MDCCLXXVII. — Petropoli: Týpis Academiae Scientiarvm MDCCLXXX. P. 46–48; [Крафт В.Л.]. Известия и примечания г. Академика Крафта о разлитиях Невы в Санкт-Петербурге с присовокуплением таблицы прибывания и убывания воды в Кронштадтском канале каждого дня 1777 году / Перевод с франц. Павла Кедрина // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1795. Ч. CIX. С. 37–50. Ч. CXI. С. 47–50.

¹³ Измерения выполнялись г-ном ШрETEROM (Mr. Schröter), «весьма рачительным и исправным наблюдателем» по футштоку, установленному в 840 футах (около 256 м) к востоку от «Синяго мосту» (Krafft W.L. Notices... P. 46); [Крафт В.Л.]. Известия... С. 46.

¹⁴ Каратыгин П.П. Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб., 1889. С. 33; Малова Т.И.: 1) Анализ материалов о метках высот наводнений Невы в Невских воротах Петропавловской крепости // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулковке. 2006. № 218. С. 220–232; 2) К вопросу об оценке высоты наводнения Невы 1777 года // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тезисы XXVIII Международ-

ной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Национального Комитета по истории и философии науки и техники РАН. Вып. XXIII. СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИИЕиТ РАН, 2007. С. 212–213; и др.

¹⁵ Берх В.Н. Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским Департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. 1826. Ч. XI. С. 445–450, 454–473; Каратыгин П.П. Летопись... С. 18–31; Беспятых Ю., Сухачев Н. Самое разрушительное // Нева. 1987. № 6. С. 195–198; и др.

¹⁶ Беспятых Ю., Сухачев Н. Самое... С. 198.

¹⁷ Каратыгин П.П. Летопись... С. 33.

¹⁸ [Майер А.Л.]: 1) Исторические планы Столичного города Санктпетербурга с 1714 по 1839 год, изданные по Высочайшему Государя Императора повелению, литографированные в Департаменте Военных Поселений 1843 г. Выграв. на камне Агафонов 1, 7 планов и карт; 2) Объяснение к историческим планам Столичного города Санктпетербурга с 1714 по 1839 год, изданным по Высочайшему Государя Императора повелению. — СПб.: В Типографии Департамента Военных Поселений. 1843. [2], IV, 276 с.

¹⁹ [Майер А.Л.]. Объяснение... С. 1–2.

²⁰ [Майер А.Л.]. Объяснение... С. 109. Иван Липгарт (Липгард) — достоверными сведениями о нем мы не располагаем, возможно, речь идет о Липгарте Иване Федоровиче, генерале-майоре, инженере-геодезисте.

²¹ [Планы Санкт-Петербурга, Комиссия А.Л. Майера]: 1) Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Фонд графики истории города. Шифр 4291-И; 2) Российская национальная библиотека, рукописный отдел. Собр. архитектуры, листы № 74–80, 83 и 107.

²² [Бауер Ф.В.]. Нивелирование града Санкт-Петербурга, сочиненное бывшим господином генерал-инженером, генерал-квартирмейстером и разных российских орденов кавалером фон Бауером в 1779^м году. Переведенное по Высочайшему повелению с иностранных языков на русский в 1795^м году Иваном Липгартом // Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Фонд графики истории города. Шифр I-A-549-K. 29 л.

²³ [Бауер Ф.В.]. Нивелирование Санкт-Петербурга. / Военно-Топографическое Депо. № 11747 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22434. Ч. 1. Л. 1.

²⁴ [Бауер Ф.В.]. План Столичного Города Святого Петра с показанием возвышения воды от бывшего в 1777^м году сентября 10го дня наводнения на плане под номерами синею краскою означенными. СПб.: Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Фонд графики истории города. Шифр I-A-548-K.

²⁵ [Бауер Ф.В.]. План Города Святого Петра со описанием знатного публичного строения и с показанием бывшего в 1777^м году сентября 10го дня наводнения, которое означает красною пунктированную линию с синею оттушковку. М: Российский государственный военно-исторический архив в Москве (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 22433.

²⁶ [Тривуш С.М.]. План Петербурга конца XVIII века // Петербург-Ленинград: Историко-географический атлас: В 2 ч. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. Ч. 1. С. 26–27, план.

²⁷ Золотницкая Р.Л. Из рукописных планов Петербурга XVIII века // Известия Всесоюзного географического общества. 1957. Т. 89. Вып. 3. С. 254–255, план.

²⁸ [Тривуш С.М.]. План... С. 26.

²⁹ Там же. С. 26.

³⁰ Золотницкая Р.Л. Из рукописных... С. 255.

³¹ Там же.

³² Санкт-Петербург: Историко-географический атлас / Гл. ред. Е.А. Бондарчук. СПб.: Администрация Санкт-Петербурга; Центр геоинформационных исследований, 2003. С. 19.

³³ [Майер А.Л.]. Объяснение... С. 109.

³⁴ Золотницкая Р.Л. Из рукописных... С. 254.

³⁵ [Тривуш С.М.]. План... С. 26.

³⁶ Санкт-Петербург... С. 20.

³⁷ Золотницкая Р.Л. Из рукописных... С. 254.

³⁸ Санкт-Петербург... С. 20–21.

³⁹ [Бауер Ф.В.]: 1) План Столичного Города... / ГМИ (экспликация); 2) План Города... / РГВИА (экспликация); [Майер А.Л.]: 1) Исторические планы... IV; 2) Объяснение... С. 109–110.

⁴⁰ [Тривуш С.М.]. План... С. 26.

⁴¹ [Майер А.Л.]. Объяснение... С. 109.

⁴² Золотницкая Р.Л. Из рукописных... С. 255. Возможно, описка.

⁴³ Согласно линейному масштабу, приведенному на Плане ГМИ, 100 саженям на местности соответствует не 1 дюйм, а 0,7 дюйма. Отсюда численный масштаб — не 1:8400, а 1:12000, проверенный непосредственными измерениями. Линейный масштаб изображен и на Плане РГВИА, но мы знакомы с последним лишь по его фотокопии (заказ ГАО РАН № 293 от 7 июня 2007 г.). Тем не менее масштаб исходного плана восстановлен благодаря обнаруженной в нижней части фотокопии сантиметровой шкале, что позволило оценить длину наименьшего деления линейного масштаба. Она оказалась примерно равной 1,75 см, что соответствует 0,7 дюйма (в приближении обиходного значения дюйма равного 2,5 см) и 100 саженям на местности. Отсюда численный масштаб — не 1:10920, а 1:12000. При этом мы опирались на следующие известные соотношения: 1 сажень = 7 футам = 84 дюймам; 1 аршин = 16 вершкам = 28 дюймам; 1 вершок = 28/16 дюйма = 1,75 дюйма; 1 дюйм = 2,5 см; 0,4 вершка = 0,7 дюйма = 1,75 см. Использование Ф.В. Бауером одного и того же коэффициента в соотношении дюймовой и сантиметровой мер в линейных масштабах свидетельствует в пользу предположения о его знакомстве с метрической системой мер и десятичной системы счисления XVII–XVIII вв.

⁴⁴ Об изображении Невы в виде Богини см., например, четверостишие М.Н. Муравьева (примечание к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина):

*Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный питт,
Что проводит ночь бессонну
Опершиися на гранит.*

⁴⁵ Шаблаева Н.К. Особенности картографического отображения застройки Санкт-Петербурга во второй половине XVIII века // Петербургские чтения (к юбилею города): Тезисы докладов конференции. СПб.: Санкт-Петербургская ассоциация исследователей города: Санкт-Петербургский государственный институт архитектуры. 1992. С. 102–105.

⁴⁶ Там же. С. 104.

⁴⁷ [Бауер Ф.В.]. Нивелирование града... 29 л. (экземпляр ГМИ).

⁴⁸ [Бауер Ф.В.]. Нивелирование... Ч. 1. 78 (3) л. (экземпляр РГВИА).

⁴⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁰ [Бауер Ф.В.]. Нивелирование Санкт-Петербурга / Военно-Топографическое Депо. № 11747 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22434. Ч. 2.

⁵¹ [Бауер Ф.В.]. Нивелирование... Ч. 2. Л. 1 (экземпляр РГВИА).

⁵² Там же. Л. 19 об.

⁵³ Там же. Л. 20.

**Гравюра неизвестного немецкого автора
с изображением наводнения Невы 1721 или 1777 гг.**

Введение

В процессе изучения исторических наводнений Невы широко используются различные источники, в том числе архивные и фондовые материалы, официальные и газетные сообщения, дошедшие до нас описания событий очевидцами, сведения современников или публикации авторов, их последующей литературной обработки, а также изображения наводнений на картинах, рисунках, гравюрах и т.д. Однако представляется необходимым подходить к использованию этих материалов с известной осторожностью и по возможности избегать цитирования сомнительных утверждений без соответствующего всестороннего критического анализа. Настоящая статья посвящена анализу одной такой гравюры неизвестного немецкого автора, на которой изображено наводнение Невы (рис. 1).

Рис. 1. Изображение наводнения в дельте Невы и в Невской губе, с немецкой гравюры неизвестного автора. Надпись на гравюре, согласно Ю.Н. Беспятым, гласит: «Изображение большого наводнения в Петербурге и Кроншлоте, какие оно погубило здания и суда»¹

Эту гравюру с полным основанием можно отнести к категории «загадочных»: число вопросов, связанных с нею, растет пропорционально продолжительности и детальности ее изучения. Нам неизвестен не только ее автор, но и время ее создания. Мы не знаем также, какое на ней конкретно изображено наводнение. Наконец, у нас нет уверенности даже в том, что изображенная на гравюре местность идентична району Санкт-Петербурга, Невской губы и реке Неве. Об изображении же «большого наводнения в Петербурге и Кроншлоте» и о том, «какие оно погубило здания и суда», свидетельствует лишь надпись на ней. В многочисленных известных нам публикациях, воспроизводящих гравюру, эти вопросы практически не обсуждаются, и мы, по сути, имеем дело с клонированием одних и тех же скудных сведений о ней на протяжении 121 года. В этой связи обратимся сначала к одному из основных вопросов: наводнение Невы какого года изображено на гравюре? Мнения, высказанные по этому вопросу различными авторами, сводятся к датам двух наводнений Невы: 5 (16) ноября 1721 и 10 (21) сентября 1777 г. В таблице 1 представлен перечень сведений о гравюре, содержащихся в обнаруженных к настоящему времени публикациях, воспроизводящих ее.

Таблица 1

Сведения о публикациях гравюры в 1887–2008 гг. и о подписях к ней

Авторы, годы опубликования	Подписи к гравюре в разных публикациях и некоторые пояснения
Пыляев М.И., 1887, 2002	«Наводнение в Петербурге в 1777 году. С немецкой гравюры того времени» ²
Божерянов И.Н., 1901, 1910	«Изображение наводнения 5 ноября 1721 г. С немецкой гравюры того времени» ³
Головин Н.Н., 1903	«Изображение наводнения 5 ноября 1721 г. С немецкой гравюры того времени» ⁴
Чистякова С.А., 1903, 1992	«Изображение наводнения 5 ноября 1721 г. (С немецкой гравюры того времени)» ⁵
Haumant E., 1903	«Санкт-Петербургское наводнение в 1777 г., с немецкой гравюры того времени» ⁶
Столянский П.Н., 1926	«Наводнение 1777 г. Со старинной гравюры» ⁷
Авсеев В.Г., 1995	Гравюра с подписью «Наводнение в Петербурге 5 ноября 1721 года» помещена во втором издании книги В.Г. Авсеева (1995 г.) ее составителями — А.В. Вознесенским и И.А. Соболевой ⁸
Померанец К.С., 1998, 2005	«Наводнение в Петербурге в 1777 году. С немецкой гравюры того времени» (1998 г.); То же, но со второй фразой: «Гравюра немецкого мастера. 1770-е гг.» (2005 г.) ⁹
Анисимов Е.В., 2003	«Изображение наводнения 5 ноября 1721 года. С немецкой гравюры XVIII в.» ¹⁰

Авторы, годы опубликования	Подписи к гравюре в разных публикациях и некоторые пояснения
Агеева О.Г., 2003	«Петербургское наводнение 1777 года (В ряде изданий ошибочно публиковалось как изображение наводнения 5 ноября 1721 г.). Немецкая гравюра XVIII в.» ¹¹
Юбилейный Атлас, 2003	«Наводнение 1777 года в Петербурге» ¹²
Беспятых Ю.Н., 2006	Ю.Н. Беспятых поместил в статье 2006 г., в разделе о наводнении 1721 г., со ссылкой на книгу Н.Н. Головина 1903 г. (см. выше), не гравюру, а лишь перевод надписи на ней (воспроизведен нами в подписи к рис. 1) ¹³
Абрамов Д.И., 2008	«Наводнение в Петербурге в 1777 году. С немецкой гравюры того времени» ¹⁴
Епатко А.Ю., 2008	«Наводнение в Санкт-Петербурге в 1777 г. Фантастическая гравюра XIX в. Из кн. <i>Emile Haumont</i> «La Russie au XVIII ^e siècle». Paris. 1903» ¹⁵

Список публикаций в таблице 1 открывает книга М.И. Пыляева «Старый Петербург» 1887 г., связавшая изображение на гравюре с наводнением в дельте Невы и в Невской губе 10 (21) сентября 1777 г. без соответствующих пояснений. Общее число публикаций, относящих изображение на гравюре к этому наводнению, превышает число публикаций сторонников другой версии — об изображении на гравюре наводнения 5 (16) ноября 1721 г. Однако если учесть то, что Ю.Н. Беспятых поместил перевод надписи на гравюре (пояснение к рис. 1) среди сведений о наводнении 5 (16) ноября 1721 г., а также сведения таблицы 2, то число сторонников обеих версий выравнивается.

Таблица 2

**Сведения о гравюре в картотеке Отдела эстампов
Российской национальной библиотеки**

№№ п/п	Шифр	Библиографические записи о гравюре
1.	Э Син 715	«“Abbildung der grossen Wasser- / Fluth zu Peresburg und Cronsclot / was solche an Gebäuden u. Schiffen hat verdorben” [Наводнение 1721 Б. м. 172...], 168 × 260; 193 × 284».
2.	П 20 № 1	«Фантастическое изображение Петербурга и Кроншлота. Оф. и рез.».
3.	Э Гир. 234 3–1	«“Abbildung der grossen Wasser / Fluth zu Petersburg und Cronsclot / was solche an Gebäuden u. Schiffen hat verdorben”. [Б. м., 172...], 1 л., 154 × 240. Изобр. наводнения 5 ноября 1721 г. На переднем плане слева Кроншлотская башня. Назв. сверху на развешиваемом полотнище. Оф. и рез. На паспарту».

Максимум публикаций сторонников изображения на гравюре наводнения 1721 г. приходится на начало XX в. и отчасти на конец XX — начало XXI вв., тогда как публикаций сторонников 1777 г. — на период 1998–2008 гг.

Большинство авторов указывает на немецкую гравюру «того времени»; И.Н. Божерянов (1901, 1910) не приводит никаких сведений о времени ее создания; П.Н. Столпянский (1926) пишет о «старинной гравюре»; К.С. Померанец (2005) сообщает о «гравюре немецкого мастера», постулируя создание ее в «1770-е гг.»; О.Г. Агеева (2003) указывает на гравюру XVIII в.; А.Ю. Епатко (2008) — XIX в. (табл. 1). Расхождения в годе изготовления гравюры (от примерно полувека до более чем столетия) и в годе изображенного на ней наводнения (более полувека) — поразительны. Однако не менее удивительно и то, что эти вопросы не обсуждаются ни в одной из перечисленных выше публикаций. Отметим также практически полное отсутствие ссылок на источники заимствования изображения гравюры и сведений о ней, за исключением публикации Ю.Н. Беспятых (2006) и А.Ю. Епатко (2008) (табл. 1).

Наконец, обратим внимание на три источника — на сведения Отдела эстампов Российской национальной библиотеки и на публикацию А.Ю. Епатко (табл. 1, 2), в которых изображение гравюры характеризуется как «фантастическое»; а также на статью О.Г. Агеевой (2003), в которой утверждается (без обязательных в подобных случаях пояснений), что изображение на гравюре в ряде изданий «ошибочно» трактовалось «как изображение наводнения 5 ноября 1721 г.». Отметим также, что ряд публикаций, перечисленных выше, предназначался для читателей детского и юношеского возрастов или в качестве пособия для учебных заведений. Это обстоятельство диктует необходимость детального рассмотрения имеющихся сведений об этой гравюре.

Краткая характеристика наводнений Невы в 1721 и 1777 гг.

О катастрофическом наводнении 5 (16) ноября 1721 г. Ф.Х. Вебер, брауншвейг-люнебургский резидент при дворе Петра I, писал: «Хотя во время основания города и после него император пытался по возможности укрепить берег несколькими тысячами свай и подпирающими их сзади брусьями, все эти возведенные опалубки были не в состоянии противостоять ужасному шторму, который поднялся 16 ноября 1721 г. и продолжался с меняющейся силой до 24 ноября. Могучая река Нева вышла из берегов и затопила город, уничтожив при этом основания многих домов. Вода полностью заполнила забитые товарами

подвалы, затопила прекрасные сады, повредила крепостные сооружения; упомянутый выше Ладожский канал, который начал сооружаться, был разрушен и засыпан песком. Вызванный этим ущерб был оценен в семь миллионов рублей»¹⁶.

Ф.В. Берхгольц, камер-юнкер в свите гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха, также описал эти события. «Я вышел на крыльцо и немало удивился, увидев, что она [вода] уже выступила из канала, находящегося перед нашим домом, и все более и более затопляет по ту сторону луг¹⁷. Это тотчас возбудило опасения тех, которые испытали опасность от наводнения, в особенности г.-м. Штенфлихта и полковн. Бонде, живущих так низко, что вода, при малейшем повышении, всегда заливает их двор. Ближайший их сосед, посланник Штамке, также терпит немало от наводнений; в прошедшее лето по его двору можно было ездить на лодках». Далее он записал, что «вода вдруг с необыкновенною силою стала проникать в улицы и дома <...>; я был поражен опасностью, какую увидел по ту сторону реки; там вода доходила уже до окон кофейного дома, стоящего близко от берега. С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами. Однако ж мне нельзя было долго оставаться: вода, как скоро выступила из каналов, начала преследовать меня со всех сторон и принудила сойти с улицы, откуда я поспешил в дом герцога <...>; в половине 12-го, вода все продолжала подниматься <...>; Невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми; они неслись по воде, гонимые бурей, навстречу почти неминуемой гибели <...>. На дворе герцога вода, при самом большом ее возвышении, доходила лошадям по брюхо; на улицах же почти везде можно было ездить на лодках <...>. Около половины второго часа вода начала наконец уменьшаться...»¹⁸. Касаясь последствий этого наводнения, Ф.В. Берхгольц записал, что «от первого наводнения князь Меншиков понес убытку слишком на 20 000 рублей, что я уж слышал и от других. Легко поэтому вообразить себе, сколько бед наделали повсюду последние наводнения, если князь один пострадал так много»¹⁹.

Ю.Н. Беспятых и Н.Л. Сухачев привели сведения французского консула А. де Лави, который сообщил, что в воскресенье буря продолжалась «с утра до трех часов по полудни, с такою страшною силой, что, продлившись она еще часа два, весь город был бы окончательно разрушен. Бед она наделала неисчислимых: нет ни одного дома, который не пострадал бы более или менее. И у меня также было в комнатах почти на три фута воды. По моим наблюдениям, на этот раз вода поднималась

на три фута два дюйма выше, чем в 1715 г., когда у нас в эту же пору было наводнение <...>. Невозможно определить с точностью, как велики убытки, но несомненно, что они превышают цифру двух и даже трех мил. руб., ибо дома, погреба и магазины, наполненные товарами — все испорчено; строевой лес и прочие строительные материалы, которые были запасены в огромных количествах, тоже испорчены и разнесены бог знает куда. На воде бурею причинено такое крушение, что, говорят, все галеры, числом 126, унесены водою в леса, где они до сих пор и лежат на суше...»²⁰.

Н.Н. Головин, автор исторического очерка «Петербург в петровское время», писал в 1903 г.: «Самым ужасным было по-видимому при Петре наводнение 1721 г. 5 ноября. Вода на Неве поднялась тогда на 7 футов и 4 дюйма выше обыкновенного и причинила страшное наводнение, так как в то время даже адмиралтейская часть была около двух аршин ниже нынешней поверхности земли. Этим “страшным наводнением, — говорит Лави, — было истреблено одних жизненных припасов более чем на 15 000 000 ливров. Все галеры выброшены на берег, а два корабля попали даже в Царский сад, который весь попортило”»²¹.

Указанная Н.Н. Головиным высота подъема воды — 7 футов и 4 дюйма (≈ 224 см) — была получена профессором И.Г. Лейтманом в единой системе отсчета за 1721–1729 гг. (возможно, от ординара у Петропавловской крепости) и опубликована им в совместной с профессором Л. Эйлером статье в 1932 г.²², однако «с десятичными дюймами» (7,4 фута ≈ 226 см), что вызвало в 1932 г. резкую и несправедливую критику А.И. Мордухая-Болтовского²³.

Ю.Н. Беспятых, существенно расширив наши представления об этом событии, совершенно справедливо отнес наводнение 5 (16) ноября 1721 г. к разряду катастрофических²⁴. В частности, со ссылками на документы Архива СПбИИ РАН, он привел сведения из частных писем очевидцев этого потопа, два фрагмента из которых — об ущербе, нанесенном Котлину и Кроншлоту, и об оценке последствий этого наводнения Петром I — мы воспроизводим ниже²⁵. Автор первого из них — Л. Жуков — писал дворянину Егору Андреевичу Кушелеву (Кошелеву) в Москву от 16 ноября 1721 г.: «А на Котлени острове много харом понесло, купеческую гавань разламало и пушки в море покида[ло], та[к] же и военная гавань». Автор второго — Лука Григорьевич Колошин — сообщал: «А царское величество изволит говариват в Сенати всенародно: хотя б кокой и неприятел был к нам, токмо себе убытку не даставил токова, и что на дворцах от воды убытку, как болши миллиона. А у светлейшего князя и у других высоких персон учинило убытков бесчисленно».

В.А. Нащокин, автор знаменитых «Записок», засвидетельствовал, что «по Морской и Переведенской и другим улицам ездили в шляпках и лодках, первого дня большой воды, а приходу оной воде было по три дни, только по два дни гораздо мельчей приходило, и как начнет приходить, тогда бьют в колокола и в барабаны тревогу, чтоб люди убирались; однако, тогда скота великое множество потонуло и не малой убыток от разорения водного причинился»²⁶. В комментариях к этим «Запискам» академик Д.И. Языков отметил, что об этом наводнении говорится в журнале С.-Петербургской крепости: «Ноября 1 была большая вода; начала прибывать по полуночи в 7 часу, а убывать стала по полудни в 1 часу, и оной прибылой воды было в крепости на три четверти аршина и на два вершка. Ноября 5 была вода прибывшая с моря, в день великая, которая во всех слободах, також и в Петербурге в крепости была, а в канцелярии была вышиною от полу на аршин, от которой учинился великой убыток, как государственной, так и народной и многих людей потопила. Ноября 10 была вода, в ночи, прибывшая паки, однакож меньше первой. Ноября 11, в ночи, паки была прибывшая вода с моря; но токмо еще меньше первой»²⁷. Однако Д.И. Языков ошибается, когда относит текст описания наводнения 1 ноября к 1721 г.

Авторам настоящего сообщения удалось ознакомиться с одной из сохранившихся копий этого Журнала, хранящейся в рукописном отделе (РО) Библиотеки РАН. Пр процитируем выдержку из нее, до и после которой речь идет о событиях, относящихся исключительно к 1721 г.: «726го году Ноября 1го числа была болшая вода начала прибывать пополуночи в 7^м часу а убывать стала пополудни в 1^м часу и оной прибылой воды было в крепости на три четверти аршина и надва вершка»²⁸. Практическая идентичность цитируемых текстов и прямое указание в «Журнале» из РО Библиотеки РАН на наводнение 1 (12) ноября «726 году» свидетельствует о явной описке Д.И. Языкова. Аналогичная описка фигурирует и в монографии С.И. Аллера²⁹, опиравшегося, по-видимому, на тот же источник, что и Д.И. Языков. В этом же «Журнале»³⁰ читаем о наводнении 5 (16) ноября 1721 г.: «Была вода прибывшая с моря в день великая которая во всех слободах також и в Питербурге в Крепости везде в Казармах и в протчих местах и в домех была а в Канцелярии была вышиною от полу на аршин от которой учинился великой убыток как Государственной також и народной и многих людей потопила». Этот фрагмент практически идентичен соответствующему тексту Д.И. Языкова.

В заключение этого раздела подчеркнем неопценимый вклад Ю.Н. Беспятых в расширение представлений о катастрофическом наводнении Невы 5 (16) ноября 1721 г. и завершим подраздел цитатой из его ста-

ты 2006 г. о разбросах оценок максимальной высоты этого потопа. «По словам Л. Жукова, вода местами покрывала землю сажени на две, но косая сажень — 213 см (маховая — 176 см). В кушелевском дворе, по свидетельствам двух очевидцев, воды было по грудь, т.е. примерно два аршина, или метра полтора. Столько же, как сказано в одном из писем, было и на других, вероятно, соседних, дворах.

В канцелярии С.-Петербургской крепости вода поднялась “от полу на аршин”, у дома герцога Гольштинского — “по брюхо лошади”; в комнатах тайного советника Г. фон Бассевича — “фута на два” (немецких — 61 см); в комнатах консула А. де Лави — “почти на три фута” <...>. Он, кстати, отметил: “По моим наблюдениям, на этот раз вода поднималась на три фута два дюйма выше, чем в 1715 г., когда у нас в эту же пору было наводнение”. Значит, речь идет о целом метре разницы, а точность цифр заставляет думать, что француз и в 1715 г., и шестью годами позже измерял высоту воды в помещении. Однако эти цифры плохо согласуются с данными Р.А. Нежиховского, где под 5 ноября 1715 г. показан подъем воды “(> 200)”, а под 5 ноября 1721 г. — 254 см. По-видимому, первое из названных чисел надо считать весьма приблизительным, даже условным»³¹.

О катастрофическом наводнении 10 (21) сентября 1777 г. «Санктпетербургские Ведомости» сообщили: «С 9го на 10е число сего Месяца в ночи, в сем Городе был сильный с Моря ветер, и приключил здесь наводнение. Вода в самой последней высоте была полтора фута выше наводнения бывшего в 1752м году; от поверхности же обыкновенной равнины была 10 футов. В сем положении она стояла несколько минут. Нижнее жилье почти во всех домах понято было водою, выключая некоторые части Города, стоящие на пригорках. В семь часов по утру вода стала умаляться, и немедленно приняты все меры к поправлению причиненного от наводнения вреда»³².

Очевидец этого наводнения Вильям Тук, английский ученый и пастор, член Лондонского королевского общества, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук, писал, что оно «продолжалось всю ночь с 9 на 10 сентября (следовательно, через 3 дня после полнолуния) при необыкновенно низком показании барометра. Все это время свирепствовал сокрушительный юго-западный ветер, перешедший затем в западный, который и спровоцировал в 5 часов утра выход реки из берегов, после чего Санкт-Петербург во многих частях оказался под водой более чем на 2 [английских] локтя (современный английский локоть (*Ell*) = 1,143 м, т.е. речь идет примерно об 1 сажени. — В.Б., Т.М.). Больше всего пострадали Васильевский остров и, как ее называ-

ют, Петербургская сторона: были смыты ограды, мосты и стоящие близко к морю дома. Целые акры лесных деревьев были вырваны с корнями (современный английский акр (*Acre*) = 4046,8 м² ≈ 0,4 га. — *В.Б., Т.М.*); яхты, галиоты и тяжело нагруженные барки перемещены на большие расстояния на суше, а другие разбиты на части свирепствующей стихией, несущей еще дальше опустошение и разбушевавшейся к 8 часам, когда вода поднялась более чем на 10 футов над обыкновенным уровнем реки и на 1,5 фута выше, чем в 1752 г. Затем ветер изменил направление на северо-западный, вызвав убыль воды, которая около полудня почти ушла с улиц»³³.

Согласно академику В.Л. Крафту, вода выступила из берегов в начале 6-го часа 10 (21) сентября, в результате SW ветров достигла максимума в начале 7-го часа, а около полудня «стекла она уже почти со всех улиц». В Кронштадте «вода разлилась между 4 и 5 часами; самая большая высота сверх обыкновенного ее уровня была 7 футов и 6 дюймов, а убывать начала в 7 часу». В Шлиссельбурге «примечены были в тот день достойные примечания в воде движения. В ночь на десятое число Сентября, при сильно Юго-Западном ветре вода упала столь низко, что в шестом часу утра, находящиеся на оной суда, даже и в самых глубоких местах, стали на суши». Далее В.Л. Крафт охарактеризовал региональную метеорологическую обстановку, предшествовавшую катастрофическому наводнению: «По объявлению некоторых корабельщиков, 9 числа Сентября был в Балтийском море сильной Юго-Западной ветр, и по известиям публичных ведомостей, за несколько до того времени примечено, что на Северном море была тогда страшная буря с Востока, а на Балтийском море, к устью оною, сильной Северной ветр»³⁴.

В «Выписке учиненным при Санктпетербургской Академии Наук наблюдениям о погодах и воздушных приключениях в 1777 году» сообщалось: «Сентября 10 дня рано по утру еще до восхождения солнца поднялась буря из З.В. (SW. — *В.Б., Т.М.*), которая приподняла воду на 10 футов выше средственного состояния Невы, чрез что большую часть города водою поняло, в 9 часу поворотилась погода несколько в Н.В. (NW. — *В.Б., Т.М.*) и вода по малу упала до обыкновенной вышины»³⁵.

П.П. Каратыгин, приведя обширные цитаты из опубликованных материалов В. Тука, В.Л. Крафта, И.Г. Георги, Екатерины II, В.Н. Берха, охарактеризовал это наводнение как «страшное» по своим размерам и опустошениям, заметив, что очевидцы его «уверяли своих детей, что оно было гораздо бедственнее, нежели наводнение 1824...»³⁶. Однако ему остались неизвестны некоторые документы, в частности копия одного письма, которая была опубликована в 1842 г., т.е. за 74 года до

публикации И. Мордвиновым³⁷ в 1916 г. в «Русском архиве» «тихвинской копии» практически идентичного документа. Воспроизведем нашу находку полностью, тем более что между двумя публикациями имеются разночтения.

«Получено Сентября 14 дня 1777 года.

“Мы здесь до того дожили, что едва морская вода свирепством своим не овладела в свой предел, ибо на десятое число сего месяца, поднялась наипревеличайшая буря и ветер, час от часу испуская жестокие зефиры, во всю ночь и в последующий день малою утолимостью, от чего вода дошла до самого нашего жилища, и силою своею преоборяла леса из корня; тут несло людей: в избах, на всяких судах, и скот в клевах и без оных, вынеся со дворов потопляла, и от нашей мызы до Петербурга чрез 11 верст не оставила ни одной мызы без разбития барками, и прочими судами, и домами разбитыми, нанесенными тою водяною в ветреную силою, и не упоминая того, что в садах беседки, гульбища, галдарей и тому ж подобные, равно и анжереи в прах изгибли; и какое ж жалостное состояние по утру смотреть было! большая перспективная дорога настроилась разными домами без всяких мастеров, и лесом наполнилась без подрядчиков, во всех домах сделались ворота без прорубки, куда ни взгляни, везде: в лесах, полях, стоит строение по новому не регулярному плану, где лежат потопшие лошади, коровы, быки, овцы, козы, всякой скот, между теми, и человеческия тела, и из зверинцев лоси с лосятами, и олени, и разные звери потоплялись. Во всех сторонах простирался плачь: отцы ищут детей, а дети отцов и матерей, мужья жен, а оне их, а иные целых семейств не находя. Страшное сокрушение, по справедливому Божьему гневу, описать не можно. Обратим на Петербург, и тут вода обладала своим резерфом: все улицы потопило, во всех домах погреба и лавки с товарами, ибо только в гостином дворе каменные остались без повреждения, по всем улицам поехали вместо лошадей на шлюпках и лодках; дворец окружен водою, площадь большая, прежним сделалась морем. Как же усмотрено было во 2-м часу по полуночи, то и Монархине должно было, которая соизволила прийти к окнам, приказала выбить стекла, для усмотрения пресильного движения тех вод, и коль скоро соизволила усмотреть вездереvущия воды, тот час пала на колени, и призван был священник для служения службы.

Галиоты, барки и прочия суда с товарами и людьми, обращало в воду, разбивая одно об другое, около сих мест вода хотя много пожирала, но меньше того как на Васильевском острове, на Петербургской

стороне, там уверяют неисчисленну гибель. Вода была прямой пропорции в 2 сажени; на возморье острог опровергнуло, и в нем было людей до 300 человек; в гостинином дворе, в лавках, вода была вышиною в 1S сажени; в мучных лавках в 2 куля с половиною вышиною, в большой Коломне и малой, и Мещанской, более 100 домов со всем строением и с людьми разнесло"»³⁸.

Ю.Н. Беспятых и Н.Л. Сухачев в статье «Самое разрушительное» опубликовали описание катастрофы 1777 г., принадлежащее секретарю французского посланника при русском дворе Мари-Даниэлю Буре (впоследствии барону де Корберону). «Запись, датированная по новому стилю воскресеньем 21 сентября 1777 г., сообщает: “В четыре часа утра просыпаюсь от криков матросов и страшного урагана... Встаю и вижу в окно, что на дворе ходят по пояс в воде. Иду в кабинет, выходящий окном на Неву, на Галерную, и не вижу ничего, кроме бушующего моря <...>. Юго-западный ветер гнал с ужасающей силой воду залива и вкачивал воды в Неву, так что вода в ней поднялась на десять-двенадцать футов ($\approx 305\text{--}366$ см. — *В.Б., Т.М.*) выше обычного уровня”»³⁹.

Генерал-квартирмейстер и генерал-инженер Ф.В. Бауер, выполнивший по поручению Екатерины II нивелирование меток высот наводнения 1777 г. на территории, подвергшейся затоплению, принял максимальный уровень поднятия воды по Адмиралтейскому футштоку равным 10 ф. 3 д. ≈ 333 см во французской линейной мере⁴⁰. В этой связи отметим, что А.И. Мордухай-Болтовской считал, что Ф.В. Бауер использовал английскую (русскую) футовую меру, в которой 10 ф. 3 д. ≈ 312 см⁴¹. Согласно же Р.А. Нежиховскому, высота наводнения 1777 г. принята равной 321 см в Балтийской системе высот (или 310 см над ординаром у Горного института). К настоящему времени «сохранилась» лишь одна метка этого наводнения в Невских воротах Петропавловской крепости, однако она «объединена» на одной мраморной плите с меткой наводнения 1752 г.; а на современном обелиске у Синего моста в Санкт-Петербурге катастрофическому наводнению 1777 г. вообще не нашлось места.

Ранее было продемонстрировано занижение официального значения высоты наводнения 1777 г. не менее чем на 20 см⁴². Решение проблемы восстановления высоты максимального уровня какого-либо наводнения требует выполнения одновременного анализа в отношении всего ансамбля меток их высот⁴³. Однако исходных материалов для такого репрезентативного анализа явно недостаточно. Тем не менее уже полученные оценки порождают сомнения в достоверности постулируемых величин

высот всех катастрофических наводнений Невы, в том числе и наводнения 1777 г. В этой связи приведем выдержки из письма Елизаветы Алексеевны (супруги Александра I), которая писала 7 (19) ноября 1824 г. своей матери: «Я пишу вам, любезная маменька, посреди ужасающего бедствия и даже не знаю, уйдет ли завтра мое письмо, поелику теперь мы в Зимнем дворце все равно как на корабле <...>. Наше поколение не видывало ничего подобного, однако, рассказывают, что в 1777 г. вода поднималась на целый фут выше, чему, возможно, способствовало меньшее в то время число каналов и набережных». Однако вечером того же дня она отметила: «Оказалось все-таки, что она [вода] была выше на два дюйма, чем в 1777 г.»⁴⁴.

Попытки оценить даты наводнения, изображенного на гравюре, по различным критериям

Попытки решить вопрос, из каких же соображений авторы публикаций, воспроизводящих гравюру (рис. 1), относят ее к 1721 или 1777 гг. (табл. 1), привели к необходимости критического анализа различных возможностей оценки даты изображенного наводнения.

Сопоставление времени суток изображенного на гравюре наводнения с реальными временами наводнений Невы в 1721 и 1777 гг. Время суток — это один из элементов, по которому можно было бы датировать наводнение на гравюре, тем более что события 1721 и 1777 гг. произошли в разное время: максимум подъема уровня Невы 1721 г. пришелся на полдень, наводнения же 1777 г. — на ночь и раннее утро.

На черно-белом изображении определить время суток затруднительно. Кроме того, светотеневой аспект законов построения художественного изображения вряд ли можно рассматривать как научное подтверждение той или иной версии. Однако если предположить, что гравюра освещена солнцем со стороны зрителя и отображенная на ней ситуация близка по времени к максимуму наводнения, то, полагая, что Кронштадт и Санкт-Петербург расположены к востоку от Кроншлота, мы приходим к выводу, что речь должна идти о вечернем времени суток, т. е. о времени после наводнения 1721 г.

Поиски скрытой информации о гравюре в надписи на ней. К идее поисков скрытой информации (элементов шифрования дополнительных сведений) приводит ознакомление с медальерным искусством, в частности с центральной медалью в память Полтавской победы из серии медалей на события Северной войны, созданных Ф.Г. Мюллером⁴⁵. Элементы криптографии в изображениях и надписях на них широко

использовались не только медальерами, но и граверами. На рисунке 2 воспроизведены лицевая и оборотная стороны медали в память победы над шведами под Полтавой.

Лицевая сторона. Конный портрет Петра I в латах, с лавровым венком на голове и жезлом в правой руке, на фоне поля брани. — *Надпись по дуге окружности:* **HIC HONOR IN NOBIS INVIDIOSVS ERIT Ovid.** (Нам позавидуют в сей славе. Овидий). *Слева над обрезом:* **P.H.M.** — полные инициалы Ф.Г. Мюллера. *В обрезе* — посвящение царю: **PETRO ALEXIADI D • G • MAGNO | RVSS • IMP • PIO FELICI AVG • | TRIVMPHATORI | .** (Петру Алексеевичу, Божиею Милостию Великому Российскому Императору, Благочестивейшему, Счастливому, Августейшему и Торжествующему).

Оборотная сторона. На фоне плана сражения — фигура Геркулеса с обвитой лаврами палицей на правом плече, попирающего воинские трофеи (знамена, орудия, оружие) и указывающего левой рукою на город Полтаву. — *Надпись по дуге окружности:* **POLTA VA MI RA CLADE INSIGNIS.** (Полтава славна чудесным поражением). *Надпись в обрезе:* **VNI VERSO SVE CORVM | EX CER CIV DELE TO | D • 27 • IV N • S • V • |** (Все шведское войско истреблено 27 июня старого стиля).

Диаметр медали: $2\frac{9}{16}$ " $\approx$ 65 мм.

Рис. 2. Лицевая и оборотная стороны медали Ф.Г. Мюллера в честь победы под Полтавой, по В.П. Смирнову (1908 г.) и Е.С. Щукиной (1998, 1999 гг.)⁴⁶, с небольшими изменениями

Нетрудно заметить, что на оборотной стороне медали указан день и месяц битвы, но отсутствует год. Последний, однако, зашифрован в прописных буквах латинского шрифта в надписи по дуге окружности:

«poLtaVa MIra CLaDe InsIgnIs».

Действительно, год этого события определяет сумма числовых значений прописных букв:

$$L(50)+V(5)+M(1000)+I(1)+C(100)+L(50)+D(500)+I(1)+I(1)+I(1) = MDCCIX = 1709.$$

Попробуем применить подобный метод к рассматриваемой гравюре (рис. 1). Рассмотрим построчно текст надписи на ней и поместим под нею готический алфавит (фрактура) эпохи феодализма, заимствованный из Энциклопедического словаря 1963 г. (рис. 3).

Рис. 3. Надпись на гравюре (рис. 1) и порядковая нумерация букв готического письма (фрактуры) эпохи феодализма⁴⁷

Обращает на себя внимание первая строка, выделенная более крупными буквами: «Abbildung der grossen Wasser...». Предположим, что в ней может содержаться ответ на решение вопроса о датировке наводнения на гравюре. Действительно, если в этой строке выписать начальные буквы слов, исключая артикль, то получается: «A, g, W». Порядковые номера этих букв в готическом алфавите, изображенном на рисунке 3, образуют комбинацию «1721».

Далее, из второй строки — «...Fluth, Zü Petersbürg ünd Cronsschlot...» — выпишем две первые буквы в слове «Fluth» («прилив»). Возможно, что сочетание этих букв («F, l») означает: «Fünf» (по первой букве) и «11» (по порядковому номеру) в том же готическом алфавите. В таком случае, получаем: «пятое» число и «ноябрь» месяц. Если это

так, то дата «большого водного прилива» — 5 ноября 1721 г. в Юлианской календарной системе. Далее во второй строке сообщается и о месте этого наводнения — в Петербурге и Кроншлоте.

Возможно, что в третьей строке надписи на гравюре ее автор указал свою монограмму (в этой строке две прописные буквы — «G» и «S»). На данный момент, однако, отождествить эти буквы с именем гравера без консультации со специалистами не представляется возможным. Подлежит верификации и предложенная дешифровка надписи гравюры в целом.

Оценка даты наводнения по элементам застройки Санкт-Петербурга, Кронштадта или по конструкции форта Кроншлот. Оценить или уточнить дату наводнения на гравюре (рис. 1) можно путем изучения характерных особенностей отображенной на ней застройки Санкт-Петербурга.

Однако даже при внимательном рассмотрении гравюры авторы не смогли отождествить ни одно из многочисленных строений со зданиями и сооружениями Санкт-Петербурга XVIII в., в частности с Петропавловской крепостью. Изображенный на гравюре город с архитектурной точки зрения не имеет с ним ничего общего. Мало того, элементарное знание географии региона приводит к заключению, что Петербург не может находиться на столь незначительном расстоянии от Кронштадта и, следовательно, от Кроншлота.

Для сопоставления же элементов застройки Кронштадта с гравюрой авторы использовали панораму Герлаха фон Хельмута, опубликованную в 1738 г. (рис. 4).

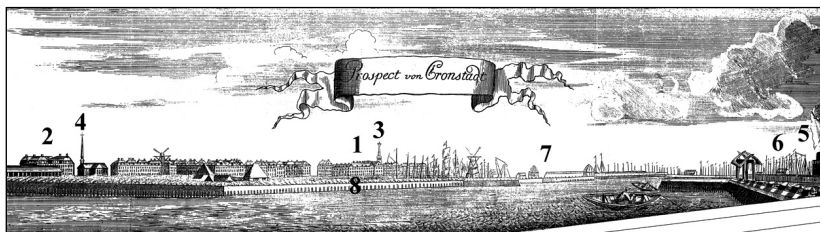

Рис. 4. Панорама Кронштадта (Gerlach von Hellmut, 1738)⁴⁸:

- 1 — Первый дворец Ее Царского Величества; 2 — Другой Царский дворец;
- 3 — Новая русская церковь; 4 — Старая русская церковь; 5 — Крепость Кроншлосс;
- 6 — Военная гавань; 7 — Средняя гавань; 8 — Купеческая гавань

Однако и в данном случае говорить о подобии изображений на рисунках 1 и 4 не приходится. Единственная деталь на этой панораме, очерта-

ния которой отдаленно напоминают рассматриваемую гравюру, — это восточная часть башни Кроншлота.

Кроншлот как фортификационное сооружение был построен в 1704 г., затем несколько раз перестраивался. П.А. Кротов, рассматривая вопрос о первоначальной конструкции башни, ссылается на «Журнал Государя Петра I., сочиненный бароном Гизеном», в котором идет речь о Кроншлоте как о крепости, «которая построена вкруг подобием Англинскому замку в Риме, но из древа со многими камни на подошве. Сия крепость Кроншлот имеет два ряда один на другом для ставления пушек, чтоб неприятельские корабли не допускать ни с которой стороны»⁴⁹.

А.И. Богданов (1751), в свою очередь, писал: «Сперва деревянная Башня построена была посреди моря, со множеством болших картаулных пушек, которая построена в 1703-м году; потом она Башня построена брусчатая мазанковая»⁵⁰.

П.А. Кротов полагает, что наиболее достоверно первоначальная конструкция Кроншлота изображена на гравюре Г. Боденера-старшего «Вид Петербурга и Ретусари» (предположительно, 1705 г.)⁵¹, воспроизведенной ниже (рис. 5, 6). На гравюре остров Ретусари (Котлин) показан со стороны Финского залива (с запада), Санкт-Петербург — на дальнем плане.

Башня Кроншлота на этой гравюре (рис. 5, 6) отображена весьма условно, без деталей. Другие сохранившиеся изображения раннего Кроншлота, представленные ниже на рисунке 7, также подтверждают версию: форт много раз перестраивался, в его конструкцию вносились определенные изменения, однозначной трактовки его внешнего облика не существует.

Рис. 5. Гравюра Г. Боденера-старшего «Вид Петербурга и Ретусари», 1705 г.⁵²:

А — Петербург, В — Ниеншанц, С — Ретусари, D — Шведский флот,
Е — Кроншанц (Кроншлот), F — Русский флот)

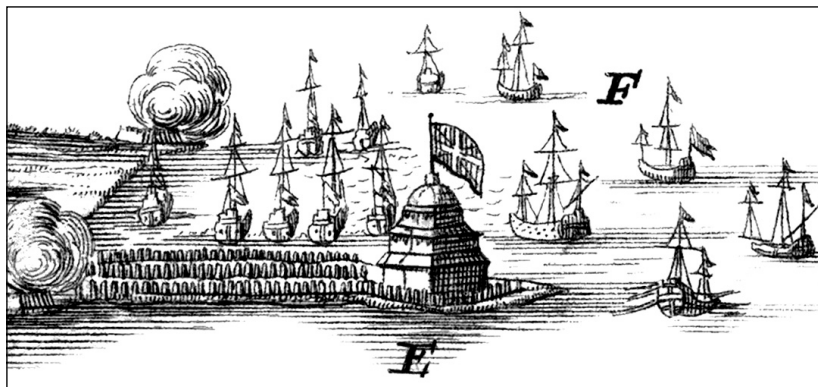

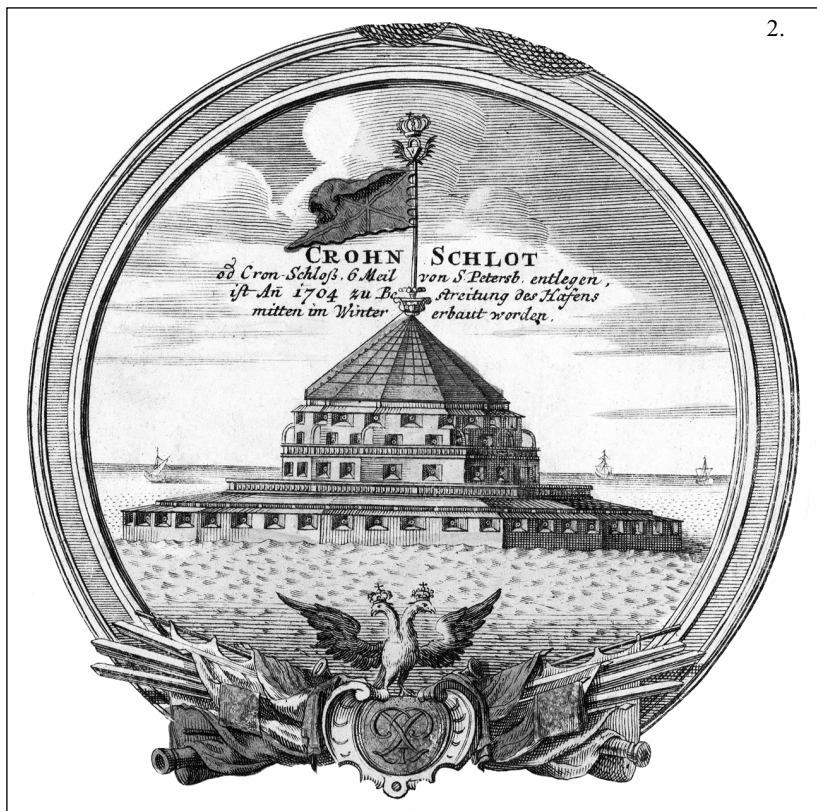
Рис. 6. Увеличенный фрагмент гравюры Г. Боденера-старшего «Вид Петербурга и Ретусари», 1705 г., с Кроншлотом, первоначальной (по П.А. Кротову) конструкции

Рис. 7. Форт Кроншлот, согласно различным источникам:

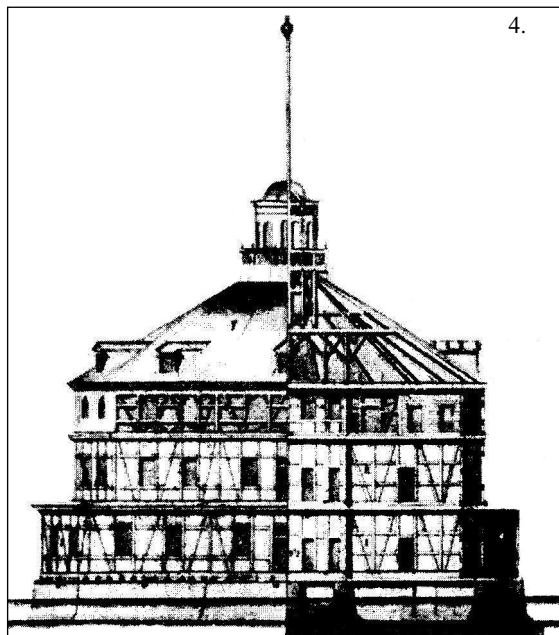
- 1) Гравюра А.И. Ростовцева, 1716 г. (Ю.М. Овсянников, 1987);
- 2) Виньетка к Плану С.-Петербурга 1720-х гг. (I.B. Nomann, 1720-е);
- 3) Виньетка к карте Ингерманландии 1727 г. (И.К. Кирилов, 2008);
- 4) Чертеж 1747 г. (В.Я. Крестьянинов, 2002)⁵³

2.

3.

Выше со ссылкой на барона Генриха Гюйссена (Гизена) было отмечено подобие башни Кроншлота «Англинскому замку в Риме», но диаметром «40 косых сажен»⁵⁴. Однако на гравюре изображена башня Кроншлота, включенная в примыкающие к ней иные вспомогательные фортификационные сооружения, аналогов которым мы не находим на рисунках 6–7.

Тем не менее изучение сохранившихся изображений самой башни приводит к выводу, что в большей степени она напоминает ту, которая выгравирована Ф.Г. Мюллером на медали в честь основания Кроншлота. На рисунке 8 представлены лицевая и оборотная стороны этой медали, а на рисунке 9 сопоставлены изображения Кроншлота на ней и на рассматриваемой гравюре. К сожалению, и в этом случае некоторое подобие изображений башни не приближает нас к решению вопроса о годе наводнения. Вся серия медалей на события Северной войны создана Ф.Г. Мюллером в 1713–1714 гг., и лицевая сторона одной из них вполне могла послужить прообразом для использования ее совместно с изображением наводнения и 1721, и 1777 гг. А это, в свою очередь, означает, что оценить дату наводнения, изображенного на рисунке 1, по элементам конструкции Кроншлота затруднительно.

Лицевая сторона. Башня Кроншлота. — Над[пись] по окруж[ости] PALLAS QVAM CONDIDIT — ARCEM IPSA COLIT • (Сама Паллада защищает крепость, ею основанную). Под обрезаем: CRON · SCHLOS | MEDIA NIEME A RVSS · IMPERA | TORE EXTRVCTA | MDCCCIII • | (Кроншлот среди зимы Российским Императором построенный 1704).

Оборотная сторона. Справа на берегу морском Паллада, опираясь на копье в левой руке, правую указывает на появившуюся среди моря птицу — зимородка в гнезде; слева вдали — два парусных корабля, на небе — вышедшее из за облаков лучезарное солнце; у ног Минервы, на берегу, лежат геодезические инструменты, — Надп[ись] по верху: HIBERNO TEMPORE NIDIS INCVBAT ALCYONE • | TVM VIA TVTA MARIS | *Ovid' Metam'.* | (На море путь безопасен, когда зимою Альциона в гнезде своем. *Овидий. Метаморфозы*). Под обрезаем: MARE FINNICI | SECVRITAS • | (Финского залива безопасность)».

На гурте медали, согласно Л.С. Пискуновой [1947, № 52]: «STETTIT ÆQUORE MOLES · VINCE MARI IAM TERRA TVARST | *Propert* | (На море стала громада. Побеждай на море, земля уже твоя)».

Рис. 8. Изображение Кроншлота на медали в память его сооружения (Ф.Г. Мюллер, 1713), по Е.С. Шукиной, (2000), В.П. Смирнову (1908) и Л.С. Пискуновой (1947)

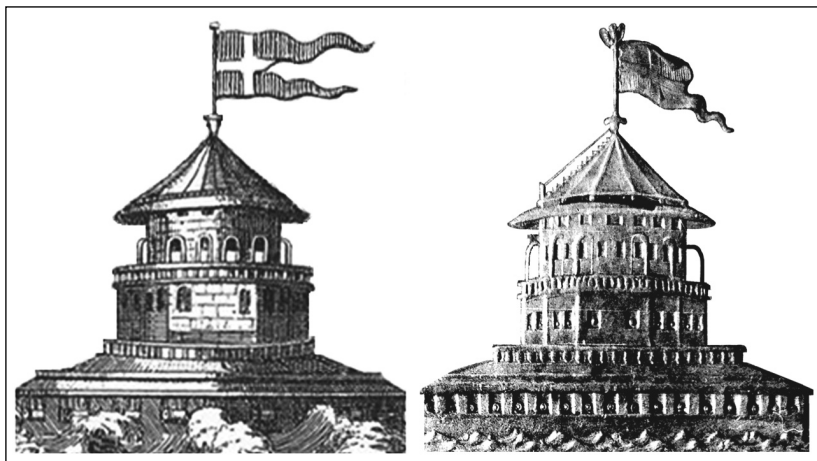

Рис. 9. Изображения башни Кроншлота на гравюре, слева, и на памятной медали Ф.Г. Мюллера (1713–1714), справа

Сопоставление ситуации на гравюре с реальными условиями во время наводнений в дельте Невы и с ландшафтной обстановкой в районе Санкт-Петербурга и Кроншлота

Детальное изучение гравюры с изображением наводнения привело авторов к заключению, что в ходе исследования нельзя обойти вниманием некоторые ее особенности.

Во-первых, волны на переднем плане ориентированы по большей части по направлению слева направо. Гюйс на Кроншлоте также указывает на штормовой ветер слева. В таком же направлении развеваются выпелы на флагштоке еще одной крепостной башни, изображенной за Кроншлотом, и на двух шхунах в левой части гравюры. А вот парус одной из этих шхун «поймал» ветер противоположного направления. Сильные же наводнения в дельте Невы всегда случаются при штормовых ветрах западных и юго-западных румбов. То есть параллель «запад-восток» проходит на гравюре слева направо. Но в таком случае меридиан должен пересекать эту параллель и проходить условно через центр гравюры, вдале от зрителя. При этом получается парадоксальная картина, так как в действительности Санкт-Петербург располагается к востоку, а не к северу от Кроншлота. Если же мысленно развернуть ориентировку местности на 90 градусов против часовой стрелки, то можно приблизительно восстановить географическую ситуацию с Кроншлотом, Невой и Петербургом, но в то же время прийти к новому противоречию: направ-

ление ветра по гюйсу на башне — с севера, по парусу шхуны в левой части гравюры — с юга, т.е. речь идет о таких направлениях ветров, при которых катастрофических наводнений в дельте Невы за примерно 300-летнюю историю наблюдений не было зафиксировано.

Во-вторых, фактическое отсутствие на гравюре острова Котлина (Ретусари) с Кронштадтом восточнее Кроншлота и замена его на Санкт-Петербург; а также застройка (архитектура) Санкт-Петербурга (Кронштадта) и конструкция Кроншлота, в которую помимо башни включены иные фортификационные сооружения, — слишком большие уступки реальной действительности.

В-третьих, заслуживает отдельного внимания ландшафт местности. Перед зрителем — холмистая или даже горная местность. Вершины и склоны некоторых гор, возможно, покрыты снегом или ледниками. Подобный ландшафт не имеет ничего общего с ландшафтом Санкт-Петербургского региона.

В-четвертых, только надпись на гравюре содержит сведения об ущербе, нанесенным Петербургу — Кроншлоту сильнейшим наводнением. Однако текст надписи о «большом наводнении» и о том, «какие оно погубило здания и суда», не соответствует информативности изображения на гравюре.

В-пятых, в двух указанных выше случаях (табл. 1, 2) гравюра была названа «фантастической». Авторы полагают, однако, такую формулировку несовместимой с бедствием, обрушившимся на конкретный город. Другой довод — детальность прорисовки отдельных зданий на гравюре — менее убедителен. Очевидно также, что гравер не был знаком с Санкт-Петербургским регионом. Но в таком случае на гравюре изображен, возможно, некий средневековый немецкий или другой европейский город, расположенный на берегах реки, текущей в меридиональном направлении и подверженный эпизодическим наводнениям, связанным, в частности, и с таянием горных ледников; надпись же на ней — более поздняя инородная вставка. Сведения о том, что в начале 1704 г. в Воронеже Петр I сделал деревянную модель башни Кроншлота, по которой осуществлялось ее сооружение⁵⁵, могут свидетельствовать о существовании прототипа Кроншлота, с которым царь мог ознакомиться, например, во время поездки в Европу в составе «Великого Посольства».

Заключение

1. Выполненный комплексный анализ собранных материалов не позволяет подтвердить ту или иную версию о дате изображенного на гра-

вюре наводнения, высказывавшуюся авторами различных публикаций на протяжении 121 года.

2. Совокупность изложенного — отсутствие информации об авторе гравюры, противоречивость сведений о времени ее создания, дате изображенного наводнения, отличие ландшафта на гравюре от местности Санкт-Петербургского региона, нарушение перспективы в расположении Кроншлота и Санкт-Петербурга, а также несоответствие изображенного города застройке Санкт-Петербурга и Кронштадта, а также Кроншлоту XVIII в., — свидетельствует о необходимости продолжения исследований по следующим направлениям: поиски первоисточника гравюры, сведений об ее авторе и публикациях ее до 1887 г., а также европейских прообразов изображенных на гравюре местности, наводнения и форта.

3. Авторы благодарят за помощь в поисках новых сведений о гравюре и обсуждение ряда связанных с ней вопросов Ию Гавриловну Яковлеву (главного хранителя отдела «Россики» Российской национальной библиотеки) и Геннадия Александровича Фафурина (научного сотрудника отдела редкой книги РНБ).

Примечания

¹ *Беспятых Ю.Н.* Новая столица. Петербургские наводнения при Петре I // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006. Реформы в России. XVI — начало XX в. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 52.

² *Пыляев М.И.*: 1) Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. С. 103; 2) Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / Вступит. ст. А.А. Алексеева. СПб.: Паритет, 2002. С. 115.

³ *Божерянов И.Н.*: 1) Невский проспект 1703–1903. Культурно-исторический очерк жизни С.-Петербурга за два века — XVIII и XIX. Юбилейное издание: В 2 т. [СПб.]: Отпечатано в Художественных мастерских Поставщика Двора Его Императорского Величества А.И. Вильборга. [1901–1903]. Т. I. С. 29; 2) Невский проспект 1703–1903. Культурно-исторический очерк жизни С.-Петербурга за два века. XVIII и XIX. С.-Петербург: [Товарищество Р. Голике и А. Вильборг]. [1910]. С. 29.

⁴ [*Головин Н.Н.*] Петербург в петровское время. Исторический очерк Н.Н. Головина. С 76 снимками со старинных гравюр, видами, портретами и пр. СПб.; М.: Издание Поставщиков Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольфа. [1903]. С. 25.

⁵ *Чистякова С.А.*: 1) История Петра Великого. 2-е изд. С картинами, портретами, автографами и пр. на отдельных таблицах и в тексте. СПб.; М.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольф. [1903]. С. 247; 2) История Петра Великого / (надпись библиографов на библиографической карточке: «Репринт. изд. — М.: Изд. «Буклет» [1992 ?] — Авт. указан перед вып. дан. ошибочно: А.С. Чистяков»). — М.: «Буклет», 1992. С. 473). В первом издании книги С.А. Чистяковой: История Петра Великого. Для юношества. Сост. по Голикову, Устрялову и Соловьеву С. Чистяковой. С 12 рис. Г. Пилатти. СПб.; М.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольф. 1875. [4], 580, IV с., — гравюра отсутствовала.

⁶ *Haumant Emile*. La Russie au XVIIIe Siècle par Emile Haumant maitre de conférences a la Sorbonne. Paris: Société Française D'Editions D'Art. [1903]. P. 245.

⁷ *Столянский П.Н.* К истории Петербургских наводнений // Наводнение в Ленинграде 23 сентября 1924 года. Л.: Изд. Комиссии по улучшению быта учащихся при Ленинградском Губисполкоме («КУБУЧ»), 1926. С. 18.

⁸ *Авсеенко В.Г.* (Составители: А.В. Вознесенский, И.А. Соболева). История города С.-Петербурга в лицах и картинках. Исторический очерк. СПб.: SOTIS (Сотис), 1995. С. 53. Репродукция гравюры помещена лишь в этом переиздании книги В.Г. Авсеенко его составителями. В первом издании: Авсеенко В.Г. 200 лет Санкт-Петербурга. Исторический очерк. Составил для городских начальных училищ В. Авсеенко. СПб.: Изд. С.-Петербургской Городской Думы, 1903. 296 с., она отсутствует.

⁹ *Померанец К.С.*: 1) Наводнения в Петербурге 1703–1997. СПб.: ТОО «Компания Балтрус»; ТОО «Балтус-бук», 1998. С. 13; 2) Три века Петербургских наводнений. СПб.: «Искусство — СПб», 2005. С. 19 (Серия «Три века Петербурга»).

¹⁰ *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 334.

¹¹ *Агеева О.* Глад, мор и потоп? За фасадом петровского «парадиза» // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. Специальный выпуск «Санкт-Петербургу — 300 лет». 2003. № 1. С. 27.

¹² Санкт-Петербург / Историко-географический атлас. СПб.: ЗАО «Центр геоинформационных исследований». 2003. С. 20. Автора статьи, поместившего репродукцию гравюры, установить не удалось.

¹³ *Беснятых Ю.Н.* Указ. соч. С. 52.

¹⁴ *Абрамов Д.И.* Становление спасательного дела в Российской Империи // Московский журнал. История Государства Российского. 2008. № 2. С. 7.

¹⁵ *Епатко А.Ю.* Фонтан «Лакоста» в Летнем саду // История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 24. В подписи к гравюре — описка в отсылке к источнику заимствования.

¹⁶ Weber F.-Chr. Des veränderten Russlands Zweiter Theil. Hannover. 1739. P. 19; перевод цитированного фрагмента выполнен Отделом внешнего обслуживания РНБ по заказу ГАО РАН от 14 марта 2002 г.

¹⁷ Согласно Беснятых Ю.Н. (Указ. соч. С. 51), дом «Карла Фридриха стоял на нынешней Дворцовой набережной, ближе к Почтовому дому и Царицыному лугу».

¹⁸ [*Берхгольц Ф.В.*]. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725 / Пер. с нем. И.Ф. Аммона. М.: Университетская типография. 1902. Ч. I (1721 г.). С. 150–154.

¹⁹ Там же. С. 168.

²⁰ *Беснятых Ю.Н., Сухачев Н.Л.* Первые в истории города // Нева. 1985. № 3. С. 189.

²¹ [*Головин Н.Н.*] Указ соч. С. 27.

²² [*Leutmann J.G., Euler L.*]. Ein Heftiger Sturm auf der See, welcher sich (den 12 October) um 10 Uhr Morgens anhub, und die Inseeln dieser Stadt mehrentheils unter Wasser setzte // Historische, genealogische und geographische Anmerkungen über die Zeitungen. St. 86, 88–91. 1729. С. 437–440, 445–460; [Лейтман И.Г., Эйлер Л.]. [О прибывании воды в Неве реке и о приливе и отливе] // Исторических, генеалогических и географических примечаний в Ведомостях части LXXXVI, LXXXVIII–XCI. 1729. С. 345–348, 353–368; Богданов В.И., Малова Т.И. И.Г. Лейтман, Л. Эйлер — авторы первых в России публикаций о наводнениях Невы и о морском приливе и отливе // Материалы Международной научной конференции «Леонард Эйлер и современная наука». Санкт-Петербург, 14–17 мая 2007 г. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2007. С. 327–333.

²³ *Мордухай-Болтовской А.И.* Уровни некоторых ленинградских наводнений XVIII и начала XIX века // Известия Государственного гидрологического института. 1932. № 48. С. 14–35.

²⁴ *Беспярых Ю.Н.* Указ. соч. С. 51.

²⁵ Там же. С. 53, 56.

²⁶ [*Нащокин В.А.*]. Записки Василия Александровича Нащокина / Под ред. и с предисл. Д.И. Языкова. СПб.: Императорская Академия наук, 1842. С. 12.

²⁷ Там же. С. 200–201.

²⁸ Журнал Санкт-Петербургской крепости (1717–1725 гг.) // Библиотека Академии наук (РАН), Отдел рукописей. Ф. 57. Д. 31.7.14. Л. 96.

²⁹ *Аллер С.* Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа Ноября 1824 года. СПб.: В типографии Департамента Народного Просвещения, 1826. С. 27.

³⁰ Журнал Санкт-Петербургской... Л. 96.

³¹ *Беспярых Ю.Н.* Указ. соч. С. 57. Здесь Ю.Н. Беспярых ссылается на научно-популярную книгу: Нежиховский Р.А. Река Нева и Невская губа. Л.: Гидрометеиздат, 1981. С. 105; в настоящей статье мы предпочитаем ссылаться на специализированное издание того же автора — Нежиховский Р.А. Вопросы гидрологии реки Невы и Невской губы. Л.: Гидрометеиздат, 1988. С. 219, — в которой высоты наводнений 1715 и 1721 гг. приняты равными соответственно 211 и 265 см в Балтийской системе высот, отличающейся от системы ординара у Горного института, согласно Р.А. Нежиховскому, на 11 см.

³² Санктпетербургские Ведомости. 1777. № 74 от 15 сентября.

³³ Tooke William. View of the Russian Empire during the Reign of Catharine the Second, and to the Close of the Present Century». In three volumes. London, 1799. Vol. I. P. 58–59.

³⁴ *Krafft W.L.* Notices et remarques sur les debordemens de la Néva a St.Petersbourg, accompagnées d'une carte representant la crue et la diminution des eaux du canal de Kronstadt, pour chaque jour de l'année 1777 // Acta Academiae Scientiarvm Imperialis Petropolitanae, pro Anno MDCCLXXVII. Petropoli: Týpis Academiae Scientiarvm. MDCCLXXX. P. 51–53; [Крафт В.Л.]. Известия и примечания г. академика Крафта о разлигиях Невы в Санктпетербурге, с присовокуплением таблицы прибывания и убывания воды в Кронштадтском канале каждого дня 1777 году // Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. CIX. С. 37–50; Ч. CXI. С. 77–80.

³⁵ Месяцослов на лето от рожества Христова 1779, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшия места Российской Империи. — В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. [1778]. С. 62.

³⁶ *Каратыгин П.П.* Летопись Петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. С. 18, 33.

³⁷ *Мордвинов И.* Петербургское наводнение Екатерининского времени в описании очевидца // Русский архив. Издаваемый Петром Бартевым (младшим). М.: Синодальная типография, 1916. Книга первая. С. 209–210.

³⁸ Наводнение в Петербурге 1777 года // Маяк, журнал современного искусства и образования, в духе народности русской. Санктпетербург: Издатель: С. Бурачек. В типографии Конрада Вингебера и сына, 1842. Т. IV. Кн. VII. Раздел «Смесь». С. 38–39.

³⁹ *Беспярых Ю., Сухачев Н.* Самое разрушительное // Нева. 1987. № 6. С. 197.

⁴⁰ [*Бауер Ф.В.*]. Нивелирование града Санкт-Петербурга. Сочиненное, бывшим господином генерал инженером, генерал квартирмейстером, и разных российских орденов кавалером фон Бауром в 1779^м году. Переведенное по Высочайшему повелению с иностранных языков на русский. в 1795^м году // Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Фонд графики истории города. 1795. 29 л.

⁴¹ *Мордухай-Болтовской А.И.* Указ. соч. С. 32.

⁴² *Малова Т.И.*: 1) Анализ материалов о метках высот наводнений Невы в Невских воротах Петропавловской крепости // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове. 2006. № 218. С. 220–232; 2) О высоте катастрофического наводнения Невы 10 (21) сентября 1777 г. // Доклады Академии наук (ДАН). 2008. Т. 422. № 5. С. 677–679.

⁴³ Богданов В.И., Малова Т.И.: 1) Об оценках высоты самого большого за всю историю Санкт-Петербурга катастрофического наводнения в устье Невы 7 (19) ноября 1824 г. // ДАН. 2009. Т. 424. № 2. С. 254–257; 2) О высоте катастрофического наводнения Невы 1924 г. // ДАН. 2009. Т. 427. № 3. С. 394–396.

⁴⁴ Письма Императрицы Елизаветы Алексеевны к матери, маркграфине Баденской Амалии (1797–1826). Предисловие Великого князя Николая Михайловича / Пер. с франц., послесловие и примечания В.В. Соловьева // Звезда. 2001. № 1. С. 79.

⁴⁵ Мюллер Филипп Генрих (Müller [Miller] Philipp Heinrich, 1654–1719), немецкий медальер, выполнявший, в частности, заказы Петра I; автор серии медалей на события Северной войны.

⁴⁶ Смирнов В.П. (Составитель). Описание русских медалей. СПб.: Монетный Двор, 1908. С. 87–88; Шукина Е.С.: 1) Серия медалей Ф.Г. Мюллера на события Северной войны в собрании Эрмитажа // Нумизматический сборник 1998. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 187–212; 2) Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1700–1917 гг. М.: ТЕРРА, 2000. С. 30–31.

⁴⁷ Готическое письмо (фрактур) — «острое» латинское письмо эпохи феодализма с ломаными очертаниями. Впервые возникло в X в. Особенное распространение получило в Германии; в XX в. постепенно вытеснено более простым, латинским [Энциклопедический словарь: В 2 т. / Главный ред. Б.А. Введенский. М.: Советская Энциклопедия, 1963. Т. I. С. 283].

⁴⁸ Gerlach von Hellmut. Kronstad, in seiner Aussicht mit einer Erklärung in freyen versen von Gerlach, Stud. Aus Sachsen. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, den 1. Junii 1738. 14 s.

⁴⁹ Кротов П.А. Начало Петербурга // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 643; [Гизен]. Журнал Государя Петра I с 1695 по 1709. Сочиненный Бароном Гизеном. Половина первая // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Часть третья. Во граде Святого Петра, Печатано с дозволения Указного, у Шнора 1787 года. С. 386.

⁵⁰ Богданов А.И. Описание Санктпетербурга / Отв. редакторы и составление вступительной части К.И. Логачев, В.С. Соболев; составление историко-географического ключа К.И. Логачев. СПб.: Северо-Западная Библейская Комиссия, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, 1997. С. 358. Отметим, что А.И. Богданов называет годом постройки первоначального Кроншлота 1703 г.

⁵¹ Кротов П.А. Указ. соч. С. 644.

⁵² Отдел эстампов Российской национальной библиотеки, XVI. 2095.

⁵³ Овсянников Ю.М. Доминико Трезини. Л.: Искусство, 1987. С. 32; *Homann Johan Baptist*. Topographische Vorstellung der Neuen Russischen Haupt-Residenz und See-Stadt St.Petersburg samt ihrer zu erst aufgerichteten Vestug welche von Ihro Czaar Majt. Petro Alexiewitz aller Russen selbst Erhalter... Nuremberg, 1726–1727; Атлас Всероссийской империи: Собрание карт И.К. Кирилова / Вступ. ст. О.А. Красниковой. Репринтное издание 1722–1737 гг. СПб.: Альфарет, 2008. 10 с.; факсимильно воспроизведены: 1 л. фронт., 1 тит. л., 1 л. посвящ., 34 л. карт: 5 л. рукописных карт. Карта Ингерманландии, 1727 г. [масштаб 1:385700]; *Крестьяннов В.Я.* Кронштадт — крепость, город, порт. СПб.: Остров, 2002. С. 7.

⁵⁴ [Гизен]. Указ. соч. С. 386.

⁵⁵ [Петров П.Н.]. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о Губерниях 1703–1782. Сочинение П.Н. Петрова, Действительного члена Императорского Археологического Общества и Почетного Вольного Общника И. А. Х. СПб.: Издание Глазунова, 1885. С. 43.

Петр Федорович — Император Всероссийский

В 1742 г. в результате дворцового переворота к власти в России пришла дочь Петра I — Елизавета. «Дщерь Петрова» была незамужней и бездетной и, согласно закону о престолонаследии, императрица должна была назначить преемника. Выбор Елизаветы Петровны пал на ее племянника — это был Карл Петр Ульрих, герцог Голштинско-Готторпский (1728–1762).

История этого герцогства восходит к XV в. Голштиния образовалась в 1474 г. из графств Голштиния и Штормарн. Будучи независимым герцогством, оно все же тяготело к Дании. Датский король Христиан III (1554–1559) был родоначальником датской «королевской старшей» линии; при нем в стране была введена Реформация. Брат Христиана III, герцог Адольф (сконч. 1586 г.), был основателем голштинско-готторпской династической линии, к которой и принадлежал Карл Петр Ульрих. (В 1720 г. Дания присоединила к своим владениям Шлезвиг, а в 1806 г. — Голштинию. В 1864 г. в ходе войны с Пруссией Дания лишилась Шлезвига, Голштинии и Лауэнбаха. С 1866 г. Голштиния стала частью прусской провинции Шлезвиг-Голштейн.)

По отцовской линии Карл Петр Ульрих был внуком шведского короля Карла XII; в детстве он воспитывался в лютеранской вере как наследник шведского престола. Современником Карла Петра Ульриха был Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833), известный писатель, участник Семилетней войны (1756–1763). Она велась прусским королем Фридрихом II (в союзе с Англией) против Австрии, России, Франции, Швеции и Саксонии. Вот что пишет А.Т. Болотов о Карле Петре Ульрихе, которому было суждено впоследствии стать всероссийским императором с именем Петр III: «Был сей государь хотя и внук Петра Великого, но не природный россиянин, но рожденный от дочери его Анны Петровны, бывшей в замужестве за голштинским герцогом Карлом-Фридрихом, в Голштинии, и воспитанный в лютеранском законе, следовательно, был природою немец и назывался сперва Карлом-Петром-Ульрихом. Сей голштинский принц был еще в 1742 г., и когда было ему только 14 лет от рождения, признаваем наследником шведского и российского престола, и получал уже от Швеции титул королевского высочества. Но так как императрица Елизавета, будучи незамужнею, не имела никакого наследника, а сей принц был родной ее племянник, то, избрав и назначив его

по себе наследником, выписала его еще вскоре по вступлении своем на престол из Голштинии, и он был еще тогда привезен к нам в Россию»¹.

Слухи о возможном приезде Карла Петра Ульриха в Россию циркулировали в дипломатических кругах, и вероисповедный фактор был одним из основных вопросов, обсуждавшихся в связи с этой темой. «Выбор веры» был тесно связан с выбором короны: либо православная Россия, либо лютеранская Швеция. Суть проблемы изложил в одном из своих донесений из Санкт-Петербурга Эдуард Финч, полномочный министр Великобритании при русском Дворе (с 1740 по 1742 гг.). В письме, отправленном 19 декабря (30 декабря н.ст.) 1741 г. на имя лорда Вильяма Гаррингтона, статс-секретаря короля Георга II, Э. Финч делится с ним своими соображениями. «О приезде сюда герцога Голштинского, конечно, думали, и давно, но по дальнейшим соображениям, кажется, решились не спешить, — пишет британский посланник. — Дело представляется так: если он прибудет сюда лютеранином, это явится обидой Греко-Российской Церкви и, следовательно, препятствием его видам на престол; если же он, напротив, приедет сюда, приняв Православие (согласно воле, выраженной в Манифесте Екатерины /1-й/), он немедленно становится наследником; но раз он в силах будет постоять за права свои, это именно и заставит видеть в нем опасного соперника и, при малейшем недовольстве, — первое орудие нового переворота. Если даже и этого не случится, его все-таки приходится призывать в шаткой надежде на то, что государыня (Елизавета Петровна. — *а. А.*) никогда не вступит в брак, или на то, что, в случае брака, у нее не будет детей. Такой брак не вероятен, но не может быть признан абсолютно невозможным. А между тем, решась на приезд сюда в качестве наследника престола, он должен отказаться от настоящих своих голштинских владений и от наследования в Швеции, которого, вследствие смерти королевы, ему, по естественному ходу вещей, уже ждать недолго: от наследования в Швеции — в силу коренных законов этой страны, от своих владений — в силу золотой буллы»².

В 1742 г. по приглашению Елизаветы Петровны Карл Петр Ульрих приехал в Россию. Хотя первоначально о причине его приезда официально не сообщалось, дипломаты были прекрасно осведомлены о подоплеке этого события. Так, 30 октября (10 ноября) того же 1741 г. английский полномочный министр при русском Дворе Сирил (Кирилл) Вейч отправил из Москвы в Лондон донесение, где, в частности, говорилось: «Вскоре после возвращения нашего в Петербург молодой герцог Голштинский провозглашен будет наследником русского престола. Его Высочество перейдет в лоно Греческой (т.е. Православной. — *а. А.*) Церкви, в вероучении которой его наставляли последнее время»³.

Герцог Карл Петр Ульрих принял Православие 7 ноября 1742 г. в Москве, где находилась тогда и Елизавета Петровна, и члены Св. Синода. Они пребывали в первопрестольном граде после недавней коронации императрицы. Перейдя в Православие, герцог Голштинский принял имя Петра Феодоровича; он причастился за литургией Св. Христовых Тайн, и по окончании богослужения был объявлен Елизаветой наследником престола с титулом Его Императорского Высочества Великого Князя.

А на следующий день в Лондон ушла «шифровка», отправленная К. Вейчем на имя графа Джона Гренвилла Картерета, статс-секретаря короля Георга II. «Хотя и не было никакого сомнения в намерении Ее Величества объявить юного герцога своим наследником, здесь никто не ожидал, что государыня сделает это так скоро или таким образом, не сообщив о своем намерении ни ближайшим советникам, ни Сенату, ни кому-либо из знатнейших сановников, кроме архиепископа Новгородского (Амвросий Юшкевич, 1690–1745 гг. — *а. А.*), воспитателя герцога — Брюммера да Штакельберга. Они только и были посвящены в тайну»⁴.

В донесении английского дипломата сообщается о том, что именно предшествовало этому событию. «Прошлую субботу вечером царица послала за генерал-прокурором и приказала ему немедленно составить проект указа или манифеста, которым бы герцог Голштинский провозглашался наследником престола, а подданные Ее Величества призывались в присяге высказать признание прав герцога на наследование и дать клятву поддерживать его, не щадя ни жизни, ни имущества»⁵, — повествует К. Вейч, а затем он возвращается к главной теме.

«Вчера поутру герцог был миропомазан и приобщился Св. Тайн в дворцовой церкви, по обряду Греческой Церкви; когда же обряд завершился, Ея Величество объявила герцога своим наследником с титулом императорского высочества Петра Феодоровича, великого князя Российского, — пишет английский дипломат. — Вечером при Дворе был большой съезд; вице-канцлер подошел ко мне и заявил о случившемся поутру. Такие же заявления сделаны им были и прочим министрам, после чего мы согласились обратиться вчера вечером при Дворе к герцогу с кратким приветствием, а на другой день — явиться к его высочеству в его собственные апартаменты с поздравлением по случаю столь знаменательного события. Все это и было выполнено. Приняты мы были великим князем очень любезно»⁶.

Основные торжества по «инаугурации» наследника российского престола предполагалось провести в Санкт-Петербурге. 16 ноября (ст. ст.) Св. Синод издал на этот счет специальные распоряжения. В это

время на Неве был ледостав, наплавные мосты разобраны, и не было возможности собрать петербургское духовенство со всех концов города в один собор. Поэтому торжества в честь наследника совершались в разных храмах Санкт-Петербурга. Непосредственное руководство празднествами осуществлялось через «домовую контору» епископа Никодима (Сребницкого) (1742–1745), незадолго перед этим назначенного на С.-Петербургскую кафедру. (Высочайший Указ об открытии Санкт-Петербургской епархии последовал 1 сентября 1742 г. 13 сентября состоялось определение Синода объявить о назначении на новую кафедру преосвященного Никодима (Сребницкого), уроженца Украины, впоследствии епископа Переяславского (1745–1751).). Кандидат на новую столичную кафедру и его титул были предложены архиепископом Амвросием (Юшкевичем) и митрополитом Арсением (Мациевичем): «Петербургский архиепископ титуловался бы Санкт-Петербургским и Шлюсенбургским, понеже Шлюсенбург первая крепость в Империи, взятая превеликими трудами и преславною победою державного вашего Величества родителя государя императора Петра Великого»⁷.

Главное празднество имело место в Петропавловском соборе в пятницу 19 ноября. К окончанию литургии в собор прибыли Пимен, епископ Вологодский и Белозерский; член Св. Синода Феофилакт, архимандрит Костромского Ипатьевского монастыря, а также духовенство с Петербургской и Выборгской стороны. По окончании литургии раздался благовест, били в большой колокол. Протодиакон Петропавловского собора о. Михаил Алексеев взшел на кафедру и громогласно прочитал императорский письменный указ, а также манифест о назначении наследника (см. Приложение 1) и присягу (Приложение 2), составленную на этот случай. По окончании чтения было совершено благодарственное молебное пение, а затем раздался колокольный звон и пушечная пальба со стен крепости.

В то же самое время преосвященный Никодим, епископ Санкт-Петербургский, служил литургию и благодарственный молебен в церкви Зимнего дворца, куда прибыло духовенство Исаакиевского собора и все свободные от несения череды священники церквей Адмиралтейской стороны и Московской заставы. С Адмиралтейства была открыта пушечная пальба. Васильевский остров был отрезан ледоставом и от Петербургской, и от Адмиралтейской стороны. И там в Андреевской церкви благодарственный молебен совершил иеромонах Кадетского корпуса в сослужении с духовенством острова. В Троицком соборе Александроневского монастыря молебен с благовестом, звоном и пушечной пальбой служил наместник иеромонах Досифей с братией.

По окончании молебна священники вернулись в свои соборы и церкви, где также отслужили благодарственные молебны; колокольный звон продолжался в течение трех дней. «И тако, — говорится в записях тех лет, — во всем С.-Петербурге оное торжество благополучно исправлено»⁸.

Первыми приняли присягу духовные и гражданские чины, присутствовавшие на молебне в Петропавловском соборе. Во главе гражданских чиновников стоял тогдашний обер-комендант в звании генерал-лейтенанта Стефан Лукич Игнатьев. На другой день присягнули в том же соборе все служившие в домовой архиерейской конторе. Такое же чиновное последование было совершено по всей Санкт-Петербургской епархии, а подписи в присяге собраны и поданы списками в Сенат⁹.

Так Петр Феодорович стал наследником российской короны, а между тем его по-прежнему желали видеть и на шведском престоле. 26 ноября (ст. ст.) 1742 г. К. Вейч сообщал из Москвы лорду Картерету в Лондон: «Вчера в 11 часов утра один поручик французской службы прибыл сюда из Стокгольма с депешами от французского посла Ломари с неожиданной вестью, что 26 октября (ст. ст.) на генеральном собрании сейма четыре сословия Швеции избрали и затем в торжественном заседании объявили герцога Голштинского наследником шведского престола. Несколько часов спустя вслед за французским курьером должен был выехать сюда и другой курьер от голштинского резидента в Стокгольме, Пехлина. Его скоро ожидают сюда с большими подробностями. Французский поручик упоминал также, будто два сенатора должны прибыть в Москву в качестве депутатов от сейма, дабы известить герцога о великом событии»¹⁰.

Однако, перейдя в православие, великий князь Петр Феодорович утратил права на лютеранскую Швецию, о чем и свидетельствует в своем донесении английский дипломат. «Приди эти новости десятью днями раньше объявления герцога наследником русского престола, до его сопричисления к Греко-Российской Церкви, при котором лютеранское вероисповедание предавалось анафеме, будь Его Высочеству предоставлено свободно избрать тот или другой престол, он, — полагаю — склонился бы скорее на предложение, сделанное ему Швецией, — пишет К. Вейч. — Но теперь уже поздно, и когда шведские депутаты на пути сюда узнают о провозглашении его наследником русского престола и о том, что он принял греко-российское вероисповедание, они, пожалуй, остановятся и не придут сюда с предложением ему короны, которой он воспользоваться не может по законам Швеции, после того как отрекся от протестантизма, признав его проклятою ересью, о чем и объявлено

печатно во всеобщее сведение на русском языке с большой торжественностью»¹¹.

В 1741–1743 гг. Швеция вела войну с Россией, и вопрос о наследнике престола стоял довольно остро. Вероисповедный вопрос внес неожиданные коррективы в расклад русско-шведского «пасьянса», и участники большой политики вынуждены были только гадать, как решится эта проблема. «Мне очень любопытно узнать, какое впечатление новость о провозглашении герцога Голштинского наследником русского престола и перемена им вероисповедания произведет в Швеции, — пишет К. Вейч. — Я послал Гюи Диккенсу с капитаном Дрентелем особенное сообщение об этом событии. Оно должно прийти в Стокгольм около 25-го ноября, и возможно, что шведы, узнав о перемене в положении герцога Голштинского, примут по вопросу о наследстве шведского престола какое-либо другое решение, более согласное с их действительными интересами и более приятное королю»¹².

Лишившись надежды занять шведский престол, Петр Федорович, однако, намеревался укрепить свои тылы в Шлезвиг-Голштейне. Но и здесь камнем преткновения стал его переход в православие. О том, как развивались события в этом направлении, пишет К. Вейч: «Что касается проекта царицы о возведении на престол герцога-администратора Голштинии, весьма вероятно, что в настоящее время она постарается осуществить свои взгляды, пользуясь содействием партии, которая провела избрание молодого герцога и которая, нет сомнения, предложит свои услуги в данном случае. Полагаю однако, что министры Ея Величества посоветуют ей воздержаться от поспешных решений»¹³.

А тем временем русско-шведская война шла к концу, и после заключения мирного договора в С.-Петербурге были устроены торжества. Впервые общенародные молитвы в присутствии царской фамилии стали совершаться в Казанской церкви, что «при Невской большой перспективе». После окончания войны дипломатические отношения России со Швецией постепенно стали восстанавливаться. 18 октября (29 октября) 1743 г. К. Вейч отметил в своем очередном донесении: «Вчера имел частную аудиенцию также генерал Дюринг и передал Ея Императорскому Величеству от короля шведского письмо с поздравлением по поводу вступления ея на престол, так как эта формальность еще не была соблюдена им ввиду войны»¹⁴.

Поскольку Петр Федорович все еще числился наследником шведского престола, то вопрос о Голштинии С.-Петербургу следовало согласовать со Стокгольмом. По этому вопросу между обоими Дворами велась переписка, и в результате, как сообщает К. Вейч, «Ея императорское Ве-

личество согласилась на то, чтобы наследный принц шведский отрекся от герцогской доли Голштинии, как того желают шведы, лишь бы тем не были нарушены права великого князя и младших членов Дома голштинского, которых Ея Императорское Величество, кажется, решила пока поддерживать против кого бы то ни было»¹⁵.

Отказ Петра Феодоровича от владения Голштинией привел к тому, что это герцогство стало предметом торга в европейских дипломатических кругах. Причем, как и раньше, вероисповедание Петра Феодоровича было решающим аргументом в споре. К. Вейч приводит выдержку из одной французской газеты, в которой было помещено сообщение на эту тему: «Английский посланник Тревор, получив депеши от его Великобританского Величества, имел совещание с председателем и с другими правительственными министрами, причем объявил (Нидерландским) Генеральным Штатам, что ввиду перехода герцога Голштейн-готторпского от протестантского вероисповедания к вероисповеданию греческому герцогство Голштинское по праву переходит к короне датской и что в случае возражений по этому поводу его Великобританское Величество обещал Дании помощь, согласно просьбе о том датского Величества. Вопрос о том, какое направление примет это дело, вызывает здесь большую тревогу»¹⁶.

Голштинский вопрос затронул интересы нескольких европейских держав, и, как сообщает К. Вейч, из Петербурга было направлено соответствующее предписание «послу в Гааге графу Головкину, чтобы он разузнал истину»¹⁷. В свою очередь, английский дипломат смог достать копию декларации, «будто бы формально сделанной Генеральным Штатам через Тревора»¹⁸. По мнению К. Вейча, эта декларация не представлялась ему подлинной, тем не менее он переслал ее текст в Лондон, поскольку она касалась прав наследника российского престола.

В заявлении, (якобы) сделанном английским посланником Тревором Нидерландским Генеральным Штатам (Гаага, 15 октября 1743 г.), говорилось следующее: «Его датское Величество приказал основательно расследовать дело о герцогстве Голштинском и нашел, что герцог не только лишился права на Голштинию и другие владения, зависящие от Голштинии и расположенные в Германии, но еще, что все земли эти должны быть присоединены к датской короне и бесспорно принадлежать ей по нижеследующим причинам и основаниям:

1. Герцог Голштейн-готторпский отрекся от протестантского закона и принял греческое исповедание, дабы быть признанным наследником русского престола, потому не может более иметь никаких владений в составе империи, ни даже располагать таковыми владениями в чью бы

то ни было пользу в ущерб Дании, так как не сделал этого до своего отречения от протестантского исповедания.

2. Законы и учреждения Германии прямо устанавливают по этому поводу, что никто не в праве владеть землями в пределах империи на правах монарха, коль скоро перейдет к какому-либо вероисповеданию помимо римско-католического, лютеранского, реформатского и проч.

Вследствие всего вышеизложенного Его датское Величество, опираясь на законы и другие основания, обратился к Его Великобританскому Величеству с просьбой оказать ему в деле этом, в случае сопротивления со стороны Голштинии, свои добрые услуги и своевременную помощь, какая потребоваться может. Его Великобританское Величество, со своей стороны обещав Его датскому Величеству всяческую помощь и поддержку, приказывает мне иметь честь уведомить о том Генеральные Штаты, пояснить им справедливые основания, заставляющие Великобританию принять участие в этом деле, и заявить в то же время высоким Штатам, что — раз герцог Голштинский окончательно лишился прав на земли, которыми владел в империи — герцогство Голштинское по праву переходит к королю датскому. Его Великобританское Величество льстит себя надеждою, что, если какие-либо интересы, дорогие республике, не позволят ей оказать в данном случае содействия Его Величеству, высокие Штаты по крайней мере сохранят в этом случае нейтралитет»¹⁹.

Так вероисповедные вопросы в те времена влияли на расстановку сил на европейском континенте. Но Елизавета Петровна по-прежнему поддерживала притязания своего племянника на Голштинию; по словам К. Вейча, императрица была «убеждена, что его отречение от лютеранства и переход к греческому исповеданию отнюдь не лишают его права на герцогство Голштинское»²⁰.

Однако вероисповедный фактор не был единственным препятствием к удержанию Голштинии в сфере интересов Российской империи. Необходимо было учитывать и геополитические соображения; как отмечал К. Вейч, «вопрос этот подлежит разрешению курфюрстов и имперских князей, которые, пожалуй, и не потерпят, чтобы русская царица стала одной ногой в Германии. Хотя царица относится к делу очень горячо, русские министры смотрят на него менее сангвинически и не желают, чтобы наследник русского престола удержал за собой герцогство, которое может вовлечь Россию в распри с соседями и, вопреки склонностям русских, вынудить их вмешательство во внутренние распри Германии»²¹.

А поскольку Голштиния могла «уйти под Данию», в С.-Петербурге было решено укрепить русско-датские связи путем заключения династического брака. С российской стороны в качестве жениха была пред-

ложена кандидатура все того же Петра Феодоровича, о чем шла речь в тогдашней дипломатической переписке. «Мне не удалось добыть копии с мемории генерала Дюринга, упомянутой в прежних моих депешах, — пишет К. Вейч, — но знаю, что она содержит два пункта, именно — отречение наследника от притязаний на герцогство Голштинское и предложение брака его Высочества с принцессою датскою»²². «Мне удалось добыть копию с ответа царицы на меморию Дюринга, — продолжает английский “штирлиц”. — Несмотря на некоторые ограничения в пользу наследственных прав великого князя на Голштинию, царица соглашается на отречение наследника; одобряет и его брак»²³.

Однако задуманная комбинация в силу ряда причин не была осуществлена, и в 1744 г. Петр Феодорович женился на принцессе Софии-Августе Ангальт-Цербстской (будущей императрице Екатерине II): «со-вокуплен браком на выписанной также из Германии немецкой принцессе, названной потом Екатериною Алексеевною»²⁴.

Перейдя в Православие из лютеранства, Екатерина Алексеевна стремилась стать «своей» в глазах окружавших ее придворных и духовенства. В отличие от своей супруги Петр Феодорович был человеком, далеким не только от православия, но и от Евангелическо-Лютеранской Церкви. Об этом писала, будучи уже вдовой, сама Екатерина II: «Петр III, исповедав веру по обряду Греческой Церкви, был объявлен наследником Елисаветы и великим князем Русским. В учителя ему дали Симона Тодорского, бывшего потом епископом Псковским. Принц был крещен и воспитан по обряду и в правилах самого строгого и наименее веротерпимого лютеранства. С детства он не хотел ничему учиться, и я слышала от его приближенных, что в Киле по воскресеньям и в праздничные дни стоило великих трудов, чтобы заставить его идти в церковь и подчиниться благочестивым обрядам и что в разговорах с Симоном Тодорским он по большей части обнаруживал отвращение от религии. Профессор Штелин, который должен был учить его математическим наукам и истории, собственно только играл с ним и служил вместо шута»²⁵.

Можно предполагать, что в своих записках Екатерина II допускала необъективность, особенно в отношении своего венценосного супруга, умерщвленного с ее ведома. Но вот свидетельство независимого наблюдателя А.Т. Болотова, жившего в Санкт-Петербурге как раз в период правления Петра III. «По особливому несчастью случилось так, — пишет Андрей Тимофеевич, — что помянутый принц, будучи от природы не слишком хорошего характера, был воспитан еще в Голштинии не слишком хорошо, а по привезении к нам в дальнейшем воспитании и

обучении его сделано было приставами к нему великое упущение; и потому с самого малолетства заразился уже он многими дурными свойствами и привычками и возрос с нарочито уже испорченным нравом»²⁶.

Сохраняя былую приверженность к лютеранству, Петр III с пренебрежением относился даже к внешнему соблюдению православного ритуала. В своих воспоминаниях Екатерина II приводит эпизод, относившийся примерно к 1749 г.: «В начале зимы я стала замечать, что великий князь что-то очень тревожен. Я не знала, что это такое. Он накупил себе немецких книг. Но что это были за книги! Часть их состояла из лютеранских молитвенников, другую составляли юридические процессы и рассказы о разбойниках»²⁷.

Вероисповедная теплорасхожденность стала одной из причин, по которой императрица Елизавета отстранила Петра Феодоровича от всех государственных дел и не допускала его на заседания Государственного совета. «И так как чрез то не оставалось ему ничего другого делать, как заниматься своими веселостями, то и делался он к правлению отчасу неспособнейшим, — пишет А.Т. Болотов. — Все дозволенное ему состояло в том, что он выписал несколько своих голстинских войск и в подаренном ему от императрицы Ораниенбаумском замке занимался экзерцированием оных и каждую весну и лето препровождал в сообществе молодых и распутных офицеров»²⁸.

Безразличие Петра Феодоровича к религиозной жизни России привело его в конце концов к гибели (1762 г.). Но за несколько лет до того заложником этой проблемы стал видный российский государственный деятель граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1767). В молодости он сделал блестящую карьеру: учился за границей, служил у курфюрста Ганноверского, с 1718 г. состоял при Дворе Анны Курляндской. С 1731 г. граф стал русским послом в Дании, с 1740 г. — кабинет-министром. С 1741 г. Бестужев-Рюмин стал вице-канцлером, а затем и канцлером при Дворе императрицы Елизаветы, и в этой должности руководил внешней политикой России.

С 1756 по 1762 гг. Россия принимала активное участие в Семилетней войне, и граф Бестужев-Рюмин был сторонником борьбы с Пруссией. Однако в самом начале войны он был лишен всех чинов и привилегий и сослан в Сибирь как государственный преступник. Вот как оценивал это событие А.Т. Болотов: «Достопамятное и всю Россию крайним изумлением поразившее падение бывшего тогда великим канцлером и первым государственным министром графа Бестужева, министра всеми хвалимого и всею Европою высоко почитаемого и даже всеми иностранными дворами уважаемого»²⁹.

Причина разжалования высшего сановника держалась в секрете, но уже вскоре поползли слухи о том, что граф пытался устранить Петра Феодоровича с политической сцены, за что и поплатился карьерой. По свидетельству А.Т. Болотова, «министр, предусматривая малую способность наследника к правлению государственному и приметив крайнее отвращение его от нашей российской религии и все прочие его дурные качества и свойства, затевал, составив подложную духовную (грамоту), исключить от престола законного наследника и доставить корону императорскую малолетнему еще тогда его сыну (Павлу. — *а. А.*), с тем чтобы до совершенного возраста его управляла государством его мать (Екатерина. — *а. А.*), с некоторыми из вельмож знаменитейших и сенаторов, которые были к тому именно и назначены. И так как все сие каким-то случаем было императрицею (Елизаветой. — *а. А.*) узнано и открыто, то и излила она за то гнев свои на Бестужева и, как вышеупомянуто, наказала его за дерзость лишением всех чинов и ссылкой»³⁰.

Примечательно, что другой царский сановник — Михаил Петрович Бестужев-Рюмин (1688–1760), также имел некоторое отношение к наследнику российского престола. Еще в марте 1743 г. английский посланник К. Вейч сообщал из С.-Петербурга: «Обер-гофмаршал (М.П. Бестужев-Рюмин. — *а. А.*) недоволен своим положением и с удовольствием принял бы назначение за границу. Но есть план, который, быть может, удастся: предполагается назначить его воспитателем великого князя. Его Высочество принял греческое вероисповедание и объявлен наследником русской империи, потому естественно и разумно было бы отдать его на руки русским и духовенству»³¹.

К счастью для Михаила Петровича ему удалось уклониться от участи придворного шута. В течение многих лет, вплоть до своей кончины, он был российским послом в Англии, Швеции, Пруссии, Польше и Австрии. Но все же какой-то рок довел над династией Бестужевых-Рюминых: жена Михаила Петровича — Анна Гавриловна (дочь канцлера Головкина) по подозрению в заговоре против императрицы Елизаветы (дело Лопухиной) подверглась наказанию кнутом и ссылкой, где и скончалась в 1761 г.

...Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 г.; о последующих событиях рассказывает шведский автор граф Гордт. Он был приглашен во дворец и даже побывал в зале, где находился гроб с телом усопшей. Во дворце шведский гость присутствовал за богослужением; во время литургии он находился на хорах, где имел встречу с наследником престола Петром III: «Большая часть особ, собравшаяся в галерее, пошла в церковь, а меня Корф провел на хоры, — пишет Гордт. — Государь несколько раз приходил туда, чтобы поговорить со мною»³².

Еще до погребения Елизаветы, 31 января 1762 г., Петр III прибыл в Царское Село, чтобы подготовиться к целому ряду празднеств; в тот же день император и его свита вернулись в Петербург³³. После похорон императрицы 8 февраля состоялось церемониальное шествие всего Двора в Царское Село. 10 февраля, в воскресенье, был отпразднован день рождения Петра III, которому минуло 34 года. Всенощное бдение было совершено в комнатах его супруги — Екатерины. На следующее утро в царскосельской дворцовой церкви началась литургия, после которой «предику» (проповедь) говорил архиепископ Петербургский Вениамин (1761–1762), а во время поздравлений, «подносимых духовными особами», с батареей гремели пушки³⁴. Среди приглашенных на эти торжества был шведский граф Гордт. «День начался Божественной литургией; молебствие совершалось при пушечной пальбе; в церкви присутствовал государь»³⁵, — отмечал Гордт в своих записках.

О первых (и последних) шагах царствования Петра III подробно пишет А.Т. Болотов, которому довелось жить в Петербурге именно в этот период времени. В столицу Российской империи Андрей Тимофеевич отправился из Кенигсберга, где он «жил в мире и тишине, занимаясь своими учеными упражнениями»³⁶.

Русский писатель и путешественник словно предчувствовал, что в городе на Неве могут произойти трагические события; он задавался вопросом и о своей собственной судьбе. «Сими и подобными собеседованиями с самим собою занимался я во все время въезжания моего в Петербург, — вспоминал А.Т. Болотов. — Но наконец одна духовная ода славного и любимого моего немецкого пиита Куноса, ода, которую во всю дорогу я твердил наизусть и которая, начинаясь сими словами: “Есть Бог, пекущийся обо мне, а я, я смущаюсь и горюю и хочу сам пещися о себе”, неведомо как ободряла и подкрепляла меня при смутных обстоятельствах тогдашних, — прогнала и рассеяла и в сей раз, как вихрем прах, все смутные помышления мои и произвела то, что я въехал в город сей с спокойным и радостным духом»³⁷.

Рассказывая о кратком периоде правления Петра III, А.Т. Болотов старался выявить то положительное, что исходило из канцелярии императора. Так, 18 февраля 1762 г. был обнародован «Манифест о вольности дворянства». «Первейшею и наиглавнейшею милостью из всех было освобождение всего российского дворянства из прежде бывшей неволи и дарование оному навсегда совершенной вольности, с дозволением ездить всякому, по произволению своему, в чужие земли и куда кому угодно»³⁸, — так оценивает Болотов значение этого Манифеста.

Другим деянием Петра III было существенное ограничение власти тайной полиции, особенно усилившей свое влияние в 10-летний период правления Анны Иоанновны (1730–1740). Как отмечал А.Т. Болотов, «не менее важное благотворительство состояло в том, что он (Петр III) уничтожил прежнюю нашу и столь великий страх на всех наводившую и так называемую тайную канцелярию, и запретил всем кричать по-прежнему “слово и дело” и подвергать чрез то бесчисленное множество невинных людей в несчастья и напасти. Превеликое удовольствие учинено было и сим всем россиянам, и все они благословляли его за сие дело»³⁹.

И если бы Петр III ограничился подобными реформами в светской области, то он быстро снискал бы почет и уважение во многих кругах российского общества. По мнению Болотова, «со всем тем по некоторым делам, произведенным императором в первые месяцы его правления, можно было судить, что он от натуры не таков был дурен, но имел сердце, наклонное к добру и такое, что мог бы он быть добродетельным»⁴⁰.

А.Т. Болотов старается сохранять объективность в оценке государственной деятельности Петра III. В своих записках он снова и снова повторяет, что «сими и некоторыми другими благотворительностями начал было сей государь вперять о себе лучшие мысли в своих подданных, и все начали было ласкаться надеждою нажить в нем со временем государя доброго»⁴¹.

Но роковой ошибкой императора, приведшей его к гибели, было то, что он начал вмешиваться в дела Русской Православной Церкви, затронув как имущественные интересы духовенства, так и религиозные чувства простых верующих. И, как продолжает Болотов, «последовавшие за сим другие и нимало с сим несообразные деяния, скоро в подданных сию надежду паки разрушив, увеличили в них ропот и негодование к нему еще более. К числу сих принадлежало наиглавнейше то с крайнею неосторожностью и неблагоразумием сопряженное дело, что он вознамерился было переменить совсем религию нашу, к которой оказывал особое презрение»⁴².

Начнем с имущественных интересов духовенства. Будучи в душе протестантом, Петр III стремился, как и в свое время Мартин Лютер, сделать Церковь «дешевой», не отягощающей императорскую казну. Ведь Реформация XVI в. в немецких землях началась с ограничения земельных владений католических монастырей, а затем и окончательного упразднения всех обителей. В этом направлении начал действовать и Петр III: «Начало и первый приступ к тому учинил он изданием указа об отобрании в казну у всех духовных и монастырей все их многочис-

ленные волости и деревни, которыми они до сего времени владели, и об определении архиереям и прочему знатному духовенству (фиксированного. — *а. А.*) жалования, также о непострижении никого вновь в монахи ниже тридцатилетнего возраста»⁴³, — пишет Болотов, замечая при этом: «Легко можно всякому себе вообразить, каково было сие для духовенства и какой ропот и негодование произвело во всем их корпусе; все почти вьявь изьявляли крайнюю свою за сие на него досаду»⁴⁴. Следует отметить, что впоследствии Екатерина II предприняла сходные действия в отношении имущественных прав Русской Православной Церкви. Но к тому времени императрица уже правила самовластно; она всячески демонстрировала свою набожность и приверженность к традициям православия. Кроме того, пополняя казну за счет церковных владений, государыня вела войну за освобождение юга России и Крыма от власти мусульман, что в какой-то мере морально оправдывало ее политику в отношении Церкви. Что касается Петра III, то, взойдя на Российский престол, он по-прежнему был теплохладен в отношении Церкви вообще и православия в частности.

Примером тому может служить рассказ А.Т. Болотова о том, как весной 1762 г. императорский Двор вселился в новопостроенный Зимний дворец. «Переселение сие произведено в Великую Субботу, при котором случае не было однако никакой особой церемонии, — отмечает Андрей Тимофеевич. — А и самое духовное торжество праздника не было так производимо во дворце, как в прежние времена, при бывшей императрице, ибо так как государь не хранил вовсе поста и имел отвращение от нашей религии, то и не присутствовал даже, по прежнему обыкновению, при заутрени, а предоставил все сие одним только духовным и императрице, своей супруге. И все торжество состояло только в сборище к нему во дворец всех знаменитейших особ для поздравления его как с праздником, так и с новосельем»⁴⁵.

Вот что писал о церковной политике Петра III очевидец переворота 1762 г. немецкий историк Август Людвиг Шлецер: «Сказать правду, Петр III выводил из терпения. Уже одно презрение, оказываемое русскому духовенству и богослужению в сравнении с приличием, с каким он присутствовал при лютеранском богослужении в Кронштадте, должно было раздражить всю нацию»⁴⁶.

При этом следует отметить, что у А.С. Пушкина можно почерпнуть сведения, которые представляют Петра III в более привлекательном свете. В рецензии на «Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, изд. протоиереем Иоанном Григоровичем» (СПб., 1835), Пушкин сообщает, что владыка Георгий, чья епархия нахо-

дилась под двойным гнетом католической Польши и униатской Церкви, неоднократно обращался к православной России, прося заступничества. По этому поводу поэт замечает, что «императрица Елисавета Петровна, перед самой своей кончиной, и государь Петр III, при своем восшествии на престол, требовали от польского Двора, чтоб гонения над нашими единоверцами были прекращены»⁴⁷. Но если Елизавета Петровна приняла эти действия, защищая православных, то Петр III продолжил ее линию скорее как протестант, борясь против католиков.

Воцарившись 25 декабря 1761 г., Петр III, по сообщениям его современников, «приказал выносить иконы из домовых церквей, созвал в Пруссии конклав для обсуждения мер к объявлению в России лютеранства господствующей верой»⁴⁸. Летом 1762 г. в Ораниенбауме состоялось освящение новой гарнизонной церкви; как почитатель Фридриха II, Петр III сохранил пристрастие к прусским порядкам и придавал чрезмерное значение армии в жизни государства. «Офицеры и нижние чины приводятся к присяге в дворцовой церкви»⁴⁹, — записал Яков Штелин 30 июня 1762 г. о придворных традициях, введенных в Ораниенбауме. (Яков Штелин, родом из Мемлингена, в 1735 г. был приглашен в Россию, трудился при Академии наук; 3 года преподавал историю великому князю Петру Феодоровичу.)

Тяготение Петра III к армейской дисциплине проявлялось постоянно, и в сообщении Штелина об освящении Ораниенбаумского храма это видно совершенно отчетливо. В своих записках под 23 июня он отметил: «Освящение вышеупомянутой церкви в присутствии Его Императорского Величества, его светлости герцога Георга и его принцев, гетмана, фельдмаршала Трубецкого, канцлера и вице-канцлера и всех прочих генералов, кавалеров и дам. Во время молебствия пальба из орудия и троекратный залп из гарнизона»⁵⁰.

Петр III не только проявлял пристрастие к прусской муштре в армии, но и в Русской Православной Церкви он пытался ввести элементы протестантизма. Так, например, по словам Штелина, накануне освящения «Его Величество (Петр III. — *а. А.*) был со мной в новой гарнизонной церкви и приказал уже велеть поставить орган»⁵¹.

Но если бы дело ограничилось интерьером придворной церкви, это не вызвало бы массового ропота у простых православных верующих. Петр III был совершенно оторван от российской реальности; он был «окружен злыми и негодными людьми и последовал внушаемым в него злым советам, более, нежели сколько надобно было»⁵².

Продолжая действовать в протестантском духе, Петр III встал на путь иконоборчества и тем самым подписал себе смертный приговор.

Вот что рассказывает Болотов о самоубийственной политике Петра III: «Изъявил он и все мысли свои в пространстве, чрез призвание к себе первенствующего у нас тогда (в Св. Синоде. — *а. А.*) архиеерея Димитрия Сеченова (1709–1767, с 1757 г. митрополит Новгородский. — *а. А.*) и приказание ему, чтоб из всех образов, находящихся в церквах, оставлены были в них одни изображающие Христа и Богородицу, а прочих бы не было; также чтоб всем попам предписано было бороды свои обрить и вместо длинных своих ряс носить такое платье, какое носят иностранные пасторы»⁵³.

Предугадать реакцию новгородского святителя не составляет труда. Воспитанник Московской Славяно-греко-латинской Академии, он в 1740 г. был поставлен во главе миссии, отправленной в поволжские губернии для обращения в христианство мусульман. За два года он обратил в православие более 17 тысяч «инородцев», а затем только в одной Нижегородской епархии, где он с 1742 г. был епископом, еще 50 тысяч⁵⁴. И вот этому-то ревностному архипастырю теперь предписывалось своими руками разрушить то, что составляло основу национальной церковной традиции.

«Нельзя изобразить, в какое наущение повергло сие приказание архиепископа Димитрия, — вспоминал Болотов. — Сей благоразумный старец не знал, как и приступить к исполнению такового всего меньше ожидаемого повеления и, усматривая ясно, что государь не иное что имел тогда в намерении своем, как пременение религии во всем государстве и введение лютеранского закона. Он принужден был объявить волю государеву знаменитейшему духовенству, и хотя сие притом только одним до времени осталось, но произвело уже во всех духовных великое на него неудовольствие, поспешествовавшее потом очень много к бывшему перевороту»⁵⁵.

Восстановив против себя духовенство, Петр III вызвал недовольство и в русских армейских кругах. Дело в том, что Россия добилась больших успехов в ходе Семилетней войны, заплатив за это тысячами жизней своих солдат. Так, 19 (30) августа 1757 г. русские войска одержали победу в битве при Гросс-Егерсдорфе; 1 (12) августа 1759 г. — победу при Кунерсдорфе, а 26 сентября (9 октября) 1760 г. русские войска заняли Берлин.

Фридрих II был на грани поражения; его спасла только кончина Елизаветы Петровны и воцарение ее наследника — Петра Феодоровича. Вступив на Российский престол, Петр III повелел вывести русские войска из Пруссии, а 5 мая (24 апреля) 1762 г. он заключил с Фридрихом II мирный договор. О личных симпатиях Петра III к Фридриху II упоминает А.Т. Болотов: «Каким-то образом случилось ему (Петру III. — *а. А.*)

сдружиться по заочности с славившимся тогда в свете королем Пруссии (Фридрихом II, 1712–1786. — *а. А.*) и заразиться к нему непомерною уже любовью и не только почтением, но даже подобоострастием самым»⁵⁶.

Каковы же были причины того, что, не имея личного знакомства с Фридрихом II, Петр III с ним «сдружился по заочности»? По мнению Болотова, «помогло к тому много вошедшее в тогдашние времена у нас в сильное употребление масонство. Он (Петр III. — *а. А.*) введен был как-то льстецами и сообщниками в невоздержностях своих в сей орден, а так как король Прусский был тогда, как известно, гранд-метром сего ордена, то от самого того и произошла та отменная связь и дружба его с королем Прусским, поспешествовавшая потом так много его несчастию и самой пагубе»⁵⁷.

На чем же основывал русский писатель свои соображения? В своих записках он упоминает о том, что слухи на этот счет широко были распространены в российской столице. Кроме того, весьма ценны для прояснения этого вопроса и личные свидетельства А.Т. Болотова. Вот что пишет Андрей Тимофеевич по этому поводу: «Будучи еще в Кенигсберге и зашед однажды пред отъездом своим в дом к лучшему тамошнему переплетчику, застал я нечаянно тут целую шайку тамошних масонов и видел собственными глазами поздравительное к нему (Петру Феодоровичу. — *а. А.*) письмо, писанное тогда ими именем всей тамошней масонской ложи; а что с королем Прусским имел тогда он тайное сношение и переписку, производимую через нашего генерала Корфа и любовницу его графиню Кейзерлингшу, и что от самого того отчасти происходили и в войне нашей худые успехи, о том нам всем было по слухам довольно известно; а, наконец, подтверждало сие некоторым образом и то, что повсеместная молва, что наследник был масоном, побуждала тогда весьма многих из наших вступать в сей орден, и у нас никогда так много масонов не было, как в тогдашнее время»⁵⁸.

Подводя итоги, можно еще раз перечислить те «арбузные корки», на которых поскользнулся Петр III. Это посягательства на права и традиции Русской Православной Церкви, германофилия, масонство... Недовольство императором нарастало как снежный ком. Что же сыграло роль «спускового крючка», обрушившего на его голову «снежную лавину»?

В одном из своих писем Екатерина II, перечисляя причины, вызвавшие переворот в ее пользу, упоминает и о своих личных мотивах. «Петр III совершенно потерял рассудок, — сетует государыня. — Он хотел распустить гвардию, вывести ее за город и заместить голштинцами, хотел ввести иное вероисповедание, жениться на Елизавете Воронцовой, а со мной развестись и засадить меня в тюрьму»⁵⁹.

Опираясь на верную ей гвардию, Екатерина II 23 июня 1762 г. отстранила Петра III от управления государством, причем «духовенство все было за нее»⁶⁰. Испанский посланник маркиз П. де Альмодовар, который находился в Петербурге в дни переворота, сообщал в Мадрид: «В опубликованном манифесте кратко говорится, что Императрица взошла на престол по воле народа, что она свергла императора за его неуважение к религии и за его приверженность к опасным новшествам, которые он желал ввести»⁶¹.

Характерно, что в одном из первых распоряжений участники переворота испрашивали у Екатерины скорейшего разрешения «вносить обратно в (домовые) церкви образа, убранные по распоряжению Петра III»⁶². Петр III был вынужден отречься от императорской власти; он написал письмо, в котором обращался к Екатерине II: «Прошу Вас отпустить меня скорее с назначенными лицами в Германию»⁶³, где до воцарения на российский престол он был герцогом Голштинским. Но история распорядилась иначе, и 7 июля он был убит в загородной резиденции в Ропше.

Весьма символично, что в самый тяжелый момент своей жизни Петр III обратился за духовной поддержкой в церковь Ораниенбаума. Как сообщает Штелин, «при перевороте Петру III несколько раз делалось дурно, и он посылает за священником тамошней русской церкви»⁶⁴. Куда же посылал обреченный самодержец? Сведения о храмах Ораниенбаума содержатся в трактате петербургского историографа немецкого происхождения И.Г. Георги. Он сообщает о том, что во дворце «в одном флигеле находится небольшая греческая (православная. — *а. а.*) церковь»⁶⁵. Вот еще одно замечание того же автора, относящееся к Ораниенбауму начала 1780-х гг.: «Кроме церкви и трактира, имеются в городе токмо деревянные дома. Лютеранцы имеют здесь зал для богослужения и немецкого проповедника»⁶⁶.

О некоторых подробностях переворота 1762 г. А.С. Пушкин сообщает в «Застольных беседах». Одна из них, озаглавленная «Разговоры с И.К. Загряжской», датируется 12 августа 1835 г. Собеседница поэта была свидетельницей тех событий, и с ее слов Пушкин записал такие строки: «Мы приехали в Ораниенбаум. Государь пошел в крепость, а мы во дворец. На другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже все. Государь был очень жалок. На ектенье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам “Ура!”»⁶⁷.

Примечательно, что накануне переворота, как сообщает де Альмодовар, «иностранные послы и весь Двор были приглашены в Петергоф, где

должны были оставаться до 11 июля, ибо 10-го должно было состояться большое празднество по случаю дня святых Петра и Павла»⁶⁸. Император Петр III прибыл на празднества из Ораниенбаума в Петергоф, не предполагая, что его дни уже сочтены...

Один из членов Мальтийского ордена, прибывший в С.-Петербург в конце XVIII в., дал такую характеристику этому сложному периоду: «Петр III конфисковал владения духовенства в пользу короны и низвел его на степень простого служилого сословия. Императрица Екатерина в своих лицемерных воззваниях упрекала своего несчастного супруга за его ненависть к духовенству и Церкви и сделала из нее предлог к его осуждению; но она поостереглась вернуть духовенству то, что у него отнял император, и этот изобильный источник средств во все время ее царствования служил для обогащения ее фаворитов и щедрого покровительства искусствам и полезным учреждениям»⁶⁹.

Обстоятельства насильственной смерти Петра III не разглашались, и дипломаты, получившие официальные сведения, добросовестно излагали их в своих отчетах. Вот что, например, сообщал в Лондон Роберт Кейт, английский министр при русском Дворе: «В прошлое воскресенье в десятом часу вечера секретарь Иностранной Коллегии принес мне прочитать бумагу, написанную на французском языке и следующего содержания. Министр русской императрицы считает долгом известить иностранных министров, что бывший император вчера скончался от сильного припадка колики вследствие геморроя, которому он бывал часто подвержен. Император умер на маленькой казенной даче, в 18 верстах расстояния от Царского Села, и в ночь с воскресенья на понедельник тело его перевезено в (Александро-) Невский монастырь, где и находится в настоящую минуту и куда народ стекается толпами, чтобы взглянуть на него. Похороны, как слышно, будут завтра или послезавтра»⁷⁰.

А еще через несколько дней английский дипломат отправил из С.-Петербурга очередное донесение, в котором были такие строки: «Покойного императора похоронили в среду утром в Невском монастыре без всякой церемонии в присутствии чинов первых пяти классов»⁷¹.

Переворот 1762 г., связанный с насильственной кончиной Петра III, отозвался в России восстанием Пугачева (1773–1775 гг.), который, как известно, выдавал себя за отстраненного от власти императора. Для того чтобы разоблачить самозванца, в церквях зачитывались архиерейские увещания, призывавшие православных христиан не верить лже-Петру. В пушкинском архиве сохранился текст одного из таких документов. Это разосланное по храмам 7 апреля 1774 г. Увещание, составленное Преосвященным Вениамином, архиепископом Казанским и Свияжским.

В сопроводительном тексте сообщается, что это Увещание «по вся воскресные и праздничные дни при народном собрании было читано, коим отчаянный (отчаявшийся. — а. А.) народ наслаждался, был весьма подкреплен, и волнующиеся духом о имени покойного государя императора Петра третьего, которое взял на себя злодей, будучи уверены Его Преосвященством, в мыслях успокоились и питались наслаждением онго недовольно слышанием в церквах, но и брали в дома с великою жадностью и, друг другу то уверение Его Преосвященства рассказывая, за подлинно все признавали императора Петра третьего умершим, одним словом сказать, что весь город о том только и говорил»⁷².

Текст Увещения интересен тем, что архиепископ Вениамин в 1762 г. присутствовал в С.-Петербурге при похоронах императора Петра III и, как очевидец этого скорбного события, приводит такие подробности, которые со временем были бы забыты и таким образом утрачены для русской истории. Поэтому следует привести полностью текст этого документа, сохранившегося в пушкинском рукописном архиве.

«Божиею милостью смиренный Вениамин, архиепископ Казанский и Свияжский.

И се свидетеля Бога на душу мою не ложно призывая, что Петр третий бывший император всероссийский 1762 года июля в первых числах по власти Всемогущего Бога в Петербурге скончался, тело его того ж июля в 6 числе на утренней заре привезено в Александро-Невский монастырь и поставлено было в зале, в тех деревянных покоях, в которых я, будучи в то время Петербургским архиепископом, жительство имел, где и стояло оно чрез несколько дней, куда по обычаю древнему приходили премногие тысячи знатнейшего, среднего и простого народа для отдания ему последнего долгу, а потом в присутствии всего Святейшего Синода и многого духовенства, в прибытии правительствующего Сената, премногих вельмож, знатных как российских, так и иностранных особ и других людей из помянутой залы перенесено с подобающего церемониею в церковь и поставлено на уготованном приличествующем царской персоне месте, где по совершении Божественной литургии и по отпелии погребения мною самим с прочими преосвященными архиереями синодальными членами, как то: Димитрием архиепископом Новгородским, Гедеоном епископом Псковским, Палладием епископом Рязанским, Афанасием епископом Тверским, Порфирием епископом Коломенским, Лаврентием архимандритом Свято-Троицким Сергиевы Лавры и прочего духовенства, погребено в церкви святого Александра Невского и запечатлено земною перстиею мною ж.

Вот кратчайшая наидостоверная, не токмо российскими тмочисленными народами утвержденная, но поелику от всех коронованных монархов на то время в Петербурге находившиеся и присутствовавшии при погребении сей толь знаменитой церемонии очевидные были свидетели посланники, о том уведомивши вскоре высокие дворы свои все целою почти Европою засвидетельствованная повесть»⁷³.

В конце XVIII в. один из бытописателей С.-Петербурга бегло упомянул о могиле Петра III: «В небольшой из здешних церквей находятся некоторые гробницы императорской фамилии, как-то: Петра III, принцессы Марии, великия княгини Наталии Алексеевны и еще других»⁷⁴. Титул «Императора Всероссийского» давал его обладателю посмертное право на погребение в Петропавловском соборе, но в отношении Петра III это не было исполнено вплоть до кончины Екатерины II.

Примечательно, что в своем завещании, составленном в 1792 г., императрица Екатерина указала место для своего погребения в зависимости от того, где ее застигнет смертный час. Среди прочих своих загородных резиденций государыня упомянула и Пеллу (близ нынешней Мги): «Буде — в Пелле (умру), то перевозить водой в Невский монастырь»⁷⁵. Так что была некоторая вероятность того, что Екатерина II могла быть похоронена рядом со своим супругом Петром III. Но кончина застала императрицу в Санкт-Петербурге, и она была с почестями погребена в Петропавловском соборе рядом с... Петром III.

В течение 34 лет имя Петра III произносилось в России только шепотом. Однако с восшествием на престол Павла I — сына Петра III и Екатерины II — отношение к покойному императору изменилось, и в 1796 г. усыпальница Петропавловского собора приняла его прах под свои своды. Об этом пишет французский аббат Жоржель, прибывший в Петербург в качестве посланца мальтийского ордена. Упомянув о том, что «собор или церковь в честь святых Петра и Павла находится посреди крепости; снаружи он замечателен лишь своим золоченым шпилем, а внутри гробницами Петра I, супруги его Екатерины I, императриц Анны и Елизаветы, Петра III и Екатерины II»⁷⁶, аббат Жоржель продолжает: «Павел I велел перенести туда тело своего отца (Петра III. — *а. А.*). Вся Европа знает трагическую кончину этого императора и историю захвата власти его супругой. После умерщвления он был без всякой пышности похоронен в церкви святого Александра Невского. По восшествии на престол его сын велел вырыть из земли тело отца, положить его на парадное ложе во дворце, воздать ему все почести, приличествующие государю, и приказал затем похоронить его рядом с Екатериной II в собо-

ре... Эта церковь, — добавляет Жоржель, — от пола до сводов увешана трофеями, отнятыми у врагов Империи»⁷⁷.

Французская писательница Жермена де Сталь, побывавшая в России в 1812 г., вторит своему соотечественнику: «Когда Павел I вступил на трон, он приказал короновать останки своего отца Петра III, который не мог покоиться в крепости, не удостоившись этой чести при жизни. По приказу Павла I вновь провели церемонию похорон его отца и его матери Екатерины II»⁷⁸.

Об этом необычном событии упоминает в своих записках знаменитый романист Александр Дюма, побывавший в Санкт-Петербурге в 1858 г. Французский писатель, уделивший достаточно внимания обстоятельствам гибели Петра III в Ропше⁷⁹, не мог умолчать о переносе его останков из Александро-Невского монастыря в Петропавловский собор. Вот как происходило все это в изложении Александра Дюма: «Павел I отправился поклониться праху отца в Лавру Святого Александра Невского, спустился в подземелье и, приказав старому монаху показать забытую гробницу, заставил ее открыть, преклонил колена перед останками, снял с руки скелета перчатку и 3 раза поцеловал холодную длань, после чего долго и благоговейно молился, приказав поднять гроб на хоры. Он распорядился, чтобы все те почести, которые воздавали во дворце умершей Екатерине II, были возданы также Петру III. И — последняя дань восстановленной справедливости — велел сопровождать тело самим же убийцам — тем, кто был еще жив»⁸⁰.

К этому времени из числа участников «событий в Ропше» в живых оставались граф Алексей Григорьевич Орлов (1737–1808) и князь Федор Сергеевич Барятинский (1742–1814). Александр Дюма и называет их имена, отметив, что Павел I «заставил Алексея Орлова и Барятинского, единственных оставшихся в живых участников этой ужасной драмы, следовать впереди похоронной процессии. Каждый из них держал угол покрывала, наброшенного на гроб их жертвы»⁸¹.

Вот еще несколько строк, посвященных «двойным похоронам» венценосных родителей Павла I. Завершая рассказ о судьбе Петра III, Дюма пишет: «Поскольку Петр III не был коронован, Павел приказал короновать его в гробу, затем перевезти тело во дворец и выставить рядом с телом Екатерины; отсюда останки обоих самодержцев, столь трагически разделенных при жизни и так странно соединенных после смерти, были перевезены в крепость, поставлены на одном помосте, к которому в течение восьми дней приходили для прощания: народ — из религиозных побуждений, придворные — из низменных соображений»⁸².

Так, по воле Павла I была восстановлена историческая справедливость. Но вряд ли император мог предполагать, что через 5 лет он разделит судьбу своего отца и падет жертвой очередного дворцового переворота...

Приложение 1

**Манифест о назначении великого князя Петра Феодоровича
наследником российского престола**

(Опубл. в: Странник. 1868. Т. 1. С. 29–30)

Божиею милостью, Мы, Елисаветь первая, Императрица и Самодержица всероссийская, и прочая и прочая.

Какими неиспытными Всевышнего Творца нашего Бога судьбами, Мы на родительский Наш Всероссийский Императорский престол вступили, о том уже, чрез выданные в прошлом году и двоекратно в народ опубликованные манифесты, довольно изъяснено и всем известно. А понеже Мы всегда о постоянном Нашей империи и всех наших верноподданных благополучии имея матернее попечение, и за главное сие причитая, Богу поспешествуя, всемилостивейше определяем Нашего Императорского престола наследником вселюбезнейшего нашего племянника, сына Ея Императорского Высочества, вседражайшия сестры Нашей, блаженная памяти Государыни Цесаревны Анны Петровны, Его Королевское высочество Петра, владетельнаго герцога шлезвиг-голштинского, яко по крови Нам ближайшего, которого отныне Великим Князем с титулом Его Императорское Высочество всемилостивейше именовать повелеваем. И желаем от всех наших верноподданных, духовного и мирского чина, и всего всероссийского народа, дабы, по сему Нашему соизволению и определению, сего от нас всемилостивейше определенно-го наследника нашего, Великого Князя Петра Феодоровича, за законного нашего наследника признавали и почитали; и во утверждение сего нашего постановления на сем, обещаем пред святым алтарем над святым Евангелием и целованием креста утвердили, всех же тех, кто сему Нашему соизволению, в которое нибудь время противными быть дерзнут, изменниками нам и отечеству объявляем, и сие для всенародного известия напечатав, повсюду объявить и разослать повелели. Дан в Москве, государствования нашего в первое лето 1742, — ноября 7 дня.

Приложение 2

**Присяга на верность наследнику российского престола
Великому князю Петру Феодоровичу**

(Опубл. в: Странник. 1868. Т. 1. С. 30–31)

Я, нижеименованный, обещаюсь пред святым Евангелием в том, что, по изданному Ея императорского Величества, Всепресветлейшия Самодержавнейшия и Великия Государыни императрицы Елисаветь Петровны, яко моей ис-

тинной Государыни, и в народ публикованному, сего 1742 года ноября 7 числа, Высочайшему манифесту, учрежден и объявлен в наследники Всероссийского престола, племянник Ея Императорского Величества, Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь Петр Феодорович. Того ради клянусь всемогущим Богом, в Троице славимым, что я то Ея Императорского Величества определение за истинное и правдивое признаваю, и оному во всем повиноваться буду, и помянутого определенного наследника, племянника Ея Императорского Величества, Государя Великого Князя Петра Феодоровича за истинного наследника признавать и почитать, и во всяком случае и с положением живота (жизни — а. А.) своего против всех тех, которые б сему противно чинить дерзнули, стоять не оставляю: и на всем том, яко выше изображено, и паки клянусь христианскою совестью и судом Божиим пред святым Его Евангелием, и целую слова и крест Спасителя моего, аминь. Ноября 7 дня 1742 года.

Примечания

- ¹ Болотов А.Т. Петербург при Петре III. СПб., 1901. С. 19–20.
- ² Эд. Финч лорду Гаррингтону. С.-Петербург, 19 (30) декабря 1741 г. // Сборник Русского исторического Общества (Сб. РИО). СПб., 1894. Т. 91. С. 379–380.
- ³ К. Вейч лорду Картерету. Москва, 30 октября (10 ноября) 1742 г. // Там же. С. 120.
- ⁴ К. Вейч лорду Картерету. Москва, 8 (19) ноября 1742 г. // Там же. С. 132–133.
- ⁵ Там же. С. 133.
- ⁶ Там же. С. 133.
- ⁷ Цит. по: Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 48.
- ⁸ Архангельский Михаил, свящ. Преосвященный Никодим, первый епископ С.-Петербургский // Странник. 1868. Т. 1. С. 30.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ К. Вейч лорду Картерету. Москва, 15 ноября 1742 г. (26 ноября н. ст.) // Сб. РИО. Т. 99. С. 138.
- ¹¹ Там же. С. 139.
- ¹² Там же. С. 140.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 18 (29) октября 1743 г. // Сб. РИО. Т. 99. С. 426.
- ¹⁵ Там же. С. 426.
- ¹⁶ Там же. С. 426–427.
- ¹⁷ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 25 октября (5 ноября) 1743 г. // Сб. РИО. Т. 99. С. 428.
- ¹⁸ Там же. С. 428.
- ¹⁹ Там же. С. 429–431.
- ²⁰ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 1 ноября (12 ноября) 1745 г. // Сб. РИО. Т. 99. С. 438.
- ²¹ Там же. С. 438.
- ²² Там же. С. 437.
- ²³ Там же. С. 437.
- ²⁴ Болотов А.Т. Указ. соч. С. 20.
- ²⁵ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 5.

- ²⁶ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁷ Записки императрицы Екатерины II... С. 86.
- ²⁸ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁹ Там же. С. 25.
- ³⁰ Там же. С. 25.
- ³¹ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 23 марта 1743 г. (н.ст.) // Сб. РИО. Т. 99. С. 276.
- ³² Плен графа Гордта в России (1759–1762) // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 5–8. С. 314.
- ³³ *Бенуа А.* Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1910. С. 260.
- ³⁴ Там же. С. 262.
- ³⁵ Плен графа Гордта... С. 322.
- ³⁶ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 3.
- ³⁷ Там же. С. 6.
- ³⁸ Там же. С. 28–29.
- ³⁹ Там же. С. 29.
- ⁴⁰ Там же. С. 26.
- ⁴¹ Там же. С. 30.
- ⁴² Там же. С. 30.
- ⁴³ Там же. С. 30.
- ⁴⁴ Там же. С. 30–31.
- ⁴⁵ Там же. С. 57–58.
- ⁴⁶ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера // Сборник отд. русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 97.
- ⁴⁷ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. XII. С. 13.
- ⁴⁸ Русский архив. 1911. № 5. С. 21.
- ⁴⁹ Император Петр III. Записка Штелина // Русский архив. 1909. Т. 8. С. 532.
- ⁵⁰ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем // Русский архив, 1911. № 5. С. 19. (Под псевдонимом Мизере скрывался Якоб Штелин. — *а. А.*)
- ⁵¹ Там же. С. 19.
- ⁵² *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 26.
- ⁵³ Там же. С. 31.
- ⁵⁴ Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 477.
- ⁵⁵ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁶ Там же. С. 21.
- ⁵⁷ Там же. С. 21–22.
- ⁵⁸ Там же. С. 22.
- ⁵⁹ Записки императрицы Екатерины II... С. 268. Письмо Екатерины II к Понятовскому.
- ⁶⁰ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем... С. 21.
- ⁶¹ Россия и Испания: Документы и материалы. 1667–1917 годы. М. 1991. Т. 1. С. 184.
- ⁶² Записка о воцарении Екатерины II // Русский архив. 1879. Т. 1. С. 367.
- ⁶³ Дневник статского советника Мизере... С. 23. (Письмо от 30 июня 1762 г.).
- ⁶⁴ Император Петр III. Записка Штелина... С. 530.
- ⁶⁵ *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 725.
- ⁶⁶ Там же. С. 728.
- ⁶⁷ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. XII. С. 175.
- ⁶⁸ Россия и Испания... С. 186.
- ⁶⁹ Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина. 1899. Т. 99, сентябрь. С. 556.

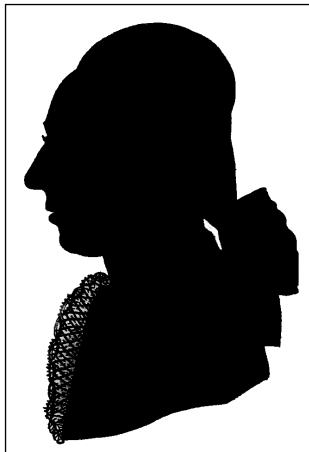
- ⁷⁰ От Роберта Кейта Г. Гренвилю. Петербург, 9 (20) июля 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 24–25.
- ⁷¹ От Р. Кейта Г. Гренвилю. Петербург, 12 июля 1762 г. // Там же. С. 28.
- ⁷² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М. 1940. Т. IX. Ч. 2. История Пугачева. Материалы. С. 557.
- ⁷³ Там же. С. 557.
- ⁷⁴ *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 130.
- ⁷⁵ *Воинов В.* Пелла // Старые годы 1916. Т. 1, октябрь–декабрь. С. 146.
- ⁷⁶ Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913, С. 127.
- ⁷⁷ Там же. С. 127.
- ⁷⁸ Русские глазами знаменитой француженки // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993. С. 151.
- ⁷⁹ *Дюма А.* Путевые впечатления в России: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 294–295.
- ⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 62.
- ⁸¹ Там же. Т. 2. С. 296.
- ⁸² Там же. Т. 1. С. 62.

О.В. Иодко

Каспар-Фридрих Вольф в Петербурге

Все специалисты, которые писали о научных заслугах анатома и физиолога Каспара Фридриха Вольфа (1734–1794), сокрушались по поводу скудости биографических данных о нем.

Важным немецким источником считается биография, написанная врачом и заграничным ассистентом ученого Христианом-Людвигом Мурзинной¹. Когда тому было 75 лет, его на это вдохновил Гете, который считал Вольфа своим предшественником в разработке учения о метаморфозе растений. Гете издал биографию Вольфа в 1819 г. в своем сборнике «Zur Morphologie» и сопроводил ее четверостишием:

Пусть ты не был признан светом
И преследуем при этом,
Мы же, дух твой возлюбя,
Будем славить все тебя².

Вольфа к тому времени уже 25 лет не было на свете.

В 1933 г. отмечалось 200-летие со дня его рождения. Тогда и в Германии еще не знали точной даты, и за справкой обратились в Архив Академии наук, потому что Вольф 27 лет проработал в Академии и умер в России. Ответа на вопрос Архив дать не смог, но отписали, что 21 марта 1933 г. Институт истории науки и техники АН провел юбилейное заседание, на котором были прочитаны три доклада — акад. В.Л. Комаровым³ «Теория эпигенеза К.-Ф. Вольфа», проф. М.М. Словьевым⁴ «Жизнь и творчество К.-Ф. Вольфа», проф. Я.М. Урановским⁵ «Философские и биологические воззрения К.-Ф. Вольфа»; кроме того, была выпущена специальная памятка-листовка с изображением силуэта К.-Ф. Вольфа 1784 г. работы Фридриха Антинга⁶, а в № 3 «Вестника Академии наук СССР» за 1933 г. планируется публикация упомянутой статьи Соловьева и статьи ученого архивиста Архива АН СССР Л.Б. Модзалевского⁷ «Рукописи К.-Ф. Вольфа, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР».

На сегодняшний день известно, что Вольф родился «не позднее 18 января (н.ст.) 1734 г.»⁸ в Берлине в семье портного, высшее образование получил в Медико-хирургической коллегии Берлина, в 1759 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Theoria generationis» (Теория развития), которая положила начало современной эмбриологии. В ней Вольф оспаривал принятую тогда теорию преформизма, т.е. предобразования, согласно которой черты будущих организмов существуют в зародыше готовыми, созданными творцом, и после этого в природе уже не возникает ничего нового. Сторонником этой теории был швейцарский естествоиспытатель и врач Альбрехт фон Галлер⁹.

На примере растения Вольф показал процесс развития от семени до цветка и плода и тем на 30 лет опередил Гете с его учением о метаморфозе растений.

После защиты диссертации Вольф посылает работу Галлеру, тот дает положительный отзыв, хоть взгляды их и расходились.

Однако ученое общество не поддержало Вольфа и места в Коллегии ему не предоставили. В то время шла Семилетняя война, и в 1761 г. он был назначен врачом военно-полевого госпиталя в Бреславле (с 1945 г. Вроцлав). Там ему предложили кроме лечения больных читать лекции по анатомии молодым хирургам. Он настолько успешно это делал, что

тогдашнее начальство освободило его от прочих обязанностей. Лекции слушали не только военные, но и городские врачи. Но в 1763 г. с окончанием войны госпиталь расформировали, Вольф получил отставку и поехал к отцу в Берлин. Там читал частные лекции и проверял свою теорию уже на зоологическом материале. Препарируя куриные яйца, он изучал под микроскопом состояние зародыша и в 1764 г. опубликовал работу «Theorie von der Generation in zwei Abhandlungen erklärt und bewiesen» (Теория развития, разъясненная и доказанная в двух трактатах). Теперь, вооружившись фактами, он открыто выступает против утверждений оппонентов — Галлера, Бюффона¹⁰ и Бонне¹¹.

Его жестоко критикуют и в 1766 г. отклоняют его кандидатуру на должность профессора Медико-хирургической коллегии в Берлине. Без средств, с испорченным зрением от напряженной работы с микроскопом, он в отчаянии. И тут для него открывается возможность поехать в Россию.

Бывший в это время за границей Л. Эйлер¹² оказывается в курсе событий и в записке об улучшении положения АН предлагает кандидатуру Вольфа на вакансию в Петербургскую АН: «Для анатомии я могу предложить два лица: один — доктор Вольф в Берлине, а другой — доктор Респингер в Базеле. Первый уже приобрел хорошую репутацию в этой науке; заслуги другого мне тоже очень хвалили. И тот и другой согласились бы на содержание в 800 р. с предоставлением жилья»¹³.

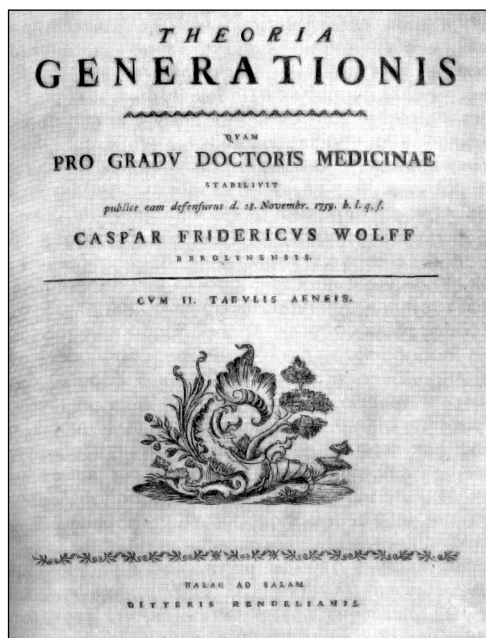
Уже 4 января 1767 г. бывшая Канцелярия, а теперь Комиссия АН постановила: «Для пересылки в Берлин к доктору профессору Вольфу на проезд ево сюда сыскать комиссару Панкратьеву вексель на двести рублей и, деньги выдав, вексель взнести в Комиссию при репорте»¹⁴.

Во второй половине апреля 1767 г. Вольф морем из Любека вместе с женой отправляется в Петербург. 17 апреля он пишет «прощальное» письмо Галлеру: «...Теперь, Муж славнейший и превосходнейший, меня призвали в Петербург для занятия должности профессора анатомии и физиологии и члена Академии наук с окладом 800 руб. Я не раздумывал долго, что делать; принял; и, получив на дорожные расходы 200 руб., через немного дней отправлюсь отсюда. Настоятельно прошу Тебя поэтому, Муж славнейший и превосходнейший, чтобы Ты продолжал в будущем удостоивать и отличать меня тою же честью и благосклонностью, как и до сих пор, хотя я буду находиться от тебя на более далеком расстоянии»¹⁵.

17 мая того же года он был представлен Академическому собранию: «Господин профессор анатомии Каспар Фридрих Вольф, минувшего мая 17 дня сюда прибыв, введен был Конференции секретарем господином статским советником Стелиным в Академическое собрание, в котором ему и место между прочими членами показано»¹⁶.

Ассистент Вольфа, врач-хирург
Христиан Мурзинна (1744–1823),
его первый биограф

Диссертация Вольфа «Теория генерации»,
напечатанная в 1759 г. на латинском языке

22 мая 1767 г. конференц-секретарь Я. Штелин рапортовал в Комиссию, что «15 числа сего месяца выписанный из Берлина профессор анатомии и физиологии господин [Вольф] сюда прибыл и в Академии уже явился»¹⁷.

24 мая в резолюции Комиссии записано: «Из профессорского собрания представлено, что выписанный из Берлина профессор анатомии и философии господин Вольф сюда приехал и в Академии явился сего мая 15 числа, того ради ево Вольфа привести к присяге и предписанное ему в контракте жалованье производить с показанного пятого на десять числа, а к его сиятельству графу Володимиру Григорьевичу дать знать»¹⁸.

А с 20-го июня он трудился в Академии в соответствии с условиями заключенного с ним контракта: «Господин профессор Каспар Фридрих Вольф, доктор медицины, принят в Академию на следующих основаниях:

1. Он вступает в службу академическую как профессор анатомии и физиологии с окладным в год жалованьем в 800 рублей и 200 рублей получил на проезд.

2. Должен он со вступления в академическую службу, касающаяся до его науки дела со всяким рачением исполнять, то есть стараться сделать новыя изобретения в своей науке, подавать в Академию сочиненные им пиесы для припечатания их в книги, и означенных к обучению сей науке студентов со всяким усердием учить, при том смотрение иметь над находящимися при Академии российскими экономическими препаратами и старание прилагать о умножении оных достопамятными вещьми.

3. Естли он долее при Академии остаться не пожелает, то отпустить его, когда он за год до того объявит, без всякого задержания»¹⁹.

Вольф приехал в Россию уже известным, хоть и непризнанным на Западе из-за революционности его утверждений ученым.

Как анатом он стал продолжателем И.Г. Дювернуа²⁰, А. Каау-Бургаве²¹, А.П. Протасова²².

Известный всем Дом академиков на набережной Лейтенанта Шмидта не всегда имел такой вид как сегодня. Одной из его составных частей в XVIII в. был дом генерала Волкова, о котором бывший директор Архива Академии наук Г.А. Князев писал: «Дурная слава о доме Волкова сохранялась еще долгое время, и вот почему. Среди жильцов дома были физиологи и анатомы: так, во второй половине XVIII века здесь жил академик Каспар Фридрих Вольф. До 1747 года Анатомический театр помещался в Кунсткамере Академии наук <...>. Академические анатомы и физиологи довольно часто анатомировали трупы не только людей,

но и заморских зверей и птиц <...>. В 1747 году в Кунсткамере произошел страшный пожар, венчавшая здание башня, в которой находилась академическая обсерватория, рухнула и разрушила расположенный под ней анатомический театр. Поэтому анатомирование пришлось перенести в подвалы академического дома и трупы неизвестных, подобранные полицией, стали свозить туда. Жители Васильевского острова боялись подвалов дома Волкова и старались обходить его подальше»²³.

То, что ученый жил в этом доме – правда, а вот нахождение там анатомического театра гипотетично.

Первый анатомический театр в Санкт-Петербурге был учрежден при Академии наук и первоначально находился в здании бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны (1726–1728), на месте которого сейчас существует Зоологический институт РАН; в 1728 г. его перевели в здание, построенное для Кунсткамеры, где он занимал круглый зал с входом непосредственно с набережной, здесь он существовал до пожара 1747 г. Затем он менял свое местоположение 8 раз, в том числе около 10 лет — в доме баронов Строгановых на Стрелке Васильевского острова, 2 года — на «Боновом дворе», т.е. на участке генерала Г.И. Бона на 2-й линии, 19 лет — в отдельном деревянном здании, построенном на лугу перед главным зданием АН. В 1788 г. его разместили в новом каменном здании АН²⁴.

Ко времени приезда Вольфа в Россию в организации анатомической работы мало что изменилось со времен первого анатомического театра. Анатомирование считалось делом богопротивным, и Вольф, как и его предшественники, постоянно напоминал Академии о необходимости запрашивать Главную полицмейстерскую канцелярию о присылке кадаверов, т.е. трупов, беспризорников для работы.

Были сложными и сами условия работы; 10 ноября 1774 г. он пишет в академическую Комиссию:

«Как я в прошедшую зиму не получал кадаверов и думаю, что сие произошло единственно от забвения полиции, то высокоучрежденную комиссию покорнейше прошу напомнить оной о сем писменно.

Определенные ко мне два студента в прошедшие полгода слушали у меня остеологию и совсем уже оную окончили. И так теперь остается только то, чтоб нам получать кадаверов, дабы над оными показать миологию, а потом и прочие части анатомии»²⁵.

А 24 мая 1775 г. он пишет в ту же Комиссию:

«Определенный при Анатомическом театре солдат жалуется, что крестьяне, которые по утрам (с своими телегами) собираются около театра, сему строению телегами своими и лошадьми вред принести могут,

а особливо отворенным окнам и для того просит он, чтоб сей дом обвести небольшим забором, для збережения его от всякого вреда. А как я такой забор не только почитаю за нужный для сей объявленной причины, но также и в рассуждении того, что любопытство многих людей, которые зимою у окошек собираются и чрез то скуку наводят, тем пресечено будет, того для прошу высокоучрежденную Коммисию, академическому плотнику для построения оного дать повеление»²⁶.

Кроме анатомирования и чтения лекций студентам он вел занятия в академической Гимназии. Интересна его записка 1771 г. в Комиссию, когда ему предложили для чтения не ту дисциплину:

«Понеже я натуральную историю как науку, не принадлежащую к моей профессии, никогда еще старательно не продолжал, то представляю высокоучрежденной Комиссии, не полезнее ли будет, когда я стану преподавать наставление гимназистам в анатомии, которая так как и натуральная история при Академии потребна и в которой я тех учеников, которые с надлежащим старанием оной обучаться желают, приведу до совершенства нежели как я принужден такой науке обучать, в которой я мало упражнялся, почему я теперь начну с остеологии, а в зимнее время, когда будут кадаверы, другим частям анатомии учить буду. Теперь больше ничего не надобно как генстерову сокращенная анатомия, которую я как за кратчайшую так и за дешевлешую книгу признал. Кости некоторые я сам имею, а некоторые из Кунсткамеры взять можно. Но зимою, когда упражняться будем в препарировании, для учеников потребны будут по крайней мере 4 готовальны с анатомическими инструментами, два сприца, также четыре запоны²⁷ и столько же нарукавников из черной восчанки»²⁸.

Была попытка предложить Вольфу лечить своих коллег по Академии, но Государственная Медицинская коллегия не позволила, что видно из текста промемории от 9 января 1772 г.: «Минувшего ноября 7 дня в Медицинскую коллегия из учрежденной при ИАН Комиссии сообщено — Академия де наук для отвращения остановок, которые иногда происходят в пользовании состоящих в ведомстве ея разного звания служителей от приключаящихся определенному к тому хирургу Иберкамфу немощных и притом нередко продолжительных по старости его припадков, принужденною нашлась пользование своих служителей, а особливо высших чинов, поручить в таковых случаях члену своему, анатомии профессору и медицины доктору, Каспару Волфу, просила в здешние аптеки дать повеление, дабы предписанные по его Волфа рецептам для вышепомянутых академических служителей лекарства отпускать из оных аптек за готовые денги; того ради по указу ея Императорского ве-

личества в Государственной Медицинской коллегии определено — в учрежденную при ИАН Комиссию сообщить и написать, как без экзамену в Медицинской коллегии и достоинства докторам и лекарям в лечении людей практика в Российской империи не дозволяется, потому и упомянутому профессору и доктору Волфу оной дозволить невозможно»²⁹.

В 1770–1773 гг. Вольф заведовал академическим ботаническим садом, который находился в районе нынешней больницы Марии Магдалины³⁰ и очень радел о постройке теплиц для растений, семена которых присылали ученые из южных стран.

На заседаниях ученого собрания Вольф регулярно докладывал о своих научных работах на темы «О формировании внутренних органов», «О двух сросшихся зародышах цыплят», «О цыпленке-уроде с четырьмя ногами», «О сердце льва», «О двуглавом теленке», «Сравнительно-анатомическое исследование строения желчного пузыря у тигра, льва и человека», «О непостоянстве в устройстве человеческого тела», «О желчном пузыре у человека», «О порядке волокон сердечной мышцы», «Описание аорты», «Об исследовании целлюлозы»³¹.

Ничто не предвещало трагедии, но 22 февраля 1794 г. он скоропостижно скончался от апоплексического удара. В заседании 27 февраля Академия была оповещена об этом прощальным словом:

«Он, бесспорно, был одним из учнейших анатомов и физиологов своего времени и стал знаменитым благодаря своей глубокой диссертации о зарождении и спору с бессмертным Галлером, который, несмотря на различие взглядов, почитал его как своего близкого друга. Любимый и уважаемый коллегами, он умер на 61-ом году, оплакиваемый всей Академией, которой он посвятил 27 лет и для Актов которой представил большое количество драгоценных научных исследований»³².

На следующий день после печального события в «Дневной записке по Императорской Академии наук» был подведен материальный итог службы ученого: «Заслуженное профессором Каспаром Фридрихом Вольфом жалование, сего года генваря с 1-го по день смерти его февраля по 22-е число, из тысячи ста пятидесятирублевого годового оклада, сто шестьдесят два рубли девяносто одну копейку, да в награждение за службу оного профессора получаемого им жалованья за 2 месяца, сто девяносто один рубль шестьдесят шесть копеек, и того триста пятьдесят четыре рубли пятьдесят семь копеек, сыну его родному, яко ближайшему наследнику, из экономической суммы [выплатить]. Февраля 23 дня, четверг, 1794 года»³³.

Как было сказано в опубликованном некрологе, «ни его семья, ни оставшиеся после него бумаги не могли предоставить материала для со-

ставления мало-мальски обстоятельной его биографии. Но однообразная, одинокая и замкнутая жизнь ученого, проводящего годы в своей рабочей комнате, дает так мало сведений для биографии, что мы, вероятно, мало теряем из-за их отсутствия. Настоящая значительная и полезная часть жизни такого человека сохраняется в его трудах»³⁴.

Известно, что у Вольфа было трое детей — две дочери и сын Карл, который окончил академическую Гимназию и «за оказанные им в науках и языках успехи 1-го апреля 1791 года произведен студентом»³⁵, а потом был смотрителем Кавказского виноградного училища и титулярным советником³⁶.

Через четыре года, 5-го марта 1798 г., сын ученого передал рукописи отца — анатомические описания уродов из академического Музея с рисунками и гравюрами — в Академию³⁷. Его наследие было описано в упомянутой статье Л.Б. Модзалевского в «Вестнике Академии наук» 1933 г.³⁸

Место захоронения Вольфа уже в 1933 г. считалось утраченным³⁹.

Имя Вольфа, не столь «гремевшее» при жизни, в последующее время находило повод для благодарности.

В 1795 г. завершалась отделка конференц-зала нового здания Академии наук. Для изображения в медальонах отобраны имена: Д. Бернулли, Я. Герман, Ж.Н. Делиль, Л. Эйлер, И.Г. Гмелин, Г.В. Крафт, М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников, И. Вейтбрехт, Г.В. Рихман, И.А. Браун, **К.Ф. Вольф**, Л.И. Лексель, И.А. Гюльденштедт⁴⁰.

Ф. Энгельс в написанной в 1873–1882 гг. «Диалектике природы» отдает ученому дань уважения: «Характерно, что почти одновременно с нападением Канта на учение о вечности солнечной системы К.Ф. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об эволюции»⁴¹.

В середине XX в. биологи, историки науки А.Е. Гайсинович⁴² и Б.Е. Райков⁴³ посвятили Вольфу очерки.

Упомянут Вольф и в вышедшей в Кельне на рубеже XX и XXI вв. книге «Хронологическая таблица истории медицины от истоков до микрохирургии» как автор работы 1768 г. «Entwicklung eines Kükens im Ei» (Развитие куриного зародыша)⁴⁴.

2009-й год для Вольфа дважды юбилейный: 18 января исполнилось 265 лет со дня его рождения, а 22 февраля — 205 лет со дня смерти.

Все 27 лет в русской Академии Вольф писал только по-немецки, и лишь одну заявку на книги — по-французски. Надо отдать должное штату академических переводчиков, которые все важнейшие документы переводили на русский язык и тем облегчили доступ к наследию ученого.

Примечания

- ¹ Мурзинна Христиан-Людвиг (1744–1823), врач, ассистент Вольфа.
- ² Райков Б.Е. Каспар Вольф // Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 152.
- ³ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945), ботаник, академик (с 1920), и.о. неперменного секретаря (30 октября 1929 — 1 марта 1930), вице-президент (31 января 1930 — 29 декабря 1936), президент (29 декабря 1936 — 17 июля 1945) АН СССР, член КИАН при Архиве АН СССР.
- ⁴ Соловьев Михаил Михайлович (1877–1942) — зоолог, историк науки. С 1919 г. — член Сапропелевого комитета, затем сотрудник Сапропелевого отдела Геохимического института, преобразованного в самостоятельный Сапропелевый институт (1932).
- ⁵ Урановский Яков Маркович (1896–1936) в 1926 г. окончил биологическое отделение Института красной профессуры. С 1933 по 1936г. — сотрудник издательства АН СССР. Со 2 января по 15 мая 1931 г. — ученый секретарь КИЗ. Также был членом редколлегии журнала «Архив биологических наук», издававшегося в Институте экспериментальной медицины с 1892 г. Был арестован 29 апреля 1936 г. за «принадлежность к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации» вместе с другими биологами-дарвинистами, занимавшимися генетической проблематикой. Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1936 г. — «высшая мера наказания» — был приведен в исполнение в тот же день.
- ⁶ Антинг Иоганн Фридрих (1753–1805), богослов по образованию, писатель, рисовальщик-портретист и силуэтист, адъютант и биограф фельдмаршала А.В. Суворова, прожил в России около 20 лет, умер в Петербурге.
- ⁷ Модзалевский Лев Борисович (1902–1948), окончил факультет общественных наук ЛГУ, литературовед-пушкинист, библиограф, архивист, д.филол.н., работал в АН СССР с 1919 г., ученый архивист Архива (5 дек. 1925 — 26 июня 1948), с 15 дек. 1933 г. по совместительству — ученый специалист ИРЛИ, в 1943 г. был назначен заведующим РО ИРЛИ, трагически погиб во время служебной командировки в Москву.
- ⁸ Российская Академия наук. Персональный состав. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. Кн. 1. 1724–1917. М., 1999. С. 22.
- ⁹ Галлер (Халлер) Альбрехт фон (1708–1777), швейцарский естествоиспытатель, врач и поэт, один из основоположников экспериментальной физиологии, иностранный почетный член Петербургской АН (1776). Выступал против теории эпигенеза в защиту преформации.
- ¹⁰ Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707–1788), французский естествоиспытатель, иностранный почетный член Петербургской АН (1776).
- ¹¹ Бонне Шарль (1720–1793), швейцарский естествоиспытатель и философ, иностранный почетный член Петербургской АН (1764).
- ¹² Эйлер Леонард (1707–1783), ученый-математик, механик, астроном, профессор физики Императорской АН (с 1731), высшей математики (15 июня 1733 — 5 июня 1741), иностранный почетный член (с 1742), вторично профессор (с 1766).
- ¹³ Plan d'un rétablissement de l'Académie Impériale des sciences // История Императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. СПб., 1870. Т. 1. С. 308.
- ¹⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, далее — СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 302. Л. 16.
- ¹⁵ Цит. по: Гайсинович А.Е. К.-Ф.Вольф и учение о развитии организмов. М., 1961. С. 521–522.
- ¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 306. Л. 14; Штелин Яков (Якоб) Яковлевич (1709–1785), искусствовед, гравер, академик, конференц-секретарь АН (1765–1769).
- ¹⁷ Там же. Л. 15а.

¹⁸ Там же. Л. 16; Орлов Владимир Григорьевич (1743–1831), директор Академии наук (1766–1774) в период президентства К.Г. Разумовского.

¹⁹ Там же Л. 18.

²⁰ Довернуа Иоганн Георг (1691–1759), медик, анатом, зоолог, профессор анатомии и зоологии Императорской АН (с 1725), иностранный почетный член (с 1741).

²¹ Каау-Бургаве Авраам (Абрахам) (1715–1758), медик, иностранный почетный член ИАН (с 1744), профессор анатомии и физиологии (с 1746), ординарный академик (с 1747).

²² Протасов Алексей Протасьевич (1724–1796), медик, писатель, переводчик, адъютант (с 1751), экстраординарный (с 1763), ординарный (с 1771) профессор Императорской АН).

²³ Князев Г.А. Дом академиков // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1973. С. 81–82.

²⁴ Анатомический театр // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1. С. 52.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 19. Д. 9. Л. 3. Перевод.

²⁶ Там же. Д. 10. Л. 6. Перевод.

²⁷ Полотнище, передник, фартук (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 615).

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 202. Л. 9.

²⁹ СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-В. Д. 45. Л. 9.

³⁰ Современный адрес: Васильевский остров, 2-я линия, д. 47.

³¹ Летопись Российской Академии наук. 1724–1802. СПб., 2000. Т. 1. С. 551, 555, 593, 600, 666, 674, 679, 733, 739, 758, 774, 779.

³² Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб. 1911. Т. 4. 1786–1803. С. 370.

³³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 487. Л. 76.

³⁴ Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus XII. Praecedit Historia evidens Academiae ad annum MDCCXCIV. Petropoli Typis Academiae Scientiarum. MDCCCI. С. 7–8. Перевод чит. по: Соловьев М.М. Двухсотлетие рождения академика К.-Ф. Вольфа // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 3. Стб. 59–60.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2-1819. Д. 35. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 1–1 об.

³⁷ Летопись Российской Академии наук... С. 867.

³⁸ Вестник Академии наук СССР. 1933. № 3. Стб. 60–66.

³⁹ Там же. Стб. 58.

⁴⁰ Летопись Российской Академии наук... С. 837.

⁴¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1964. С. 14–15.

⁴² Гайсинович А.Е. К.Ф. Вольф и учение о развитии организмов (В связи с общей эволюцией научного мировоззрения). М., 1961; Гайсинович Абба Евсеевич (1906–1989), д.б.н., генетик и историк биологии, выпускник Московского университета.

⁴³ Райков Б.Е. Каспар Вольф // Райков Б.Е. Указ соч. С. 106–193; Райков Борис Евгеньевич (1880–1966). Биолог, педагог-методист, академик АПН РСФСР (1945). Окончил Петербургский ун-т (1905). С 1905 г. преподавал в школах, с 1913 г. — в петербургском Психоневрологическом институте. В 1922–1930 гг. и в 1945–1948 гг. профессор, зав. каф. методики естествознания ЛГПИ. В 1945–1966 гг. сотрудник ЛО Института истории естествознания и техники АН СССР. Автор учебников и методических пособий по биологии, работ по истории естествознания, в т.ч. книг «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина» (1947–1959), «Пути и методы натуралистического просвещения» (1960).

⁴⁴ «Zeittafel der Medizin-Geschichte von den Anfängen bis zur Mikrochirurgie». Köhln. 2000. S. 31, 63.

**Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская
по «Запискам» Екатерины II**

5 ноября 1796 г. Екатерину II сразил апоплексический удар. К исходу следующего дня, не приходя в сознание, императрица скончалась¹. Почти четверть века она работала над автобиографическими записками. Они должны были увековечить образ Екатерины в памяти потомков. Внезапная кончина сорвала этот замысел. Точнее говоря, не позволила осуществить его так, как задумала императрица. И не потому, что неожиданная кончина помешала окончить многолетний труд. Просто апоплексия, сразившая Екатерину в то ноябрьское утро, не позволила императрице подготовиться к смерти. Она была уверена, что у нее еще есть время. Если бы государыня хотела остаться в памяти потомков такой, какой она описала себя в «Записках», она была должна уничтожить черновики и подготовительные материалы. Сама того не желая, она оставила ценнейший материал для опровержения того, что в конце концов написала о себе.

Екатерина создала две редакции «Записок». И они очень существенно отличаются друг от друга. Первая редакция относится к началу 1770-х гг.² Работа над второй редакцией протекала в середине 1790 гг. (201–461).

Обе редакции «Записок» столь сильно разнятся, что может даже сложиться впечатление, будто бы они написаны разными людьми. В них созданы два совершенно разных образа автора мемуаров, т.е. Екатерины.

В первой редакции Екатерина II старается создать образ довольно непосредственной девушки, очень живой и энергичной, а главное, от политики бесконечно далекой. Это очень чистое и политически совершенно девственное создание, почти ребенок³.

Ей противостоит Большой двор во главе с императрицей Елизаветой Петровной, женщины грубой, капризной, жестокой, деспотичной. Она является главным антигероем первой редакции «Записок». Именно в ее личности кроются все злоключения и неприятности, которые пришлось перенести Екатерине⁴.

Совсем иной предстает Екатерина во второй редакции. Это кристально чистое в нравственном отношении существо с мужским умом и характером, и в то же время с очаровательной женской внешностью, «благородный рыцарь», единственными жизненными побуждением ко-

того всегда были «самая строгая честность и добрая воля». Это вполне взрослый человек, «философ в пятнадцать лет», развитый не погодом⁵.

В первой редакции мемуаров противостояние двух дворов — Малого и Большого, конфликт возрастов: пожилых раздражает живость и подвижность молодежи. В то же время это столкновение прихоти, капризов, самодурства взрослых с детской непосредственностью юношества.

Во второй редакции «Записок» конфликты двух дворов представлены по-иному. Императрица не столько капризный самодур, а скорее добрая и ласковая женщина, относящаяся к своей невестке с большой симпатией и даже любовью. Однако главной причиной, из-за которой Малый двор подвергается все возрастающим преследованиям, является безрассудное, иногда нелепое, а порой просто безобразное поведение мужа Екатерины Петра, его откровенно хулиганские выходки, которые не могут не влечь за собой справедливого наказания. Именно он порождает конфликты Большого и Малого дворов⁶.

Таким образом, в первой редакции антиподами являются императрица Елизавета и великая княгиня Екатерина⁵. Деспот и ее жертва. Для того чтобы изобразить свою невинность, Екатерина не жалеет черных красок, рисуя отвратительный образ Елизаветы. При этом каждый пассаж о самодурстве государыни, как правило, сопровождается повествованием о несправедливом преследовании невинной девушки. Одним словом, чем безобразнее выглядит императрица, тем выигрышнее смотрится ее невестка. Обличение Елизаветы — это прием для самооправдания Екатерины.

Совсем иной прием применен во второй редакции. Здесь антиподами являются Петр и Екатерина. Главный «злодей» — великий князь. Именно он основной источник зла. Петр как бы заимствует у Елизаветы, изображенной теперь довольно-таки привлекательно, образ антигероя. Изображая мужа нравственным и физическим уродом, Екатерина тем самым стремилась реабилитировать себя самое.

Очевидно, и Елизавета Петровна, и Петр III являются лишь аксессуарами автопортрета самой Екатерины. Поскольку в двух редакциях мемуаров представлены разные автопортреты, то и роль аксессуаров также различна. Это следует сказать и об образе матери мемуаристки, Иоганны Елизаветы Ангальт-Цербстской, нарисованном в двух редакциях по-разному. Небезынтересно сопоставить, как она представлена в различных редакциях и проследить, с помощью каких приемов, обрисовывая мать, Екатерина создала свой образ, ставший затем каноническим⁷.

Первая редакция начинается с изложения детства Екатерины. Вторая же — с описания приезда Иоганны Елизаветы Ангальт-Цербстской

с дочерью в Петербург. Благодаря этому представляется возможным провести сопоставление текстов, посвященных пребыванию принцессы Ангальт-Цербстской в России. Поскольку одни и те же эпизоды описаны дважды, то сопоставление фрагментов позволяет выявить определенные тенденции, которыми руководствовался автор мемуаров.

В первой редакции Екатерина подробно описала, как она опасно заболела сразу же по приезде в Россию, из-за чего сватовство с великим князем Петром Федоровичем чуть было не расстроилось. «На десятый день нашего приезда в Москву, — пишет Екатерина, — мы должны были пойти обедать к великому князю. Я оделась и, когда уже была готова, со мной сделался сильный озноб; я сказала об этом матери, которая совсем не любила нежностей; сначала она подумала, что это ничего; но озноб так усилился, что она первая посоветовала мне пойти лечь. Я разделась, легла в постель, заснула и настолько потеряла сознание, что не помню почти ничего из происходящего в течение двадцати семи дней, пока продолжалась эта ужасная болезнь» (41–42).

Как видим, мать Екатерины, несмотря на то что нежностей не любила, тем не менее проявила заботу о дочери и посоветовала ей лечь в постель. Важно отметить, что в первой редакции о причинах болезни девочки ничего не говорится. Подразумевается, что она просто простудилась в новом месте с более суровым, чем в Германии, климатом.

Во второй редакции этот эпизод представлен уже по-иному. Екатерина простудилась из-за своего усердия в изучении русского языка, т.е. ее болезнь представлена как следствие ее желания быть настоящей русской. Это — уже некая жертвенность. «Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, которые мне оставлял Ададуров (учитель русского языка. — М.С.); так как комната моя была теплая и я вовсе не освоилась с климатом, то не обувалась — как вставала с постели, так и училась. На тринадцатый день я схватила плеврит, от которого чуть не умерла <...> в ту минут, как я оделась, чтобы идти обедать с матерью к великому князю, я с трудом получила от матери позволение пойти лечь в постель» (210). Ранее, в первой редакции, сама мать посоветовала больной дочери лечь в постель. Теперь же дочь, героиня-мученица, с трудом получает позволение от недалекой матери.

Поведение этой женщины во время болезни дочери под пером мемуаристки выглядит более чем красноречиво. В первой редакции говорится о том, что врач сразу же установил, что «это был явно выраженный плеврит; но он не мог убедить мать, чтобы она разрешила пустить кровь». Иоганна Елизавета думала, что у дочери оспа. Екатерина долго

оставалась без врачебной помощи, пока в дело не вмешалась императрица Елизавета и не настояла на том, чтобы в ее присутствии девочке пустили кровь. Девочка пришла в себя и заметила, «что мать была тоже очень опечалена» (42). После выздоровления «императрица, великий князь и по их примеру весь двор оказывали всяческие знаки внимания как матери, так и» Екатерине. Однако, несмотря на заботливое отношение Иоганны Елизаветы к дочери, болезнь девочки очень повредила матери в общественном мнении. Придворная группировка во главе с вице-канцлером А.П. Бестужевым попыталась использовать это в своих целях. Эти люди «уже тогда постарались повредить матери в глазах императрицы; это было очень легко, так как она от рождения склонна была с ревливой подозрительностью относиться ко всем женщинам, против которых она не была достаточно на стороже. Ей объяснили как недостаток привязанности ко мне отвращение матери к тому, чтобы мне пустили кровь, а в действительности это было следствием боязни. Чтобы лучше узнать правду и под предлогом гораздо большего ухода императрица приказала графине Воронцовой поместиться с нами. Когда мне пускали кров, Лесток запирали двери на задвижки, и мне пускали кровь в два приема четыре раза в течение суток; мать, которая была очень чувствительна, не могла видеть этого без огорчения, когда она хотела войти в эти минуты, ей говорили, что императрица просила ее оставаться у себя в комнате; из-за этого она, в свою очередь, стала досадовать и подумала, что все сговорились держать ее вдали от дочери. К этому прибавились еще разные мелочи и сплетни кумушек, которые ухудшали дело. Например, в период моего выздоровления, около Пасхи, мать, потому ли, что не могла найти богатых материй по своему вкусу, или потому, что ей нравился принадлежавший мне кусок материи, пришла попросить его у меня в присутствии графини Румянцевой; в том состоянии слабости, в каком я была и еще не вполне свободно владея своими пятью внешними чувствами, я проявила некоторое желание сохранить материю, потому что я получила ее от дяди, брата отца, хотя и уступила ее матери; это передала императрице, которая прислала мне две великолепные материи того же цвета и очень была недовольна матерью за то, что она, как говорили, без осторожности причинила огорчение почти умирающей. Мать, в свою очередь, почувствовала, что ее злят и разобиделась» (43).

В этом фрагменте Иоганна Елизавета представлена любящей матерью, желающей дочери только добра, как она его сама понимала. Следует особо подчеркнуть тот факт, что все «промахи» матери используются ее врагами, для того чтобы посеять рознь между российской императрицей и Ангальт-Цербсткой принцессой. Это удалось отчасти благодаря

личным качествам Елизаветы Петровны: подозрительная императрица легко верила клевете, в то время как невинная мать Екатерины стала в некотором роде жертвой этих наветов.

Во второй редакции говорится о том, что, когда дочери стало плохо, мать все же пошла обедать к великому князю. «Когда она вернулась с обеда, она нашла меня почти без сознания в сильном жару и с невыносимой болью в боку. Она вообразила, что у меня будет оспа, послала за докторами и хотела, чтобы они лечили меня сообразно с этим; они утверждали, что мне надо пустить кровь; мать ни за что не хотела на это согласиться; она говорила, что доктора дали умереть ее брату в России от оспы, пуская ему кровь, и что она не хотела, чтобы со мной случилось то же самое. Доктора и приближенные великого князя, у которого еще не было оспы, послали в точности доложить императрице о положении дела, и я оставалась в постели, между матерью и докторами, которые спорили между собой. Я была без памяти, в сильном жару и с болью в боку, которая заставляла меня ужасно страдать и издавать стоны, за которые мать меня бранила, желая, чтобы я терпеливо сносила боль <...> Мать почти не пускали больше в мою комнату; она по-прежнему была против этих частых кровопусканий и громко говорила, что меня уморят; однако она начинала убеждаться, что у меня не будет оспы. Императрица приставила ко мне графиню Румянцеву и несколько других женщин, и ясно было, что суждению матери не доверяли» (210–211). Когда Екатерина пришла в себя, она тотчас заметила, что поведение матери во время ее болезни «повредило ей во мнении всех. Когда она увидела, что мне очень плохо, — писала мемуаристка, — она захотела, чтобы ко мне пригласили лютеранского священника; говорят, меня привели в чувство или воспользовались минутой, когда я пришла в себя, чтобы мне предложить это, и что я ответила: “Зачем же? Пошлите лучше за Семеоном Теодорским, я охотно с ним поговорю”. Его привели ко мне, и он при всех так поговорил со мною, что все были довольны. Это очень подняло меня во мнении императрицы и всего двора» (211).

В этом фрагменте мать Екатерины представлена взбалмошной и жестокой женщиной: не только своими капризами мешала докторам спасать свою дочь, но еще бранила ее за то, что она стонала от боли. Естественно, это встретило осуждение двора. Но более того, в то время как умная дочь демонстрировала приверженность к своей будущей религии — православию, недалекая мать чуть не повредила ей, призывая лютеранского пастора. Какая разница между матерью и дочерью! А главное, неприязненное отношение императрицы к Иоганне Елизавете вполне оправдывается теперь автором мемуаров, тогда как раньше

оно осуждалось. Кроме того, в подтверждение справедливости такого отношения двора к матери Екатерина приводит еще один факт. «Другое очень ничтожное обстоятельство очень повредило матери. Около Пасхи, однажды утром матери вздумалось прислать сказать мне с горничной, чтобы я ей уступила голубую с серебром материю, которую брат отца подарил мне перед отъездом в Россию, потому что она мне очень понравилась. Я велела ей сказать, что она вольна ее взять, но что, право, я ее очень люблю, потому что дядя мне ее подарил, видя, что она мне нравится. Окружавшие меня, видя, что я отдаю материю скрепя сердце, и ввиду того, что я так долго лежу в постели [находясь] между жизнью и смертью и что мне стало лучше всего дня два, стали между собой говорить, что весьма неразумно со стороны матери причинять умирающему ребенку малейшее неудовольствие и что вместо желания отобрать эту материю она лучше бы сделала, не упоминая о ней вовсе. Пошли рассказать это императрице, которая немедленно прислала мне несколько кусков богатых и роскошных материй и, между прочим, одну голубую с серебром; это повредило матери в глазах императрицы: ее обвинили в том, что у нее вовсе нет ни нежности ко мне, ни бережности» (212).

Этот случай приводится в первой редакции в качестве примера того, как императрицу несправедливо настраивали против матери Екатерины. Здесь же читателю недвусмысленно дается понять: мать поступала плохо и получила вследствие этого заслуженное осуждение. Эффект достигается с помощью утрированного описания болезненного состояния дочери. Подчеркивается, больной ребенок не хотел расставаться подарком дяди, насколько же нелепо было требовать его у девочки, находящейся почти при смерти.

Одного этого фрагмента достаточно, чтобы вызвать у читателя неприязнь к матери автора.

В первой редакции приводится ряд фактов, иллюстрирующих одну из главных мыслей мемуариста: императрицу Елизавету намеренно ссорили с матерью. Сама же мать в этом несколько не была виновата. Все это — дело рук недоброжелателей Ангальт-Цербстской принцессы.

«Мать возымела доверие, — пишет Екатерина, к Бецкому, который сблизил ее с принцем и принцессой Гессен-Гомбургскими. — Это сближение не понравилось многим, а особенно графу Лестоку и обер-гофмаршалу великого князя Брюммеру, который вызвал мою мать в Россию, но еще более графине Румянцевой, очень вредившей моей матери в глазах императрицы. Ссору раздувал тогда повсюду граф Бестужев, применявший отвратительное правило — разделять, чтобы повелевать. Ему отлично удавалось смущать все умы; никогда не было меньше согласия и

в городе, и при дворе, как во время его министерства; в конце концов, он стал жертвой собственных происков, что случается обыкновенно с людьми, которые больше опираются на свои интриги, чем на чистоту нравов и честность приемов» (44). Чуть ниже Екатерина пишет, что императрица с некоторых пор, по-видимому, сердилась «на мою мать» (46).

Во второй редакции уже констатируется: у матери «было много народу и шли всевозможные пересуды, которые не нравились тем, кто в них не участвовал, и, между прочим, графу Бестужеву, коего враги собирались у нас; в их числе был маркиз де ла Шетарди, который еще не воспользовался ни одним полномочием французского двора, но имел свои верительные грамоты в кармане» (213).

Известный эпизод высылки Шетарди, в которой оказалась скандально замешана и мать Екатерины, в обеих редакциях рассказан различно. В первой редакции мать Екатерины представлена вполне невинной жертвой непорядочности Шетарди, ей-то и воспользовался недоброжелатель Иоганна Елизаветы А.П. Бестужев.

В Троицком монастыре Ж.-Г. Лесток вошел в комнату матери и сообщил ей, что она может укладывать вещи и отправляться из России. На вопрос матери, откуда исходят эти предложения, он разъяснил, что «императрица в величайшем гневе на нее». Шетарди арестован и выслан, в его бумагах «нашли улики против моей матери, которая тяжело оскорбила императрицу». Мать попросила Лестока о встрече с императрицей, чтобы перед отъездом узнать, в чем именно ее обвиняют. Встреча с глаза на глаз продолжалась довольно долго. После нее императрица и мать вышли «обе совсем красные от этого разговора. Мать плакала, она думала, что успокоила императрицу; но последняя не так легко забывала и никогда не возвращала матери своей привязанности; к тому же было слишком много людей и вещей, которые отдаляли их одну от другой» (46). Оказалось, что Шетарди, обиженный на русский двор, писал своему двору, «не стесняясь ни относительно выражений, ни относительно лиц; он думал, что будет управлять императрицей и делами, но ошибся; он писал языком злым и язвительным, он говорил в этом духе и с моей матерью, с которой он держал себя как старый знакомый; она смеялась, сама острила и поверяла ему те поводы к неудовольствию, которые, как ей казалось, она имела; между ними шли эти пересуды, которые не передаются дальше, как это водится между порядочными людьми; де ла Шетарди обратил их в сюжеты для депеш своему двору; его письма были перехвачены вице-канцлером Бестужевым, шифр разобран, все передано императрице; де ла Шетарди арестован и отвезен за границу, а императрица доведена до страшного гнева против матери.

Всем этим был доволен только граф Бестужев, потому что ему удалось еще больше смешать карты» (47–48).

Одним словом, мать опять представлена жертвой неосторожности французского дипломата, происков вице-канцлера, «страшного гнева» злопамятной императрицы.

Совсем по-иному эта ситуация выглядит во второй редакции. Здесь рассказывается о том, что Шетарди был постоянным участником тех пересудов, которые велись в обществе матери, состоявшем из лиц, которые не нравились Бестужеву. «Разговоры его были скромнее, чем письма; эти последние были наполнены самой едкой желчи; их вскрыли и разобрали шифр; в них нашли подробности его бесед с матерью и многими другими лицами о современных делах, разговоры насчет императрицы заключали выражения, мало осторожные. Граф Бестужев не преминул вручить их императрице». Шетарди был выслан. «Не знаю, удалось ли оправдаться матери в глазах императрицы, но как бы то ни было, мы не уехали; с матерью продолжали обращаться очень сдержанно и холодно. Не знаю, что говорилось между ней и де ла Шетарди, но знаю, — пишет Екатерина, — что однажды, когда она выразила желание во всем угождать императрице, Шетарди перестал общаться с девочкой» (213–215).

Совершенно очевидно, в этой редакции Екатерина дает понять, что мать действительно виновна, а императрица поступает справедливо. Особенно важно то, что, описывая этот эпизод, Екатерина резко противопоставляет свое поведение поведению матери. Она-то желает угодить императрице, когда мать поступает прямо противоположным образом. Эта тенденция особенно ярко проявляется в том, как вводится этот эпизод. В первой редакции Лесток сообщает матери и дочке, что придется покинуть Россию. Во второй редакции появляется сама Елизавета, Екатерина же со своим женихом, сидя на подоконнике, ожидают исхода разговора императрицы и Иоганны Елизаветы. Когда императрица вышла «с лицом очень красным и с видом разгневанным», дети попытались спуститься с высокого подоконника, это вызвало улыбку у императрицы. Она подошла, поцеловала обоих и ушла, в то время как «мать шла за нею с красными глазами и в слезах» (214). Этот поцелуй-индугенция должен был четко отделить отношение императрицы к невинному ребенку от отношения к преступной матери.

В первой редакции рассказывается о том, что после обручения Екатерина получила титул великой княжны и императорского высочества. «С того дня я шла впереди матери, — говорится в мемуарах, — признаюсь, я этого избегала, насколько могла, и мне стали целовать руку; многие делали то же и матери, но были иные, не делавшие этого, между

прочим, граф Бестужев. Мать приписывала это недоброжелательству с его стороны, и это увеличивало предубеждение, которое ей внушили против него» (50–51).

Во второй редакции после рассказа об обручении помещен следующий пассаж, обличающий недалёковидность Иоганны Елизаветы и подчеркивающий непричастность девочки к проделкам матери. «В это время мать очень сблизилась с принцем и принцессой Гессенскими и еще больше с братом последней, камергером Бецким. Эта связь не нравилась графине Румянцевой, гофмаршалу Брюмеру и всем остальным; в то время как мать была с ними в своей комнате, мы с великим князем возились в передней, и она была в полном нашем распоряжении; у нас не было недостатка в ребяческой живости» (215). Заметим, что упоминание о «ребяческой живости» должно было подчеркнуть, что подросток Екатерина не имела никакого отношения к козням матери.

В первой редакции так описана распря между взрослыми, которая возникла во время путешествия в Киев. Великий князь ехал в своей карете вместе со своими педагогами, Екатерина — в своей, с матерью и окружавшими ее взрослыми лицами. «Великий князь, скучавший в своей карете с педагогами, захотел поехать с матерью и со мною и приглашал четвертым кого-нибудь из кавалеров своей свиты. Большей частью это были либо князь Голицын, либо граф Чернышев, мои кавалеры, которые были тогда такие же живые и ветреные, как и мы. Матери, в свою очередь, было скучно одной с троими детьми во время такого длинного путешествия и, чтобы всех удовлетворить, она выдумала взять одну из повозок, которые были с нашими постелями; она велела положить туда доски и подушки, так что на них могли усестись от восьми до десяти человек. Когда эта повозка была готова, мы не хотели больше ее покидать и кроме матери, великого князя и меня туда сажали только того, кто мог всего больше нас позабавить и развлечь, и с утра до вечера мы то и дело смеялись, играли и резвились; но так как графиня Румянцева, Брюмер, Берхгольц и Каин никогда туда не допускались, то они очень разобиделись, порицая, критикуя и ворча из-за всего, что мы делали. Они ехали все четверо в одной карете, где, между тем как мы забавлялись, они взаимно поддерживали дурное расположение духа, разжигая друг друга на наш счет. Наша повозка это знала, но ни во что не ставила» (52).

Во второй редакции история с повозкой описан примерно так же (216). Однако ей придан различный смысл благодаря следствиям, которые она повлекла за собой. Согласно первой редакции, по возвращении в Москву «заметили, что у старой графини Румянцевой начались частые беседы с императрицей и что последняя была очень холодна с матерью, и легко

было догадаться, что Румянцева вооружала императрицу против матери и внушала ей ту злобу, которую сама питала с поездки в Украину ко всей повозке, о которой я говорила выше; если она не делала этого раньше, так потому, что была слишком занята крупной игрой, которая продолжалась до тех пор и которую она бросала всегда последней, но когда эта игра кончилась, ее злость не знала удержу» (57). Далее Екатерина сообщает, что была бесхитростна, привязалась ко второй дочери Румянцевой, часто спала с ней в одной комнате, где они все ночи напролет устраивали детскую возню. Румянцева знала об этом, но, тем не менее, она не оставилась перед тем, чтобы оклеветать молодую Екатерину; «одерживало верх желание сделать себя необходимой». В результате однажды в театре после оживленного разговора с императрицей Лесток вошел в ложу, где находилась мать Екатерины с дочерью, и сделал от имени Елизаветы Петровны строгий выговор обеим за то, что у них были большие долги. Екатерина извинялась, как могла, она пыталась объяснить, что получала еще половину суммы, назначенной на ее содержание. Читателю же Екатерина разъяснила, что постоянно делала подарки матери, Румянцевой, великому князю и множеству других людей. Она считала невозможным не подарить человеку вещь, если она ему нравилась. Это и ввело ее в долги, которые она обещала выплатить (58).

Таким образом, невинная проделка матери с повозкой во время путешествия привела к тому, что восстановленная против нее обиженной Румянцевой императрица обвинила Иоганну Елизавету в том, что она вместе с дочерью наделала огромных долгов.

Во второй редакции сцена в театре никак не связана с историей с повозкой. Гнев Елизаветы вызван недальновидным поведением матери. В Москве, рассказывает Екатерина, несмотря на постоянные увеселения, «заметно было, что императрица была часто не в духе». Далее излагается сцена в театральной ложе. Особо подчеркнут гнев императрицы. Однако в этой редакции Лесток выбрал лишь Екатерину за ее личные долги, тогда как ранее речь шла о долгах матери и дочери. Характерно и то, как во второй редакции представлено поведение Иоганны Елизаветы. «Что касается матери, то, когда она узнала, в чем дело, она сказала, что это было следствием тех стараний, которые употребляли, чтобы вырвать меня из ее рук и что, так как меня так поставили, что я могла действовать, не спрашивая ее, она умывает руки в этом деле; и так оба они стали против меня» (219). «Оба», потому что вторым был великий князь, так же занявший сторону императрицы.

Описывая источники своих долгов, Екатерина поместила среди них и такой: «Дурное расположение духа матери происходило отчасти по

той причине, что она вовсе не пользовалась благосклонностью императрицы, которая ее часто оскорбляла и унижала. Кроме того, мать, за которой я обыкновенно следовала, с неудовольствием смотрела на то, что я теперь шла перед ней; я этого избегала всюду, где могла, но в публике это было невозможно; вообще я поставила себе за правило оказывать ей величайшее уважение и невозможную почтительность, но все это не очень-то мне помогало; у нее всегда и при всяком случае прорывалось неудовольствие на меня, что не служило ей в пользу и не располагало к ней людей. Графиня Румянцева своими рассказами и пересказами и разными сплетнями чрезвычайно содействовала, как и многие другие, чтобы уронить мать во мнении императрицы. Восьмиместная повозка во время поездки в Киев тоже сделала свое дело: все старики были из нее изгнаны, вся молодежь допущена. Бог знает, какой оборот придали этому распорядку, очень, впрочем, невинному; всего очевиднее было то, что это обидело всех, которые могли быть туда допущены по своему положению и которые увидали, что им предпочли тех, кто был забавнее. В сущности, вся эта досада матери пошла от того, что не взяли с собою во время киевской поездки ни Бецкого, к которому она прониклась доверием, ни князя Трубецкого. Конечно, этому подействовал Брюмер и графиня Румянцева, и восьмиместная повозка, в которую их не допустили, стала причиной затаенной злобы» (220).

Читая этот пассаж, следовало умилиться: какая замечательная во всех отношениях дочь и какая недалекая мать, ограниченная и эгоистичная женщина, предающая свое чадо в тяжелой ситуации.

Взбалмошность матери особенно четко просматривается в эпизоде со шкатулкой. В первой редакции говорится о том, что во время путешествия в Козельце «мать сделала <...> очень горячую сцену великому князю». Сцена не имела последствий, но она оставила глубокий след. Мать писала в своей комнате, перед ней стояла шкатулка с драгоценными вещами, туда она клала свои письма. Петр Федорович, будучи очень живым от природы, прыгая, задел шкатулку и опрокинул ее на пол, хотя мать просила ее не трогать. Она решила, что он сделал это нарочно. Петр извинялся, его извинения не были приняты, и он, в свою очередь, рассердился. Когда Екатерина вошла в комнату, великий князь сразу обратился к ней, настаивая на своей невиновности. Екатерина, оказавшись между двух огней, молчала. Это молчание рассердило обоих. Мать подулась немного и перестала. Оставшись наедине с Екатериной, великий князь рассказал, как все было в действительности. Екатерина знала, «как вспыльчива была мать и в особенности как резки были первые проявления этой вспыльчивости». Поэтому она поверила своему жениху.

Но после этой сцены «у великого князя и у матери осталось в душе взаимное недоверие, которое с тех пор все росло» (55).

Понятно, мемуаристка пытается объяснить, что враждебность между Петром Федоровичем имела не политическую, а бытовую подоплеку, возникшую из-за нелепого взаимного недоразумения.

Во второй редакции акценты расставлены по-другому. Петр Федорович пожелал из любопытства порыться в открытой шкатулке, мать просила не трогать ее. Но, желая рассмешить невесту, великий князь случайно уронил шкатулку. «Они стали крупно браниться». Мать обвиняла его в том, что он сделал это нарочно. Петр оправдывался и жаловался на несправедливость этого обвинения. Обратились к Екатерине. «Зная нрав матери», она «боялась получить пощечины», если с ней не согласится. Тем не менее, не желая лгать, Екатерина заявила, что великий князь сделал это случайно. «Тогда мать набросилась на меня, ибо, когда она бывала в гневе, ей нужно было кого-нибудь бранить». Девочка заплакала. Петр обвинил мать в несправедливости «и назвал ее гнев бешенством». Сцена чуть была не дошла до драки. «С тех пор великий князь невзлюбил мать и не мог никогда забыть этой ссоры; мать тоже не могла этого ему простить; и их обхождении друг с другом стало принужденным, без взаимного доверия и легко переходило в натянутые отношения. Оба они не скрывались от меня; сколько я не старалась смягчить их обоих, мне это удавалось только на короткий срок; они оба всегда были готовы пустить колкость, чтобы язвить друг друга; мое положение день ото дня становилось щекотливее. Я старалась повиноваться одному и угождать другому, и, действительно, великий князь был со мной тогда откровеннее, чем с кем-либо; он видел, что мать часто насакивала на меня, когда не могла к нему придаться. Это мне не вредило в его глазах, потому что он убеждался, что может быть во мне уверен» (217–218).

Сравнение этих двух описаний одного эпизода не оставляет сомнений: во второй редакции Екатерина рисует мать черными красками, и это составляет чрезвычайно выгодный фон для дочери.

Вот как рассказывается в обеих редакциях о новых дворцовых покоях. В первой говорится: «Как только мы с матерью приехали в Петербург и как только мать увидела, что императрица распорядилась, чтобы у нее были отдельные от моих покои, она вообразила, что это делалось, чтобы удалить ее от меня <...> правда, в Москве мать помещалась со мною в одном и том же ряду комнат и я спала рядом с ее комнатой, между тем как здесь у меня были совсем отдельные покои. Это распределение покоев огорчило и раздосадовало мать» (60).

Во второй же редакции читаем: «Как только мать увидела это устройство, она рассердилась, во-первых, потому что ей показалось, что мое помещение было лучше расположено, нежели ее, во-вторых, потому, что ее комнаты отделялись от моих общей залой; на самом же деле <...> комнаты были одинаковые <...> без всякой разницы». Еще более способствовало ее гневу то обстоятельство, что еще в Москве Румянцева принесла Екатерине план покоев, советовалась с ней относительно его и от имени императрицы запрещала посвящать мать в это дело. Елизавета хотела, чтобы Екатерина жила отдельно от матери. Кроме того, такое устройство нравилось Екатерине еще оттого, что «буквально интимный кружок, который она себе образовала, нравился мне тем менее, что мне было ясно, как день, что эта компания никому не была по душе. Мать провела о плане, показанном мне; она стала мне о нем говорить, и я сказала ей сущую правду, как было дело. Она стала бранить меня за то, что я держала это в секрете, я ей сказала, что мне запретили говорить, но она нашла, что это не причина, и вообще я с каждым днем видела, что она все больше сердится на меня и что она почти со всеми в ссоре, так что перестала появляться к столу за обедом и ужином и велела подавать к себе в комнаты. Что меня касается, я ходила к ней три-четыре раза в день, остальное время употребляла, чтобы изучать русский язык, играть на клавесине да покупать себе книги, так что в пятнадцать лет я жила одиноко в моей комнате и была довольно прилежна для своего возраста» (222–223).

Как разителен контраст между матерью и дочерью. Сравнение, разумеется, в пользу ребенка.

Отвратительно выглядит мать и в следующей сцене. «Однажды утром, около десяти часов я пошла к матери и нашла ее без сознания, распростертой на матрасе на полу посреди комнаты. Ее женщины бегали туда-сюда, граф Лесток был возле нее и казался сильно смущенным. При входе я вскрикнула и хотела узнать, что с ней случилось; с большим трудом я узнала, что она из предосторожности хотела пустить себе кровь, что когда хирургу не удалось сделать кровопускание ни на одной руке, он захотел сделать это на ноге, но благодаря своей неловкости он не сделал этого ни на той, ни на другой. Мать боявшаяся, впрочем, кровопускания, упала в обморок и долго мучились, чтобы привести ее в чувство. Я послала всюду за докторами и хирургами; наконец она очнулась, и они приехали уже после. Когда мать пришла в себя, она приказала мне идти в свою комнату; тон и вид, с которыми она мне это сказала, дали мне понять, что она была сердита на меня; я сильно плакала и повиновалась ей после того, как она повторила свое приказание. Я обратилась к

m-lle Каин, чтобы узнать причину гнева матери, которую напрасно старались отгадать. Каин мне сказала: “Я ничего об этом не знаю, она и на меня сердится с некоторых пор”. Я просила ее постараться узнать то, что меня касалось; она мне обещала это и прибавила: “Люди, которые ее окружают, слишком много вбивают ей в голову против всех; ее связи не нравятся императрице; я хотела сказать ей правду, но не смею больше к этому возвращаться, мне не доверяют”. Я старалась ухаживать за матерью, как только могла, и, казалось, она смягчилась ко мне, но больше ни ногой не бывала в моей комнате» (65–66).

Этот эпизод во второй редакции существенно отличается от того, который изложен в первой. «Утром <...> девица Шенк, растерянная, вошла ко мне и сказала, что с матерью нехорошо, что она в обмороке; я тотчас побежала туда и нашла ее лежащей на полу, на матрасе, но уже очнувшейся. Я позволила себе спросить, что с нею, она мне сказала, что хотела пустить себе кровь, но что хирург был настолько неловок, что промахнулся четыре раза и на обеих руках и на обеих ногах, и что она упала в обморок. Я знала, что она, впрочем, боится кровопускания, но я не знала, что она имела намерение пустить себе кровь ни того даже, что это ей было нужно; однако она стала меня упрекать, что я не принимаю участия в ее состоянии, и наговорила мне кучу неприятных вещей по этому поводу. Я извинялась, как могла, сознаваясь в своем неведении, но, видя, что она очень сердится, я замолчала и старалась удержать слезы и ушла только тогда, когда она мне это приказала с явной досадой. Когда я вернулась в слезах к себе в комнату, женщины мои хотели узнать тому причину, которую я им попросту объяснила. Я ходила несколько раз в день в покои матери и оставалась там сколько нужно, чтобы не быть ей в тягость...» (231–232).

Послушная дочка и мать-деспот.

В первой редакции приводится еще такой эпизод, аналогии которому во второй редакции нет. «Однажды, когда в покоях императрицы я беседовала некоторое время с графом Петром Шуваловым, жена которого была в большой милости у императрицы, мать, вернувшись со мной к себе в покои, сделала мне сильный выговор за эту беседу, говоря, что я ласкаю ее заклятых врагов. Я старалась оправдаться и могу клятвенно подтвердить, что я не знала этого о графе Шувалове и вовсе не знала всех каверз, какие были, и всего, что происходило» (66).

Весьма показательно сопоставление двух редакций описания эпизода, который имел место в Петергофе. Согласно первой редакции, «однажды вечером после ужина, я взяла своих женщин и придворных дам и прогуляла до часу по полуночи. Когда я вернулась, Шенк (горничная

Екатерины. — *М.С.*), остававшаяся дома, сказала мне, что мать приходила в мою комнату и что она меня искала. Я хотела сначала пойти к ней, но мне сказали, что она уже легла и заснула. На следующее утро, как только я встала и она проснулась, я побежала к ней; я нашла ее в страшном гневе против меня за то, что я так поздно загулялась. Она меня стала упрекать как никогда, чего, по истине, я не заслуживала; я просила ее выслушать меня, но в своем гневе она подозревала гадости, на которые я не была способна; я ей клялась всем, что только есть наиболее святого, что приходила в ее комнату, дабы сказать ей, что иду гулять, но, видя, что она вышла (она ужинала у принца Гессенского на даче), я взяла своих женщин всех вместе, что мы гуляли по саду, что с нами не было ни одного мужчины, даже камердинера. Все это была сущая правда; я просила ее расспросить всех тех, которые участвовали, и уверяла, что она увидит, что я не обманывала ее ни на йоту. Несмотря на все это, гнев матери был так велик, что она даже не хотела дать мне поцеловать руку, в чем никогда в жизни она мне не отказывала, кроме этого единственного случая. Я рассказала на следующий день всю эту историю великому князю, который не усмотрел ничего дурного в моем поступке; да и, действительно, этого не было, но может быть, только самый час этой прогулки не нравился матери или, зная характер императрицы, очень снисходительной к себе самой и более строгой к другим, она боялась, чтобы подобные шалости не повредили мне в ее мнении» (67–68).

Итак, необоснованный гнев матери вызван ее опасением за дочь из-за несправедливой императрицы. Иоганна Елизавета в конечном счете беспокоится о судьбе дочери.

Вот как выглядит этот эпизод во второй редакции. «Мать пользовалась отсутствием императрицы, чтобы ездить ужинать на окрестные дачи, а именно — к принцу и принцессе Гессен-Гомбургским. Однажды вечером, когда она отправилась туда верхом, а я сидела после ужина в своей комнате, которая была вровень с садом и одна из дверей туда выходила, я соблазнилась чудной погодой и предложила своим женщинам и трем фрейлинам пойти прогуляться по саду. Мне нетрудно было их убедить; нас было восьмеро, мой камердинер девятый и двое других лакеев, которые следовали за нами; мы прогуляли до полуночи самым невинным образом; когда мать вернулась, Шенк, которая отказалась идти гулять с нами, ворча против придуманной нами прогулки, поспешила пойти сказать матери, что я пошла гулять, несмотря на ее доводы. Мать легла, и когда я вернулась со всей своей компанией, Шенк сказала мне с торжествующим видом, что мать два раза посылала узнавать, верну-

лась ли я, потому что ей надо было со мной поговорить, и так как было очень поздно и она очень устала дожидаться меня, то она легла; я хотела тотчас же бежать к матери, но дверь ее оказалась запертой. Я сказала Шенк, что она могла бы велеть позвать меня; она уверяла, что не нашла бы нас. Но все это были только ее штуки, чтобы поссориться со мной, дабы меня побранить; я это отлично чувствовала и легла спать с большим беспокойством относительно завтрашнего дня. Как только я проснулась, я пошла к матери, которую нашла в постели; я хотела подойти, чтобы поцеловать ей руку, но она отдернула ее с большим гневом и страшно стала меня бранить за то, что я посмела гулять вечером без ее позволения. Я ей сказала, что ее не было дома. Она назвала час неурочным, и не знаю, чего только она не выдумала, чтобы огорчить меня, вероятно, с целью отбить у меня охоту к ночным прогулкам; но что было верного, так это то, что прогулка эта могла быть неосторожностью, но что она была невиннейшая на свете. Что меня больше всего огорчило, так это обвинение в том, что мы поднимались в покои великого князя. Я сказала ей, что это гнусная клевета, на что она так рассердилась, что казалась вне себя. Хотя я встала на колени, чтобы смягчить ее гнев, но она назвала мою покорность комедией и выгнала меня вон из комнаты. Я вернулась к себе в слезах; в час обеда я поднялась с матерью, все еще очень сердитой, наверх в покои великого князя, который спросил, что со мною, потому что у меня красные глаза. Я ему правдиво рассказала, что произошло; он взял на этот раз мою сторону и стал обвинять мою мать в капризах и вспышках; я просила его не говорить ей об этом, что он и сделал, и мало-помалу гнев ее прошел, но она со мной все так же холодно обходилась» (234–236).

Нетрудно заметить, что здесь в отличие от первой редакции в эпизод введена интрига горничной Шенк, но мать Екатерины представлена совершенным деспотом, не только не заботившимся о благе дочери, а руководствовавшимся собственными капризами. Насколько описанные сцены далеки от реальной действительности, хорошо видно из того факта, что в первой редакции говорится, что в девичьей компании не было ни одного мужчины, даже камердинера. Во второй же сообщается, что он сопровождал девушек во время прогулки, кроме того, там было еще два лакея. Из этого нетрудно заключить, сколь мало можно доверять Екатерине, которая извлекает факты из своего писательского воображения в зависимости от того, какого читательского эффекта хочет достичь.

Ряд фрагментов первой редакции рисуют Иоганну Елизавету как нежную и заботливую мать. Накануне свадьбы, пишет Екатерина, «вечером мать пришла ко мне и имела со мною очень длинный и дружес-

кий разговор: она мне много проповедовала о моих будущих обязанностях; мы немного поплакали и расстались очень нежно» (69). После свадебных торжеств «начали говорить об отъезде матери. Со свадьбы мое самое большое удовольствие было быть с нею, я старательно искала случаев к этому, тем более что мой домашний уголок далеко не приятен» (74). «Когда я не могла видеть матери, к посещению которой, кстати, великий князь выказывал большое отвращение, я в своей комнате вооружилась книгою <...> Мать приходила иногда провести у меня вечер, и тогда я бы многое дала, чтоб иметь возможность уехать с нею из России» (75). Перед отъездом «у матери был длинный разговор с императрицей; Бог весть, о чем они между собой говорили; я ничего не узнала, кроме того, что получила разрешение императрицы посещать ее уборную, т.е. сидеть, сколько мне будет угодно, утром около полудня или вечером в пять-шесть часов с ее горничными. Так ее величество не всегда выходила в эту комнату; все же разрешение было своего рода милостью...» (77).

Ничего подобного во второй редакции нет. Как раз наоборот. Рассказав о равнодушии великого князя, Екатерина сообщает: «Мать тоже обращалась со мной очень холодно и церемонно, но я не упускала случая ходить к ней несколько раз в день; в душе я очень тосковала, но остерегалась говорить об этом» (233). Правда, мемуаристка признает, что после свадьбы она мать «не каждый день видела» и та «очень смягчилась по отношению ко мне в это время» (237).

Зато чего стоит эпизод, связанный с приездом в Россию принца Августа Голштинского, в первой редакции, конечно же, отсутствующий. «Через несколько времени после приезда императрицы и великого князя в Петербург у матери случилось большое огорчение, которого она не могла скрыть. Вот в чем дело. Принц Август, брат матери, написал ей в Киев, чтобы выразить свое желание приехать в Россию; мать знала, что эта поездка имела единственную для него цель получить при совершеннолетию великого князя, которое хотели ускорить, управление Голштинией, иначе говоря, желание отнять опеку у старшего брата, ставшего Шведским наследным принцем, чтобы вручить управление Голштинской страной от имени совершеннолетнего великого князя принцу Августу, младшему брату матери и Шведского наследного принца. Эта интрига была затеяна враждебной Шведскому наследному принцу голштинской партией в союзе с датчанами, которые не могли простить этому принцу того, что он одержал вверх над Датским наследным принцем, которого далекарлийцы хотели избрать наследником Шведского престола. Мать ответила принцу Августу, ее брату, из Козельца, что вместо того, чтобы

подаваться интригам, заставляющим его действовать против брата, он лучше бы сделал, если бы отправился служить в Голландию, где он находился, и там бы дал себя убить с честью в бою, чем затевать заговор против своего брата и присоединяться к врагам своей сестры в России. Под врагами мать подразумевала графа Бестужева, который поддерживал эту интригу, чтобы вредить Брюмеру и всем остальным друзьям Шведского наследного принца, опекуна великого князя по Голштинии. Это письмо было вскрыто и прочтено графом Бестужевым и императрицей, которая вовсе не была довольна матерью и уже очень раздражена против Шведского наследного принца, который под влиянием жены, сестры прусского короля, дал себя вовлечь французской партии во все ее виды, совершенно противоположные русским. Его упрекали в неблагодарности и обвиняли мать в недостатке нежности к младшему брату за то, что она ему написала о том, чтобы он дал себя убить, выражение, которое считали жестоким и бесчеловечным, между тем как мать в глазах друзей хвасталась, что употребила выражение твердое и звонкое. Результатом этого было то, что, не обращая внимание на намерения матери, или, вернее, чтобы ее уколоть и насолить всей голштино-шведской партии, граф Бестужев получил без ведома матери позволение для принца Августа Голштинского приехать в Петербург. Мать, узнав, что он в дороге, очень рассердилась, огорчилась и очень дурно его приняла, но он, подстрекаемый Бестужевым, держал свою линию. Убедили императрицу хорошо его принять, что она и сделала для виду; впрочем, это не продолжалось и не могло продолжаться долго, потому что принц Август сам по себе не был человеком порядочным. Одна его внешность уже не располагала к нему: он был мал ростом и очень нескладен, недалеко и крайне вспыльчив, к тому же руководим своими приближенными, которые сами ничего собой не представляли. Глупость — раз уж пошло на чистоту — ее брата очень сердила мать; словом она была в отчаянии от его приезда. Граф Бестужев, овладев посредством приближенных умом этого принца, убил разом нескольких зайцев. Он не мог не знать, что великий князь так же ненавидел Брюмера, как и он; принц Август тоже его не любил, потому что он был предан Шведскому принцу. Под предлогом родства и как голштинец, этот принц так подобрался к великому князю, разговаривая с ним постоянно о Голштинии и беседуя об его будущем совершеннолетию, что тот стал сам просить тетку и графа Бестужева, чтобы постарались ускорить это совершеннолетие. Для этого нужно было согласие императора Римского, которым тогда был Карл VII из Баварского дома; но тут он умер. И это дело тянулось до избрания Франца I. Так как принц Август был еще довольно плохо принят моей матерью и выражал

ей мало почтения, то он тем самым уменьшил и то небольшое уважение, которое великий князь еще сохранял к ней» (225–227).

Одним словом, малопривлекательный получается портрет матери. Тут же ей противопоставляется портрет дочери. Вначале рассказывается, как в отличие от матери она сумела достичь расположения и доверия великого князя (хотя это было далеко не легко), а затем сообщается: «Впрочем, я обходилась со всеми как могла лучше и прилагала старание приобретать дружбу или по крайней мере уменьшить недружелюбие тех, которых могла только заподозрить в недоброжелательном ко мне отношении; я не выказывала склонности ни к одной из сторон, ни во что не вмешивалась, имела всегда спокойный вид, была очень предупредительна, внимательна и вежлива со всеми и так как я от природы была очень весела, то замечала с удовольствием, что с каждым днем я все больше приобретала расположение общества, которое считала меня ребенком интересным и не лишенным ума. Я выказывала большое почтение матери, безграничную покорность императрице, отменное уважение великому князю и изыскивала со всем старанием средства приобрести расположение общества» (228–229).

Вот уж во истину опровержение поговорки: «Яблоко от яблони...».

Заключительный эпизод пребывания Иоганны Елизаветы в России связан с удалением камер-юнгферы Екатерины Марии Жуковой. Дело заключалось в следующем. Когда Екатерина проводила мать, навсегда покинувшую Россию, она узнала, что императрица Елизавета удалила ее горничную М.П. Жукову, к которой великая княгиня была сильно привязана. Императрица «стала страшно поносить Жукову, говоря, что у нее были две любовные истории, что мать моя при последнем свидании, которое она имела с императрицей, убедительно просила ее величество удалить эту девушку от меня, что я по молодости привязалась к ней, но что эта девушка не достойна моей привязанности» (78). Екатерина недоумевала: «Я находила весьма необычным, чтобы мать просила императрицу удалить эту девушку, она, конечно, никогда ни слова не говорила мне насчет этой привязанности, хотя бранила меня нещадно и вполне искренне всякий раз, когда думала, что я заслуживаю этого, а если бы мать мне об этом сказала, то я в силу привычки ей повиноваться, наверное, посбавила бы пылу. Я никогда не узнала, действительно ли мать просила ее императорское величество; я сочла долгом усомниться в том, так как я не знаю, зачем было матери причинять мне столь гласное огорчение и ставить меня в такое положение перед императрицей, когда она могла бы все прекратить одним только словом. С другой стороны, верно, что мать моя показала холодность к этой девушке, но можно было ду-

мать, что это происходит от того, что мать моя не могла с ней разговаривать, так как эта девушка знала только по-русски. Может быть, удивится, что я сомневаюсь в том, что говорила императрица; на это я только могу ответить, что опыт научил меня быть настороже относительно того, что высказывала эта государыня в гневе» (78–79).

Не подлежит сомнению: Екатерина здесь дает понять, что в этой несправедливости виновата императрица, самодур и деспот, мать же оказывается оклеветанной своенравной государыней.

Во второй редакции наблюдается иная картина. Елизавета заявила Екатерине, что она удалила от нее Жукову по просьбе матери великой княгини, «потому что мать боялась, чтобы я не привязалась слишком сильно к особе, которая этого так мало заслуживает, и после этого стала поносить Жукову с заметной злобой». Екатерина недоумевала. «Мать не могла ее знать, так как не могла с ней даже говорить, не зная по-русски, а Жукова не знала другого языка. Мать могла только полагаться на вздорные рассказы Шенк, у которой даже не было здравого смысла <...> Я никогда не могла выяснить, действительно ли мать просила императрицу удалить от меня эту особу; если это так, то мать предпочла насильственные пути мирным, потому что никогда рта не открывала относительно этой девушки; а между тем одного слова с ее стороны было бы достаточно, чтобы остеречь меня против этой привязанности, в конце концов очень невинной...» (237–238).

Виноватой оказывается мать, хотя «вина» никак не подтверждена. Она полагалась на рассказы служанки и «рта не открыла», чтобы предостеречь дочь, предпочла насильственные меры мирным!

Как это не похоже на ту заботливую Иоганну Елизавету, которая действует в первой редакции в интересах собственной дочери!

Нетрудно заметить, что образ положительной во всех отношениях дочери создается за счет контраста с отрицательным персонажем, роль которого отводится матери.

Усилия мемуаристки не пропали даром. Облик, слепленный в последней редакции, отпечатался в сознании потомков. В 1859 г. Герцен обнародовал текст последней редакции и как бы освятил своим авторитетом образ Екатерины и ее матери. С тех пор именно этот образ Екатерины, ею самой представленный, вошел в литературу. В.А. Бильбасов, автор наиболее обстоятельной биографии Екатерины до ее воцарения и поныне остающейся самым полным собранием фактического материала, сделал этот облик почти каноническим. Все последующие исследователи в общем-то шли по пути, проложенным Бильбасовым. Академическая публикация первой редакции «Записок», осуществленная

А.Н. Пыпиным, поставила много вопросов, но не изменила образа Екатерины, нарисованного ею самой в заключительной редакции. Он лишь слегка подправлялся, уточнялся, углублялся на основе данных из других редакций, но в основе своей оставался неизменным⁸. То же следует сказать и об образе Иоганны Елизаветы. Впрочем, эта женщина сама по себе не представляла большого интереса, потому что ее историческая роль исчерпывалась тем, что 21 апреля 1729 г. она произвела на свет будущую российскую императрицу. Но то, как Екатерина II использовала образ матери в своих мемуарах, чрезвычайно важно для характеристики самой императрицы. Екатерина-мемуаристка возвышала себя за счет унижения матери. Это и есть одна из важнейших черт императрицы как политического деятеля, не брезговавшего ничем, для того чтобы достичь поставленной цели.

Примечания

¹ Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 7–9.

² Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. Далее в тексте даются ссылки на это издание только указанием на страницы.

³ Сафонов М.М. Ангальт-Цербстская девственница // Технология власти. СПб., 2005. С. 210.

⁴ Сафонов М.М. Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа: Диалоги культур: Избранные материалы конференции, состоявшейся 18–20 октября 2006 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2007. С. 96–97.

⁵ Сафонов М.М. Ангальт-Цербстская девственница... С. 211.

⁶ Сафонов М.М. Большой двор против Малого... С. 98.

⁷ Сафонов М.М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Мавродинские чтения 2004. СПб., 2004. С. 46–47.

⁸ Там же.

XIX век

Х.К. Шван

Вклад представителей ангальтских княжеств в развитие России в 1763–1856 гг.

История Ангальта насчитывает без малого 900 лет. Самые крупные города — Дессау, Кетен, Бернбург и Цербст. Ландшафт земли определен главным образом руслом реки Эльба. Кроме сельскохозяйственных площадей, встречаются также леса и горы средней высоты до 700 м. Протяженность Ангальта около 120 км в длину и около 30–50 км в ширину. Сегодня здесь проживают 300 000 человек. Ангальт является одним из многочисленных бывших немецких княжеств, которые были объединены в 1871 г. Отто фон Бисмарком в Германскую империю, сохранив при этом в значительной степени свою автономию. Как герцогство свою государственную независимость Ангальт утратил в ноябре 1918 г. после отречения принца-регента Ариберта от престола. Став после этого республикой, в 1933 г. Ангальт был присоединен к землям национал-социалистов.

Сегодня Ангальт вместе с бывшей прусской провинцией Саксония входит в состав одной федеральной земли. Частью провинции Саксония были территории, которые были отвоеваны Пруссией у королевства Саксонии после 1815 г. Центральное место на гербе занимает медведь. Это связано с личностью основателя княжества Ангальт графа Альбрехта. У него было прозвище «Медведь». Он похоронен в капелле замка Балленштедт, где в 1170 г. после насыщенной жизни обрел свой покой. Альбрехт считается величайшим колонизатором земель на Эльбе. Он основал более 100 городов. Именно в период его правления у Балленштедта возникла крепость Ангальт, которая впоследствии была разрушена. Возможно, именно от нее и пошло название княжества.

После смерти князя Иоахима Эрнста в 1603 г. и без того небольшое княжество стало еще меньше, после того как было поделено между четырьмя его сыновьями. Так возникли независимые княжества Ангальт-Дессау, Ангальт-Кетен, Ангальт-Цербст и Ангальт-Бернбург. У каждого из них был свой правитель, свое законодательство и администрация, евангелическая церковь и даже собственные войска. Определенные

вопросы решались совместно, например, старший из 4-х князей представлял Ангальт в Священной Римской империи германской нации. По сути, Ангальт является образцом тогдашней раздробленности Германии. Лишь в 1863 г. все части княжества были снова объединены, после того как в 1793 г. прервалась линия Цербского дома, затем в 1847 г. — кетенского и, наконец, Бернбурга.

В Европе Ангальт стал известен благодаря двум его представителям. Ангальт-Дессауский Леопольд I в течение почти 50 лет, в период с 1700 по 1745 гг., принимал успешное участие практически во всех крупных сражениях в Европе. Его супруга, дочь дессауского аптекаря, получившая дворянский титул, подарила ему 5 сыновей. Все они без исключения стали впоследствии прусскими генерал-фельдмаршалами и в период с 1740 по 1762 гг. способствовали военным успехам прусского короля Фридриха II в его войнах против Швеции, Саксонии, Австро-Венгрии и армии Священной Римской империи германской нации. Внук Леопольда I, Леопольд III, прославился в 1776–1817 гг. во всей Германии благодаря созданию другой, мирной, империи, так называемой Садовой империи Дессау-Верлитц протяженностью 20 км вдоль берега Эльбы, созданной в стиле английского сада. Благодаря ему в Германии классицизм «пустил корни» как архитектурный стиль.

В 1806 г. в Виттенберге Леопольд III встречался с императором Александром I, при этом он попытался получить гарантии на защиту небольших германских княжеств, таких как Ангальт, перед лицом оккупации Наполеоном. Так как Александр не мог этого пообещать, Леопольд III, как и его родственники в Ангальт-Кетене и Ангальт-Бернбурге, присоединился к основанному в 1807 г. Наполеоном Рейнскому союзу. В награду за добровольное подчинение французскому престолу все три князя получили титул герцога.

Последний ангальтский герцог Иоахим Эрнст был арестован НКВД и отправлен в концлагерь Бухенвальд, который перешел в подчинение НКВД, — и это несмотря на то что при Гитлере он был отправлен в концлагерь Дахау, так как был противником политики последнего. Иоахим Эрнст скончался в Бухенвальде 17 января 1947 г. Последний здравствующий ныне потомок почти 900-летнего рода ангальтских князей — принц Эдуард фон Ангальт, родился в 1941 г. После 1990 г. ему был возвращен небольшой дворец в Ангальте.

Самой известная в России ангальтская личность — принцесса **София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская**, взошедшая на российский престол под именем **Екатерины II**.

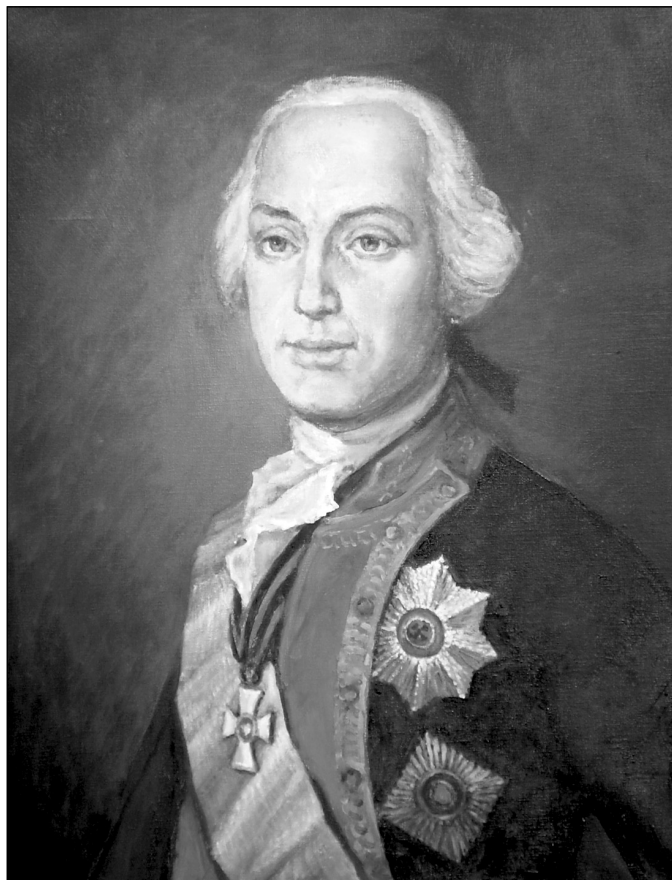
Когда 2 мая 1729 г. у губернатора прусской крепости Штеттин князя Христиана Августа фон Ангальт-Цербст-Дорнбургского (1690–1747) и его супруги Иоанны Елизаветы фон Гольштейн-Готторп (1712–1760) родилась дочь, которую при крещении назвали в честь трех тетушек по материнской линии Софией Августой Фредерикой, никто даже не подозревал, что маленькая принцесса однажды станет правительницей огромной Российской империи. Князь Христиан Август принадлежал к возникшему в XVII в. в результате разделения наследства боковой ветви рода князей Ангальт-Цербстских — роду князей Ангальт-Цербст-Дорнбургских. Дорнбург и сегодня больше напоминает деревню, нежели маленький город. Лишь в 1757 г. началось строительство сохранившегося в наши дни замкового комплекса, возведенного по проекту архитектора Фридриха Иоахима Штенгеля. Так что вполне понятно, что Христиан Август поступил на военную службу в чине офицера в соседнюю Пруссию, где очень быстро продвинулся по службе и возглавил важнейшую прусскую крепость-порт на Балтийской море в Штеттине.

После смерти князя Иоганна Августа Ангальт-Цербстского в 1742 г. он унаследовал все княжество Ангальт-Цербстское, завершив тем самым свою службу губернатором Штеттине в чине прусского генерал-фельдмаршала, и переехал в Цербст. Принцесса София Августа Фредерика, которая походила на своего отца не только внешне, но и характером, прожила в Цербсте только два года, так как в 13-летнем возрасте при посредничестве прусского короля Фридриха II (1712–1786) приехала в Россию для заключения брака с наследником российского престола племянником императрицы Елизаветы (1709–1761)¹ герцогом Карлом Петром Гольштейн-Готторпом (1728–1762), приняв православие и став Екатериной Алексеевной². Вскоре после того как ее супруг Петр III возшел на престол, 28 июня 1762 г. в ходе восстания гвардейского полка она была провозглашена императрицей Екатериной II (1729–1796). Ее супруг вскоре скончался при загадочных обстоятельствах в замке Ропша, недалеко от Петергофа, куда он был заключен.

Почти 35 лет Екатерина II определяла внутреннюю, внешнюю и культурную политику России³. За счет территорий Османской империи, Польши, Швеции и Америки она присоединила к России земли площадью более 500 000 км². Благодаря реформе внутреннего управления, основанию более 100 новых городов и переселению немецких колонистов⁴, ей удалось стабилизировать положение в России. В качестве соратников для решения этих глобальных задач Екатерина приглашает в Россию двух своих ангальтских кузенов: в 1772 г. — принца Виктора Амадея Ангальт-Бернбург-Шаумбургского⁵ (1744–1790) и в 1783 г. — графа

Фридриха Ангальтского⁶ (1732–1794). Оба нашли последний покой в российской земле. Их выдающиеся заслуги по сей день занимают важное место в истории России. О них далее и пойдет речь.

Однако вначале необходимо отметить, что после пресечения линии дома Ангальт-Цербстского принадлежавшее этому княжеству владение Йевер на Северном море отошло по наследству Екатерине II, другими словами, стало частью территории России.

Принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбург-Шаумбургский, «войска Очаковского сражения», родился 2 мая 1744 г. и был третьим ребенком от второго брака князя Виктора Амадея I Адольфа Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймского (1693–1772), заключенном в 1740 г. с Гедвигой Софией

Хенкель, урожденной графиней фон Доннерсмарк. В 1772 г. он поступил на службу в российскую армию. В это время Россия находилась в состоянии войны с Османской империей, 1-ая Турецкая война 1768–1774 гг. за господство на Черном море шла полным ходом. Война была кровопролитной. Требовалось большое количество образованных офицеров. Виктор Амадей сражался под командованием генерал-фельдмаршала князя Петра Румянцева (1725–1796), которого после взятия левого берега Дуная императрица наградила именем «Задунайский»⁷. После успешного для России завершения военной кампании наградой был отмечен и ангальтский кузен. В 1775 г. Екатерина II пожаловала ему чин генерал-майора и наградила орденом Св. Георгия IV степени. В 1778 г. Виктор Амадей женится на Магдалене, принцессе фон Зольм-Браунфельс (1742–1819). Единственный ребенок от этого брака появился на свет в 1779 г. и был назван в честь отца Виктором Аматеем. Однако мальчик умер уже в 1783 г. Во время 2-ой Турецкой войны в 1787–1791 гг. Виктор Амадей был направлен на юг России, в Екатеринослав (сегодня Днепропетровск). Там он служил под командованием фаворита Екатерины II генерал-адъютанта князя Григория Потемкина (1739–1791). В театре военных действий Виктор Амадей прославился во всей армии как «настоящий вояка», который сражался в первых рядах⁸. 6 декабря 1788 г. начался штурм расположенной на Черном море турецкой крепости Очаков. Виктор Амадей командовал 1-ой и 2-ой штурмовыми колоннами. 1-ую колону, во главе которой он поставил балтийского барона Петра фон дер Палена⁹ (1745–1826), который в 1801 г. стал организатором убийства императора Павла I (1754–1801), он отправил штурмовать укрепленную крепость. Узнав, что турки крупными силами напали на колонну фон дер Палена, Виктор Амадей со своей колонной атаковал турок с трех сторон, в коротком кровопролитном сражении одержал победу и направил свои уставшие войска к воротам Стамбульской крепости. Принц хладнокровно повел своих солдат на штурм покрытой трупами и ранеными крепости. За свою смелость и решительность он был награжден Орденом Св. Георгия II степени, став таким образом 14-м кавалером с момента учреждения ордена, и в следующем году был назначен командующим авангардом Екатеринославского полка. В 1789 г. была проведена успешная военная кампания по захвату областей на Днестре¹⁰.

13 сентября была взята Каушана. Турки оставили лагерь с провиантом и тремя орудиями и потеряли 700 человек убитыми. 2 и 11 октября были взяты крепости на Днестре Акерман (сегодня Белгород-Днестровский) и Бендера. В обеих операциях Виктор Амадей принял участие и показал себя великолепным военным. Он слыл опытным и решитель-

ным офицером. В 1788–1790 гг. шведский король Густав III (1746–1792) вел войну с Россией. Он решил воспользоваться 2-ой Турецкой войной, забравшей много сил у России, чтобы восстановить свое господство на Балтийском море, утраченное в результате войны Карла XII (1682–1718) с Петром I (1672–1725). Для этого он собрал в Финляндии войско, мобилизовав 50 000 человек и призвав 18 000 финских ополченцев. Они должны были сразиться с защитниками российской крепости Кронштадт и столицы Санкт-Петербург. Морское сражение складывалось в пользу России, чего нельзя сказать о военных действиях на территории Финляндии. Шведы стойко сражались на российской границе. В 1790 г. Екатерина решает заменить прежнего командующего армией в Финляндии генерала князя Валентина Мусина-Пушкина (1735–1804) своим энергичным кузеном. Однако он не принял пост главнокомандующего, чем привел в негодование кузину. Виктор Амадей, очевидно, предпочел посту главнокомандующего желание быть рядом со своими солдатами. В результате главнокомандующим стал генерал князь Иван Салтыков (1730–1805). Принц принимает командование частями армии в Финляндии в чине генерала. Перед ним была поставлена задача взять весной укрепленный город Ловис. В начале апреля 1790 г. шведы в количестве 4000 человек неожиданно начали наступление на саях против русской армии, которая стояла на зимних квартирах на северо-западном берегу Ладожского озера и готовилась к штурму Ловиса. Поначалу русские обратились в бегство, бросив 2 орудия и военную кассу с 12 000 рублями. 19 апреля Виктор Амадей организовал контрнаступление, во время которого он попытался с помощью примкнутых штыков выбить шведов с прежних русских позиций у Пардакоски. Во время штурма принц был ранен пушечным ядром в правую ногу выше колена до кости¹¹. В сражении погибли 198 и были ранены 305 человек. На следующий день Виктор Амадей скончался в лазарете в расположенной около 100 км от поля битвы крепости Выборг. Свою шпагу он подарил своему адъютанту, дворянину шотландских и балтийских кровей Михаилу Барклаю де Толли (1761–1818), который носил ее всю жизнь. Через два дня русские успешно атаковали основную группу войск под командованием самого короля Густава III. После этого наконец наступил мир. В ходе военных действий 1808–1809 гг. Барклай де Толли отвоевал у шведской короны финские территории, закончив тем самым миссию своего павшего командира. Позднее он, как и фельдмаршал князь Михаил Кутузов (1745–1813), стал национальным героем войны с Наполеоном. Императрица сильно переживала внезапную смерть своего кузена Виктора Амадея. Он был похоронен на кладбище Выборгского лазарета в форштадте

Петра. В 1792 г. по приказу Барклая де Толли по проекту придворного архитектора Екатерины II Джакомо Кварнеги (1744–1817) на могиле была воздвигнута огромная надгробная плита из белого итальянского мрамора в виде саркофага¹². Наряду с еще несколькими надгробными плитами, установленными на кладбище в конце XVIII в., она пережила две войны¹³, пронесшиеся над городом, и борьбу со старыми пережитками в советское время. В конце 1960-х гг. из-за влажного климата на плите появились повреждения, в результате чего городская комиссия по озеленению решила убрать саркофаг, поместив его по непонятным причинам на хранение под открытым небом. Из-за ненадлежащего хранения саркофаг рассыпался на несколько частей. В 1975 г. остатки были неожиданно обнаружены сотрудниками краеведческого музея, расположенного на территории Выборгского замка, и перенесены в прежнее здание магазина во дворе замка, где они находятся и в настоящее время¹⁴. Уже в 1977 г. в Выборге вставал вопрос о восстановлении памятника¹⁵. И сегодня 30 лет спустя в городе снова есть те, кто поднимает этот вопрос¹⁶. С реализацией государственной программы по защите памятников реставрация надгробия уже не кажется такой далекой, по крайней мере когда речь заходит о творениях, созданных по проекту придворного архитектора Кварнеги, автора многочисленных зданий в центре Санкт-Петербурга. Старое лазаретное кладбище с посаженными в 1842 г. липами похоже сегодня на затерянный маленький остров, над которым возвышается основание надгробного памятника принцу Ангальт-Бернбург-Шаумбургскому. В непосредственной близости расположена казарма русской армии, бывший военный лазарет. Единственно, что отсутствует, — так это движущая сила, которая могла бы дать толчок к решению проблемы. Должно быть, здесь требуется импульс извне, быть может, из Ангальта, который послужит отправной точкой для последующих действий.

Граф Фридрих Ангальтский, «отец русских кадетов», родился 21 мая 1732 г. и был четвертым ребенком в семье поженившихся в 1726 г. наследного принца Вильгельма Густава Ангальт-Дессауского (1699–1737), старшего сына уже упоминавшегося князя Леопольда I Ангальт-Дессауского, и дочери дессауского торговца Иоанны Софии Херре (1706–1795), сначала графини Ангальтской, а с 1749 г. — рейхсграфини¹⁷. В раннем возрасте он поступил на службу в прусскую армию и в 20 лет стал флигель-адъютантом короля Фридриха II. В сражении при Мойсе¹⁸ он был ранен и попал в плен к австрийцам. Через год, оказавшись снова в строю, 25 августа 1858 г. в сражении с русскими войсками

при Цорндорфе, которое не удалось выиграть ни одной из сторон, он был награжден Орденом «За заслуги». 3 ноября 1760 г. в битве при Торгау из уст короля, возле которого он находился как флигель-адъютант, он услышал слова: «Сегодня все идет хуже некуда. Все мои друзья оставили меня. Только что мне сообщили, что Ваш брат погиб»¹⁹. После Семилетней войны на протяжении многих лет граф был командующим полка в провинции. Шансы получить повышения были столь ничтожны, что в 1778 г. он в чине генерал-лейтенанта поступает на службу к Саксонскому правителю. В войне за баварское наследство в 1778–1779 гг. он командовал саксонскими войсками, сражавшимися вместе с

прусскими корпусами, во главе которых стоял принц Генрих (1726–1802). В 1783 г. императрица Екатерина II просит у курфюрста Фридриха Августа III Саксонского (1750–1827) соизволения для графа Ангальтского поступить на службу в Россию. Курфюрст отклоняет просьбу. Однако, как только граф узнал об этом, он в тот же год распрощался с Саксонией и отправился в Санкт-Петербург, где 4 декабря был «дружески принят» императрицей²⁰. Императрица отметила: «Наконец-то появился друг». Екатерина II прекрасно знала об одаренности и богатом опыте своего кузена и в апреле 1784 г. назначает его своим генерал-адъютантом в чине генерал-лейтенанта и главой финского егерского корпуса.

Первое поручение, данное графу императрицей, было крайне важным. Осознавая, насколько приукрашенными были отчеты ее подданных, она хотела получить подлинную картину о гражданском и военном положении внутри страны. С этой целью в 1784–1786 гг. граф отправляется в инспекционную поездку по всей России. При этом особое внимание он уделяет торговле, народному образованию, промышленности и военным корпусам. За свой подробный отчет, который послужил основой для дальнейших шагов во внутренней политике, кузина наградила

его Орденом Андрея Первозванного. В этом отчете, однако, было указано на целый ряд нарушений, ответственность за которые была возложена на Потемкина. Это привело к тому, что князь Потемкин стал мстить графу при любом удобном случае. В 1786 г. граф получает пост Главного инспектора войск Петербургской губернии, а также Лифляндии и Эстонии. 8 ноября 1786 г. он становится главой кадетского корпуса — самое важное его место службы в России. Вплоть до своей смерти в 1794 г. он возглавлял основанный в 1731 г. фельдмаршалом графом Кристофом Бурхардом Минихом (1688–1767) и располагавшийся в Меншиковском дворце на Васильевском острове корпус. Благодаря введению современных по тем временам методов воспитания, ежедневному посещению корпуса и личной симпатии он, не имевший своей семьи, стал «отцом русских кадетов»²¹. Императрица, охотно посещавшая корпус, как-то воскликнула: «Это место, где взращивают великих мужей!». В Кадетском корпусе не было библиотеки. В 1787 г. для этих целей по настоянию графа императрица пожаловала корпусу библиотеку генерала Эггера, насчитывавшую 7000 томов. Для ее пополнения граф вкладывал значительные суммы из личных средств²². Сегодня она хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и известна как библиотека Кадетского корпуса. Два учебника французского языка были составлены самим графом и подарены каждому выпускнику корпуса²³.

Граф заботился и о духовном воспитании кадетов. Кроме 250 русских воспитанников в корпусе было около 100 детей из семей балтийских немцев лютеранского вероисповедания и 20 детей из семей иностранцев. В 1788 г. граф приказывает полностью отреставрировать евангелическо-лютеранскую домашнюю церковь в Кадетском корпусе и становится ее покровителем²⁴. Во время уже упоминавшейся шведско-русской войны 1788–1790 гг. между графом и императрицей возник конфликт. Граф хотел участвовать в военных действиях только в роли главнокомандующего и в полном чине генерала. Императрица возражала против этого, считая, что чин генерала он мог бы получить только в Финляндии. Кузен отказывался обнажать шпагу без назначения его главнокомандующим и соответствующего чина. По сути, сложилась парадоксальная ситуация: одному из ангальтских кузенов, хотевшему стать главнокомандующим, было отказано в этом, другой — принц Виктор Амадей Ангаль-Бернбург-Шаумбургский, которого императрица настоятельно прочила в главнокомандующие, — отказался от этого поста. После того как гнев императрицы утих, 28 октября 1788 г. она назначила графа президентом Свободного экономического торгового общества — института, целью которого было улучшение положения внутри страны. И здесь прогрес-

сивные взгляды и стратегический склад ума графа сыграли важную роль. Он слыл ценным советником даже за пределами Санкт-Петербурга и впоследствии стал почетным членом девяти новых обществ и академий.

Весной 1794 г. в возрасте 63 лет Фридрих граф Ангальтский физически ослаб. Причиной тому стали не только его старое ранение и спартанский образ жизни, но непрерывная работа, а также постоянные интриги Потемкина, которые отдалили его от императрицы и двора. 20 мая он в последний раз явился на службу в Кадетский корпус и Свободное экономическое торговое сообщество. Дела были в порядке. Его почти 10-летняя служба в России оставила след в судьбе целого поколения офицеров и в экономике страны. 22 мая 1794 г. он навсегда закрыл глаза. В слезах двигались воспитанники за его гробом на евангелическо-лютеранское кладбище Волково, к месту покая членов лютеранской общины Кадетского корпуса. Вся улица была забита людьми. Сохранившийся до наших дней надгробный памятник над его могилой был сделан по эскизам полковника графа Александра фон Мюниха (1771–1841), одного из воспитанников Кадетского корпуса²⁵. Вскоре после его смерти Свободное экономическое торговое общество заказало у скульптора Гофмана мраморный бюст, который был выставлен в зале заседаний²⁶. Сегодня он находится в фондах Русского музея. В Кадетском корпусе об «отце русских кадетов» напоминал портрет маслом. Сам портрет не известен специалистам, однако, возможно, он хранится в фондах Артиллерийского музея или Музея Петропавловской крепости.

В 1826 г. российский посланник в Лейпциге государственный советник фон Фрейганг получает из Министерства финансов поручение найти в Саксонии породистых овец, которых можно было бы разводить на юге России, и организовать их покупку и отправку.

Возможно, Фрейганг поддерживал личные отношения с представителями герцогства Ангальт-Кетенского, которое в то время славилось прекрасными овцеводами. В разговоре с кетенским служащим Альбертом, который в министерстве герцогства отвечал за сельское хозяйство, возникла идея создания ангальтской колонии в России для разведения овец. Герцог Фердинанд Ангальт-Кетенский (1769–1830) с радостью откликнулся на это предложение и обратился с просьбой в письме к императору Николаю I. Уже в следующем году комиссия из Ангальт-Кетена выбрала два участка на юге России. Главный земельный участок располагался около 100 км севернее Крымского полуострова, в сердце Таврической степи со скудными пастбищами, другой — на побережье Черного моря у Перекопа.

Герцог Фердинанд Ангальт-Кетенский

Аскания-Нова. 1850 г.

Мотивацией российской стороны для выделения герцогу земли послужила не только необходимость заселения и урбанизация отвоеванных в 1783 г. императрицей Екатериной II земель Османской империи на юге России, но и тот факт, что Ангальт-Кетен славился своими овцеводческими хозяйствами. После того как длившиеся два года переговоры российского императора Николая I и герцога о реализации проекта были благополучно завершены 3 марта 1828 г. подписанием Николаем I Указа, согласно которому Ангальт-Кетену были обещаны 48 000 га, что составляло четверть площади всех ангальтских земель, в последующие три года, в 1828, 1829 и 1830 гг., из Кетена на юг России были отправлены три транспорта, которые доставили 15 000 овец и 250 ангальтских колонистов для строительства имения и 11-ти других населенных пунктов в Таврической степи.

Будущая колония получила название Аскания-Нова. Весной 1828 г. на место прибыла первая группа колонистов, руками которых были построены первые здания. После ввода в эксплуатацию собственного завода по производству кирпича в 1830 г. до 1833 г. почти все кирпичные постройки возводились по проектам кетенского придворного архитектора, советника по строительству Готфрида Генриха Бандхауэра (1790–1837). Из них сегодня в Аскании-Нова сохранился только один-единственный дом, который с любовью называют Кетенским домиком.

27–28 февраля этого года в честь 180-летия со дня основания ангальтской колонии Аскании-Нова в зале заседаний Института овцеводства в сегодняшней украинской Аскании-Нова состоялся международный научный симпозиум. Организаторами конференции по случаю 180-летнего юбилея ангальтской колонии стали Академия наук Украины, Национальный парк «Аскания-Нова», администрация Херсонской области и района. С немецкой стороны в организации приняло участие Общество ангальтского краеведения. Семью Фальц-Фейн, которой в 1856 г. была продана Аскания-Нова, представлял Фридрих фон Фальц-Фейн из Лихтенштейна. 28 февраля на конференции обсуждался вопрос реставрации и последующего использования Кетенского домика в Аскании-Нова. Построенное в 1829 г. по планам кетенского придворного архитектора Бандхауэра здание должно стать местом встреч молодежи, где молодые люди в течение нескольких дней могли бы жить так, как ангальтские колонисты почти 200 лет назад. Похожее здание было построено архитектором Бандхауэром в 1827 г. близ Кетена. Оно также сохранилось.

Вначале казалось, что значительные инвестиции в строительство далекого имения легко окупятся. Так как колонии были пожалованы большие привилегии со стороны российской короны, она была практи-

чески не обременена государственными налогами. Главным в хозяйстве было, конечно, овцеводство и торговля шерстью. Уже в 1834 г. значительная сумма от полученных доходов была отправлена в Кетен. Однако с первой проверкой кетенского советника фон Бера возникли и первые проблемы. Герцогская палата решила поменять управляющего Аскании-Нова. После его прибытия экономическое положение имения ухудшилось. Кроме обусловленных природой трудностей: нехватки воды и значительной удаленности имения от Днепра, где планировалось мыть овец перед стрижкой, — были еще и проблемы личного характера. Все служащие были приезжими и не были знакомы с местными особенностями ведения хозяйства и жизни. Кроме того, не было генерального плана долгосрочного развития территории. Наряду с этим в период с 1840 по 1850 гг. в этом районе не раз случались непогода и нашествие саранчи, а также огромные степные пожары, которые уничтожали собственный урожай колонии и вынуждали колонистов покупать дорогой фураж.

После смерти герцога Фердинанда в 1830 г. власть в Ангальт-Кетене перешла к его младшему брату Генриху (1778–1847). Ни тот, ни другой правитель не пожелали посетить Асканию-Нова и лично удостовериться в истинном положении дел. После смерти Генриха в 1847 г. княжество Ангальт-Кетен отошло Дессау, где правил герцог Леопольд IV (1794–1871). Получая отчеты из Аскании-Нова, Леопольд IV не строил никаких иллюзий в отношении колонии и предпринял первые шаги если не к ее продаже, то, по крайней мере, к возможной сдаче ее в аренду. В 1834 г. начались переговоры с крупнейшим овцеводом на юге России, сыном саксонского переселенца Фридрихом Фейном (1794–1864). Они длились 10 лет. Аскания-Нова была продана в 1856–1857 гг. За время с 1828 по 1857 гг. убытки Ангальта за вычетом всех поступлений и доходов от продажи составили 350 000 рейхсталеров. Здесь необходимо добавить, что император Николай I отказался от выплаты наследства своей бабушки, Екатерины II, ввиду значительных инвестиций в Асканию-Нова. Однако всему этому следует противопоставить 30-летнюю колоссальную работу в тогда почти безлюдной местности.

Именно благодаря этой работе Фридриху Фейну удалось поправить дела имения, которое стало потом процветать. После свадьбы единственной наследницы, дочери Елизаветы, с саксонским овцеводом Иоганном Пфальцем, который работал в Аскании-Нова с 1836 г., с разрешения императора фамилия стала двойной, при чем для удобства произношения «пф» в фамилия Пфальц заменили на «ф». Позднее род Фальц-Фейнов получил дворянский титул. Правнук покупателя Фридрих Фальц-Фейн (1863–1920) занимался не только овцеводством. Он заложил в степях

Аскании-Нова известный парк, в котором содержали различных редких животных и птиц и который существует и сегодня. После революции 1917 г. и Гражданской войны семья Фальц-Фейнов вынуждена была покинуть Россию. Сегодня барон Эдуард фон Фальц-Фейн, родившийся в 1912 г. в одном из имений по соседству с Асканией-Нова, и его племянник Фридрих фон Фальц-Фейн живут в княжестве Лихтенштейн. Они дорожат традициями семьи и, благодаря многочисленным проектам, снова принимают непосредственное участие в жизни Аскании-Нова.

Примечания

¹ Во время празднования по случаю установления Ништадского мира, положившего конец 21-летней войне со Швецией, Петр I по предложению своего канцлера Николая Головина (1695–1745) взял титул «Император всея Руси».

² См. подробно: Raeff M. Peter III. Katharina II // Torke H.-J. (Hrsg.). Die Russischen Zaren 1547–1917. Münschen, 1999. S. 219–261.

³ Kaus G. Katharina die Große. München, 2002.

⁴ Brandes D. Einwanderung und Entwicklung der Kolonien // Stricker G. (Hrsg.). Deutsche Geschichte im Osten Europas, Russland. Berlin, 1997. S. 50ff.

⁵ На самом деле: Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хойм.

⁶ Действительный титул: рейхсграф фон Ангальт.

⁷ Алмазов Б. Российские полководцы. СПб., 1999. С. 50–54.

⁸ О личности принца см.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. II. С. 423.

⁹ С 2001–2006 гг. автор служил вместе с внучатым правнуком фон дер Палена, пастором Годеке фон Бременем, в Евангелическо-Лютеранской Церкви в России.

¹⁰ Сегодня по реке проходит граница между Молдавией и Украиной, в устье реки, расположенном на украинской территории, еще сегодня стоит крепость Акерман (Белгород-Днестровский).

¹¹ Ордин К. Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. I. С. 263–264, 269.

¹² Viiste J. Viihtyisä vanha Wiipuri, Kulttuurimustojen (Культурные памятники Выборгского края). Porvoo, 1948.

¹³ В 1939–1940 гг. советско-финская война, в ходе которой Карелия и области вокруг Выборг отошли Советскому Союзу, а Ханко стал базой Балтийского флота. В 1941–1944 гг. земли вновь были отвоеваны Финляндией, позднее — советскими войсками.

¹⁴ Летом 2007 г. автор имел возможность осмотреть остатки саркофага.

¹⁵ Федин П. Памятник в Петровском // Выборгский коммунист. 1977. 7 июня.

¹⁶ Новоселова З. Забытая могила // Выборгский вестник. 2002, вышеуказанная дата.

¹⁷ Ср.: Hosäus W. Reichsgraf Friedrich von Anhalt in kaiserlich russischen Diensten // Mitteilungen des Vereins für Anhaltische Geschichte und Altertumskunde. Band 7. S. 592–602; Немецкая Россия: Энциклопедия. М., 1999. Т. I. С. 55.

¹⁸ Деревня близ Герлица в Шлезвии, где 7 сентября 1757 г. прусские войска потерпели поражение от Австрии. Прусский генерал фон Винтерфельд пал на поле битвы.

¹⁹ Родившийся в 1727 г. старший брат графа Вильгельм погиб в битве при Торгау в чине полковника и 3 дня спустя был погребен в церкви Доммич. По приказу князя Леопольда III Фридриха Франца (1740–1817), который ушел из Прусской армии, в Зиглицком парке был установлен памятник павшему кузену, который сохранился до наших дней.

²⁰ Патент о поступлении на службу в России летом 1784 г. Дословно вместе с переводом в: *Hosäus W. Reichsgraf Friedrich von Anhalt in kaiserlich russischen Diensten // Mitteilungen des Vereins für Anhaltische Geschichte und Altertumskunde. Band 7. S. 601–602.*

²¹ Граф снимал вместе со своим слугой дом Штельпманна на Красном мосту через Мойку за Адмиралтейством. Уже в 5.00 часов утра после 45-минутной прогулки он был в корпусе и будил своих воспитанников словами: «Вставайте, дети мои!». Зимой он шел прямой, но очень опасной дорогой, по льду замерзшей Невы.

²² Большую часть своего наследства граф вложил в оснащение Кадетского корпуса. Через своих слуг он также помогал нуждающимся своего квартала, не называя при этом себя. Попавшие в затруднительное положение, как, например, Вольке, могли рассчитывать на помощь графа.

²³ «La muraille parlante», St. Petersburg o. J. und «La Salle de recreation», St. Petersburg, 1791.

²⁴ *Jungblut Th. Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Russland. St. Petersburg, 1855. S. 138.* После выделения из Кадетского корпуса община нашла себе приют в расположенной недалеко от Кадетского корпуса евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила, которая сохранилась до наших дней.

²⁵ *Бем Б. Волковское лютеранское кладбище в С.-Петербурге. СПб., 2005. Т. 5. С. 241.*

²⁶ Бюст сегодня хранится в фондах Русского музея в Санкт-Петербурге.

Ю.И. Мошник, М.В. Ефимов

Петербургские связи И.Г. Фосса

Иоганн Генрих Фосс (Johann Heinrich Voss) (1751–1826) — имя, принадлежащее миру большой европейской культуры второй половины XVIII в. Поэт и переводчик, повлиявший на творчество Гете и многих других своих современников, он является фигурой первого ряда в немецком Просвещении. Живший в один из ключевых периодов европейской истории, Фосс во многом аккумулировал его основные тенденции и противоречия. Личность и творчество И.Г. Фосса нашли свой отклик и в России — как в русской культуре, так и в исследовательской литературе¹.

Немаловажной страницей в истории российско-европейского культурного диалога стало и общение И.Г. Фосса с семьей видных российских государственных деятелей баронов Николаи. Для исследователей истории имения Монрепо и его владельцев Иоганн Генрих Фосс — это, в первую очередь, друг Людвига Генриха Николаи (1737–1820) и человек, под чьим руководством и в чьем доме получил образование Пауль

Николаи (1877–1866). Тем важнее для нас постараться увидеть личность И.Г. Фосса в ее многообразии.

В исследовательской литературе, посвященной Л.Г. Николаи, на роль Фосса наиболее сжато и емко указал канадский ученый Эдмунд Хайер в своей работе «Л.Г. Николаи (1737–1820) и его современники»: «...[в период с] 1785 по 1796 г. <...> единственный сын [Л.Г. Николаи] Пауль получал образование сначала у Иоганна Фридриха Фосса в Эйтине, а позднее в Эрлангенском университете. Восьмилетнего Пауля забрал в Эйтин Фридрих Леопольд Штольберг²; Пауль жил в доме Фосса на правах члена семьи. Общение Николаи с Фоссом породило обширный обмен дружественными письмами, многие из которых касаются литературы. В письмах к Николаи Фосс с большим уважением отзывается о веймарских классицистах, особенно после своего переезда в Иену в 1802 г.; при этом он высмеивает необузданных иенских романтиков. Хотя в моем распоряжении есть лишь письма Фосса, можно предположить, что Николаи разделял литературные пристрастия рационального классициста Фосса, особенно его негативное отношение к романтикам. Однако необходимо отметить, что Николаи был и остался до конца своей жизни убежденным приверженцем французского классицизма»³.

Как пишет Райнер Кнапас, «[и]з Петербурга родители отправили своего сына в школу, находящуюся в Эйтине (Eutin), маленьком городе недалеко от Киля. У города была превосходная репутация центра учености и литературы; здесь находилась резиденция Князя-епископа Любекского, и вокруг маленького двора собрался круг писателей и художников. Одним из членов этой группы, а также другом Людвиг Генриха Николаи был Иоганн Генрих Фосс, «поэт Аркадии» и переводчик Гомера, также бывший Ректором городской гимназии. Пауль Николаи был зачислен в школу Фосса и — в знак особого расположения — приглашен жить в доме ректора, где к нему относились как к члену семьи. Отец, Людвиг Генрих, начал оживленную переписку с сыном и с его учителем, прославленным Фоссом» (Euroopalainen Monrepos 2006: 53; пер. с англ. М. Ефимова). О характере отношений между семьями Николаи и Фосса свидетельствуют, в частности, письма Л.Г. Николаи к сыну Паулю во время жизни последнего в Эйтине⁴. Именно в эти годы Фосс работал над своими знаменитыми переводами античных классиков (Ruoff 1993: 261)⁴. Отметим, что в годы пребывания Пауля Николаи в доме Фосса — 1785–1796 гг. — Людвиг Генрих Николаи является личным секретарем будущего императора Павла Петровича и его супруги, Марии Федоровны. Николаи имеет дом в Петербурге и по

роду своих занятий делит свое время между Петербургом и Гатчиной. Эти же годы отмечены значительной творческой активностью Л.Г. Николаи как поэта⁵.

Также известно, что Л.Г. Николаи советовался с Фоссом по поводу своей поэмы «Имение Монрепо в Финляндии»⁶, как это следует из письма Л.Г. Николаи к сыну Паулю от 4 (16) сентября 1806 г.: «Уже некоторое время назад мне пришла в голову идея сделать поэтическое описание Монрепо в свободное время. Первые наброски я послал Фоссу и по его мудрому совету я их так переделал, чтобы они могли заинтересовать и тех читателей, которые сад не видели и не увидят»⁷. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку поэма Л.Г. Николаи была задумана автором не просто как «поэтический путеводитель» по парку, но и как изложение основополагающих для Николаи эстетических идей, нашедших свое воплощение в знаменитом памятнике садово-паркового искусства XVIII–XIX вв. — парке Монрепо⁸.

Как пишет исследовательница истории Монрепо и его владельцев Эва Руофф, «[о]ба Николаи [Людвиг Генрих и Пауль. — Ю.М., М.Е.] получали от Фосса в дар авторские экземпляры его переводов, и частично они даже сейчас представлены в библиотеке Монрепо дублетами⁹. Вышедшее в 1821 г. после смерти Людвиг Николаи издание Аристофана в переводе Фосса представлено в библиотеке Монрепо уже одним экземпляром, присланным Паулю. Помимо относящихся к периоду обучения Пауля в Эйтине изданий античных классиков в переводах Фосса имеются также переводы Шекспира, выполненные Фоссом-отцом и двумя его сыновьями, книга Х.Э.Г. Паулуса (H.E.G. Paulus) “Lebens- und Todeskunden über Johann Heinrich Voss”¹⁰, изданная в Гейдельберге в 1826 г., написанные “приемной матерью” Пауля Эстер Фосс (Esther Voss) воспоминания “Aufsätze”»¹¹ (Ruoff 1993: 261, пер. с фин. Ю. Мошник).

Также достоин упоминания тот факт, что «в 1796 году Людвиг Николаи опубликовал в альманахе “Erholungen”¹², издаваемом В.Г. Беккером (W.G. Becker), большую поэму, посвященную <...> И.Г. Фоссу, в которой описал труд и достижения мастеров резьбы по драгоценным камням античных и более поздних времен» (Ruoff 1993: 262, пер. с фин. Ю. Мошник).

Современные финские исследователи книжного собрания Монрепо следующим образом характеризуют Фосса: «Уроженец Мекленбурга, Иоганн Генрих Фосс (1751–1826) изучал древние языки под руководством Х.Г. Гейне (Ch.G. Heyne)¹³ в Геттингенском университете, бывшем оплотом неогуманизма. В университете Фосс также изучал теологию и

философию. Он был среди основателей группы поэтов “Göttinger Hain”, издавал популярный литературный журнал “Musenalmanach”. Античная литература служила Фоссу важнейшим источником вдохновения. Он перевел на немецкий язык “Илиаду” и “Одиссею”, исключительно ценимые неогуманистами <...> В своих поэтических идиллиях Фосс, ориентируясь на Феокрита, изображал буржуазный быт <...> В последние годы жизни Фосс защищал идеалы неоклассицизма и враждовал с романтиками, особенно с Клеменсом Брентано (1778–1842)» (Euroorpalainen Monrepos 2006: 146; пер. с англ. М. Ефимова).

Обратимся к некоторым фактам биографии И.Г. Фосса. Фосс родился 20 февраля 1751 г. в семье крестьянина, в селении Зоммерсдорф под Вареном (Мекленбург), и умер 29 марта 1826 в Гейдельберге в возрасте 75 лет. По окончании городского училища в Пенцлине в 1766–1769 гг. Фосс посещал гимназию в Нойбранденбурге. После гимназии Фосс стал работать репетитором, чтобы заработать денег на обучение в университете. По словам немецкого исследователя К. Хепке, «потомок крепостных душ стал “духовным” крепостным. Так называемым домашним учителем, — многие немецкие поэты и писатели страдали в этом звании, — он снес немало унижений у фон Ертцена в Анкерсхагене» (Хепке 1984: 263). В это же время он публикует свои стихотворения в «Геттингенском альманахе муз».

По приглашению редактора альманаха Генриха Христиана Бойе¹⁴ Фосс в 1772 г. приезжает в Геттинген и поступает в университет, где в 1772–1776 гг. изучает теологию и филологию. Геттинген с середины XVIII столетия пользовался славой самого значительного в Германии университетского города; он стал также и выдающимся литературным центром (см.: ИНЛ 1985: 293). В Геттингенском университете Фосс стал одной из ведущих фигур группы молодых поэтов «Göttinger Hain» («Роща») (см.: ИНЛ 1985: 296–300). Название этому поэтическому союзу дало программное стихотворение Ф. Г. Клопштока «Холм и роща» («Der Hügel und der Hain»). Главными его участниками были, наряду с Фоссом, Людвиг Кристоф Генрих Гельти (1748–1776), Иоганн Мартин Миллер (1730–1814) и графы Кристиан и Фридрих Леопольд (1750–1819) Штольберги. В 1774 г. к ним присоединился Иоганн Антон Лейзевиц (см.: ИНЛ 1985: 296). Активным членом кружка был также Г.Х. Бойе. Группа существовала в 1772–1774 гг. Общим для членов группы было желание освободить поэзию от иностранного, в первую очередь французского, влияния и от излишнего рационализма. Они идеализировали Клопштока, переписывались с ним через братьев Штольбергов, праздновали день рождения Клопштока в 1773 г. и принимали его в своем кругу

в 1774 г. Литературный орган группы — «Геттингенский альманах муз» («Göttinger Musenalmanach»), издававшийся с 1770 г., стал образцом для многих аналогичных немецких изданий. Группа распалась после 1774 г. Как отмечают современные исследователи, «[х]ристианско-тевтонский патриотизм и культ дружбы в духе анакреонтической поэзии разделили их со штюрмерами, хотя многие из них поддерживали дружеские отношения с поэтами “Бури и натиска”». Общими у тех и других были культ природы, стремление к свободе, симпатия к простым людям. Поэты “Союза рощи” не создали ничего, равноценного драмам и романам Гете, Ленца, Вагнера и Клингера <...> Гораздо активнее, чем в драматургии и прозе, геттингенцы выступили в поэзии, которая характеризуется жанровым и тематическим разнообразием. Темой стихотворений этих поэтов были прежде всего сам союз, общность друзей и их идеалы» (ИНЛ 1985: 297)¹⁵.

«Геттингенский альманах муз» сыграл весьма важную роль в биографии Фосса. В 1769 г. Генрих Христиан Бойе (1744–1806) совместно с Фридрихом Вильгельмом Готтером (1746–1797)¹⁶ основал «Геттингенский альманах муз» (1770–1804), «первый в Германии журнал подобного типа; он приобрел известность прежде всего как орган поэтов “Союза рощи” <...> “Альманах муз” редактировал в первые годы издания Иоганн Генрих Фосс, затем Леопольд Фр. Гюнтер Геккинг (1748–1828) и, наконец, Готфрид Август Бюргер¹⁷» (ИНЛ 1985: 293). С 1779 г. по 1794 г. в «Альманахе» в разные годы были опубликованы произведения Фосса¹⁸, Гете¹⁹, Шиллера²⁰. Издаваемый Фоссом альманах, переживавший после смерти Бюргера упадок, неоднократно упоминается — причем неизменно критически — в переписке Гете и Шиллера 1795–1799 гг.²¹ В «Альманахе муз», издававшемся в это время уже в Гамбурге, с 1787 по 1796 гг. было опубликовано 30 произведений Л.Г. Николаи.

Как отметил Э. Хайер, «единственную непрямую отсылку к Гете и Шиллеру, да и то без достаточных оснований, можно найти в послании Николаи “An Ramler’n” <...> Появившееся в фоссовском “Альманахе муз на 1796 г.”, послание (кажется, запоздало) критикует литературу периода “Бури и натиска”; однако имена Гете и Шиллера в нем не упоминаются. Тем не менее Эдуард Боас в своем труде “Schiller und Goethe im Xenienkampf” заключает и, возможно, справедливо: “Гете и Шиллер не называются, но автор пытается обозначить их достаточно явственно”. Хотя имен названо не было, Шиллер, как современный писатель, почувствовал нападение и нашел посланию свое место в “Ксениях”. Эпиграмма, направленная против послания Николаи, озаглавлена “Aus einer der neuesten Episteln” (“Из одного новейшего послания”):

Klopstock, der ist mein Mann der in neue Phrasen gestossen,
Was er im höllischen Pfuhl Hohes und Grosses vernahm.
(Клопшток, это мой человек, который, наткнувшись на новые фразы,
Те, которые он в преисподней услышал в качестве возвышенного и
великого.)

Тогда как некоторые исследователи обсуждали вопрос об адресате этой эпиграммы в “Ксениях” Шиллера, из сравнения цитированных выше высказываний становится совершенно ясным, что эпиграмма направлена против послания Николаи» (Heier 1965: 47)²².

Отметим также два фрагмента из переписки Гете и Шиллера. Шиллер — Гете, 26 октября 1795 г.: «Я прочитал два новых альманаха муз, весьма тощих и жалких. Фосс поместил в своем альманахе двадцать девять стихотворений, среди которых Вы напрасно будете искать хотя бы одно хорошее, а большинство их — отвратительно. Я послал их с Гердером» (ПГШ 1988, 1: 142). Гете — Шиллеру, 15 ноября 1796 г.: «Альманах Фосса плох сверх всякой меры. Мне жаль Фосса и наших с ним отношений, ведь нужно же быть хоть сколько-нибудь равным своим соперникам, чтобы не ненавидеть их. До чего бездарна вся эта компания, уму непостижимо; без нескольких переводов томик был бы почти пуст. И все же не стану отрицать, что этот creator spiritus (лат. — дух создающий) должен остаться нашим другом, если только мы хотим в будущем году двинуться вперед, а не назад» (ПГШ 1988, 1: 280). Речь идет о «Геттингенском Альманахе Муз на 1796 год», в котором были опубликованы стихотворение «Auf einen Baronisirten Kaufmann» и «Послание к Рамлеру» Николаи²³.

В 1778 г. Фосс был назначен ректором школы в Оттерндорфе²⁴, где он начал переводить «Одиссею». В 1782 г. стал ректором гимназии в Эйтине²⁵. Это учебное заведение и поныне носит имя Фосса (Johann-Heinrich-Voß-Gymnasium). Однако Фосс считал директорскую работу неподходящей для себя, поэтому, получив ежегодную пенсию в 600 талеров, он стал независимым исследователем, переехав в 1802 г. в Иену. С 1805 г. — профессор классической филологии в Гейдельбергском университете. Отметим, что Фосс принял это назначение, невзирая на усилия И.В. Гете, настаивавшего на жизни Фосса в Иене. В Гейдельберге Фосс всецело отдался переводческой деятельности. Страстный рационалист, он вел ожесточенную войну с молодыми представителями романтизма, становясь все более одиноким к концу жизни.

Говоря о творчестве Фосса как поэта, отметим так называемую трилогию о крепостных, в которую вошли стихотворения «Крепостные»,

«Вольноотпущенники» и «Облегченная участь» (1800). Новаторским было использование Фоссом традиционного жанра идиллии. Как пишет современный немецкий исследователь К.О. Конради, «Фосс пробовал себя в древнем размере не только в переводе, но и в собственном творчестве, ограничив его применение рамками скромного жанра <...> Фосс остановился на сельских темах родной Голштинии, избрав жанр идиллической поэзии, но придал ей довольно острое социальное звучание, введя мотивы протеста против феодального произвола. Три идиллии (первая из которых вышла в 1783 г.), объединенные в издании 1795 г. под названием “Луиза. Сельское стихотворение”, пользовались особенной популярностью среди читателей. Сосредоточенная целиком на изображении деревенского мира, любовно и многокрасочно представляющая его своеобразие, эта идиллия повествует о праздновании дня рождения, помолвке и свадьбе восемнадцатилетней дочери священника из Грюнау (вымышленное местечко, помещенное автором в Голштинию), “географическое положение, заведенный порядок и образ жизни которого следует искать лишь в области облагороженных возможностей”, как отмечал сам Фосс. Его идиллия во многом воспроизводит мир более грубый и деревенский, более приближенный к трудовым будням простого бюргерства, чем “Герман и Доротея” [И.В. Гете. — *Ю.М., М.Е.*], и хотя в стихотворении Фосса веет республиканский дух из далекого мира, прежде всего из Америки, и пробуждает надежду на лучшее, автор не призывает, однако, к открытому возмущению. Сегодня может казаться наивным, что речь и образ мыслей деревенско-бюргерского мира положены на гекзаметры — стихотворный размер античных эпопей — и благодаря этому как будто приобретают достоинство. Но литературные друзья Фосса воспринимали это произведение иначе, с радостью узнавая в написанном древним размером стихотворении современное и знакомое им содержание»²⁶ (Конради 1987: 181–182).

Однако при всем новаторстве Фосса как поэта, он более ценим и известен как переводчик, в первую очередь, переводами «Одиссеи» (1781) и «Илиады» (1793). Высоко ценил работу Фосса русский переводчик Гомера поэт Н.И. Гнедич²⁷. В предисловии к своему переводу «Илиады» (1824 г.) Н.И. Гнедич, явно подразумевая Фосса, писал о предшествующих переводах Гомера: «До сих пор одни поэты Германии, в качестве переводчиков, вступали в сей подвиг и совершили его со славою»²⁸. Как писал Гете Шиллеру в письме от 6 мая 1797 г.: «На этих днях мне опять пришлось много пользоваться Фоссовым переводом Гомера, и я вновь не мог не оценить его высокого достоинства и не восхититься им» (ПГШ 1988, 1: 352)²⁹. Помимо Гомера, Фосс переводил многих классических ав-

торов — сочинения Гесиода, Феокрита, Эсхила, Аристофана, Вергилия (1789), Овидия (1798)³⁰, Горация (1806), Тибулла, Проперция; для них характерно педантичное отношение к тонкостям формы и языка. Фосс перевел также «Сказки тысячи и одной ночи» (1781–1785) и вместе с сыновьями Генрихом и Авраамом пьесы Шекспира (9 томов, 1818–1826). И Гете, и другие немецкие поэты считали Фосса авторитетом в античной метрике: «[б]ез поэтических опытов Иоганна Генриха Фосса, пересадившего античные метры на почву немецкого языка, пожалуй, не были бы возможны ни “Рейнеке-лис”, ни “Герман и Доротея”, в которых ожил и так естественно зазвучал древний размер» (Конради 1987: 180–181).

Поэзия Фосса и его переводы были хорошо известны в России в конце XVIII — 1-ой половине XIX вв. По словам Н.Е. Никоновой, «[р]усская переводческая рецепция творчества Фосса связана, в первую очередь, с его зрелыми опытами в жанре идиллии — “Der siebzigste Geburtstag” (1781) и “Luise. Ein ländliches Gedicht in drei Idyllen” (1795). В разгар полемики вокруг идиллии в России вышли переводы этих двух народных идиллий Фосса, написанных гекзаметром: “Луиза” П.А. Тереяева (1820) и “Семидесятый день рождения” М.П. Загорского (1824)» (Никонова 2007: 96).

Как уже было отмечено, фоссовские переводы Гомера были значимы для переводческого метода Н.И. Гнедича. Переводы Фосса оказали влияние и на полный перевод «Одиссеи», и на переводы фрагментов «Илиады», выполненные В.А. Жуковским: «“Одиссею” Жуковский переводит, как известно, по немецкому подстрочнику проф. К. Грасгофа, найдя, что в сравнении с английской версией А. Попа перевод Фосса более верен “истинному Гомерову духу”, однако слишком “сух” и “прост”: “чувствительно, что немец Фосс из всей силы хотел быть греком”. А вот в осмыслении и переводе “Илиады” посредничество Фосса было длительным и прямым, о чем свидетельствует и материал личной библиотеки поэта. Тот же “простой” стиль и “шероховатый язык” Фосса-переводчика, по мнению Жуковского, оказывается “верным” в передаче “несравненной простоты подлинника”» (Никонова 2007: 97)³¹.

Переводы Фосса были знакомы А.С. Пушкину, о чем свидетельствует его письмо П.А. Вяземскому (25 мая и около середины июня 1825 г., Михайловское): «Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в Тел.<еграфе>. Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус, и пристрастие дружбы. Но ты слишком бережешь меня в отношении к Ж.<уковскому>. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь

слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В борениях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода» (Пушкин 1979: 117–118)³².

Высоко оценивал переводы Фосса и В.К. Кюхельбекер, отмечая вместе с тем недостатки его перевода из-за «слишком ученого, периодического, обильного деепричастиями словосочинения»³³.

Значительно было влияние поэзии Фосса и на К.Н. Батюшкова, писавшего Н.И. Гнедичу в письме от 30 октября 1813 г.: «Мы теперь в Веймаре дней с десять <...> Здесь лучше всего мне нравится дворец герцога и английский сад, в котором я часто гуляю, несмотря на дурную погоду. Здесь Гете мечтал о Вертере, о нежной Шарлоте; здесь Виланд обдумывал план “Оберона” и летал мыслию в области воображения; под сими вязами и кипарисами великие творцы Германии любили отдыхать от трудов своих; под сими вязами наши офицеры бегают теперь за девками. Всему есть время. Гете я видел мельком в театре. Ты знаешь мою новую страсть к немецкой литературе. Я схожу с ума на Фоссовой “Луизе”; надобно читать ее в оригинале и здесь, в Германии» (Батюшков 1985: 397).

В исследовательской литературе также отмечено воздействие поэзии Фосса на юного Н.В. Гоголя³⁴. Весной 1829 г. Гоголь под псевдонимом «В. Алов» печатает «идиллию в картинах» «Ганц Кюхельгартен» (СПб., 1829); в этом произведении, носящем в основном еще ученический характер, обнаруживаются разнообразные влияния, от В.А. Жуковского и А.С. Пушкина до И.Г. Фосса³⁵.

Исследовательский потенциал темы «Петербургские связи И.Г. Фосса» далеко не исчерпан. Представляется, однако, что и приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть ее плодотворность. Личность и творчество Фосса оказались притягательными и для немецкого писателя и российского государственного деятеля Л.Г. Николаи, и для крупнейших представителей «Золотого века» русской литературы.

Использованная литература

ИНЛ 1985 — История немецкой литературы: В 3 т.: Пер. с нем. М.: Радуга, 1985. Т. 1. От истоков до 1789 г.

Конради 1987 — *Конради К.О.* Гете. Жизнь и творчество.: Пер. с нем. / Общая редакция А. Гугнина. М.: Радуга, 1987. Т. 2. Итог жизни.

ПГШ 1988 — *Гете И.-В., Шиллер Ф.* Переписка: В 2 т. / Пер. с нем. и коммент. И.Е.Бабанова. М.: Искусство, 1988. Т.2. (История эстетики в памятниках и документах).

Батюшков 1985 — *Батюшков К.Н.* Нечто о поэте и поэзии / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Кошелева. М.: Современник, 1985. (Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).

Никонова 2007 — *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский — читатель и переводчик «Илиады» И.Г. Фосса // Жуковский и время: Сб. ст. / Ред. А.А. Янушкевич, И.А. Айзикова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 96–106.

Пушкин 1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 10. Письма. 1979.

Хепке 1984 — *Хепке К.* Поэт Иоганн Генрих Фосс — мужественный защитник племени // Хепке К. Литература и жизнь: Классика и современность в восприятии читателя: Пер. с нем. М.: Художественная литература, 1984. С. 261–280.

Eurooppalainen Monrepos 2006 — Eurooppalainen Monrepos = Det europeiska Monrepos = Monrepos — a European haven / [toimittajat = redaktörer = editors: Sirkka Havu, Inkeri Pitkäranta]; [kirjoittajat = författare = authors: Sirkka Havu ... et al.]; [kääntäjät = översättare = translators: Christoffer von Bonsdoff ... et al.]. [Helsinki]: Helsingin yliopiston kirjasto, 2006.

Heier 1965 — *Heier E.* L.G. Nicolay (1737–1820) and his contemporaries. The Hague: Martinus Nijhoff, 1965.

Ruoff 1993 — *Ruoff E.* Matkoja, muistoja, harrastuksia. Monrepos'n kirjojen kertomaa //Helsingin yliopiston kirjaston tiedotuslehti. 1993. Nos. 9–10. S. 259–269.

Примечани

¹ Укажем на некоторые работы о Фоссе, опубликованные на русском языке: Силаев А.Я. Демократическая направленность поэзии радикальных штюрмеров (Бюргер, Фосс, Шубарт) // Ученые записки Липецкого государственного педагогического института. Т. 2. Липецк, 1958. С. 110–127; *Неустров В.П.* «Геттингенский союз». Фосс и Бюргер // Неустров В.П. Немецкая литература эпохи Просвещения. М., 1958.

² Штольберг, Фридрих-Леопольд, цу, граф (Stolberg-Stolberg, Friedrich Leopold, Graf zu) (1750–1819) — немецкий писатель. Датские поданные, Фридрих-Леопольд и его брат Кристиан изучали право в Галле и Геттингене. Совместно братья издали собрание стихотворений («Gedichte», 1779). После окончания университета братья Штольберги совершили путешествие по Швейцарии с И.В. Гете. В 1777 г. был назначен посланником князя-епископа Любекского в Копенгагене, но часто останавливался в Эйтинге у И.Г. Фосса. В 1788 г. был назначен датским посланником при прусском дворе; в 1791–1800 гг. занимал должность президента Любекского епископального суда в Эйтинге. Перешел в католичество в 1800 г. Автор сборников стихов «Баллады» (1779) и «Ямбы» (1784), романа «Остров» (1788), пьес, путевых очерков, работ по теории литературы. Переводчик «Илиады» (1778; за 15 лет до перевода И.Г. Фосса, вышедшего в 1793 г.), Платона (1796–1797), Эсхила (1802) и Оссиана (1806).

³ Heier 1965: 46–47 (пер. с англ. М. Ефимова), со ссылкой на: *Wilhelm Herbst.* Johann Heinrich Voss (Leipzig, 1874), II, Part I, 16, 278–279; *Vossische hausidylle, Briefe von E. Voss an H.Ch. und S. Boie* / ed. Ludwig Bate (Bremen, 1925). Pp.76–77.

⁴ См., например, письмо Л.Г. Николаи от 11 (22).10.1788 (подлинник — в Архиве Музейного Ведомства Финляндии, ф. Monrepos, кор. 2. № 27): «А для тебя и для всей семьи Фоссов мы хотим найти помещение, когда вы приедете. Будь здоров, дорогой мальчик.

Поцелуй ручку твоей матери и обнимай своих братьев» (цит. по: Научный архив ГИАПМЗ «Парк Монрепо», т. А-6. Пер. с нем. С.Г. Халипова).

⁵ В 1789 г. опубликован перевод Вергилия, в 1793 г. — перевод «Илиады».

⁶ Так, например, Л.Г. Николаи публикует 9 томов «Смешанных стихотворений» (Vermischte Gedichte. Berlin und Stettin: Friedrich Nicolai, 1778–1786). С 1792 по 1795 гг. он опубликовал семь из восьми томов своих «Смешанных стихотворений и прозаических произведений» (Vermischte Gedichte und prosaische Schriften. Berlin und Stettin. Friedrich Nicolai, 1792–1810).

⁷ Опубликовано два полных перевода поэмы Л.Г. Николаи на русский язык: *Николаи Л.Г.* Имение Монрепо в Финляндии. Пер. с нем. Глазковой О.М. // Санкт-Петербург. 1994. № 4(10). Спец. выпуск, посвященный Монрепо. С. 8–12; *Николаи Л.Г.* Имение Монрепо в Финляндии / Пер. с нем. И.И. Городинского // Кишук А.А. Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001. С. 105–120.

⁸ Подлинник — в Архиве Музейного Ведомства Финляндии, ф. Монrepos, кор. 2, № 194; цит. по: Научный архив ГИАПМЗ «Парк Монрепо», т. А-6. Пер. с нем. С.Г. Халипова.

⁹ См.: *Ананьева А.В.* «...ни Альбион, ни озеро Женевы мой демон добрый не назвал»: Поэтическое описание парка Монрепо Л.Г. Николаи в контексте европейского дискурса о садах // Монрепо: Альманах. Вып. 3. Выборг, 2009 (в печати).

¹⁰ О переводах Фосса в книжном собрании Монрепо в контексте Северных стран в XVIII в. см.: *Merisalo O.* Classical and humanist works in the libraries of early modern Finland between the sixteenth and eighteenth centuries // *Renaissance Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 198.

¹¹ «Известия о жизни и смерти Иоганна Генриха Фосса» (нем.).

¹² «Сочинения» (нем.).

¹³ «Отдых» (нем.).

¹⁴ Гейне, Христиан Готтлоб (Heyne, Christian Gottlob) (1729–1812) — немецкий филолог и археолог. С 1763 г. профессор Геттингенского университета, директор библиотеки Геттингенского университета. Издал сочинения Тибулла (1755), Вергилия, Пиндара, Эпиктета (1756), «Илиаду» Гомера и «Biblioteca graeca» Аполлодора, с комментариями. Н.И. Гнедич, переводя «Илиаду», использовал «научные комментированные издания Гомера, в особенности многотомный труд Хр. Г. Гейне» (*Егунов А.Н., Зайцев А.И.* «Илиада» в России // Гомер. Илиада. Л., 1990. С. 417–427).

¹⁵ Бойе, Генрих-Христиан Бойе (Boie, Heinrich Christian) (1744–1803) — немецкий поэт, критик, издатель. С 1769 г. вместе с Ф.В. Готтером издавал «Геттингенский альманах муз» («Göttinger Musenalmanach») (см. ниже). В 1775 г. Бойе передал Фоссу редактирование «Альманаха». В 1777 г. Фосс женился на сестре Бойе, Эрнестине. В 1776 г. Бойе начал издавать вместе с Христианом Вильгельмом фон Домом (Christian W. von Dohm) (1751–1820) журнал «Немецкий музей» (1776–1788) («Deutsches Museum»; в 1789 г. переименован в «Neues Deutsches Museum»). В «Немецком музее» было напечатано три произведения Л.Г. Николаи: в № 1 (февраль 1785, S. 117–124) — «Der Falk», в № 2 (ноябрь 1785, S. 465–462, 462–464) — «Die Buckligen» и «Der Kanzler».

¹⁶ Будучи членом поэтического сообщества, Фосс написал «Немецкую песнь. К Миллеру и Гельти» и «Застольную песню свободных людей». «На почве абстрактной ненависти к “гиранам” Фосс заблуждался поначалу в отношении социальной позиции своего друга графа Штольберга, аристократизм которого он спустя много лет, когда тот перешел в католицизм, заклеил как предательство в своей полемической статье “Как Фриц Штольберг сделался невольником?” (“Wie ward Fritz Stolberg zum Unfreien?”, 1819)” (1819)» (ИНЛ 1985: 297–298).

¹⁷ Э. Хайер называет Ф.В. Готтера и Ф.А. Мюллера в числе тех второстепенных поэтов, с которыми в наибольшей степени сопоставимо творчество Л.Г. Николаи (Heier 1965: 2).

¹⁸ Бюргер, Готфрид Август (Bürger, Gottfried August) (1747–1794) — немецкий поэт, переводчик, один из основателей жанра немецкой романтической баллады.

¹⁹ В «Альманахе Муз» на 1783 и 1784 гг. были опубликованы первые две части идиллии Фосса «Луиза».

²⁰ Напр., натурфилософское стихотворение «Метаморфоз растений» («Альманах Муз на 1799 г.») и др.

²¹ Стихотворение «Помпеи и Геркуланум» («Альманах Муз на 1797 г.»); стихотворное послание «Поэзия жизни» («Альманах Муз на 1799 г.»).

²² Шиллер — Гете, 1 ноября 1795: «Видели ли Вы новые альманахи муз? Они просто ужасны» (ПГШ 1988, 1: 143). Гете — Шиллеру, 17 октября 1799: «Я посылаю Вам фоссовский альманах, — быть может, Вы еще не видели его. Мейер говорит, что альманах производит такое впечатление, словно до этого на свете вообще не было поэзии» (ПГШ 1988, 2: 265–266). Шиллер — Гете, 22 октября 1799: «Альманах Фосса и в самом деле указывает на полный упадок его поэтического дарования. Он и его компаньоны оказываются на одной и той же ступени пошлости, а за неимением поэзии тут повсюду царит страх божий» (ПГШ 1988, 2: 266).

²³ Со ссылкой на: *Boas E. Schiller und Goethe im Xenienkampf*. Stuttgart, 1851. I, 98–99; пер. с англ. М. Ефимова, пер. с нем. А. Камкина).

²⁴ Как отмечает переводчик и комментатор переписки Н.Е. Бабанов, «альманаху был прямо адресован ксений 248. Ниже Гете упоминает работы самого Фосса, опубликовавшего в альманахе перевод третьей идиллии Феокрита и несколько изречений греческих философов» (ПГШ 1988, 1: 514).

²⁵ Оттерндорф (Otterndorf) — город в северной Германии (земля Нижняя Саксония). Здание Латинской школы, в которой работал Фосс, — один из заметных архитектурных памятников Оттерндорфа (построено в 1614 г.).

²⁶ Эйтин (Eutin) — город в северо-восточной Германии (земля Шлезвиг-Гольштейн), в 50 км от Любека. Официальная резиденция князя-епископа Любекского с 1309 г. В 1773 г. отошел к герцогству Ольденбургскому.

²⁷ Ср.: Гете — Шиллеру, 28 февраля 1798: «Я отлично помню тот чистый энтузиазм, с которым я встретил пастора из Грюнау, когда он впервые предстал перед нами в “Меркурии”; я так часто перечитывал его, что до сих пор еще помню многое отсюда наизусть, и всякий раз испытывал при этом прекрасное чувство. Однако радость эта оказалась для меня еще и плодотворной, она привлекла меня к этому жанру, она породила “Германа”, — и кто знает, что еще может произойти отсюда?» (ПГШ 1988, 2: 63).

²⁸ См., напр.: Егунов А.Н., Зайцев А.И. «Илиада» в России // Гомер. Илиада. Л., 1990. С. 417–427.

²⁹ Гнедич Н.И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 316.

³⁰ Уже завершив работу над переводом Гомера, Фосс по-прежнему занимался Гомером, составлял карты древнего мира по представлениям Гомера (ПГШ 1988, 1: 526). Фосс пристально следил за изучением текстов гомеровских эпосов. Так, например, у Фосса, как и у Гете и Шиллера, вызывала возражение работа Ф.А. Вольфа «Прологомены к Гомеру, или О древнейшей и первоначальной форме Гомеровых поэм», опубликованная в качестве предисловия к подготовленному Вольфом изданию греческого текста «Илиады» и «Одиссеи» (Галле, 1795). В свою очередь, Фихте, Вильгельм Гумбольдт и Фридрих Шлегель безоговорочно поддержали Вольфа (ПГШ 1988, 1, 486).

³¹ Шиллер — Гете, 10 мая 1797: «Перевод из Овидия, присланный им, просто превосходен, очень точен и отмечен легкостью, отличающей мастера» (ПГШ 1988, 1: 352).

³² Отметим высокую оценку переводов Жуковского, сделанную А.И. Тургеневым в письме к П.А. Вяземскому от 8 /20 сентября 1844 г.: «Что за колдун Жуковский! Знает

по-гречески меньше Оленина, а угадывает и выражает Гомера лучше Фосса» (В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 219).

Также отметим замечание В.П. Старка в связи с комментарием В. Набокова к строке из «Евгения Онегина» «С душою прямо геттингенской» (гл. 2, VI, 6): «Назвав юного Ленского филистером в значении “многоопытный”, Пушкин иронизирует над принятием им и норм университетской жизни Геттингена, и поэтов из “Союза дубравы” (“геттингенские барды” — И.Г. Фосс, Г.А. Бюргер, братья Ф.-Л. и Х. Штольберги и др., а также их учитель Ф.-Г. Клопшток), чьи стихи, забывшись, и читает он Онегину» (*Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. СПб.: «Искусство — СПб.», «Набоковский фонд», 1998. С. 683).

³³ *Кюхельбекер В.К.* Дневник. 1833. 20 янв. // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 231.

³⁴ См.: *Кульман Н.* «Ганс Кюхельгартен» Гоголя и «Луиза» Фосса. СПб., 1909.

³⁵ Как пишет В.В. Виноградов, «[п]ервоначальное ядро идиллии составляли те картины, которые создались под непосредственным влиянием «Луизы» Фосса: первая, шестая, седьмая и окончание последней восемнадцатой картины <...> Обращение к Фоссу за вдохновением не случайно: юношески-идиллистическое мироощущение Гоголя, соответствовавшее национальному укладу его души, сквозит здесь <...> Так, “от Фосса к Тику, через Шиллера, шла дорога психологического развития Гоголя”» (*Виноградов В.В.* Гоголь и натуральная школа. Л.: Образование, 1925. — Перепечатано в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976).

О.В. Иодко

Загадка жизни А. Шлегельмилха

Геолог и минералог академик Александр Шлегельмилх был российским немцем — его отец Карл Шлегельмилх значился механиком С.-Петербургского монетного двора.

Александр родился в 1777 г., но ни в документах, ни в литературе не названа точная дата его рождения, более того, указывается, что «место рождения неизвестно»¹.

В 1797 г. он окончил Горное училище (будущий Горный институт) шихтмейстером 13-го класса², и с 1797 по 1809 гг. там же преподавал³ геогнозию⁴ и ориктогнозию⁵.

В 1799 г. его командироват на горные предприятия Сибири, где он знакомится с почетным членом Академии наук химиком и минералогом Аполлосом Аполлосовичем Мусиным-Пушкиным, который заметил его

рвение и пригласил стать компаньоном. Позднее, 1 мая 1808 г., предлагая себя на вакансию адъюнкта в Академию наук, он напишет: «так я оттуда (из Сибири. — *О.И.*) был отозван и по высочайшему указу отправлен в Грузию, где я за 3 года моего пребывания искал каждого случая, чтобы употребить себя в горном деле и познакомиться с Кавказом и Араратом. Обстоятельства побудили меня отказаться от договора и принять место инспектора пчеловодства в Крыму, однако там состояние моего здоровья время от времени ухудшалось, так что из-за этого я был вынужден просить об освобождении от места, которое наконец ответил моим желаниям»⁶.

К письму он приложил «Описание новых ископаемых» и маленькую шкатулку с минералами, о которых шла речь в «Описании». 4 мая Конференция постановила отдать то и другое на заключение академикам А.Н. Шереру и В.М. Севергину⁷.

11 мая академик Шерер доложил, что 4 из представленных минералов были доселе неизвестны, что они хорошо описаны и Шлегельмилх может участвовать в конкурсе на вакансию по минералогии⁸.

1 июня пришло аналогичное заключение от академика Севергина⁹. В тот же день Конференция согласилась на избрание¹⁰, а 14 декабря 1808 г. утвердила его избрание по итогам голосования: 12 — за и 1 — против¹¹.

В 1809 г. он представляет Академии свои работы: «Практическое исследование турфа»¹² и «Минералогическое обозрение гор по речке Кунаре, на восточной стороне Уральского хребта лежащих»¹³.

1 июня 1810 г. он подает записку с просьбой командировать его на Кавказ, т.к., во-первых, известия о нем И.-А. Гюльденшtedта ему кажутся «недостаточными и несовершенными», во-вторых, его путешествие в те края с Мусиным-Пушкиным было кратковременным, а в-третьих, теперь, «когда весь почти Кавказ покорен под Российскую державу», обстоятельства благоприятствуют такому предприятию¹⁴.

6 июня 1810 г. Конференция одобрила идею и поручила академикам В.М. Севергину, А.Ф. Севастьянову и Т.А. Смеловскому составить для этого путешествия инструкции по ботанике, зоологии и минералогии¹⁵. Ботаническую инструкцию Смеловского стоит процитировать. Путешественнику предлагалось постараться «узнать в новой ему еще не известной стране:

1. О всех попадающихся ему растениях, в которых местах оные водятся в большем количестве, какую почву любят, в которое время года и как долго цветут?

2. [Путешественник] замечает время и образ посева разных пород хлеба и экономических растений, способ сеяния и ухода, образ

жизни и собирания, сушения, молочения, хранения и другие способы обрабатывания, принятые кавказскими народами.

3. Замечает, в каком совершенстве садоводство, каких больше плодовых деревьев, как оные разводят в садах и не употребляют ли плодов сих деревьев и других частей их во врачевании?

4. Не употребляют ли кавказцы каких-либо особенных, странам их свойственных, произрастений для излечения людских, равно как и скотских болезней, буде употребляют, то нужно узнать, в каком виде и количестве пользуют сии растения, какая часть оных действительнее в болезнях?

5. Не знают ли кавказские народы особенного способа употребления из растений, на Кавказе произрастающих, называемых *Astragalus exscapus* и *Prunus Lauro-Cerasus*?

6. Не готовят ли особенным каким-либо образом клею из растения *Astragalus Fragacantha* называемого, и употребляют ли в каких болезнях или экономии¹⁶ произрастающие в Кавказе растения, известные под именами *Luccus Cerris* и *Juniperus Sabina*?

7. Употребляется ли в экономии или при других случаях растение *Flex aquisolium*?

8. Не знают ли кавказцы полезного во врачевании употребления из частей растения, называемого *Rhododendron caucasicum*, растущего на самых вершинах Кавказа?

9. Какие растения употребляют для крашения своих изделий, как размножают оные, как достаются и обрабатываются красящие вещества и как поступают с красивыми?

10. Не занимаются ли кавказцы особенным добыванием и обработыванием краски из растения под именем *Rubia tinctorum* известного, в Кавказе произрастающего.

11. В каком порядке и доведены ли до совершенства у Кумиков¹⁷ шелковичные сады, причем узнать следует о способе собирания шелку, способе крашения и из чего достают таковые краски?

12. Известно, что кавказцы сами варят крепкое пиво и мед, но не употребляют ли они особенного ярового хлеба и особенного способа для приготовления оных?

13. Не известно ли им особенное употребление конопли и сарачинского пшена¹⁸, кои в некоторых местах наиболее засевают?

14. Не готовят ли из диких плодов и садовых ягод особенного какого напитка и каким образом?

15. Не засевают ли на больших пространствах особенных каких произрастений для добывания из оных масла или не берут ли одного из семян

растений дикорастущих или самосейных, коих употребление нам доселе неизвестно?

Сверх сего путешествующему по ботанической части в Кавказ нужно иметь с собою важнейшие ботанические книги, снаряды, довольное количество пропускной и белой бумаги для собирания и укладки трав и сбережения семян»¹⁹.

Однако в оценке обстановки на Кавказе Шлегельмилх ошибся. 14 декабря 1810 г. он писал из Георгиевска непереманному секретарю Академии Фусу: «Ваше превосходительство, милостивый государь, Николай Иванович. По прибытии в исходе августа месяца в Поти и часть Свании, откудова чрез Рачинскую провинцию отправился я в Имеретию, бывшее в сей стране возмущение и поход наших войск под Ахалцых побудили меня еще в сем году оставить Кутаис и пробраться чрез верхнюю Карталинию на северную сторону Кавказа, где я по осмотре Бештовых гор²⁰, если обстоятельства не позволят быть у Елбруса²¹, приужден буду возвратиться в Петербург»²².

12 июня 1811 г. он представил подробное описание своего путешествия²³ и шкатулку с 69 образцами собранных минералов²⁴.

В том же месяце он докладывает свои работы: «Минералогические замечания, учиненные в кавказских горах в 1810 г.» и «О Бештовых горах»²⁵.

1 апреля 1812 г. академики Н.Я. Озерецковский, Н.И. Фус и В.М. Севергин представляют Шлегельмилха «за отличные труды и старание по части минералогии» к избранию в экстраординарные академики²⁶. В тот же день и проголосовали. За него подали 13 голосов и 3 — против. В тот же день баллотировались на аналогичные вакансии будущий руководитель экспедиции в Бразилию Г.И. Лангсдорф и химик, открывший способ превращения крахмала в сахар, К. Кирхгоф. Их избрали 11-ю голосами против 5-и²⁷.

С 1812 по 1819 гг. уже академик Шлегельмилх представляет Академии свои сочинения и рецензирует работы других авторов.

И вдруг 7 июня 1820 г. как гром среди ясного неба — записка Президента С.С. Уварова к непереманному секретарю Академии: «Известный мне постыдный образ жизни экстраординарного академика Шлегельмилха, могущий нанести безчестие Императорской Академии наук, обратил на себя справедливое негодование мое. Почему и предлагаю Вашему превосходительству, призвав Шлегельмилха, объявить ему, чтоб он немедленно подал прошение об увольнении от Академии, в противном случае, если по возвращении моем найду я, что Шлегельмилх находится еще членом Академии, тогда будет мною представлено о сем

Государю императору чрез господина министра духовных дел и народного просвещения»²⁸.

14 августа Шлегельмих пишет в заявлении: «Расстроенное здоровье мое побуждает меня означенное собрание покорнейше просить о совершенном увольнении от должности экстраординарного академика»²⁹.

16 августа Конференция рассматривает заявление и постановляет: «Подать рапорт господину министру, прося согласиться с тем, чтобы Шлегельмих получил просимую отставку и годовую оплату жалования в соображении его нищеты и 12-летней верной службы в Академии, состоящей из:

- 1) его полезных трудов по Минералогическому кабинету;
- 2) путешествия, которое он предпринял в 1810–1811 гг. по Кавказу по распоряжению Академии;
- 3) значительного количества минералов, собранных во время путешествия для Академии;
- 4) орографических описаний различных ветвей Кавказских горных цепей, представленных в Конференции в разное время и изданных частично в Русских актах»³⁰.

Ему положили выдать годовой оклад в 1400 руб., из которых вычли по 10 копеек с каждого рубля в пользу инвалидов. Значит, заплатили 1260 руб.³¹ и выдали аттестат, в котором говорилось, что он «в продолжении службы аттестован был способным и достойным, и поручаемые ему дела исправлял к удовольствию начальства, а ныне по прошению его от занимаемой должности вовсе уволен для определения к другим делам»³².

О каких других делах шла речь, сказать трудно, потому что в Академии о нем больше не упоминали.

В середине XX в. вышло исследование биолога и историка науки Б.Е. Райкова «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина», в котором он вскользь приводит мотивы увольнения Шлегельмиха «ввиду постыдного образа жизни» и свое ничем не подкрепленное заключение: «Этот образ жизни выражался в беспробудном пьянстве»³³.

Даже если это так, то возникает вопрос, где он провел 11 лет после увольнения из Академии.

Семьи у него не было, во все годы службы в Академии, т.е. до 43 лет, он в формулярных списках³⁴ значился холостым.

Дата смерти Шлегельмиха в справочниках указывается либо «не ранее 1831 г.»³⁵ либо 1831³⁶.

Не дает ответа и «Петербургский некрополь».

Примечания

¹ Российская Академия наук. Персональный состав. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. М., 1999. Кн. 1. 1724–1917. С. 38.

² Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 год // Горный журнал. 1923. № 11. С. 748.

³ Прежние профессора и преподаватели кафедральных предметов [Горного института] за 150 лет // Горный журнал. 1923. № 11. С. 736.

⁴ Историческая геология.

⁵ Старое название минералогии.

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 2-1808 г. Д. 15. Л. 9 об. –10.

⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 19. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 44.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 2 — 1808 г. Д. 19. Л. 14.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 19. Л. 53 об.

¹¹ Там же. Л. 118 об.

¹² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 20. Л. 26 об.

¹³ Там же. Л. 73.

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 2-1810 г. Д. 19. Л. 3–4.

¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 21. Л. 60 об. –61.

¹⁶ В хозяйстве.

¹⁷ Кумыки.

¹⁸ Сарачинское (сарацинское) пшено — старое русское название риса.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1810 г. Д. 22. Л. 1 об. –2.

²⁰ г. Бештау.

²¹ г. Эльбрус.

²² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1811 г. Д. 1. Л. 4, 4 об.

²³ Там же. Д. 20. Л. 8–11 об.

²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 22. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Л. 67

²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 2 — 1812 г. Д. 11. Л. 6

²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 23. Л. 32 об.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1820 г. Д. 22. Л. 27, 27 об.

²⁹ Там же. Л. 26

³⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 31. Л. 83, 83 об.

³¹ Там же. Ф. 4. Оп. 2-1820 г. Д. 72. Л. 22

³² Там же. Ф. 1. Оп. 2-1820 г. Д. 22. Л. 28, 28 об.

³³ Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л. 1951. Т. 2. С. 245–246.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 3. Л. 16 об. –17; Д. 43. Л. 18 об.; Д. 44. Л. 15; Д. 46. Л. 24 об.; Д. 47. Л. 19; Д. 68. Л. 23; Д. 72. Л. 25 об.

³⁵ Российская Академия наук. Персональный состав. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены... С. 38.

³⁶ Мелуа А.И. Геологи и горные инженеры России: Энциклопедия. М.; СПб., 2000. С. 666.

Л.Л. Сардак

Барон В.В. Меллер-Закомельский

Каслинские заводы, видишь, за наследниками купцов Расторгуевых значились. А это уж так повелось — где богатое купецкое наследство, там непременно какой-нибудь немец пристроился. К Расторгуевскому подобрался фон-барон Меллер да еще Закомельский. Чужак, — какой коршун? После пятого году на все государство прославился палачом да вешателем.

П.П. Бажов. Чугунная бабушка.

Меллер-Закомельские стали известны в России с конца XVIII в. В 1740 г. в русскую артиллерию на службу простым канониром был зачислен пятнадцатилетний Иван Меллер, происходивший из « немецкой нации мещан лютеранского закона». Грамотный и смелый, отчаянно смелый он быстро сделал карьеру в тот «громкий век военных споров, свидетель славы россиян», стал видным военачальником, командовал артиллерией всей российской армии. Прославился И.И. Меллер как покоритель крепости Очаков во время второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Екатерина II высоко ценила военный талант и личное мужество генерал-аншефа Меллера. Иван Иванович был награжден орденами Св. Апостола Андрея Первозванного и Св. Георгия II степени, ему была вручена именная грамота за подписью императрицы, в которой значилось: «...Мы, уважая отличные его заслуги и в знак Нашей милости, которая бы не только ему и его потомкам к особливой чести и славе служила, но и прочим нашим верноподданным к ревностной службе побуждением быть могла, 1789 года июня в 30 день, всеимперией пожаловали ему, генерал-аншефу Меллеру, детям его и потомкам, от него происходящим, достоинство барона Всероссийской империи с наименованием барона Меллер-Закомельского».

Два сына Ивана Ивановича, Егор и Петр Меллер-Закомельские, сделали блестящую карьеру в русской армии. Оба они участвовали в войнах с Францией в 1805 и 1806–1807 гг., в войне 1812 г. против наполеоновских войск на территории России и в заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг. Портрет Егора Ивановича Меллер-Закомельского помещен в Военной галерее 1812 г. в Эрмитаже среди портретов генералов русской армии — героев Отечественной войны. Петр Иванович Меллер-Закомельский в 1814 г. становится командующим всей артиллерией русской армии. В 1819 г. генерал от артиллерии П.И. Меллер-Закомельский был назначен на пост военного министра и стал членом Государственного совета России. Умер он в 1823 г. Его сын Владимир Петрович Меллер-Закомельский после окончания Пажеского корпуса стал военным. В начале пятидесятых годов XIX в. он женился на Клавдии Александровне Зотовой, внучке купца Л.И. Расторгуева и одной из наследниц принадлежавших ему чугунолитейных и железоделательных заводов Кыштымского горного округа на Южном Урале. Потомственный купец Л.И. Расторгуев был влиятельным покровителем и одним из руководителей уральской секты старообрядцев-беспоповцев. Конечно, родство Меллер-Закомельских со старообрядцами не могло остаться без внимания императора Николая I, проводившего политику жесткого гонения старообрядцев. В.П. Меллер-Закомельский вынужден был уйти в

отставку в звании генерал-майора в 1857 г. «по семейным обстоятельствам» и спустя пять лет умер.

Из шестерых детей барона В.П. Меллер-Закомельского и К.А. Зотовой только младший сын Владимир, родившийся 31 марта 1863 г., получил известность в России. Как сын генерала и внук военного министра он был зачислен в Пажеский корпус, привилегированное учебное заведение в Петербурге, готовившее офицеров для гвардейских полков. Будучи одним из лучших воспитанников корпуса, в последний год обучения В. Меллер-Закомельский проходил службу камер-пажом при высочайшем дворе. Камер-пажи состояли при особах царской фамилии для выполнения их поручений и оказания различных услуг при проведении дворцовых церемоний и балов, куда не допускалась обычная прислуга. Из Пажеского корпуса В.В. Меллер-Закомельский был выпущен в 1883 г. по первому разряду с производством в корнеты, получив назначение в элитный Лейб-гвардии конный полк. Это был первый из кавалерийских полков, вошедший в состав Российской императорской гвардии еще в 1730 г. За всю историю только российские императоры были его шефами, а большинство великих князей предпочитали служить или числиться в этом полку. Офицерская служба в полку с ее зимним военным сезоном в казармах в центре столицы и ежегодным летним пребыванием в Красном Селе тесно переплеталась с жизнью петербургского светского общества. Для деятельной натуры Меллер-Закомельского такое времяпровождение очень скоро стало в тягость. Пробыв в полку обязательные после окончания Пажеского корпуса три года, он в 1886 г. выходит в запас. «Конной гвардии корнет запаса» начинает активно участвовать в делах Кыштымских горных заводов, одним из наследников которых он был. С 1892 г. барон входит в Главное правление Кыштымского горного округа, состоявшее из трех членов, избираемых общим собранием владельцев при закрытом голосовании. После того как его мать выкупила у одной из наследниц заводов А.П. Головинной-Харитоновой ее долю заводского имущества, Меллер-Закомельские стали самыми крупными пайщиками из всех совладельцев округа.

Барон В.В. Меллер-Закомельский, член Главного правления Кыштымского горного округа

В 1893 г. В.В. Меллер-Закомельский приобрел в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии большое имение, имевшее две усадьбы. Он настойчиво изучает и осваивает науку ведения сельского хозяйства. Впоследствии знавшие барона люди отмечали, что *«у него были большие*

знания по некоторым областям сельского хозяйства». Заложив приобретенное имение на льготных условиях в Государственном дворянском земельном банке, он, соединив две усадьбы в единую, занялся их благоустройством. Через несколько лет имение стало одним из лучших в губернии. Живописно расположенное, оно имело *«просторный, богато отделанный барский дом, две дачи для сдачи в аренду, дом лесника, обширный парк, тянущийся далеко по берегу реки Луги, роскошный сад, скотный двор на 200 голов рогатого скота, оборудованный железной дорогой для подачи корма и водопроводом с желобами в бетонном полу, великолепную конюшню на 30 лошадей, огород, теплицы, птичник, молочню, разные барские затеи»*. Имение рекомендовалось *«для дачников из состоятельного класса, желающим с полным комфортом провести лето в деревне под Петербургом»*. Хозяйственный «корнет запаса» становится активным деятелем в Ямбургских уездных земских организациях, его избирают гласным Санкт-Петербургского губернского земского собрания. В 1899 г. потомственный дворянин В.В. Меллер-Закомельский избирается предводителем дворянства Ямбургского уезда и становится заметной фигурой в губернском земском управлении.

К концу XIX в. хозяевам Кыштымского округа стало ясно, что заводы необходимо капитально модернизировать, для чего требовались значительные финансовые вложения. Для упорядочения распределения расходов и доходов между совладельцами округа они в 1900 г. создают акционерное общество «Общество Кыштымских горных заводов», пятьдесят процентов акций которого принадлежали детям генерал-майора В.П. Меллер-Закомельского. В том же году под залог имущества общества правление получило ссуду на сумму около трех с половиной миллионов рублей из Ярославско-Костромского земельного банка. Вложив значительную часть банковских денег в техническое перевооружение предприятий, акционеры не смогли его завершить, как планировалось, в 1903 г. С началом войны с Японией резко ухудшилось финансовое положение округа из-за возникших трудностей с реализацией готовой продукции, так как стало весьма серьезной проблемой получение вагонов для вывоза продукции, которая оседала на складах, росла задолженность общества по кредиту, не хватало денег на закупку оборотных средств и выплату заработной платы рабочим.

Словно не веря в надвигающуюся катастрофу, директор правления акционерного общества «Кыштымские горные заводы» В.В. Меллер-Закомельский в 1904 г. принимает предложение Министерства императорского двора и уделов занять место начальника Главного управления Алтайского горного округа. С середины XIX в. после отмены крепост-

ного права этот округ начал приходить в упадок. К 1890 г. здесь на всех рудниках и заводах работа едва теплилась, и в 1893 г. правительство вынуждено было выпустить постановление об их закрытии. В начале 1900-х гг. представители делового мира юго-западной Сибири настойчиво пытались добиться от правительства отказа от принципа неотчуждаемости принадлежавших двору земель Алтайского горного округа и предоставления им права покупки этих земель в собственность для промышленного освоения края. Присутствие частной земельной собственности в округе, принадлежавшем императорскому дому, разрушало привычные устои, на которых базировалась финансовая и экономическая деятельность Министерства императорского двора. Кабинету Его Императорского величества потребовался человек, который смог бы разрешить проблему не в ущерб царствующему двору. Владимир Владимирович вполне оправдал оказанное ему доверие. В середине августа 1905 г. он представил проект решения проблемы, основанный на идее права «вечной аренды» принадлежащих Кабинету земель. Изложенные в этом документе условия получения земельного участка, права при распоряжении им, запрет на предоставление кредитов под залог арендованной земли и другие ограничения не вызвали энтузиазма у предпринимателей. Тем не менее в сентябре 1905 г. проект был рассмотрен и одобрен специальной комиссией Министерства императорского двора. После утверждения разработанных администрацией округа «руководящих правил» для будущих арендаторов алтайских земель не было заключено ни одного договора о «вечной аренде». В.В. Меллер-Закомельский оказался единственным в здешней администрации открытым противником продажи земель Кабинета Его Императорского величества в частную собственность, что не способствовало его популярности в среде местной элиты, но «мавр сделал свое дело...».

После того как в 1905 г. Меллер-Закомельский ушел с поста начальника Главного управления Алтайским округом Министерства Императорского двора и уделов, он стал работать в Особом совещании о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Это учреждение занималось пересмотром законов о крестьянском землевладении с целью облегчения выдела крестьянам участков земли в частную собственность, составлением законопроекта по отграничению крестьянских наделов. Совещание разрабатывало наказ Главному управлению землеустройства и земледелия и инструкции Крестьянскому поземельному банку. В это же время он начинает свою политическую деятельность. Вступив в «Союз 17 Октября» — вновь организовавшуюся партию сторонников монархии и правопорядка в основном из среды землевладельцев, промышленни-

ков, банкиров, интеллигенции — В.В. Меллер-Закомельский принимает участие в заседаниях Петербургского отделения ЦК партии «октябристов», становится членом Петербургского клуба общественных деятелей. Это был первый официально зарегистрированный политический клуб в России. Членами клуба состояли высшие чиновники различных министерств, известные деятели научной и технической интеллигенции, торгово-промышленных и финансовых кругов. Объединившись в Клуб, они получили возможность в открытых дискуссиях высказывать свое мнение по актуальным для России того времени общеполитическим вопросам: рабочему, аграрно-крестьянскому, национальному и другим. Деятельность Клуба была направлена на формирование благоприятного для правительства общественного мнения, оказания «всевозможного содействия правительству в поддержании порядка в стране и проведения в жизнь конституционных реформ».

В декабре 1905 г. В.В. Меллер-Закомельского избирают председателем Петербургской губернской управы. Уже через три месяца 26 марта 1906 г. в Петербурге состоялись губернское собрание 61 выборщика от уездов Петербургской губернии для избрания трех членов Первой Государственной думы. В.В. Меллер-Закомельский принимал участие в собрании как выборщик, избранный от землевладельцев Ямбургского уезда, где он имел в собственности 2298 десятин земли облагаемой земским сбором. При предварительной баллотировке он вошел в число семнадцати кандидатов на избрание в Государственную думу от Петербургской губернии, но перед второй баллотировкой попросил снять свою кандидатуру с голосования.

Сокрушительное поражение кандидатов от партии «Союз 17 Октября» на выборах в первую Государственную думу, несмотря на относительный успех на выборах во вторую Государственную думу, заставили лидеров этой партии принять энергичные меры для консолидации ее руководящих органов. В июле 1907 г. состоялось общее заседание членов Московского и Петербургского отделений Центрального комитета, на котором барон В.В. Меллер-Закомельский единогласно избирается членом объединенного ЦК партии «Союз 17 Октября».

Возглавлявший в это время правительство России П.А. Столыпин считал одной из главных задач своего кабинета реформу местного самоуправления. Для участия в выработке новых законов о власти на местах П.А. Столыпин привлек в учрежденный при Министерстве внутренних дел Совет по делам местного хозяйства представителей земств, избранных губернскими земскими собраниями. Петербургское губернское земство в Совете представлял барон В.В. Меллер-Закомельский.

На заседаниях комиссий этого совещательного органа, так называемого «преддумья», представители земств рассматривали разработанные правительственными чиновниками проекты законов, направленных на реформирование местного управления, вносили в них свои изменения. Проекты законов с поправками, принятыми комиссиями, обсуждались на заседаниях общего присутствия Совета по делам местного хозяйства под председательством П.А. Столыпина или его заместителей по Министерству внутренних дел, после чего направлялись в Государственную думу. Опытный земский деятель В.В. Меллер-Закомельский принимал самое активное участие в законотворчестве. По воспоминаниям входившего в Совет предводителя дворянства Самарской губернии А.Н. Наумова *«он сразу занял видное положение, как незаурядный оратор»*. На первой сессии Совета по делам местного хозяйства весной 1908 г. В.В. Меллер-Закомельский был избран председателем Комиссии по законопроекту выделения городов в самостоятельные земские единицы, на осенней сессии 1908 г. и весенней сессии 1909 г. Владимир Владимирович председательствовал в Комиссии по законопроекту преобразования учреждений губернского управления. В начале октября 1909 г. на III Всероссийском съезде партии «Союз 17 Октября» барона В.В. Меллер-Закомельского избирают в состав ее нового Центрального Комитета.

Между тем финансовое положение акционерного Общества Кыштымских горных заводов стало угрожающим. Правление начиная с декабря 1904 г. неоднократно обращалось в Министерство финансов, в Государственный банк с просьбой выдать денежные ссуды, утверждая каждый раз, что *«в случае отказа обществу в испрашиваемой ссуде заводы останутся без необходимых материалов и в самом непродолжительном времени принуждены будут остановить свое действие и рабочие останутся без работы и без средств к существованию»*. Однако и после получения финансовой поддержки Общество Кыштымских горных заводов никак не могло выйти из кризиса. Над акционерами нависла угроза неминуемого банкротства. Оборотистый, унаследовавший купеческую хватку В.В. Меллер-Закомельский в 1906 г. сумел привлечь для кредитования Общества Кыштымских горных заводов капитал созданной в Лондоне Англо-Сибирской корпорации. Англичан заинтересовала возможность организации добычи медесодержащей руды и производства меди в Кыштымском округе. Его хозяева в течение ста лет пытались наладить здесь доходное производство меди, но в 1843 г. окончательно отказались от этой идеи *«по убожеству руд и по неоткрытию еще других, лучших и для плавки более выгодных»*.

С тех пор заводы округа занимались производством чугуна и железа. Директор Англо-Сибирской корпорации горный инженер по образованию, Лесли Уркарт с 1896 г. жил в России и активно занимался бизнесом в нефтяной промышленности Баку и Кавказа, глубоко изучал состояние различных отраслей российской промышленности. Ему хорошо было известно положение на рынке меди в России, где спрос на этот металл в начале XX в. был чрезвычайно высок в связи с быстрым расширением применения электричества в промышленности и городском хозяйстве. Российское правительство установило очень высокую ввозную пошлину на медесодержащие руды и медь, что содействовало установлению выгодных цен при реализации на российском рынке металла, произведенного из местных руд. По расчету Л. Уркарта временные убытки от производства железа на модернизированных заводах Кыштымского округа можно было возместить за счет выплавки и выгодной продажи меди. После геологического обследования Соймоновского месторождения Кыштымского горного округа выяснилось, что залежи руды медистого серного колчедана здесь составляли по минимальным расчетам 300 тысяч тонн. Эксплуатация месторождения обещала чистой прибыли свыше 1 млн фунтов стерлингов.

Правление Англо-Сибирской корпорации направляет капитал на завладение Кыштымским округом, хозяева которого находились на грани финансового краха. Была разработана сложная схема для завуалированного перехода Кыштымского округа под контроль иностранного капитала. Л. Уркарт знал реалии российской бюрократической машины и понимал, что без авторитетного в русских деловых кругах посредника добиться того, чтобы в столь короткое время сработала выстроенная им хитроумная схема приобретения Кыштымского округа, было невозможно. В.В. Меллер-Закомельский с его обширными связями в придворных кругах хорошо подходил для продвижения планов Л. Уркарта в российских коридорах власти. Вопрос об Обществе Кыштымских горных заводов дважды рассматривался на заседаниях Совета министров осенью 1907 г. Признав, что хозяйство Кыштымского округа *«дошло в настоящее время до последних пределов экономического расстройтва»*, правительство утвердило сделку между Обществом Кыштымских горных заводов и Англо-Сибирской корпорацией. Лесли Уркарт вошел в состав нового правления с правами, дававшими ему возможность контролировать распределение финансов и управление делами общества. Председателем избранного правления стал В.В. Меллер-Закомельский, единственный оставшийся в правлении из прежнего его состава. Ему пришлось быть посредником при продаже бывшими владельцами округа

своих акций англичанам. В феврале 1911 г. Сенат рассматривал частную жалобу владельца 1500 акций Общества Кыштымских горных заводов потомственного дворянина В.Г. Дружинина, бывшего члена Главного правления округа, требовавшего от В.В. Меллер-Закомельского пересмотра условий их продажи.

Имевший авторитет в английских деловых кругах Л. Уркарт проявил недюжинную энергию для привлечения английского и американского капитала для развития перспективного бизнеса. Всего за два года с помощью иностранных специалистов был построен медеплавильный завод, оснащенный новейшим американским оборудованием. Через несколько лет Кыштымский округ поставлял на рынок почти половину производившейся на Урале меди. Все предреволюционные годы В.В. Меллер-Закомельский тесно сотрудничает с Лесли Уркартом, активно расширявшим свой бизнес в цветной металлургии России. При этом англичанин применял апробированную при овладении Кыштымским округом схему. Им через подставных учредителей (того же В.В. Меллер-Закомельского) были созданы Южно-Уральское горнопромышленное общество, Киргизское горнопромышленное общество, Риддерское горнопромышленное общество. Правления этих обществ находились в Санкт-Петербурге. Владелец крупных пакетов акций обществ, приобретенных на льготных условиях, и формальным председателем всех трех правлений был В.В. Меллер-Закомельский.

После трехлетнего пребывания в должности председателя Санкт-Петербургской губернской земской управы Меллер-Закомельский избирается на этот пост на второй срок. С 1910 г. он начинает участвовать в работе Учетно-ссудного комитета по сельскохозяйственным кредитам при Правлении Санкт-Петербургской конторы Государственного банка. Члены комитета избирались Советом Государственного банка на два года и утверждались на должность министром финансов. Деятельность в Учетно-ссудном комитете по сельскохозяйственным кредитам не оплачивалась, но приравнивалась к государственной службе с правом получения правительственных наград и поощрений. Комитет рассматривал представленные к учету векселя, давал оценку товарам, под залог которых «испрашивалась ссуда», «обсуждал» благонадежность залогодателей. Заседания комитета проводились не реже двух раз в неделю. По ходатайству управляющего Петербургской конторой Государственного банка, одновременно являвшегося Председателем Учетно-ссудного комитета, Меллер-Закомельский неоднократно переизбирался в комитет *«ввиду многолетней опытности в коммерческих делах и усердия в исполнении обязанностей»*. Несмотря на свою загруженность делами гу-

бернского земства, участие в партийной деятельности, работу в банке и в общественных организациях, Владимир Владимирович находит время редактировать ежемесячный журнал «Санкт-Петербургский земский вестник».

В 1912 г. Санкт-Петербургское губернское земское собрание избирает надворного советника В.В. Меллер-Закомельского в Государственный совет России, освободив от исполнения обязанностей председателя губернской земской управы. В верхней законодательной палате Владимир Владимирович вошел в состав группы «центр», которая к тому времени насчитывала около шестидесяти человек, но не была единой, а делилась на подгруппы, членов которых объединяли национальные и корпоративные интересы. Таковыми были польский кружок (коло), состоявший из представителей землевладельцев в западных губерниях России, прибалтийский кружок, в который входили немецкие бароны, избранные от землевладельцев и дворянства Латвии и Эстонии, торгово-промышленная подгруппа с входившим в нее членами Государственного Совета от торговли и промышленности. Объединяющим ядром «центра» Государственного Совета была «основная» подгруппа, большинство в которой (в их числе и В.В. Меллер-Закомельский) составляли *выборные* представители от земств, землевладельцев, дворянства. Группа «центр» имела бюро, которое из своего состава выбирало председателя группы. В ноябре 1913 г. в начале IX сессии Государственного совета В.В. Меллер-Закомельского (для него это была лишь вторая сессия, в которой он принимал участие) избрали председателем группы «центр». В ответ на поздравления с избранием новый председатель самой большой группы Государственного совета выступил с заявлением, что считает главной целью существования группы скорейшее осуществление начал манифеста 17 октября, энергичную защиту этих начал от всяких поползновений. Сосредоточившись на работе председателя группы, В.В. Меллер-Закомельский принимает деятельное участие в работе различных постоянных, особых и согласительных комиссий, создаваемых Государственным советом для предварительного рассмотрения выносимых на общее собрание вопросов. Руководство совещаниями такой не монолитной фракции, как «центр», требовало от ее председателя хорошего знания обсуждаемых вопросов, большой гибкости ума и чувства такта. По словам соратников Меллер-Закомельского *«его незлобивость, отсутствие личного честолюбия, а тем более каких-либо корыстных мотивов, любезность и простота были настолько привлекательны, что даже наиболее нервно-нападчивые, органически не переносящие ничьего, хотя бы и малочувствительного руководства, относились к нему с*

полным уважением и доверием». Как вспоминал член Государственного Совета, будущий министр земледелия А.Н. Наумов, «...в качестве председателя центра Владимир Владимирович пользовался значительным авторитетом, и сама деятельность этого влиятельного центра при нем отличалась особой энергией». Пресса отмечала, что группа «центр» стала более энергично противостоять правому крылу Государственного совета, более последовательно проводить линию Государственного совета, бывшего арбитром в спорах Думы и правительства в обсуждавшихся вопросах. С приходом в руководство группой В.В. Меллер-Закомельского среди ее членов стали нарастать оппозиционные отношения к правительству, послушному императору Николаю II. Интересное замечание о В.В. Меллер-Закомельском сделал тот же А.Н. Наумов в своих воспоминаниях: *«Насколько я мог заметить, он отличался крайней нетерпимостью к бывшему самодержавному строю и к его пережиткам»*. После тяжелых военных неудач русской армии в начале 1915 г. в Государственной думе летом того же года был создан Прогрессивный блок депутатов от фактически всех политических партий, входивших в Думу. Блок намеревался путем переговоров с верховной властью образовать новое «правительство общественного доверия», которое способно было привести Россию к победе в войне. Инициатива Прогрессивного блока нашла поддержку в Государственном совете, где при активном участии Меллер-Закомельского вокруг группы «центр» объединились оппозиционно настроенные к деятельности правительства члены палаты. Практическую работу Прогрессивного блока вело его бюро, избранное из членов Думы и Государственного совета в составе двадцати пяти человек. Председателем бюро был избран барон В.В. Меллер-Закомельский. На его квартире (Мойка, 75) проводились заседания лидеров организации, работавших над программой Прогрессивного блока. После того как, *«рассмотрев программу ближайших мероприятий по порядку управления и законодательству, объединившую значительное большинство Гос. думы и одобряя общие основания, намеченные в этой программе, группа центра Гос. Совета и примыкающие к ней члены кружка внепартийного объединения и группа академическая с примыкающими к ней беспартийными в соединенном заседании 24 августа 1915 г. постановили: присоединиться к программе, объединившей Гос. Думу»*, В.В. Меллер-Закомельский подписал программу Прогрессивного блока от имени группы «центр». Император, ознакомившись с программой, посчитал действия членов Прогрессивного блока посягательством на власть монархии, незадолго до этого учредившей четыре государственных органа — Особые совещания — для объединения общественной

инициативы и государственных мероприятий, направленных на повышение обороноспособности России.

Когда русские войска под натиском немцев оставили Польшу, острую нехватку каменного угля стали испытывать предприятия северо-запада России, лишившиеся польского угля, поставлявшегося из Домбровского угольного бассейна. Так как подвоз угля морем из Англии был небезопасен, промышленность северо-запада России была переориентирована на уголь Донбасса, который мог обеспечить не более семидесяти процентов необходимого топлива. В стране нарастал топливный кризис. В августе 1915 г. при Министерстве торговли было создано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работавших для целей государственной обороны (ОСОТОП). С целью координации деятельности государственных и общественных органов, преодоления ведомственной разобщенности в работе ОСОТОП принимали участие представители различных министерств и ведомств. Председателем этого органа был назначен министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской. В.В. Меллер-Закомельский представлял в ОСОТОП Государственный совет — по семь представителей от Государственного совета и Государственной думы участвовали в заседаниях Совещания с правом совещательного голоса и информировали законодательные палаты о принимаемых им решениях.

В сентябре 1915 г. заканчивался трехлетний срок пребывания в Государственном совете В.В. Меллер-Закомельского. 28 сентября 1915 г. состоялось собрание гласных петроградского губернского земства, на котором выбирался новый представитель губернии в верхней палате парламента. Сразу после открытия собрания было устроено частное закрытое заседание, продолжавшееся около часа. Выступивший на закрытом заседании барон В.В. Меллер-Закомельский сделал доклад по вопросам, выдвинутым переживаемыми тяжелыми событиями. Он подробно остановился на выработанной прогрессивным парламентским блоком программе и изложил, как председатель группы «центр», входящей в этот блок, свой взгляд на происходящие события. В.В. Меллер-Закомельский призвал петроградское земство присоединиться к программе Прогрессивного блока и проявить тем самым солидарность со всей земской Россией. В продолжившемся открытом собрании В.В. Меллер-Закомельский был переизбран на второй срок в Государственный совет. В своем выступлении после объявления результатов баллотировки шарами (41 избирательный шар и 12 неизбирательных) В.В. Меллер-Закомельский дал обещание *«продолжить свою работу в Государственном*

совете в соответствии с программой Прогрессивного блока и быть деятельным проводником его начинаний».

Судя по газетным отчетам того времени о работе верхней палаты парламента, В.В. Меллер-Закомельский свое обещание сдержал. Первого декабря 1915 г. в Марининском дворце состоялось под председательством В.В. Меллер-Закомельского собрание членов группы «центр» Государственного совета. В опубликованной декларации этого совещания одобрялось образование в Думе Прогрессивного блока, сплоченного и сильного большинства, разработавшего программу действий, общие основания которой *«могут быть согласованы с теми положениями, которыми всегда руководствовалась группа центра Государственного совета»*. Поддержав Думу в необходимости создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны, группа «центра» отмечала, что *«указание это, по убеждению группы центра, отнюдь не может быть понимаемо, как заявление, направленное к изменению установленного основными законами порядка избрания и назначения высших сановников Империи»*. Большой общественный резонанс имело выступление В.В. Меллер-Закомельского на заседании Государственного совета 26 ноября 1916 г. В своей речи председатель группы «центр» подверг резкой критике выступление в верхней палате парламента А.Ф. Трепова, нового премьер-министра правительства, назначенного Николаем II. Впервые с трибуны Государственного совета говорилось о темных силах, манипулирующих государственной властью, о предательстве в ее структурах, о разгуле цензуры, сокращавшей, искажавшей и фальсифицировавшей в газетах речи депутатов Государственной думы и членов Государственного совета, произносимые на официальных заседаниях палат парламента.

В роковой для судьбы России февраль 1917 г. Петербург захлестнули повсеместные стачки и демонстрации. В конце месяца, осознав всю тяжесть сложившейся ситуации и полную неспособность правительства восстановить порядок в столице, Николай II принял решение вернуться из могилевской Ставки в Царское Село. В пути его застала телеграмма, под которой стояли подписи двадцати двух членов Государственного совета (в их числе и В.В. Меллер-Закомельского), настоятельно просивших царя дать стране новое правительство и созвать распущенные им законодательные палаты. Телеграмма заканчивалась словами: *«Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедрами»*. Но время было упущено, монархия стояла на пороге гибели. Так и не добравшись до Петрограда, литерный поезд царя прибыл в Псков, где Николай II принужден был отречься от престола.

С наступлением весны в газетах все чаще стали появляться сообщения из различных губерний о захватах крестьянами помещичьих земель, грабежах и поджогах усадеб. Несмотря на принимаемые меры, Временное правительство не могло остановить эту стихию, землевладельцы могли рассчитывать только на себя. В мае 1917 г. на учредительном съезде в Москве с участием представителей от тридцати одной губернии был реанимирован Всероссийский Союз земельных собственников. В первых строках принятого на съезде нового Устава этой партии было заявлено, что *«Союз имеет своей целью защиту земельной собственности и объединение деятельности лиц, признающих право частной собственности основой существования государства...»*. В.В. Меллер-Закомельский принимает самое активное участие в работе новой партии. Его избирают председателем ее первого всероссийского съезда, состоявшегося в начале июля 1917 г. в Москве с участием около четырехсот представителей местных отделений Союза. Во главе делегации представителей съезда он выезжает в Петербург для встречи с премьер-министром и министром земледелия Временного правительства с ходатайством съезда ввести в состав Главного земельного комитета представителей Всероссийского Союза земельных собственников. 29–31 июля 1917 г. В.В. Меллер-Закомельский участвует в работе первого пленума Центрального Совета партии Всероссийский Союз земельных собственников, собравшегося в Москве. Обсудив сложившуюся на селе обстановку, пленум выработал на основании действующих законов рекомендации местным отделениям Союза по методам борьбы с разраставшимся процессом захвата помещичьей собственности.

В начале августа 1917 г. В.В. Меллер-Закомельский принимает участие в Московском совещании общественных деятелей. Инициаторы совещания писали в разосланных именных приглашениях: *«В дни величайшей опасности, переживаемой Россией, значительная часть сил ее разрознена и не высказалась до сих пор с достаточной полнотой. Необходимо сплотить все силы, страна должна услышать голос всех слов. Для этой цели группа московских общественных деятелей решила взять на себя почин и созвать в Москве 8–9 августа Совещание. Она верит, в патриотическом подъеме и дружном патриотическом действии будет найден выход из бедственного положения»*. Совещание, в котором приняли участие более четырехсот человек из Москвы, Петрограда, различных губерний России, избрало В.В. Меллер-Закомельского в постоянный Совет общественных деятелей, который возглавил М.В. Родзянко. После обсуждения вопросов о создании сильной национальной власти, деятельности комитетов в армии, борьбе с хозяйственной раз-

рухой, финансовом положении в России, железнодорожном транспорте, положении с продовольствием была принята резолюция к Временному правительству с требованием твердой рукой навести в стране порядок. Этого же требовали большинство делегатов, выступавших на созванном Временным правительством и проходившем 12–15 августа 1917 г. в Москве Государственном совещании с участием членов правительства, депутатов Государственной думы всех созывов, представителей торгово-промышленных кругов и банков, армии, земств, различных общественных объединений и организаций — всего около 2500 человек. В.В. Меллер-Закомельский принимал участие в совещании в составе делегации от Всероссийского Союза земельных собственников. Решения и постановления этих совещаний большевистская пресса расценила как контрреволюционные и направленные против народа.

После захвата власти большевиками в России началась коренная ломка прежних государственных устоев. Советское правительство своим распоряжением от 14 ноября 1917 г. ввело в действие на всех предприятиях России Положение о рабочем контроле. Правления горнопромышленных обществ Урала и Сибири начали активное сопротивление исполнению требований новой власти на своих предприятиях. Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов направил в конце ноября 1917 г. в Петроград одного из своих членов, редактора газеты «Уральский Рабочий» В.А. Воробьева, для информирования Совнаркома о положении дел на Урале и урегулирования вопросов по задолженности рабочим заработной платы, которая не выдавалась несколько предыдущих месяцев. Выслушав уральского ходока, В.И. Ленин написал записку с поручением Народному Комиссару Труда А.Г. Шляпникову и Председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «...*Вопрос на Урале очень острый: надо здешние (в Питере находящиеся) правления уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее*». 27 декабря 1917 г. И.В. Сталин подписал Декрет Рабочего и Крестьянского Правительства Совета Народных Комиссаров «О конфискации всего имущества акционерного общества Кыштымского горного округа»:

«Ввиду отказа заводууправления акционерного общества Кыштымского горного округа подчиняться декрету СНК о введении рабочего контроля над производством СНК постановил: конфисковать все имущество акционерного общества Кыштымского горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской республики.

Весь служебный и технический персонал обязан остаться на местах и исполнять свои обязанности.

За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду».

После Февральской революции Государственный совет перестал играть какую-либо роль в политической жизни России. В мае 1917 г. были упразднены должности членов Государственного совета *по назначению*. Члены верхней палаты *по выборам* продолжали принимать участие в работе все еще собиравшихся Особых совещаний, но в октябре 1917 г. решением Временного правительства они были распущены. В декабре 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров Государственный совет был упразднен.

Реорганизация новой властью банковской системы коснулась и учетно-ссудных комитетов при конторах и отделениях Государственного банка, откуда вытеснялись служащие старого режима. Постановлением СНК РСФСР от 12.12.1917 учреждались *«должности выборных членов учетно-ссудных комитетов от Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Последние избираются непосредственно, без дальнейшего утверждения какой-либо инстанцией, Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов городов, в которых расположены конторы и отделения банка в двойном размере против числа представителей в учетно-ссудных комитетах от торговцев, промышленников и сельских хозяев».*

События 1917 г. стали началом трагедии в личной судьбе В.В. Меллер-Закомельского.

Насильственное закрытие в начале января 1918 г. первого заседания Учредительного собрания и последующий на другой день его роспуск на основании декрета ВЦИК окончательно избавили В.В. Меллер-Закомельского от иллюзий возможности либеральных преобразований в России. Решив, что его нахождение в Петрограде бессмысленно и опасно, он перебрался в Москву, где начинает контрреволюционную деятельность. С конца января — начала февраля 1918 г. он принимает участие в заседаниях вновь активизировавшегося Совета общественных деятелей. Своими целями члены Совета ставили формирование антибольшевистского общественного мнения по вопросам внутренней и внешней политики, восстановление порядка и частной собственности, установление наследственно-конституционной монархии как единственной приемлемой формы правления в России. Совет вошел в союз с партией кадетов и привлек к активному участию в работе группу деятелей из торгово-промышленной среды, остававшихся к тому времени в Москве.

Новый союз, получивший наименование Правый центр, начинает устанавливать контакты с офицерами и объединять их в единую организацию в надежде с ее помощью свергнуть власть большевиков в Москве в августе 1918 г. По воспоминаниям В.И. Гурко, осуществлявшего связь с конспиративными офицерскими группами, уже к июню военная организация Правого центра представляла значительную силу. Руководители центра приступили к активному поиску авторитетного в офицерских кругах генерала, который бы мог возглавить вооруженное выступление в Москве. В ответ на убийства Володарского и Урицкого, покушение на жизнь Ленина большевики специальным декретом объявили политику «красного террора» и приступили к массовым арестам и расстрелам. По словам того же В.И. Гурко *«...жизнь в Москве для принадлежащих к прежним зажиточным слоям населения, а тем более для причастных к прежней государственной и общественной деятельности, стала совершенно невозможной. О какой-либо политической работе с малейшей надеждой на успех не могло быть и речи. Унести ноги от непосредственной близости к большевистскому застенку — вот на чем приходилось сосредоточивать свои усилия»*.

В начале осени 1918 г. В.В. Меллер-Закомельский вместе с сыном и В.И. Гурко по подложным документам выехали из Москвы, перешли границу с Украиной и объявились в Киеве. Здесь Меллер-Закомельский вошел в бюро так называемого Особого совещания членов Государственной думы всех созывов и Государственного совета. Члены бюро активно занимались организацией антибольшевистского движения за восстановление монархии. В октябре 1918 г. в Киеве состоялся съезд бывших членов Государственной думы, Государственного совета, Церковного собора, земств, представителей различных политических партий России, выступавших против власти большевиков, за восстановление монархии, за спасение «единой и неделимой России» от «засилья Интернационала». На съезде был создан Совет государственного объединения России (СГОР) — самое представительное объединение антибольшевистских сил на тот момент, которое сыграло большую роль в Белом движении. Председателем СГОРа был избран барон В.В. Меллер-Закомельский, заместителями председателя — П.Н. Милюков и А.В. Кривошеин. О задачах этой антибольшевистской организации В.В. Меллер-Закомельский проинформировал командующего Добровольческой армией А.Н. Деникина, в письме к которому от 31 октября 1918 г. он писал: *«Приступая ныне к своей работе, Совет государственного объединения России поручил мне сообщить Вашему превосходительству, что он предоставляет все силы, знания и опыт объединившихся в нем лиц в распоряже-*

ние добровольческой армии и будет всемерно счастлив, если он в хоть небольшой доле сможет облегчить армии ее великий ратный подвиг и ее славное служение нашему общему делу воссоздания великой, единой и неделимой России». Приветствуя создание Совета государственного объединения России, генерал А.И. Деникин написал В.В. Меллер-Закомельскому: «Я не премину широко использовать те живые силы и тот государственный опыт, который Вы и Ваши сотрудники несете нашему общему русскому делу».

Свою деятельность Совет государственного объединения России начал с того, что обратился за поддержкой в борьбе за «великую, единую и неделимую Россию» к правительствам стран Антанты. В конце ноября 1918 г. в Яссах (Румыния) открылось политическое совещание между военными и дипломатическими представителями держав Антанты и США с одной стороны и российской делегацией — с другой. В делегацию от России входили представители СГОРа, Национального центра и Союза возрождения России. Председателем совещания от российской делегации был барон В.В. Меллер-Закомельский.

После завершения совещания в Яссах В.В. Меллер-Закомельский вместе с другими его участниками перебрался в Одессу, где переговоры продолжились. Вскоре город был оккупирован французскими войсками. Незадолго до этого находившиеся в городе русские офицеры, объединившись в отряды, выбили из Одессы терроризировавших население петлюровцев, и район Одессы стал официально именоваться *«местностью, находящейся под верховным управлением главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России»*. Блокированная изгнанными из города петлюровцами, Одесса лишилась подвоза продуктов из прилегающих сельских районов. Снабжение города было возможно только морским путем. Цены на основные продукты стали неудержимо расти. Эту тяжелую для властей и населения города ситуацию спешили с максимальной для себя выгодой использовать крупные одесские торговые дельцы и пароходовладельцы. Недовольные введенными правительством Вооруженных сил Юга России запретами и ограничениями на вывоз за границу зерна и промышленного сырья, они стали активно настраивать французское командование и дипломатических представителей против А.И. Деникина, настойчиво требуя создания местного правительства для управления районом Одессы. Такая идея совпадала с интересами французов, которые стали усиленно обрабатывать находившихся в городе после бегства из Киева видных членов бюро СГОР, стремясь заставить их стать инициаторами создания одесского правительства и ставя в зависимость от решения

этого вопроса свою помощь Добровольческой армии. Не имея постоянной информации из ставки Деникина, бюро СГОР под руководством В.В. Меллер-Закомельского на своих почти ежедневных заседаниях искало выход из сложившейся ситуации. На плечах Владимира Владимировича в эти дни тяжелой ношей лежала забота о семье: вместе с ним в Одессе находилась жена и дочь с только что родившимся ребенком, сын и зять были в Добровольческой армии. В Екатеринодаре, где обосновалось верховное управление главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, между лидерами контрреволюционных организаций: СГОР, Национального центра и Союза возрождения России — шла борьба за влияние на А.И. Деникина. Когда в Екатеринодар в его ставку от секретной агентуры стали поступать донесения о стремлении французов сформировать одесское правительство, недоброжелатели СГОР не преминули донести главнокомандующему Добровольческой армии о якобы сепаратистской позиции В.В. Меллер-Закомельского в Одессе. Барон навсегда утратил доверие А.И. Деникина. Несмотря на то что в конце марта 1919 г. за несколько дней до бегства французов из Одессы он добрался до Екатеринодара, где встретился с Деникиным и пытался объяснить с ним, политическая карьера В.В. Меллер-Закомельского закатилась. Авторитет СГОР в глазах командующего Добровольческой армией восстанавливал уже новый председатель этой партии А.В. Кривошеин, до этого возглавлявший ее екатеринодарское отделение. Впоследствии члены СГОР входили в состав правительств при армиях Деникина и Врангеля, активно участвовали в управлении территориями, находившимися под контролем белых, но о дальнейшей деятельности В.В. Меллер-Закомельского в многочисленных мемуарах различных деятелей той поры сведений найти не удалось. С окончанием Гражданской войны СГОР прекратил свое существование.

Умер В.В. Меллер-Закомельский в Константинополе в 1920 г., заразившись тифом.

Послесловие. Ошибся писатель Бажов, не был Владимир Владимирович Меллер-Закомельский ни палачом, ни вешателем. Слава эта в России по праву принадлежала его дальнему родственнику генералу Александру Николаевичу Меллер-Закомельскому, который, командуя армейским корпусом, подавил Севастопольское восстание в 1905 г., а в январе 1906 г. жестокие репрессии в Сибири карательной экспедиции под руководством А.Н. Меллер-Закомельского стали известны всей России.

Загадка могилы императрицы Марии Федоровны

В начале 1988 г. средства массовой информации распространили сенсационное сообщение: в Петропавловском соборе в могиле императрицы Марии Федоровны находятся записки усопшей¹. Тогда же возник вполне естественный вопрос: разве нельзя вскрыть могилу императрицы и достать оттуда важнейший культурный памятник? Раз записки оказались в гробу, значит, наверняка они заключают в себе какую-то тайну. Не настало ли время ее раскрыть? Но постепенно разговоры стихли. Гробница вдовы Павла I, урожденной принцессы Софии Доротеи Виртембергской, матери двух императоров, Александра I и Николая I, не была потревожена. Тайна же, о которой вскоре все забыли, так тайной и осталась. В связи с этим хочу познакомить читателя с одним любопытным документом. Он проливает некоторый свет на эту загадочную историю и приоткрывает завесу над тайной могилы императрицы. Мне посчастливилось обнаружить этот документ в Российском государственном историческом архиве среди материалов коллекции Г.В. Есипова, заведующего общим отделом архива Министерства иностранных дел. Это рапорт коменданта Санкт-Петербургской крепости министру двора от 27 октября 1866 г. о находке ковчега в могиле императрицы Марии Федоровны. Текст гласит: «Сего числа при снятии гробницы над могилою в бозе почившей императрицы Марии Федоровны для замены таковой из нового мрамора оказался сверх пола медный ящик, укупоренный войлоком и обложенный кирпичами. Из дел комендантского управления не видно, что в этом ящике хранится, но, судя по тщательной укупорке его, нельзя было не прийти к заключению, что ящик этот составляет ковчег с внутренностями в бозе почившей императрицы Марии Федоровны. По сему, сделав распоряжение об установке сего ковчега при личном моем присутствии на прежнее место с совершением панихиды благочинным Петропавловского собора Полисадовым и постановкою ковчега вновь устроенной гробнице, имею честь донести об этом Вашему Сиятельству. Комендант инженер-капитан Сорокин»².

Что же заключал в себе медный ящик в действительности?

В октябре 1828 г., одержав победу над Портой Отоманской под Варной, император Николай Павлович сел на корабль «Императрица Мария» и отправился в Россию. Когда царь прибыл в Петербург, в Зимнем

дворце победителя ждала неприятная весть: его мать, в честь которой был наименован корабль, оказалась пораженной опасной болезнью. Поначалу болезнь эта как будто не вызывала серьезных опасений, поэтому Николай уверял в письме к своему брату цесаревичу Константину, что лейб-медик И.Ф. Рюль «не имеет ни малейшего сомнения насчет скорого выздоровления». Однако потом жена канцлера К.В. Нессельроде сообщила брату: «Я убеждена, и это общее мнение, что Рюль, доктор императрицы, не понял болезни. Такова уж судьба, что наша императорская фамилия окружает себя плохими докторами и настолько любит их, что не хочет других, а этот Рюль не понял болезни». И действительно, придворный врач ошибся в диагнозе. 22 октября 1828 г. доктор А.А. Крейтон вынужден был пустить императрице кровь; тем не менее появились признаки паралича. С этой минуты уже ничего не могло спасти императрицу³.

Еще за два года до того императрица разобрала свои бумаги, составила полный список их, вручила его статс-секретарю Г.И. Вилламову, распределила документы по конвертам, написал на каждом, как поступить с содержимым их, т.е. подлежат ли они сожжению или отсылке. Готовясь к смерти заранее, Мария Федоровна 1 ноября 1826 г. составила в Гатчине завещание. «Я желаю, чтобы пепел от писем моих родителей, — писала вдовствующая императрица, — был положен со мною во гроб». Часть писем своего старшего сына Александра Павловича Мария Федоровна запечатала в особый пакет. Она хотела возратить их сыну после свой смерти, но Александр умер на три года раньше матери. Мария Федоровна завещала своему четвертому сыну Михаилу сжечь эти письма, не распечатывая их. Такая же судьба предназначалась и выделенным в особый запечатанный пакет письмам ее покойного супруга Павла⁴.

24 октября 1828 г. в два часа тридцать минут пополудни императрица Мария Федоровна скончалась. Узнав о смерти матери, ее второй сын Константин 3 ноября прибыл в Петербург из Варшавы. На другой день вечером он присутствовал при положении во гроб и перенесении тела императрицы-матери из Тронной комнаты в каструм делорис, устроенный с необычайным великолепием в Кавалергардской зале, обращенной в траурную залу.

Последний сын Михаил Павлович приехал в столицу еще ранее цесаревича. Получив в Кишиневе извещение об опасной болезни матери, он немедленно поспешил в Петербург.

Тринадцатого ноября последовал вынос тела из Зимнего дворца в Петропавловский собор и отпевание. Траурная процессия прошество-

вала от дворца по Миллионной улице, Царицыну лугу, Суворовской площади и Троицкому мосту. За колесницей шествовал император Николай в траурной епанче, в шляпе с распущенным длинным флером. Это было последнее погребение члена императорской фамилии, совершенное при соблюдении старинного церемониала, установившегося со времени кончины Петра Великого. Император Николай выразил при этом желание, чтобы подобный церемониал не был применен при его погребении⁵.

Не успели похоронить Марию Федоровну, как выяснилось, что помимо воли, выраженной в завещании, императрица приказала сыну Николаю уничтожить еще целый ряд важнейших документов. Вот что по этому поводу писал 14 января 1829 г. Николай Павлович цесаревичу Константину: «По ее приказанию я был должен лично сжечь целый ящик, наполненный серией томов, родом воспоминаний или дневника, писанных ею собственноручно, из года в год, восходящих до семидесятих годов и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь, что меня это очень огорчило. Непонятно, как матушка находила время написать все то, что собственноручно начертано ею»⁶. Константин полностью одобрил поступок брата. «Было бы очень любопытно прочесть его, — отозвался цесаревич, — но если уж такова была ее воля, то осталось только в точности ее исполнить»⁷.

Можно не сомневаться, что воля покойной матери, выраженная в ее завещании, была в точности исполнена: пепел от писем ее родителей положили во гроб. О сожжении самой сокровенной части архива императрицы — ее дневников — Николай сообщил брату только спустя два месяца после того, как Константин уехал. Чем была вызвана эта задержка? Видимо, ответ надо искать в ехидном замечании Константина: «Было бы очень интересно прочесть...». На несколько томов был потребен не один месяц. Как бы то ни было, Николай сжег дневники не сразу...

Ну а пепел?

Думается, не случайно медный ящик при вскрытии гробницы был обнаружен рабочими не в самой могиле, а «сверх пола», т.е. под мраморным саркофагом, не в самой могиле, под полом. Наверное, ковчег поместили сюда уже после похорон. Четыре десятилетия спустя благочинный Полисадов и не подозревал, что панихиду-то он служил над пеплом. Комендант крепости просил высочайшего разрешения вскрыть ковчег, но получил категорический отказ⁸.

Так стоит ли вскрывать могилу императрицы? Думаю, ответ напрашивается сам собой.

Примечания

¹ Краюхин С. Тайник императрицы // Неделя. 1988. № 7. 15–21 февраля.

² РГИА. Ф. 938. № 257. Л. 1.

³ См. подробно: Шильдер Н.К. Император Николай Первый. СПб., 1903. Т. II. С. 180–187.

⁴ Завещание императрицы Марии Федоровны // Русская старина. 1882. Кн. I. С. 128–131.

⁵ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 184.

⁶ Там же. С. 187, 443.

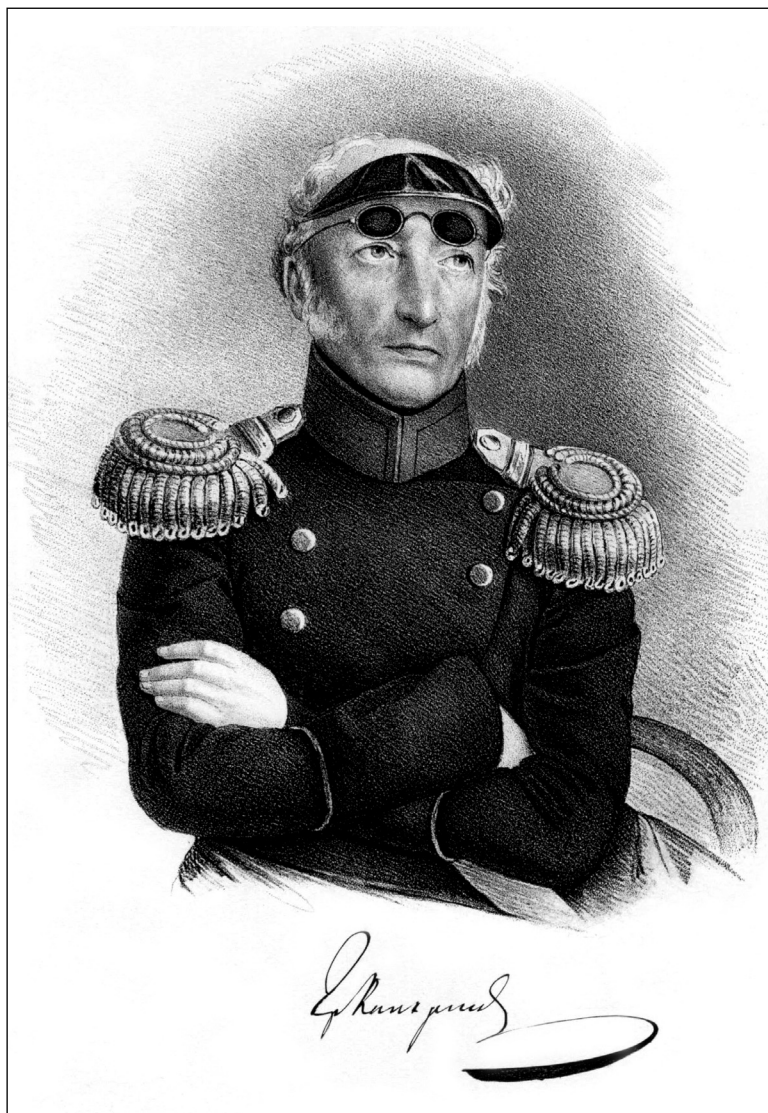
⁷ Там же. С. 187, 444.

⁸ Краюхин С. Указ. соч.

С.И. Зенкевич

Граф Е.Ф. Канкрин как литературный герой

Однажды петербургский немец Е.Ф. Канкрин в частной беседе с другим петербургским немцем Н.И. Гречем остроумно заметил: «Чем бы я был, если б остался в Германии! Там тесно уму — и немец как капуста: надобно пересадить его на другую почву, чтоб у него выросла голова!»¹. Это, конечно, шутка, игра слов, основанная на многозначности немецкого слова «Kopf» — и голова, и кочан (капусты). Однако и в самом деле именно на российской, петербургской, почве Егор Францевич Канкрин стал выдающимся государственным деятелем. Он приехал из Германии в 1797 г., служил в Петербурге и в других российских городах, с 1809 г. занимал должность инспектора над Петербургскими иностранными колониями; в годы Отечественной войны был назначен генерал-интендантом 1-й западной армии (1812), а затем — объединенной действующей армии (1813). В 1823 г. Е.Ф. Канкрин возглавил Министерство финансов. Находясь на этом посту в течение двадцати одного года, он значительно упорядочил денежную систему, добился бездефицитного бюджета, осуществил денежную реформу². Е.Ф. Канкрин всячески содействовал распространению науки и технических знаний³, поддерживал строительство и ландшафтные работы в Петербурге⁴, дал толчок нескольким периодическим изданиям⁵. За заслуги перед Россией министр был пожалован высокими наградами и графским титулом⁶.

Министр финансов России граф Егор Францевич Канкрин.
Фотогравюра, выполненная Экспедицией заготовления государственных бумаг.
Ист.: *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь,
литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления
Министерством финансов. СПб., 1897

Е.Ф. Канкрин был яркой личностью. Этот умный немец имел четкую концепцию развития российской экономики и привык активно работать; он говорил с акцентом⁷, любил музыку и поэзию⁸, отличался выразительной речью⁹. Все это служило катализатором интереса к нему. Среди обширной мемуарной, исторической, экономической литературы о Е.Ф. Канкрине, появившейся на протяжении XIX в.¹⁰, можно обнаружить ряд *художественных произведений* (кстати, в Министерстве финансов служили многие литераторы — П.А. Вяземский, В.Г. Бенедиктов, Н.В. Кукольник, И.П. Мятлев). Цель настоящей работы — обозначить в общих чертах эту специфическую и до сих пор не особенно привлекавшую внимание исследователей¹¹ часть канкринианы.

Предлагаемый ряд произведений по мере изучения этой проблемы, безусловно, может быть продолжен. Речь сейчас пойдет о четырех текстах — трех стихотворениях и одном рассказе. Эти произведения очень разные: они создавались разными людьми, в разное время, с разным отношением к своему герою, представляют разную художественную ценность. Их объединяет наличие авторской позиции по отношению к графу Канкрину, выраженной в художественной форме. Итак, вот эти текста: стихотворение М.М. Поднебесного «Графу Е.Ф. Канкрину на открытие великолепного таможенного здания, в Санкт-Петербурге»; стихотворение В.Г. Бенедиктова «Он»; «стихотворная шутка» С.А. Соболевского «Канкриниада» и рассказ Н.С. Лескова «Совместители».

Произведения Н.С. Лескова и В.Г. Бенедиктова достаточно известны. Они неоднократно перепечатывались, упоминались исследователями в связи с творчеством их авторов, хоть и не рассматривались в проекции на литературную канкриниану. Два других, особенно стихотворение М.М. Поднебесного, представляют собою библиографическую редкость. Тем не менее, указанные четыре текста, будучи рассмотренными единым корпусом, образуют весьма интересный контекст. Анализируя эти произведения, допускающие вымысел, не претендующие на роль документа, мы постараемся проследить, что они нам дают в понимании личности графа Канкринина, его деятельности, оценки этой деятельности, а также тех историко-литературных условий, в которых эти тексты появились. В определенной степени художественные произведения могут быть даже более показательны, нежели документы, так как ярче отражают отношение к герою автора и того круга, который он представляет.

М.М. Поднебесный. Стихотворение «Графу Е.Ф. Канкрину на открытие великолепного таможенного здания, в Санкт-Петербурге»

Рассмотрение литературной канкринианы будет уместно начать со стихотворения Михаила Михайловича Поднебесного¹². Это стихотворение хронологически самое раннее из тех текстов, о которых пойдет речь. Оно замечательно тем, что представляет собою чистый, без примесей, панегирик графу Канкрину.

Стихотворение М.М. Поднебесного вышло отдельной брошюрой к открытию в Петербурге в 1832 г. нового здания Таможни (в этом здании ныне располагается Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Строительство Таможни на рубеже 1820–1830-х гг. курировал лично граф Канкрин. По воспоминаниям современников, даже чересчур активно курировал. Так, Н. Бобров сообщил, что «когда здание это строилось в 1829 г., то усердие и деятельность Канкрин простирались до того, что он почти каждый день посещал работы и строго наблюдал за правильным их исполнением. И вот однажды десятник каменщиков, не поняв ли указанного Е.Ф. (Канкриным. — С.З.), или сделал ошибку, до того рассердил старика, что принудил его погнаться с саженью в руках, чтоб приколотить бестолкового десятника. При этом случае Е.Ф. оступился на подмостках и упал с саженной высоты, по счастью не ушибся и отделался одним испугом, а десятнику все-таки грозил, что прибьет его, если он не будет внимателен к своей обязанности»¹³. Строительство Таможни было небезразлично графу Канкрину не только как финансисту, но и как знатоку архитектуры и строительного дела. Поэтому стихотворение М.М. Поднебесного посвящено ему по праву. Посвящение мы видим на обложке брошюры: «Его сиятельству господину министру финансов графу Егору Францевичу Канкрину», заглавие — на первой странице: «На открытие великолепного таможенного здания, в Санкт-Петербурге».

Уже в заглавии очевидна ориентация М.М. Поднебесного на «высокую» поэзию XVIII в. и прежде всего на оды М.В. Ломоносова (вспомним, например, «Оду блаженным памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»). Эта ориентация проявляется и тематически (воспевание государственного деятеля — типичная тема оды), и в области лексики и грамматики. Поэт в изобилии употребляет характерные для «высокого штиля» неполногласные формы («град», «злато», «серебряные водопады», «драгие камни», «зритель хладный» и т.п.),

стилистически маркированную лексику («сей храм», «Зиждитель», «зрю», «возжигашь», «бранноносный Росс» и т.п.), краткие формы страдательных причастий и прилагательных («Тобой обогащены», «Искусства, Россам насаждены», «лирны звуки» и др.). Подобно оде, стихотворение М.М. Поднебесного построено как риторическое обращение к графу Канкрину и целиком выдержано во втором лице. Вот первая строфа:

Торговли новый храм открылся!
Тобой, великий патриот!
Сей новый феникс возродился;
Смотрясь в зеркале Невских вод,
Любуется, гордясь собою,
И украшает град П е т р о в
Великолепием, красою.
Сей памятник Твоих трудов,
Сей храм в Зиждителе являет
Высокий ум, изящный вкус;
К себе — дивиться привлекает
Любителей наук и муз¹⁴.

В стихотворении министр финансов предстает как верный слуга царей, т.е. поэтом четко соблюдена, так сказать, табель о рангах. Здесь намечена цепочка: Петр I — Александр I — Николай I — и верный исполнитель монаршей воли граф Канкрин:

Искусства, Россам насаждены
Отцом Отечества — П е т р о м,
При А л е к с а н д р е оживленны
Твоим старанием, умом,
Уже цветут в век Н и к о л а я:
И мы вкушаем их плоды,
Благих Царей благословляя,
И слава Кольберта труды¹⁵.

Очень показательно сравнение адресата стихотворения, министра финансов России, с Кольбером. Жан-Батист Кольбер был генеральным контролером (министром) финансов Франции с 1665 г. В стратегии и тактике деятельности Е.Ф. Канкрин и его знаменитого предшественни-

ка Ж.-Б. Кольбера можно проследить много общего, однако это тема отдельного исследования. В контексте данной работы важно, что образ героя в соответствии с традицией классицизма проецируется на образец.

В рассматриваемом стихотворении перечисляются заслуги Е.Ф. Канкрин помимо открытия здания Таможни. Это организация и проведение в Петербурге в 1829 г. первой выставки российских изделий (Мануфактурной выставки), что было принципиально важно для развития и пропаганды отечественной промышленности:

Мы видели чудес палаты,
Где были собраны Тобой
Фарфоры, ткани пребогаты:
Пленясь мы пользой и красой,
Родным искусствам дивовались:
Изделья разных хрусталей
Для сердца русского казались
Милее дорогих камней¹⁶.

М.М. Поднебесный вспоминает и открытие на Урале месторождений драгоценных металлов и камней, чему содействовал Е.Ф. Канкрин¹⁷:

Из гор Сибири столь богатой —
Ты научил нас извлекать
Алмазы, изумруды, злато;
Умел — к богатствам ключ сыскать¹⁸.

Также поэт высоко оценивает взвешенную кадровую политику министра:

Добра и счастья всем радеешь;
Людей достойных находить
Себе в сотрудники умеешь,
И знаешь тайну — ободрить,
Возвысить дух их благородный,
К высокой цели направлять;
И может ум Твой превосходный
Заслуг талантов цену знать¹⁹.

Стихотворение завершается славословием министру. Граф Канкрин предстает патриотом России (весьма характерно, что его немецкое про-

исхождение здесь не принимается в расчет, так как он работает на благо России):

Твой ум источники богатства
В России многие открыл;
Для польз народных, выгод Царства,
Предметы новы учредил.
П е т р о у мудрость постигаешь,
Полезный, славный человек!
Наук светильник возжигаешь, —
И бранноносный Росс в Твой век
Возможет знаньями гордиться.
Нас учишь — русское любить, —
И скоро будем мы стыдиться —
Чужим искусствам дань платить,
Чужим искусством украшаться. <...>
Для Россов дни Твои бесценны,
Во время мира и побед:
Они, Тобой обогащены,
Делами удивляют свет!²⁰

Художественные достоинства рассматриваемого текста неоднозначны. Очевидно, что М.М. Поднебесный владеет жанром оды, но не менее очевидны в его оде эпигонские черты. Поэт впадает в заметное противоречие. Размышляя в первых строфах о прекрасном здании Таможни, он с упоением описывал заморские богатства, которые теперь доступны нам. В финале же звучит мысль о необходимости «русское любить» и не «украшаться» чужим искусством, чему учит нас настроенный на патриотический лад граф Канкрин. Как следствие, в оде утрачивается четкость центральной линии. Эта невыдержанность идеи (а также, кстати, и сомнительный в контексте христианской культуры образ «храма торговли»²¹) выдает некую «вторичность» оды М.М. Поднебесного как литературного произведения. Тем не менее эта ода нам интересна с исторической точки зрения. В ней ярко отражен официальный взгляд на многогранную и полезную для России деятельность графа Канкрин. Для подношения министру выбран жанр, в 1830-е гг. уже воспринимавшийся как архаизм и едва ли свидетельствовавший о поэтическом даре автора. Но именно жанр оды позволил поэту озвучить столь щедрую похвалу влиятельному государственному деятелю.

М.М. Поднебесный продолжил восхвалять министра и в дальнейшем. В 1833 г. он посвятил Е.Ф. Канкрину три строфы в другом своем произведении — огромной оде, написанной по случаю открытия в Петербурге третьей промышленной выставки (эта ода также была издана отдельной брошюрой; в качестве эпиграфа использованы строки из предыдущего стихотворения):

Ах, вот мой взор того встречает,
Кто вертоград сей созидал,
Кому Россия соплетает
Венок из тысячи похвал.

Канкрин! твоим умом, раченьем
Здесь собраны искусств плоды;
Петрополь видит с восхищеньем,
Сколь сладки всем твои труды.

Вельможа добрый, благородный,
Ты исполинский труд несешь,
Для пользы царской и народной;
В храм славы бодрственно идешь!²².

В этом стихотворении также звучит неумеренная похвала герою, и опять поэт как бы «прячется» за жанр оды, допускающий подобную чрезмерность.

Настроение, главенствующее в следующем произведении о графе Канкрине, к которому мы обратимся, принципиально иное.

В.Г. Бенедиктов. Стихотворение «Он»

Стихотворение «Он», впервые опубликованное в 1857 г.²³, в отличие от оды М.М. Поднебесного представляет графа Канкрин с другой стороны — менее громкой, менее торжественной, менее помпезной. Его автор, Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873)²⁴, успешно служил в Министерстве финансов под руководством Е.Ф. Канкрин. Стихотворение «Он» было написано после смерти министра под влиянием глубоко личного впечатления поэта. Сразу вслед за первой публикацией оно было перепечатано в сборнике «Новые стихотворения В. Бенедиктова»²⁵. В отзыве на сборник рецензент «Сына Отечества» дал положительную оценку этому произведению: «...редкий в наше время пример

энтузиазма к несуществующему уже, — пример поклонения начальнику умершему, от которого не дождешься ни награды, ни благодарности»²⁶. Интересующее нас стихотворение было включено и в небольшую подборку произведений В.Г. Бенедиктова в антологии Н.В. Гербея «Русские поэты в биографиях и образах»²⁷. Составитель отметил, что оно «высоко ценится людьми, любящими поэзию»²⁸.

Стихотворение озаглавлено местоимением; имя Е.Ф. Канкрин в нем нигде не называется. Тем не менее его герой, по всей вероятности, был узнаваем современниками безошибочно. Передано портретное сходство (причем словесный портрет заметно перекликается с известным графическим портретом графа Канкрин, приведенным выше):

Я помню: был старик — высокий, худощавый,
Лик бледный, свод чела разумно-величавый,
Весь лысый, на висках седых волос клочки,
Глаза под зонтиком и темные очки. <...>
...очки поднимет на лоб,
И видится, как мысль бьет в виде двух лучей
Из синих, наискось приподнятых очей <...>
Он — пара тощих ног с могучей головой!
Крест-накрест две руки, двух метких глаз оглядка
Да тонко сжатых губ изогнутая складка —
Вот все!²⁹

В стихотворении тщательно прорисовано убранство кабинета графа. Подчеркивается отсутствие какой-либо роскоши (кстати, Е.Ф. Канкрин, в молодости не понаслышке знакомый с нуждой, став богатым и знатным человеком, всегда призывал к экономии — как в частном, так и в государственном хозяйстве³⁰):

Все дышит простотой студентской кельи скромной:
Здесь к спинке кресел сам хозяин экономный,
Чтоб слабых глаз его свет лишний не терзал,
Большой картонный лист бечевкой привязал;
Тут — груды книг, бумаг, а тут запас дешевых
Неслиндовских сигар и трубок тростниковых,
Линейки, циркули; а дальше — на полу —
Различных свертков ряд, уставленный в углу:
Там планы, чертежи, таблицы, счета, сметы;
Здесь — письменный прибор. Вот все почти предметы!³¹

В.Г. Бенедиктов уделяет внимание и привычкам министра, прежде всего ежедневному моциону (привыкший работать по пятнадцать часов в сутки, граф совершал, по советам врачей, регулярные прогулки):

...старик, под шляпой треугольной,
В шинели серенькой, надетой в рукава,
В прогулке утренней протащится сперва —
И возвращается в свой кабинет рабочий,
Где труд его кипит с утра до поздней ночи³².

Не забыл В.Г. Бенедиктов и такой характерной особенности Е.Ф. Канкрина, как немецкий акцент³³:

На иностранный лад слова произнося,
Спокойно говорит: «Нет, патушка, нелься»³⁴.

В.Г. Бенедиктов в свойственной себе манере допускает в стихотворении стилистически сниженную лексику («сперва», «нету!», «протащится»), причем здесь она очень уместна³⁵. Концовка выдержана в разговорном ключе, с использованием даже слегка грубоватого выражения, что отражает окрашенную мягкой иронией интимность переживаний поэта:

Вдруг: «Болен, — говорят, — подагрой поражен», —
И подчиненный мир в унынье погружен, <...>
«Что? — Как? — Не лучше ли? — Недоспанных ночей
Последствие! — Упрям! Не слушает врачей.
Он всем необходим; сам царь его так ценит!
Что если он... того... ну кто его заменит?»³⁶

Все стихотворение, таким образом, представляет собою взгляд не только на министра, но и на человека, и в этом очень очевидно его отличие от оды М.М. Поднебесного. Граф Канкрин окружен многими людьми, всегда открыт для общения и вызывает нежные чувства у своих подчиненных — вот сквозная мысль стихотворения В.Г. Бенедиктова. Характерно посвящение: «Посвящено тем, которые его помнят и чтят его память», т.е. адресат — не Е.Ф. Канкрин. Это намек на некий круг избранных, близких министру людей, кому довелось работать с ним и кто теперь должен донести его образ до потомков. К этим людям В.Г. Бенедиктов и обращается, ни разу не назвав графа по имени, но создав яркий

узнаваемый портрет. Первой фразой: «Я помню...» — поэт оборачивает посвящение в том числе и самому себе.

В тексте стихотворения почти ничего не говорится о конкретных заслугах графа. Здесь мы встретим только выразительные намеки на «огромные заботы», «груды книг, бумаг» в его кабинете. Поэт, очевидно, стремился — и небезуспешно — передать личное обаяние своего героя, несколько не зависящее от оценки его государственной деятельности.

Таким образом, два рассмотренных стихотворения дают принципиально разный взгляд на графа Канкрин. В первом перед нами влиятельный министр, во втором, тесно соприкасающемся с мемуарной литературой, — симпатичный человек. Сближает два произведения позитивный тон в адрес героя. Между тем существовала и едкая сатира на деятельность Е.Ф. Канкрин.

С.А. Соболевский. Стихотворная шутка «Канкриниада»

Сатирическое стихотворение Сергея Александровича Соболевского (1803–1870)³⁷ «Канкриниада» было создано еще при жизни министра финансов, в разгар его деятельности, однако не могло распространяться официально. «Канкриниада» вышла в печати уже после смерти поэта, сначала в «Русском архиве»³⁸, затем в сборнике С.А. Соболевского «Эпиграммы и экспромты» (1912)³⁹. Эта небольшая «стихотворная шутка» отражает пристрастный взгляд на немца Канкрин, сделавшего в России успешную карьеру, развившего деятельность в самых разнообразных направлениях и, что самое главное, обогатившегося. Здесь мы видим как оценку некоторых фактов биографии министра, так и информацию, которая, по всей вероятности, не могла циркулировать иначе, как в форме слухов.

Приводим с комментариями фрагменты этого стихотворения. Вот его начало:

Кто на Север наш суровый
Изобилие пролил,
И ему венок лавровый
Сам народ определил?

Кто стране, скажите, отчей
Придал исполинский рост?
Кто построил, чудный зодчий,
Самопадающий мост?⁴⁰

К этой строфе в «Русском архиве» дана краткая сноска, возможно, принадлежащая самому автору: «Канкрин устроил мост, который упал в день освящения»⁴¹. Речь в этом эпизоде идет о неприятной истории с Ново-Никольским мостом через Екатерининский канал (ныне Канал Грибоедова) у Никольской площади в створе Никольского переулка. Этот однопролетный чугунный мост сооружался под непосредственным наблюдением графа Канкрина. В момент открытия движения, 8 октября 1837 г. мост от деформации береговых устоев разрушился. Была создана специальная комиссия по расследованию причин аварии. Новый мост построили лишь в 1841 г.⁴² Обратим внимание, что если в оде М.М. Поднебесного открытие великолепного здания Таможни представлено как заслуга графа Канкрина, то здесь, в сатирическом стихотворении, строительство неудачного моста инкриминируется опять-таки именно ему, хотя он не зодчий и не инженер, а министр финансов. Таким образом, можно полагать, что в то время финансировавшиеся из казны проекты были так или иначе связаны в сознании людей с именем Е.Ф. Канкрина.

Вопросы, заданные поэтом в первых двух строфах, не являются риторическими. Третья строфа дает однозначный ответ:

То Канкрин!!! — пришел с алтыном
Из далеких чуждых стран;
Стал России верным сыном,
Понабив себе карман⁴³.

В этой строфе выражена центральная мысль всего стихотворения: речь идет об обогащении чужестранца за счет российских богатств. Приехав в Петербург из Германии, будущий министр первое время был очень беден⁴⁴. Видимо, Е.Ф. Канкрину не могли простить, что этот немец, полноправно распоряжаясь российскими финансами, достиг прочного положения, и «стихотворная шутка» С.А. Соболевского фиксирует это недовольство. Критика продолжается и далее:

Канкрину Россия верит
Золото и серебро;
Он за русское добро
Депозитом так и веет⁴⁵.

Здесь речь идет о денежной реформе графа Канкрина. В самом общем виде реформа заключалась в упорядочении денежной системы, введении серебряного монометаллизма, в установлении неизменного

курса серебряного рубля. 1 января 1840 г. была открыта депозитная касса для приема монетных вкладов (золотом и серебром) с выдачей взамен депозитных билетов. Однако полностью отказаться от бумажных денег Е.Ф. Канкрину не удалось, и принятые меры воспринимались противниками как паллиативные⁴⁶.

Оком быстрым и прилежным
Он повсюду проникал,
За Уралом вечно снежным
Геспериду отыскал.

Золотые самородки
Наши!!! и порукой в том
Купленный у Безбородки
Трехэтажный пышный дом⁴⁷.

Здесь речь идет об организации Е.Ф. Канкриным разведки месторождений в Сибири (об этом писал и М.М. Поднебесный в своей оде). Вопрос о покупке графом особняка на деньги, полученные благодаря открытию в недрах России несметных богатств, требует дополнительных разысканий. Однако в любом случае из этой строфы следует, что С.А. Соболевский, так или иначе отражая общественное мнение, был весьма склонен обвинять министра в стяжательстве.

Серно-кисленная влага
Нам полезна, признал он,
И для общего всех блага
Захватил себе Бальдон⁴⁸.

В сноске к этой строфе дано пояснение: «Получены в подарок от царя Бальдонские ключи»⁴⁹. Здесь подразумевается тот отмеченный в формулярном списке министра факт, что еще при Александре I, 1 января 1825 г., Е.Ф. Канкрин получил в аренду на 50 лет имение Бальдон в Курляндской губернии, ценное лечебными источниками. Аренда Бальдона является в стихотворении еще одним звеном цепи непомерного обогащения министра.

Последняя строфа стихотворения гласит:

Сиднями сидя на печке,
Мы узнаем наконец,

Что для немца мы овечки,
Шленских прибыльной овец!⁵⁰

К этой строфе также имеется сноска: «У Канкринина большое овцеводство»⁵¹. Вообще тема овцеводства была Е.Ф. Канкрину небезразлична. Еще в январе 1800 г. он составил записку об улучшении овцеводства в России. В 1833 г. министр был избран почетным членом Главного Московского общества улучшенного овцеводства при Московском обществе сельского хозяйства. Вместе с тем в финальной строфе эпизод из жизни Е.Ф. Канкринина с иронией, и даже с самоиронией переосмысливается: коренные жители России, как всегда, бездействуют, создавая немцу поле деятельности и обогащения.

Таким предстает граф Канкрин в «стихотворной шутке» С.А. Соболевского, опубликованной более чем через полвека после смерти министра. Публикацию в «Русском архиве» сопровождает примечание: «Автор раскаивается в этих стихах, ибо Канкрин был гениальный экономист и оставил детям менее того, что у него в формуляр записано подаренного от государей»⁵². Это примечание также, судя по всему, не лишено иронии. Итак, «Канкриниада» — образец остросатирического неофициального взгляда на деятельность министра финансов. Позиция автора основана на тех фактах биографии Е.Ф. Канкринина, с которыми сопряжено улучшение благосостояния его семьи. Не укрылись от едкого взгляда С.А. Соболевского и просчеты графа (история с рухнувшим мостом).

«Канкриниада» позволяет предположить наличие фольклора о графе Канкрине. Наряду с официальным признанием заслуг министра, по всей вероятности, существовали и, так сказать, апокрифические сюжеты, связанные с его деятельностью. Неофициальные истории о Е.Ф. Канкрине обязаны своим бытованием в первую очередь недоброжелателям, которых, судя по масштабу личности графа, было немало. Как отмечает Р.И. Сементковский, «враги Канкринина никогда не дремали»⁵³ и постоянно замыслили интриги против министра. Так, «Князь Меншиков не скупился на едкие остроты по адресу Канкринина, и эти остроты переходили из уст в уста при дворе, в столице и по всей России»⁵⁴. Таким образом, деятельность Е.Ф. Канкринина вызывала не только восторженные отклики (как, например, стихотворение М.М. Поднебесного), но и резкую критику, распространявшуюся в устной форме.

Неофициальный взгляд на графа Канкринина в известной степени проявился и в рассказе Н.С. Лескова. Но если в стихотворении речь идет о деньгах министра, то в рассказе затрагивается его личная жизнь.

Н.С. Лесков. Рассказ «Совместители»

Три рассмотренных стихотворения принадлежат перу литераторов, которые пересекались с графом Канкриным по службе или, по крайней мере, могут считаться его ровесниками. Однако и через сорок лет после смерти министра появляется художественное произведение о нем — небольшой и очень непростой в отношении центрального образа рассказ Николая Семеновича Лескова (1831–1895) «Совместители».

Н.С. Лесков создал свой рассказ, по всей вероятности, в 1884 г. и в этом же году опубликовал в новом журнале «Новь»⁵⁵, с которым сотрудничал с самого первого номера и в котором специально для него была создана рубрика «Рассказы кстати». Эта рубрика дала название вышедшему в свет в конце 1886 г. лесковскому сборнику рассказов, в котором «Совместители» были перепечатаны⁵⁶. Рассказ вошел и в седьмой том прижизненного собрания сочинений Лескова, изданного в типографии А.С. Суворина⁵⁷.

Одним из главных героев лесковского рассказа выступает граф Канкрин, который, как сказано на первой же странице, «был деловит и умен, но любил поволочиться»⁵⁸. Граф несколько запутался в отношениях со своей фавориткой по имени Марья Степановна. Будучи не в состоянии часто бывать в ее обществе, Е.Ф. Канкрин, следуя тогдашней моде, начинает подумывать о так называемом «совместителе» — молодом человеке, который с его согласия и на его деньги освободит министра от излишних хлопот. Однако в один прекрасный момент граф случайно обнаруживает под столом у красавицы постороннего мужчину, который, как выясняется, скромно служит в Министерстве финансов. В результате его сиятельство вынужденно, с неудовольствием начинает продвигать нового знакомого по службе и помогает ему сделать совершенно фантастическую карьеру. Освобождается от тягостной зависимости граф лишь тогда, когда переводит молодого счастливец (кстати, обвенчавшись с их общей знакомой) в Министерство внутренних дел.

Таким образом, «Совместители» Н.С. Лескова — это исключительно пикантное по степени вовлеченности исторического деятеля произведение. У лесковского сюжета две фазы — любовная и служебная, причем в обеих герой характеризуется с весьма неоднозначной стороны. Имена героини и «совместителя», по оговорке автора, изменены. Граф Канкрин же, попавший в нелепейшую ситуацию, выступает во всем своем блеске, с полным именем, со всеми регалиями и даже с указанием имени и девичьей фамилии жены — Екатерины Захаровны Муравьевой. О деятельности графа на посту министра финансов в рассказе не говорится

ничего. Речь идет только о неумеренной протекции, оказываемой им счастливому сопернику. (Между тем, кстати, мемуаристы практически единогласно утверждают, что Е.Ф. Канкрин никогда не продвигал по службе человека, если не был уверен в его деловых качествах⁵⁹. В стихотворении М.М. Поднебесного, рассмотренном выше, также речь шла о мудрости министра при выборе сотрудников.)

В то же время образ Е.Ф. Канкрин в «Совместителях» в высшей степени изыщен. Явно с опорой на мемуарные источники Н.С. Лесковым прорисованы «словечки и привычки» (А.С. Блок) графа. Это и неизменное остроумие, и такт в диалогах, и немецкий акцент, и дача в Лесном⁶⁰, и прогулки на лошади⁶¹, и специфический наряд, и увлечение уединенной игрой на скрипке⁶².

В чем тут дело? Почему знаменитый государственный деятель выступает в столь неоднозначном облике — при точности в воспроизведении деталей Н.С. Лесков делает министра героем анекдота?

Видимо, здесь сказывается и творческая манера писателя, и аура вокруг имени графа Канкрин, которое часто служило объектом для «злых языков».

«Совместители» Н.С. Лескова — художественное произведение, его невозможно судить по историческим законам. Писатель создает именно *образ* исторического лица. Кстати, примеры тому регулярно и часто встречаются в его творчестве. Так, в рассказе 1889 г. «Фигура» важную роль в судьбе главного героя играет генерал Д.Е. Остен-Сакен, прорисованный очень резкими штрихами. Известно даже, что Н.С. Лесков в письме просил Л.Н. Толстого, лично знавшего генерала, «послать этот ломоть» своей рукой⁶³, т.е. подсказать специфические черты, которыми можно рельефнее изобразить этого, с его точки зрения, чрезвычайно набожного и не очень умного человека.

Между тем Н.С. Лесков, стремившийся к максимальной точности в своих многочисленных публицистических выступлениях, при этом всегда отстаивал право писателя на художественный вымысел. Так, в ответ на попытки критиков найти историческую основу «Левши» он утверждал, что этот сюжет им выдуман⁶⁴.

Вводя в произведение то или иное историческое лицо, Н.С. Лесков с готовностью использовал людскую молву, слухи, толки, причем относился к ним именно как к слухам, характеризующим не столько героя, сколько его окружение. Например, в рассказе 1882 г. «Привидение в Инженерном замке» маленькие кадеты пугают друг друга слухами о генерале Ламновском (начальнике Главного инженерного училища П.К. Ломновском). Он якобы «знается с нечистою силою и заставляет

демонов таскать для него мрамор, который Ламновский поставлял для какого-то здания, кажется, для Исаакиевского собора. Но так как демонам эта работа надоела, то <...> они нетерпеливо ждут кончины генерала как события, которое возвратит им свободу»⁶⁵.

Н.С. Лесков не раз пользовался в художественных целях анекдотами и утверждал их ценность для литературы. В рассказе 1885 г. «Старинные психопаты» писатель отметил: «В устных преданиях или даже в сочинениях этого рода <...> всегда сильно и ярко обозначается настроение умов, вкусов и фантазии людей данного времени и данной местности <...> Я очень ценю такие истории, даже и тогда, когда историческая достоверность их не представляется надежной, а иногда и совсем кажется сомнительною. По моему мнению, как вымысел или как сплетение вымысла с действительностью — они даже любопытнее»⁶⁶. Литературный почерк самого Н.С. Лескова отличается именно причудливым сочетанием факта и вымысла⁶⁷.

Нужно отметить также, что в рассказе «Совместители» Лесков в свойственной себе манере создал иллюзию достоверности — придал пикантному сюжету безукоризненную форму, сославшись на некоего «правдивого и умного человека», со слов которого он привел свою «историю»⁶⁸.

Таким образом, введение в ткань произведения исторического героя отнюдь не кажется странным в контексте творчества Н.С. Лескова. С точки зрения писательской манеры не удивляет и использование разных по степени достоверности источников — и исторических, и мемуарных, и фольклорных, — в которых герой высвечен с разных сторон.

Не лишен актуальности выбор в качестве героя рассказа именно графа Канкрин. О нем с регулярностью писали в газетах и журналах, а Н.С. Лесков, постоянно живший литературной «поденщиной», в современной ему публицистике ориентировался великолепно. В феврале 1884 г., т.е. в год создания рассказа «Совместители», вышел девятый том Собрания сочинений князя П.А. Вяземского, в свое время служившего в Министерстве финансов. В этом томе была опубликована охватывающая период с 1813 по 1852 гг. Записная книжка князя, которая содержала множество остроумных выражений самого графа Канкрин. С известной долей уверенности можно говорить, что после выхода этого дневника шутки министра получили новую жизнь — их стали пересказывать. Например, их сразу же перепечатал у себя в «Гражданине» князь В.П. Мещерский⁶⁹. Можно предположить, что всплывшие через много лет после смерти Е.Ф. Канкрин шутки воскресили в народной памяти и анекдоты о самом графе, не предназначавшиеся для печати.

(О том, что министр был объектом «злых языков», мы уже говорили в связи с «Канкриниадой» С.А. Соболевского.)

В 1884 г. завершилось издание трехтомника стихотворений В.Г. Бенедиктова под редакцией Я.П. Полонского⁷⁰, так что можно предположить и факт обращения Н.С. Лескова к уже упоминавшемуся стихотворению «Он».

Между тем текст Лескова требует и еще одного прочтения. Это художественное произведение на историческую тему, с массой исторических героев и исторических реалий⁷¹. Однако этот текст, как показывает анализ, имеет и остросовременный, злободневный смысл. В рамках данной работы отметим одну деталь: злободневным оказывается уже название «Совместители». В конце 1884 г., когда появился рассказ, слово «совместительство» было термином, означавшим совмещение государственной службы с участием в управлении акционерных предприятий. Подобное совмещение зачастую становилось источником злоупотреблений: высокопоставленные чиновники входили в правление частных компаний и давали им протекцию. В законе от 3 декабря 1884 г. участие влиятельных должностных лиц в учреждении каких-либо акционерных компаний (железнодорожных, пароходных, страховых, торговых, промышленных и т.п.) и занятие должностей в этих компаниях было признано несовместимым с государственной службой⁷². Таким образом, заглавие произведения Н.С. Лескова имело не в последнюю очередь и конкретное историческое значение. Два исторических периода — рубеж 1830–1840-х гг. и начало 1880-х гг. — в лесковском рассказе переплетены.

Рассказ «Совместители» — произведение многомерное, не только являющее собою иллюстрацию эпохи графа Канкрин, но и отражающее активную публицистическую деятельность Н.С. Лескова⁷³. Образом министра, пусть очень интересным и тщательно выписанным, рассказ далеко не ограничивается.

Подведем итоги. Из многообразия материалов о министре финансов графе Е.Ф. Канкрине выделяется корпус литературных произведений. Они не могут быть напрямую рассмотрены как исторический документ. При их анализе требуются экскурсы в другие сферы — мемуарную литературу, публицистику. В то же время эти произведения свидетельствуют об интересе к исторической личности, о безразличном отношении людей к этой личности в ту или иную эпоху.

Можно говорить об официальной и неофициальной канкриниане, во многом соприкасающейся с фольклором. Встает проблема мифотвор-

чества вокруг известной фигуры, потребности людей обсуждать кандидатуру, которая у всех на виду (это уже во многом проблема из области смежных дисциплин — психологии, социологии). Что касается графа Канкрин, то литературные произведения наглядно показывают, что он был чрезвычайно заметным и влиятельным героем и своего времени, и более позднего периода. С его именем в восприятии людей были прочно связаны многие факты (например, открытие здания Таможни или падение Ново-Никольского моста). Характерные черты министра — внешний вид, акцент, оригинальные и яркие высказывания — запечатлелись в воспоминаниях и стали достоянием многих людей, даже не знавших его лично. Многолетнее государственное служение приехавшего в Санкт-Петербург из Германии Е.Ф. Канкрин заставляло людей задумываться и над сложной и многоаспектной проблемой деятельности немцев в России.

Примечания

¹ Эту фразу зафиксировал Ф.В. Булгарин в появившейся вскоре после смерти графа Канкрин статье своей рубрики «Журнальная всякая всячина» (Северная пчела. 1845. № 219. 29 сентября. Раздел «Смесь». С. 2, с подписью: Ф.В.).

² О деятельности Е.Ф. Канкрин-финансиста см. следующие работы XIX — начала XX вв.: Бунге Н.Х. Мысли графа Канкрин о бумажных деньгах // Русский вестник. 1864. Ноябрь. С. 361–386; Шитов А. П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрин. СПб., 1864; Муравьев С. Финансовая система графа Канкрин // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 89. 13 (25) апреля. С. 3 (с предисловием В. Полетики); Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным рукописным источникам. СПб., 1873. С. 384–386; 446–455; 468–473 и др.; Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882; <Скальковский К.>. Наши государственные и общественные деятели. 2-е изд. СПб., 1891. С. 428–459; Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893; Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897 (Рецензия: Русский инвалид. 1898. № 40. 21 февраля. Раздел «Обзор книг». С. 3, с подписью: В.М.); Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 189–199 и др.

³ Во многом благодаря деятельности Е.Ф. Канкрин в 1828 г. был основан Санкт-Петербургский технологический институт, а также целый ряд других учебных и научных учреждений (см. об этом, например: Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897). При активной поддержке Е.Ф. Канкрин в 1829 г. был приглашен в Россию знаменитый немецкий ученый А. Гумбольдт, который совершил научную экспедицию на Урал и Алтай. Научно подготовленные письма министра и ученого друг другу опубликованы в книге: Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962.

⁴ Проекты архитектурных и инженерных сооружений, строившихся в Петербурге при Е.Ф. Канкрине, контролировались им лично. Это несколько мостов, здания Таможни и пакгаузов на Стрелке Васильевского острова, Ростральные колонны, Технологический

институт, Лесной корпус и др. По инициативе министра был разбит Александровский сад у Петропавловской крепости. Об интересе графа к строительству см., например: *Голубев П.И.* Записки петербургского чиновника старого времени // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 5. С. 48–49.

⁵ При содействии Е.Ф. Канкринна на средства государственного бюджета стали издаваться «Горный журнал», «Журнал мануфактур и торговли», «Коммерческая газета» (с 1825 г.); «Лесной журнал» (с 1833 г.), «Земледельческая газета» (с 1834 г.) и др.

⁶ Е.Ф. Канкрин награжден орденами Александра Невского (1824), Владимира I степени (1826), Белого Орла (1828), Андрея Первозванного (1832) и многими другими; с 1838 г. ему разрешено носить вензельное изображение имени Государя Императора на эполетах. Е.Ф. Канкрин возведен в графское достоинство Российской империи 22 сентября 1829 г.

⁷ Многие мемуаристы подчеркивают, что граф Канкрин, будучи этническим немцем, так полностью и не избавился от немецкого акцента. Это отмечают и П.М. Языков (Из записной книжки П.М. Языкова. I. О графе Е.Ф. Канкрине // Русский архив. 1867. № 3. Стлб. 393), и И.В. Селиванов (Е.Ф. Канкрин. (Из записок И.В. Селиванова) // Русская старина. 1880. Т. 29. Ноябрь. С. 748). Не раз говорит об этом В.П. Бурнашев. По его словам, Канкрин «своим немецким произношением» величал супругу Екатерину Захаровну, урожденную Муравьеву-Апостол, «Катрин Сахаровна» (<*Бурнашев В.П.*>. Воспоминания об эпизодах моей частной и служебной деятельности (1834–1850). М., 1873. С. 240). В.П. Бурнашев по ходу повествования даже в шутку называет Канкринна «патушка» (Там же. С. 356), так как графу было свойственно обращаться к подчиненным искаженным словом «багюшка».

⁸ «Его (Е.Ф. Канкринна. — С.З.) пристрастие к поэзии доходило до того, что когда под старость разговор заходил о его преемнике и перечислялись всевозможные кандидаты, он мысленно устранил некоторых из них, говоря, что они не могут быть хорошими министрами финансов, так как в поэзии ничего не смыслят» (*Сементковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. С. 68).

⁹ Практически ни одна работа о Е.Ф. Канкрине не обходится без упоминания образной речи графа. По словам Р.И. Сементковского, министр «так и сыпал образами, метафорами, меткими сравнениями и сопоставлениями. Сухая, отвлеченная речь была ему несвойственна» (*Сементковский Р.И.* Указ. соч. С. 68). Шутки и остроты Е.Ф. Канкринна в изобилии представлены в воспоминаниях. Например, как-то раз он прилюдно сказал одному из чиновников Министерства финансов: «Вы, батюшка, государственный вор!» (Егор Францевич Канкрин (Из записок И.В. Селиванова) // Русская старина. 1880. Т. 29. Ноябрь. С. 748). В разговоре с другим чиновником министр заметил: «Не подписывайте бумаг, не читая; та не позволяйте себе на носу пирульки точить!!!» (Записки петербургского чиновника старого времени (Петра Ивановича Голубева) // Русский архив. 1896. Кн. 2. С. 48).

¹⁰ О графе Канкрине см. следующие публикации XIX века (кроме тех, которые приведены в отдельных примечаниях): Граф Васильев, граф Гурьев и граф Канкрин // Иллюстрация. 1845. Т. I. № 24. 22 сентября. Раздел «Еженедельник». С. 375–376, без подписи; Последнее сочинение графа Е.Ф. Канкринна // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Март. № 3. Часть 49. Отделение 7. С. 43–35, без подписи; Воспоминание о графе Канкрине // Биржевые ведомости. 1861. № 120. 7 июня. С. 1–2, с подписью: Р.Ф.; *Висель Ф.Ф.* Воспоминания // Русский вестник. 1865. Т. 58. Август. С. 559–561; Взгляды русского министра первой половины XIX столетия. Граф Канкрин и его путевые заметки // Отечественные записки. 1866. Январь. Книжка 2. С. 271–288, с подписью: П.М.; <Петербург, 22-го апреля (3-го мая)> // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 108. 23 апреля (5 мая). С. 1–2, без подписи; Граф Е.Ф. Канкрин // Одесский вестник. 1866. № 187. 26 августа. С. 1, без подписи; Мысли, возродившиеся по поводу обсуждения графа Канкринна за некоторые его идеи // Русский. 1867. Лист 21 и 22. 5 июня. С. 345–352, с под-

писью: Н.Н.; *Любимов П.* В память графа Е.Ф. Канкрин // Петербургский листок. 1868. № 144. 12 октября. С. 1; № 146. 14 октября. С. 1; <Москва, 26-го ноября> // Московские ведомости. 1874. № 297. 27 ноября. С. 2, без подписи; Граф Егор Францевич Канкрин. Заметки одного из служивших при нем чиновников // Русская старина. 1883. Т. 39. Июль. С. 179–190, с подписью: Ф.А.Р.; *Дюгамель А.О.* Автобиография // Русский архив. 1885. Т. 23. № 2. С. 252–255; *Голубев П.И.* Записки петербургского чиновника старого времени // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 5. С. 47–49; 63–65; *Попов М.М.* Мелкие рассказы // Русская старина. 1896. Июнь. С. 598–599; *Затворницкий Н.М.* Столетие военного министерства. 1802–1902. Память о членах Военного совета: Портреты и биографические очерки. СПб., 1907. С. 49–60 и др.

¹¹ Вообще в последнее время усилился интерес исследователей к графу Канкрину. См.: *Семенкова Т.Г.* Е.Ф. Канкрин и финансы России // Финансы СССР. 1991. № 10. С. 40–44; *Катыхова Л.А.* Е.Ф. Канкрин и проблема протекционизма // Экономическая и общественная жизнь России Нового времени. Первые Дружининские чтения: Сб. докладов и сообщений. Т. I. М., 1992. С. 59–68; *Петшикина С.Н.* Министры финансов России XIX в. (краткие очерки о государственной деятельности). М., 1995; *Ружицкая И.* Граф Е.Ф. Канкрин // Преподавание истории в школе. 1996. № 3. С. 2–7; *Дема Е.* «Забытый» министр // Армейский сборник. 1997. № 10. С. 76–78; *Сенин А.* Егор Канкрин: «Я учил Россию не жить в долг» // Российская Федерация сегодня. 1999. № 2. С. 60–61; *Юровский В.Е.* Министр финансов Е.Ф. Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 140–145; *Степанов В.Л.* Е.Ф. Канкрин и развитие горного дела в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 41–60. См. также справочную литературу о графе Канкрине: Канкрин Георгий (Егор) Францевич // Государственные деятели России XIX — начала XX в.: Биографический справочник / Сост. И.И. Линьков, В.А. Никитин, О.А. Ходченков. М., 1995. С. 80–81; Канкрин // *Шикман А.* Биографический словарь-справочник. М., 2003. С. 257–259; Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг Даниил) // *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 276–279; *Степанов В.Л.* Канкрин // Большая российская энциклопедия. Т. XII. М., 2008. С. 725–726.

¹² М.М. Поднебесный — малоизвестный поэт, автор нескольких сочинений по экономическим вопросам и таможенный чиновник, в 1837 г. служивший в Петербургской таможне. Его перу принадлежит несколько стихотворений, которые были выпущены отдельными брошюрами: Стихи на сооружение памятника Александру Благословенному. СПб., 1832; Тальони — грация. Стихи. СПб., 1838; Мысли при гробе графа М.М. Сперанского [12 февраля 1839 г.]. Стихотворение. СПб., 1839. См. о М.М. Поднебесном: Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.: Плавильщиков — Примо. С. 199–200.

¹³ *Бобров Н.* Исторические воспоминания // Приложение к газете «Народное богатство». 1863. № 6 (июнь). С. 161.

¹⁴ *Поднебесный М.* На открытие великолепного таможенного здания, в Санкт-Петербурге. СПб.: В типографии Департамента внешней торговли, 1832. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 2–3.

¹⁶ *Поднебесный М.* Указ. соч. С. 3.

¹⁷ Разведке месторождений полезных ископаемых на Урале во многом была посвящена предпринятая при содействии Е.Ф. Канкрин экспедиция А. Гумбольдта. См. примечание 3.

¹⁸ *Поднебесный М.* Указ. соч. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 4.

²⁰ Там же. С. 4–5.

²¹ Христос изгнал торгующих из храма (Мат 21, 12; Мар 11, 15; Лук 19, 45; Иоанн 2, 14).

²² *Поднебесный М.* Прогулка на выставке российских изделий в Санкт-Петербурге 1833 года. СПб., 1833. С. 13–14.

²³ *Сын Отечества.* 1857. № 35. 31 августа. С. 845.

²⁴ В.Г. Бенедиктов в 1835 г. снискал сенсационную славу за первый поэтический сборник. Так, по воспоминаниям И.И. Панаева, «появление стихотворений Бенедиктова произвело страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в чиновничьем мире. И литераторы и чиновники петербургские были в экстазе от Бенедиктова. <...> Жуковский, говорят, до того был поражен и восхищен книжечкою Бенедиктова, что несколько дней сряду не расставался с нею и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашал воздух бенедиктовскими звуками» (*Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 72). Между тем сборник 1835 г. был развенчан начинающим тогда критиком В.Г. Белинским в статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (*Телескоп.* 1835. Ч. XXVII. № 11. С. 357–384).

²⁵ *Бенедиктов В.* Новые стихотворения. СПб., 1857. С. 33–36.

²⁶ *Сын Отечества.* 1857. № 50. 15 декабря. Раздел «Критика». С. 1230, без подписи.

²⁷ *Гербель Н.В.* Русские поэты в биографиях и образцах. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1888. С. 342.

²⁸ Там же. С. 339.

²⁹ *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. Л., 1983. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 435–436.

³⁰ Граф Канкрин, по словам И.В. Селиванова, «был чрезвычайно экономен или, пожалуй, даже скуп на государственные деньги» (Егор Францевич Канкрин (Из записок И.В. Селиванова) // *Русская старина.* 1880. Т. 29. Ноябрь. С. 749). Ему приписывают высказывание: «Да, батюшка, я — скряга на все, что не нужно» (*Семитковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. С. 56). В обзоре деятельности Министерства финансов за сто лет о финансовой политике графа Канкринина говорится: «Исходя из мысли, что задача управления состоит в экономическом подъеме страны, достигаемом посредством упрочения благосостояния отдельных лиц, Канкрин смотрел на государственные финансы как на обширное частное хозяйство и полагал, что то и другое должны подчиняться одинаковым правилам. В соответствии с этим он проводил в государственном хозяйстве начала бережливости в расходах, <...> осторожного пользования кредитом, строгого порядка в денежном деле и охраны промышленного труда от иностранного соперничества» (Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 193–194).

³¹ *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 436.

³² Там же. С. 436.

³³ См. примечание 7.

³⁴ *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 436.

³⁵ Поэтическая манера В.Г. Бенедиктова — его пристрастие к сложным неологизмам, стилистическая шероховатость — уже у современников поэта вызывала неоднозначную реакцию. В критике даже появился специальный термин — «бенедиктовщина», т.е., по словам Я.П. Полонского, «все то, что и побуждает людей с развитым литературным вкусом не признавать в нем (в Бенедиктове. — С.3.) таланта» (*Полонский Я.* Владимир Григорьевич Бенедиктов // Стихотворения В. Бенедиктова. Посмертное издание / Ред. Я.П. Полонский. СПб.; М., 1883. Т. I. С. XXXIV). В своем издании Я.П. Полонский даже составил «Алфавитный список слов, сочиненных В.Г. Бенедиктовым, видоизмененных или никем почти не употребляемых, — встречающихся в его стихотворениях» (Там же. СПб.; М., 1883. Т. I. С. XLV–XLVII). Еще раньше В.Г. Белинский в упоминавшейся выше (см. примечание 24) статье 1835 г. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» отметил, что «изысканность выражения всегда может служить верным признаком отсутствия поэзии» (*Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. I. С. 198).

³⁶ Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 436–437.

³⁷ С.А. Соболевский — известный библиофил, библиограф, автор целого ряда разносторонних в свое время эпиграмм, а также близкий друг А.С. Пушкина.

³⁸ Русский архив. 1897. № 10. С. 297–298. Обращаем внимание на сбой пагинации в этой книжке «Русского архива». На искомым страницах ошибочно указаны номера: 286–287.

³⁹ Соболевский С.А. Эпиграммы и экспромты / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1912. С. 51–52.

⁴⁰ Русский архив. 1897. № 10. С. 297.

⁴¹ Там же. С. 298.

⁴² См. об этом: Антонов Б.И. Мосты Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 105.

⁴³ Русский архив. 1897. № 10. С. 297.

⁴⁴ В первые годы жизни в России Е.Ф. Канкрин был настолько беден, что, как отмечают многие мемуаристы, вынужден был сам чинить себе платье и сапоги, а также отказаться от курения. (Кстати, в дальнейшем он, после соответствующего разрешения, курил даже в присутствии не терпевшего табачного дыма императора Николая I. См. об этом: Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897. С. 106.)

⁴⁵ Русский архив. 1897. № 10. С. 297.

⁴⁶ В периодической печати нередко появлялись критические высказывания о денежной реформе графа Канкрин и о созданной им финансовой системе, которая «вовсе не может считаться непогрешимой», так как «она рассчитана была исключительно для поправления обстоятельств того времени, без особенного внимания к ближнему будущему» (Муравьев С. Финансовая система графа Канкрин // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 89. 13 (25) апреля. С. 3). В том же году передовая статья газеты «Голос» (1866. № 260. 20 сентября (2 октября). С. 1–2, без подписи) рассказывает о вышедшей незадолго перед тем в Риге на немецком языке брошюре «Русские бумажные деньги. Финансово-исторический очерк с обращением особого внимания на нынешнее финансовое затруднение России». В этой брошюре последовательно проводится мысль, что граф Канкрин заменил бумажные деньги другими бумажными деньгами, которые называются здесь «гермафродитными бумагами»

⁴⁷ Русский архив. 1897. № 10. С. 297.

⁴⁸ Там же. С. 298.

⁴⁹ Там же. С. 298.

⁵⁰ С. 298. Шленские овцы — тонкошерстные овцы из Силезии (Шлезии), Германия, которых привозили в Россию для улучшения местных пород. См. об этом: Чернопатов И.Н. Исторический очерк развития тонкошерстного овцеводства в России и обозрение нынешнего положения его. М., 1873. С. 8, 40.

⁵¹ Русский архив. 1897. № 10. С. 298.

⁵² Там же. С. 298.

⁵³ Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. С. 62.

⁵⁴ Там же. С. 63. Два анекдота о преследовании графа Канкрин князем Александром Сергеевичем Меншиковым, членом Государственного совета, привел в своем сборнике 1895 г. Г.Ю. Гликсман (к сожалению, без указания источника). Вот они:

1. «Министр финансов, граф Канкрин, любил в свободные минуты играть на скрипке, но играл очень плохо.

В 1843 г., в бытность в Петербурге знаменитого Листа, государь на первом концерте спросил Меншикова, понравился ли ему Лист.

— Да, государь, — отвечал Меншиков: — Лист хорош, но, признаюсь, он мало действует на мою душу.

— Кто же тебе больше нравится?

— Мне больше нравится, когда Канкрин играет на скрипке».

2. «Осматривая однажды приготавливавшиеся к отплытию пароходы, Меншиков увидел матроса, несшего дрова, и спросил:

— Для чего это?

— Топить пароход для графа Канкринина.

— Э, братец! — сказал князь: — Ты лучше топи его, когда граф сядет» (Сборник исторических рассказов и анекдотов, извлеченных из 300 с лишком книг разных исторических журналов / Собрал и издал Г.Ю. Гликсман. Кишинев, 1895. С. 200–201).

⁵⁵ Новь. 1884. Т. I. № 4. 15 декабря. С. 611–628, с подписью: Н. Лесков.

⁵⁶ Лесков Н. Рассказы кстати. СПб.; М., 1886. С. 1–66.

⁵⁷ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. VII. СПб., 1889. С. 335–372.

⁵⁸ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. VII. М., 1958. С. 399.

⁵⁹ Например, О.А. Пржецлавский завершает свои воспоминания о графе Канкрине такой фразой: «В отношениях своих к подчиненным покойный министр был строго справедлив. Он умел выбирать людей и <...> в выборе исполнителей своих предначертаний руководствовался лишь пользою службы, не увлекаясь ни лежпатриотическим пристрастием, ни фамусовским фаворитизмом, этой вреднейшей стихией в организме государственного управления» (*Пржецлавский О.А.* Беглые очерки. Воспоминания // Русская старина. 1883. Т. 39. Август. С. 396). Р.И. Сементковский также отмечает: «Положение в свете, родственные или другие отношения им (Е.Ф. Канкриным. — С.3.) никогда не принимались во внимание. Он прямо шел к делу и обладал удивительным даром оценивать людей и вникать в их слова» (*Сементковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893. С. 36).

⁶⁰ По воспоминаниям П.А. Плетнева, те, кто проводил лето в Лесном, «конечно, еще помнят, с какою заботливостью, с какою любовью министр всегда сам занимался устройством этого, можно сказать, Канкринополя» (*Плетнев П.А.* Граф Е.Ф. Канкрин (11 марта, 1846) // Современник. 1846. Т. 42. С. 54).

⁶¹ Как свидетельствовал В.П. Бурнашев, «медики посоветовали ему (Е.Ф. Канкрину. — С.3.) непременно ежедневно проезжать версты две-три верхом маленькою рысцою или самым укороченным галопом, и император Николай I прислал ему одну из превосходно выезженных верховых лошадей придворной конюшни, почему граф Егор Францевич в своей высокой треуголке с белым султаном, в камелотовом зеленом сюртуке, с огромными очками на носу, стал ездить по Летнему салу и по Каменноостровскому проспекту ежедневно поутру и ввечеру» (Моя служба при Дмитрии Гавриловиче Бибикове (1828–1834 г.) // Русский мир. 1871. № 114. 30 декабря. С. 2, с подписью: Петербургский старожил В.Б.). Кстати, Н.С. Лесков в начале 1870-х гг. сотрудничал в газете «Русский мир», следовательно, наверняка знал эту публикацию. Впоследствии Н.С. Лесков написал о В.П. Бурнашове статью «Первенец богемы в России» (Исторический вестник. 1888. № 6. С. 562–564). Фрагмент этой статьи опубликован в книге: Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 36–37.

⁶² Об увлечении графа игрой на скрипке писали многие мемуаристы, например В.П. Бурнашев (Отрывок из воспоминаний о графе Е.Ф. Канкрине // Русский мир. 1872. № 42. 14 февраля. С. 2, с подписью: Петербургский старожил В.Б.). См. также анекдот, приведенный выше в примечании 54.

⁶³ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. VIII. М., 1958. С. 623.

⁶⁴ Н.С. Лесков писал: «Оба эти рассказа (“Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе” и “Путешествие с нигилистом”. — С.3.) несколько лет тому назад мною *выдуманы* <...>, но “Левшу” критики объявили историей, которая им будто давно известна» (*Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. Т. VII. С. 449).

⁶⁵ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. VII. С. 114.

⁶⁶ Там же. С. 451.

⁶⁷ См. об этом, например: *Лужановский А.В.* Документальность повествования — жанровый признак рассказов Н.С. Лескова // *Русская литература*. 1980. № 4. С. 144–150; *Дмитренко С.Ф.* Факт и вымысел в художественном сознании Н.С. Лескова // *Время и творческая индивидуальность писателя*. Ярославль, 1990. С. 49–58.

⁶⁸ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. VII. С. 431.

⁶⁹ Гражданин. 1884. № 8. 19 февраля. Раздел «Дневник». С. 22.

⁷⁰ Стихотворения В. Бенедиктова. Посмертное издание: В 3 т. / Ред. Я.П. Полонский. Т. I. СПб.; М., 1883; Т. II, III. СПб.; М., 1884.

⁷¹ Автором настоящей работы подготовлен комментарий к рассказу «Совместители» для издаваемого ныне Полного собрания сочинений Н.С. Лескова в 30 томах (М., 1996 и далее. На момент апреля 2009 г. вышло десять томов). См. также статью: *Зенкевич С.И.* Из комментария к рассказу Н.С. Лескова «Совместители» (Историческая деталь в художественной ткани произведения) // *Sciences and Humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук*. Лесковский палимпсест. Вып. 11. СПб., 2008. С. 85–92.

⁷² Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. III: Уставы о службе гражданской. СПб. Издание 1896 года. Книга 1: «Устав о службе по определению от правительства». Раздел 3: Об общих правилах и обязанностях гражданской службы». Глава 6: «Ограничения для лиц, состоящих на службе». Статьи 733–744. С. 172–174.

⁷³ См. также другие публицистические материалы, появившиеся вскоре после принятия закона 3 декабря 1884 г.: <С.-Петербург. 8-го декабря> // *Новости и Биржевая газета*. 1884. 2-е изд. № 330. 9 (21) декабря. С. 1, без подписи; В облаках и туманах «совместительства» // *Новое время*. 1884. № 3162. 15 (27) декабря. С. 1, без подписи; Вчера и сегодня. Краткая история 1884 года // *Новости и Биржевая газета*. 1885. № 1. 1 (13) января. С. 1–2, с подписью: Коломенский Кандид.

архимандрит Августин (Никитин)

Андрей Штольц — русский немец

Русско-немецкое Поволжье

И.А. Гончаров был одним из наиболее выдающихся наблюдателей феномена национального характера. Его романы «Обломов» и «Обрыв» представляют собою целую энциклопедию русских типов. Национальное у Гончарова объясняет поведение человека едва ли в меньшей степени, чем социальное¹.

Гончаров отразил вслед за другими русскими писателями реальную ситуацию в России, где «западный элемент» чаще всего был представ-

лен именно немцами, составившими особую этнокультурную группу под названием «русских немцев».

Большую роль играл при этом личный опыт писателя, чья жизнь прошла в Поволжье и Петербурге — двух регионах традиционного поселения русских немцев. В какой-то степени русские немцы оказались даже причастны к воспитанию Гончарова. В одной из своих автобиографий он писал: «Первоначальное образование в науках и языках, французском и немецком, получил в небольшом пансионе, который содержал в имении княгини Хованской, за Волгой, сельский священник, весьма умный и ученый человек, женатый на иностранке»².

В другой автобиографии поясняется, что, во-первых, эта иностранка была немкой, а во-вторых, именно она преподавала будущему писателю первые уроки французского и немецкого языков: «Здесь у жены священника, немки, принявшей Православие, он положил основание изучению французского и немецкого языков»³.

Воспоминания о годах обучения в пансионе были включены Гончаровым в роман «Обломов», но в измененном виде. Деревня Обломовка принадлежала, рассказывает автор, издавна роду Обломовых; рядом с ней лежало сельцо Верхлёво, которым владел богатый помещик, никогда не показывавшийся в своем имении. В этом имении управляющим был немец Штольц, открывший у себя пансион для обучения детей окрестных помещиков.

Так говорится в романе. А в пансионе Хованской, куда был отдан маленький Гончаров, учил не немец Штольц, а священник, воспитанник Казанской Духовной Академии, человек просвещенный и широко образованный. Священник княжеского имения напоминает верхлёвского старика Штольца. «Немец был человек дельный и строгий, как почти все немцы». Немцу Штольцу соответствовала немка (по девической фамилии Лицман), жена священника, учившая детей немецкому и французскому языкам. В этом пансионе Иван Александрович нашел у батюшки библиотеку и принялся усердно читать⁴. Очевидно, уже в этот период, на Волге, писатель увидел образцы «немецкого воспитания», основанного на привитии привычки к упорному и энергичному труду, а также к нравственной самостоятельности личности.

«Немецкий элемент» в русской жизни

Если вести речь о непосредственных личных впечатлениях Гончарова от русских немцев, то следует упомянуть, что их было достаточно много на всем последующем жизненном пути писателя: в университете, на службе, в кругосветном плавании, даже среди родственников (по ли-

нии жены его брата, Н.А. Гончарова). Особенно большое место в этом ряду занимают «остзейцы», которых писатель наблюдал во время службы в Петербурге, а впоследствии в период летнего отдыха, в течение нескольких лет, в Прибалтийском крае. На эти впечатления накладывались другие — непосредственно от Германии, куда он впервые попал в 1857 г. В «Слугах старого века» он пишет, например, о том, что «видал, как в Германии, с коротенькой трубкой в зубах, крестьяне пашут, крестьянки жнут в соломенных шляпках». Из всего этого вырабатывались представления писателя как о немецком национальном характере, так и о роли, которую играют в русской жизни немцы⁵.

Общий дух гончаровских размышлений о России определяется его представлением о ней как о стране огромных, но еще не разработанных возможностей, как о стране, еще только входящей в европейскую цивилизацию. Гончаров рад приветствовать все те внутренние силы, которые способствуют продвижению России к общеевропейской жизни, и наоборот, осуждает «застой, сон, неподвижность»⁶.

В этом смысле в национальном характере его интересует лишь определенная доминанта: способность человека быть работником, преобразователем жизни. Об этой доминанте он упоминает в статье «Лучше поздно, чем никогда», говоря об образе Штольца и о той роли, «какую играли и играют до сих пор в русской жизни и немецкий элемент, и немцы. Еще доселе они у нас учителя, профессоры, механики, инженеры, техники по всем частям. Лучшие и богатые отрасли промышленности, торговых и других предприятий в их руках. Это, конечно, досадно, но справедливо <...> Отрицать полезность этого притока постороннего элемента к русской жизни — и несправедливо, и нельзя. Они вносят во все роды и виды деятельности прежде всего свое терпение, *perseverance* (настойчивость, франц. — *Авт.*) своей расы, а затем и много других качеств...»⁷.

В письме к великому князю К. Романову, написанном из Дуббельна, Гончаров дополняет свои суждения: «Они <...> научат русских, нас, своим, в самом деле завидным племенным качествам, недостающим славянским расам — это **perseverance** во всяком деле <...> и **систематичности**. Вооружась этими качествами, мы тогда, и только тогда, покажем, какими природными силами и какими богатствами обладает Россия! Другому пока нам у остзейских культурхеров учиться нечему и занять ничего не приходится»⁸.

В русле приведенных рассуждений сравнение Обломова и Штольца в романе однозначно как сравнение «работника» и, условно говоря, «лентяя». Если Штольц является, по словам Гончарова, «образцом энергии, знания, труда, вообще всякой силы»⁹, то Обломов воплощает «лень

и апатию во всей ее широте и закоренелости как стихийную русскую черту»¹⁰. Соответственно, в Штольце представлены те черты, которых недостает «славянским расам».

Немецкая тема в русской литературе развивалась и в догончаровский период. Одни из примеров образ Бирона в «Ледяном доме» И.И. Лажечникова. Стоит напомнить и о Германе из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина. Н.В. Гоголь начиная с «Ганца Кюхельгартена» развивает в своем творчестве немецкую тему.

В «Невском проспекте» Гоголь дает традиционное восприятие немецкой методичности: «Шиллер был совершенный немец <...> Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский человек живет на фу-фу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого ни в каком случае не делал исключения <...> Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч, и это уже было так верно и неотразимо, как судьба...»¹¹.

До Гончарова в русской литературе бытовало, как правило, фольклорное изображение немца, часто с негативным оттенком. Гончаров был одним из первых отечественных писателей, кто сумел подняться над сугубо национальным восприятием проблемы русских немцев в русской литературе. Автор исторически верно оценивает вклад немцев в русскую цивилизацию.

Именно Гончарову принадлежит заслуга взвешенной, объективной, собственно исторической постановки вопроса о роли русских немцев в историческом развитии России. Впервые на сравнении способности русского человека и немца к деятельности на благо России строилась концепция русского романа, — причем автор, обладающий большой степенью национальной самокритичности, патриотизма и духовной свободы, решает вопрос в пользу немца, а не русского, — что не могло не породить бесчисленных обвинений в отсутствии патриотизма. А ведь Гончаров ставил перед русским человеком прямую задачу: учиться у немца, учиться, отбросив чувство национальной спеси, исторически сложившиеся обиды и т.д., — для будущего блага России.

«Немецкий элемент» в романе «Обломов»

«Племенные качества» Обломова и Штольца в романе сравниваются с разных сторон. Так, славянская «женская» натура Обломова отличается «ленивой грацией», пластичностью, мягкостью, созерцательностью, «голубиной нежностью», сердечностью, душевностью. Штолец выражает начало волевое и рациональное, порою рассудочное, деятельное. Обломов фаталист, Штолец — преобразователь. Обломов видит смысл

жизни и труда в отдыхе, Штольц — в самом труде. Обломов тянется к идиллии, к природе, Штольц — к обществу.

Достаточно широкий диапазон русского и немецкого национальных характеров с их общей полярностью в главном («душевность», «сердечность» — «воля», «рассудок») позволял романисту вести художественное исследование широкого круга философских вопросов путем поиска «меры», «золотой середины» между полярными крайностями¹².

В ходе сопоставления выявляются как сильные, так и слабые стороны обоих характеров. Совершенно очевидно, что в Штольце для автора недостает эстетической широты, пластичности, непосредственности, сердечности. Это особенно хорошо видно в некоторых авторских характеристиках Штольца (они широко известны), а также в описании восприятия немецкого национального склада русской матерью Андрея Штольца. Она *«не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предъявляет везде свои, тысячелетием выработанные бюргерские права, как корова носит свои рога, не умея, кстати, их спрятать»*¹³.

В романе постоянно переплетаются национальный и исторический планы оценки героев. С точки зрения национальных характеров, Штольц и Обломов имеют свои достоинства и недостатки. Автор, выдвигая идею гармонического человека, хотел бы, возможно, чтобы Штольц был более сердечным, душевным, а Обломов — более волевым и разумным. Писатель, разумеется, знал, как тяжело русскому сердцу пережить то, что иноземец выдвигает в качестве образца для подражания. Но может быть именно этого он и добивался, — досады, вызывающей действие, нравственной встряски? Может быть, считал болезнь слишком запущенной?¹⁴

В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров писал: «Но меня упрекали <...>, отчего немца, а не русского поставил я в противоположность Обломову? <...> Особенно, кажется, славянофилы — и за нелестный образ Обломова, и всего более за немца — не хотели меня, так сказать, знать. Покойный Ф. Тютчев однажды ласково <...> упрекая меня, спросил “зачем я взял Штольца!” Я повинился в ошибке, сказав, что сделал это случайно: под руку, мол, подвернулся! Между тем, кажется, помимо моей воли — тут ошибки собственно не было...»¹⁵.

Андрей Штольц: выбор имени

Ответственным этапом в истории создания всех гончаровских романов является работа писателя над именами героев. Одни из них определились сразу, другие — в результате довольно длительных раздумий и

колебаний автора. Выбор имени или фамилии героя, как правило, не бывает у Гончарова случайным. В плане творческой истории романа «Обломов» особый интерес вызывает процесс определения имени, отчества и фамилии Штольца.

Прежде всего, о чем должна говорить читателю фамилия героя, давшая название роману? Понять это тем более необходимо, что, как давно отмечено, фамилия друга и антагониста Обломова Штольца, переводится с немецкого словом «гордый». Что же противопоставляется в романе «гордости»? Ответ подсказывается самим текстом: конечно, это «голубиная нежность» Ильи Ильича¹⁶.

Быть может, не случайно также и его имя Андрей, прочно связанное в христианской традиции со святым Андреем Первозванным, т.е. намекающее на роль Штольца как пионера нового образа жизни. Существенно, что и фамилия предшественника Штольца (в черновой редакции романа) — Почаев (и тоже Андрей) также значащая. В.И. Даль (Словарь, т. 3, с. 370) так поясняет слово «починать»: «приступать к делу, браться за что, стать делать, положить чему начало»¹⁷.

В окончательном тексте полное имя Штольца встречается впервые в конце 3-й главы I части. Во всех прижизненных изданиях герой здесь назван не Андреем Ивановичем, а Андреем Карловичем. (В соответствующем месте рукописи Штолец именуется Карлом Михайловичем.) Проникшая в печатный текст авторская описка не случайна. Она объясняется достаточно полно отраженными в рукописи колебаниями Гончарова в именовании героя — антипода Обломова, тесно связанными с изменением общего замысла романа. На первых этапах работы в роли Штольца предполагался другой герой — Андрей Павлович Почаев (ср. позднюю заметку Гончарова на полях рукописи: «Почаев этот потом исчезает из романа — и вместо его является сам *Штолец*»).

По мере того как определялась роль этого героя в романе, происходила последовательная трансформация его имени и отчества. Отвечая на упреки критики и вопросы, «отчего немца, а не русского поставил я в противоположность Обломову?»¹⁸, Гончаров заметил: «Я вижу, однако, что неспроста подвернулся мне немец под руку — и, должно быть, тогда (я теперь забыл) мне противно было брать чисто немецкого немца. Я взял родившегося здесь и обрусевшего немца и немецкую систему неизнеженного, бодрого и практического воспитания»¹⁹.

Известно, что большая часть романа «Обломов» была написана в Германии — в мариенбадское лето 1857 г. Исследователи творчества Гончарова справедливо связывали указанный разноречивый в именовании героя с различными этапами работы Гончарова над романом. Так,

О.М. Чемена соотносит решение этого вопроса с проблемой датировки тех глав, где после устойчивого прежде «Андрей Иванович» писатель возвращается к уже отброшенному Карлу и Карлу Андреевичу. Исследовательница обращает внимание на письмо Гончарова от 15 (27) августа 1857 г. из Франкфурта на Майне, в котором автор «Обломова» сообщает: «Менее нежели в два месяца написано моей рукой 62 листа, и еще осталось закончить две последние сцены: прощание Обломова навсегда с приятелем и заключение, небольшую сцену, в которой досказывается, что случилось со всеми героями романа. Сцены набросаны и могли бы быть кончены в три-четыре присеста»²⁰.

Из данного сообщения можно, по всей вероятности, сделать вывод о том, что последние главы романа вчерне набросаны до Мариенбада. Этим обстоятельством легко объяснить и употребление на их страницах имени Карла Штольца²¹.

А в письме из Парижа от 25 августа (5 сентября) Гончаров замечает: «Я хочу поехать в Дрезден и поселиться там до октября, дописать последнюю главу романа, или две-три сцены и выработать, что успею, из написанного». В письме из Дрездена от 23 (11) сентября он сообщает: «Не знаю, удастся ли мне по крайней мере кончить здесь последнюю главу; здесь холода пошли, и в комнате руки костенеют, оттого работать и неприятно». 8 (20) октября 1857 г. Гончаров вернулся в Петербург²².

Андрей Штолец: выбор веры

Можно предполагать, что И.А. Гончаров не смог бы избежать обвинений в германофильстве, будь его герой Штолец «чистым немцем», да к тому же и протестантом. Так, современник писателя историк Н.И. Костомаров писал: «Вражда немецкого племени с славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости сведений наших мы не раз видим в отдаленной древности признаки давления немецкого племени над славянским»²³.

Таков был идеологический и литературный фон, на котором проявился образ Штольца. Вот почему полунемец Штолец в романе «Обломов» православный. В представлении писателя, вера и национальный менталитет, национальный язык органично между собой связаны. Вот как он пишет об этом имея в виду Штольца: «*Веру он исповедовал православную; природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах*»²⁴. Немецкий язык он наследовал от отца да из книг.

Любопытно отметить, что Штольц с восьми лет «разбирал по складам <...> библейские стихи и <...> с матерью читал священную историю»²⁵. Систематическое чтение Библии — неотъемлемый атрибут протестантизма: «Библия вводится в каждый дом, и многие поколения немцев, американцев, шведов будут потом вспоминать одну и ту же картину: старика отца вечером, раскрывающего Библию и читающего отрывок из нее собравшимся членам семьи»²⁶.

И если жизнь Обломова с самого детства цельна и неделима, то детство Штольца — это круг, разделенный надвое, где в одной половине Гердер, Виланд и библейские стихи, а в другой — разоренные с деревенскими мальчишками птичьи гнезда и писк галчат из кармана «среди класса или молитвы».

Известно, что протестантизм, абсолютизируя индивидуальность человека, полагает опыт ее самовоспитания в христианском духе. Именно так старался воспитывать Андрея Штольц-старший. Уроки такого рода сын получал еще в детстве: «*Отец спросил: готов ли у него перевод из Корнелия Непота на немецкий язык. — Нет, — отвечал он. Отец взял его одной рукой за воротник, вывел за ворота, надел ему на голову фуражку и ногой толкнул сзади так, что сшиб с ног. — Ступай, откуда пришел, — и приходи опять с переводом... без этого не показывайся!*»²⁷.

Повествуя об ученических годах Ильи Обломова, автор пытался ввести в круг его чтения историю Реформации. Реформация — широкое движение в Западной и Центральной Европе XVI в., положившее начало протестантизму; она началась в Германии с выступления Мартина Лютера в 1517 г. Но для Ильи Обломова эта тема была чужда. В первоначальной редакции 1-й части романа Гончаров писал: «*Что за пример ему какой-нибудь Карл V, Лютер, Фридрих Великий?*»²⁸.

Эта фраза в сжатом виде содержит описание целой эпохи, связанной с лютеровской Реформацией. Карл V (1500–1558) — испанский король Карлос I (1516–1519), император Священной Римской империи (1519–1556). Он пытался осуществить план создания единой европейской державы на основе католичества. Мартин Лютер (1483–1546), основоположник Реформации в Германии, боролся с Римско-Католической Церковью и подвергался преследованию по приказу Карла V. Тем не менее Реформация утвердилась в северных немецких землях и, в частности, в Пруссии. Фридрих Великий (Фридрих II; 1712–1786) — прусский король (1740–1786).

Так же неприемлема была для Ильи Обломова предложенная ему «История» Шрека («...*Живые физиономии тех людей, которых учил у Шрека и у других...*»): «*Он ужаснулся, посмотрев, что и сколько на-*

добно читать»²⁹. Иоганн Маттиас Шрек (Schrockh; 1733–1808) — немецкий историк, автор ряда трудов по истории Церкви (в том числе «Christliche Kirchengeschichte» (Leipzig, 1768–1803. Т. 1–35) и пользовавшегося большой популярностью изложения всемирной истории для детей: «Weltgeschichte für Kinder» (Leipzig, 1779–1784. Т. 1–6)³⁰

Немецкая книжность плохо усваивалась на русской почве: ее начисто отверг Илья Обломов; недостаточно хорошо воспринял ее и Андрей Штольц: *«С одной стороны Обломовка, с другой — княжеский замок, с широким раздольем барской жизни, встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрея ни доброго бурша, ни даже филистера <...> университет русский должен будет произвести переворот в жизни его сына и далеко отвести от той колеи, которую мысленно проложил отец в жизни сына»*³¹.

Противопоставление бурша (нем. Bursche — парень, малый, а также студент, принадлежащий к одной из студенческих корпораций) филистеру (нем. Philister — обыватель) приобрело в русской литературе 1820–1830-х гг. вослед немецкой устойчивый характер. Как отмечает современная исследовательница, «обращаясь к немецким источникам этого немецкого слова (филистер), мы прежде всего сталкиваемся с общепринятым ныне смыслом слова — “обыватель”. Исторически philister — это филистимлянин (совр. палестинец) немецкой Библии Лютера, т.е. враг, иноплеменник, некто негативный. Слово приобрело внебиблейский смысл в 1693 г., когда горожане, бюргеры, убили в Иене буйного студента, а пастор Гётце на его похоронах, пользуясь естественной для протестанта ветхозаветной лексикой, обозвал враждебных студентам мещан филистерами (бюргеры для студентов были тем же, чем библейские филистимляне для иудеев). Слово вошло в студенческий лексикон, обозначая что-то недостойное, низкое, стоящее за пределами их корпоративного союза»³².

В литературной традиции противопоставление буршей филистерам характерно для Ф. Шиллера, Э.-Т.-А. Гофмана и др. Сходно также высказывание о филистерах В.Г. Белинского: «...толпа есть собрание людей, живущих по *преданию* и рассуждающих по *авторитету*, другими словами — из людей, которые “Не могут сметь / Свое суждение иметь”. Такие люди в Германии называются *филистерами*, и пока на русском языке не приищется для них учтивого выражения, будем называть их этим именем»³³.

С самого детства Андрей ни отцом, ни даже — разумно и осмысленно — матерью по-настоящему понят так и не был. Рано осознав понимание как проблему взаимоотношений, Штольц волей-неволей принужден

был двигаться к ее решению самостоятельно. А после кончины матери Штольц, хотя и оставался православным, по сути дела, выражал со всей очевидностью протестантский менталитет. Изведать же глубину непонимания до дна ему привелось при прощании с отцом. В эти минуты ни тот, ни другой (правда, каждый по-своему) не смогли бы вразумительно объяснить, зачем Андрей покидает родной угол: *«А отчего нужно ему в Петербург, почему не мог он остаться в Верхлёве и помогать управлять имением, — об этом старик не спрашивал себя; он только помнил, что когда он сам кончил курс учения, то отец отослал его от себя. И он отослал сына — таков обычай в Германии. Матери не было на свете, и противоречить было некому»*³⁴.

Христианская этика труда

В 1862 г. И.А. Гончаров писал своему племяннику: «Ты теперь в полунемецкой стороне: учись там трудолюбию, честному и серьезному пониманию жизни, педантической строгости и исполнения долга, занимай у них ученость»³⁵.

Категория «труда» столь важна в гончаровских религиозных воззрениях как категория любви, что ее значение трудно переоценить. В сущности, труд есть в известном смысле форма выражения любви — человека к человеку, к обществу, к Богу. По мысли писателя, Бог наделяет людей своими «дарами», а люди возвращают ему «плод брошенного им зерна» (т.е. «долг»), преобразуя и украшая землю. С религиозной точки зрения труд у Гончарова есть реальное общественное выражение веры человека в Бога, «действие после понимания»³⁶.

Следованием традиционным православным догматам не исчерпывается религиозная позиция Гончарова. Оставаясь, причем твердо и принципиально, «младенцем» в вопросах веры, романист в то же время не отрицал таких понятий, как «цивилизация», «наука», «культура», «прогресс», «общественное устройство», «комфорт» (т.е. весь либерально-западнический набор ценностей). Гончаров не считал, что жизнь земная является лишь подготовкой к жизни небесной. Путь ко Христу не исключал для него понятия истории, прогресса, цивилизации, а, напротив, включал их в себя. В этом смысле «герои-цивилизаторы» в гончаровских романах (например, Петр Адуев, Штольц) воплощают для автора одну из важных сторон христианской этики, они по-своему «возвращают Богу плод брошенного им зерна».

Духовное совершенство человека предполагает у Гончарова акцент не столько на аскезе, сколько на преобразующей деятельности человека. Историческое творчество, труд — вот те приоритеты, которые дороги

Гончарову в христианской этике. Идея «труда» постоянно при этом соседствует у Гончарова с идеей «красоты»³⁷.

Эту мысль писатель развивает в романе «Обломов», в котором Гончаров в образе главного героя показал «воплощение сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни — переползания из дня в день...»³⁸, уличал старое общество в дремоте. Образцом ума, силы, умения управлять собой является Андрей Штольц. Своему герою Штольцу автор передает собственные мысли о назначении и роли человека в обществе, о важности гражданского служения «пока станет сил», потому что России нужны «руки и головы для разработки неисчерпаемых источников». Устами Штольца писатель проводит чрезвычайно важную мысль о необходимости единения «практических способностей с тонкими потребностями духа». Под «практическими способностями» Гончаров понимал умение находить прямое дело, выполнять его несмотря ни на какие трудности и препятствия, стремиться к намеченной цели и достигать ее³⁹.

В «Обломове», рисуя Штольца, Гончаров хотел представить новый положительный тип русского прогрессивного деятеля, совмещающего в себе как самые лучшие западнические тенденции, так и русскую духовную глубину. В статье «Лучше поздно, чем никогда» писатель подчеркнул: «Я взял родившегося здесь и обрусевшего немца и немецкую систему неизнеженного, бодрого и практического воспитания»⁴⁰. В образе Андрея Штольца Гончаров хотел показать человека земного, реального и вместе с тем высоко одухотворенного, чуждого любой ограниченности.

Штольца всегда неизменно противопоставляли Обломову, хотя и различно в разные времена оценивали штольцевскую немецкую деловитость, практицизм, ровность внутренних движений. Для Штольца невозможен вопрос Обломова: а жить когда? Это для Обломова труд и скука суть синонимы, потому что все-таки Обломов способен догадаться, что труд, какой ему навязывают, чаще всего лишь пустая суетность. Для него нужна хоть какая-то видимость цели, пусть и весьма заурядного свойства. Примечательный диалог состоялся у Обломова со Штольцем:

— *Так когда же жить?* — <...> *возразил Обломов. — Для чего же мучиться весь век?*

— *Для самого труда, больше ни для чего. Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей*⁴¹.

Отсюда видно, что Обломов богаче духовной чуткостью, зато у Штольца больше жизненной стойкости. Штольц реалист — до мозга костей. В людях такого склада душевности порою недостает. Вообще они размеренны и теплохладны. Они честны, но строят свою жизнь в той системе, где Бог есть ровно настолько, насколько необходимо для

благопристойного соблюдения нужных обрядов и успокоения души некоторою видимостью духовных потребностей. Они не терзаются возможностью отыскать цель в жизни, ибо давно устоялись во мнении о такой цели. И хоть сам Штольц по вероисповеданию православный, на то ведь и обрусевший, а протестантский по сути тип мышления и миропонимания хранит он в себе крепко⁴².

В то же время вопрос о православии Штольца, православии с некоторым оттенком протестантизма, должен быть предметом более углубленного и специального изучения. Вот как оценивает эту проблему современный исследователь Владимир Холкин: «Что же касается до *сухого, деловитого протестантизма* Штольца, то это скорее одна из давних принадлежностей упрощенного мифа “русский немец Штольц”, чем черта литературно реального персонажа. Да и присутствие в его жизни “протестантизма” как прямого и сознательного *confession de foi*, представляется все-таки сомнительным. А бытующее утверждение о беспощадной идейности его жизненного кодекса, рассмотренное одновременно в зеркале терпеливых усилий образовать Обломова и суровой протестантской морали, — просто неверно.

Тут стоит оговориться. Дело в том, что религиозные вопросы не занимают сколь-нибудь специально ни автора, ни его героев, к тому же повседневная жизнь их органично протекает внутри православной культуры. Протестантизм же, если все же допустить, что он исповедуется Штольцем, то единственно как кодекс поведения и дисциплины мысли. Поведения характерно морального, а не специфически духовного»⁴³.

А вот вывод другого автора, рассматривавшего данный вопрос: «В подобном отношении к труду, учитывая западничество Гончарова, можно услышать отзвуки протестантской этики»⁴⁴.

Штольц — «гордый»? Pro et contra

Как уже было отмечено, Гончаров сознательно давал своим героям «говорящие» имена и фамилии. К подобному приему И.А. Гончаров прибегает и в случае с Андреем Штольцем. В Евангелии от Иоанна читаем свидетельство: «Одним из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: “Христос”. И привел его к Иисусу» (Иоанн, 1, 40–42).

Андрей Первозванный особо почитался в России; согласно преданию, он посетил берега Днепра, освятив таким образом будущую Киевскую Русь. (Орден Андрея Первозванного — высший по своему статусу; Андреевский флаг — честь и слава российского флота.) Каким же

образом сочетается «сакральное» имя Андрей с антиномичной по сути фамилией Штольц (от нем. *Stolz* — гордый)?

На страницах романа Андрей Штольц появляется всегда в одной роли — проповедника. Он учит Обломова, постоянно указывая ему: вот дорога, вот путь, — выполняя при Обломове «роль сильного». Как отмечает В. Холкин, «представляется, что опека и поддержка Обломова — это не столько заповеданный протестантским воспитанием удел Штольца, сколько его самостоятельное духовное желание. Более того, это нескудеющее желание помочь не только наставлением, но и чувством, выручать не только добрым словом, но и добрым делом кажется потребностью, присущей Андрею не как сверстнику Ильи по возрасту, а как сверстнику по душе»⁴⁵.

Все это вместе взятое наполняет как будто бы положительным, позитивным образ Штольца. И все же есть в романе момент, который ставит под сомнение его идеальность, избранность. Описывая особенности характера своего героя, Гончаров едва ли не восхищается им и восклицает: «Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!»⁴⁶.

Но вот как трактует эту фразу современный исследователь Е.В. Уба: «Выражение это — не что иное, как перефразированное евангельское свидетельство о явлении лжепророка: “...берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить, что это Я, и многих прельстят” (Мрк. 13, 5). Если “наложить” библейскую и гончаровскую фразы друг на друга, получится результат, которого, возможно, не ожидал и сам Гончаров»⁴⁷.

«Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами».

«Многие придут под именем Моим».

При таком прямом соотнесении получается, что «многие», под которыми и подразумевались в Библии лжепророки, — это Штольцы, и назовутся они, дабы им поверили безоговорочно, как Богу, «русскими именами». При этом параллель «под именем Моим» — «под русскими именами» подчеркивает святость, незыблемость, «коренное» русского. Иными словами, пророчество Штольцев — это не совсем то, что нужно русскому человеку, русскому прогрессу. Еще одно библейское пророчество гласит: «...не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Иоанна, 4, 1). Не все в Андрее Штольце, при всем том позитивном, что вложил в него писатель, «от Бога».

Андрей Штольц (нем. «гордый»), одержимый миссией проповедника, впадает в грех гордыни и свой «горделивый ум» почитает главной истиной жизни. Первое послание к коринфянам св. апостола Павла гла-

сит: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным <...> Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом <...> Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1 Кор., 3, 18–20).

Оценка, которую дает Е.В. Уба Андрею Штольцу, развивает «антинемецкую» линию дореволюционной критики романа «Обломов». Вот типичный ее образец: «Неужели же в этом Штольце должны мы признать свежую натуру, идеал, к которому стремится русская жизнь? Неужели это образец лучшей части нашего молодого поколения, представитель нашего будущего общества? — вопрошал А. Милюков. — Если бы нам предстояло сделать выбор между Обломовым и Штольцем, то, несмотря на жалкую апатию сонного тьюфяка, мы скорее остановились бы на нем, чем на этой холодно-приличной, отталкивающей личности, которая вечно резонирует и с высоты какого-то пуританского величия смотрит на русскую жизнь. В этой антипатичной натуре под маской образования и гуманности, стремления к реформам и прогрессу скрывается все, что так противно нашему русскому характеру и взгляду на жизнь. В этих-то “штольцах” и таились основы гнета, который так тяжело налег на наше общество. Из этих-то господ выходят черствые дельцы, которые, добиваясь выгодной карьеры, дают все, что ни попадется на пути, предводители марширующей и пишущей фаланги, готовые ранжировать людей, как вещи на своем письменном столе»⁴⁸.

Вывод, сделанный тем же критиком, категоричен: «Неужели же в самом деле в Штольце олицетворена благородная личность нашего времени, здоровый организм нашей эпохи? Нет! Отвергая смысл жалкой и карикатурной *обломовщины*, мы еще больше не признаем идеального значения этой холодной *штольцовщины*!»⁴⁹.

А вот «голос из хора» противоположного литературного лагеря. «В Штольце выражена идея прогресса, как в человеке, по замыслу автора, соединяющем в себе немецкую аккуратность и русскую размашистость, немецкую суровую настойчивость и русскую сердечную мягкость, немецкий идеализм и русскую практичность, — пишет В. Азбукин. — Штольц олицетворяет собою широкую деятельность, предприимчивость, натуру живую, здоровую, с развитым практичным умом, с которым не было в разладе доброе чувствительное сердце, натуру, у которой слово было уже делом, в чем автор хотел представить идеал, имеющий осуществиться в русской жизни из новых ее начал, под немецким влиянием»⁵⁰.

Здесь же можно привести слова известного в свое время публициста Д.Н. Овсяннико-Куликовского: «Рядом с изображенной Гончаровым без-

надежной обломовской спячкой и глубокими залежами обскурантизма, тогда почти нетронутого, Штольц должен быть признан явлением, в свое время прогрессивным»⁵¹.

Как сочетать несопоставимые доводы *pro et contra*? Это вполне возможно, если в жизненной активности Андрея Штольца не видеть элемент исключительно немецкий, так же, как в барской обломовской бездельности — элемент коренной русский. К тому же следует учесть, что отмена крепостного права (1861 г.) сняла часть вопросов, поставленных Гончаровым, — ведь время романа «Обломов» — 1830-е годы — эпоха «николаевской реакции». С тех пор многое изменилось, и это позволило по-новому оценить позиции гончаровских персонажей. «Давно уже разные “штольцы” твердят, что русский человек спит непробудным сном и не способен ни к какому серьезному труду; давно привыкли мы видеть, как сваливают извне привитую нам апатию на самую натуру и характер нашего народа, — отмечал А. Милюков в 1875 г. — Не в первый раз придется нам слышать, что “беспечность есть стихия русского человека, и он не находит для себя ничего лучшего, кроме покоя и недеятельности”. Но кто во всем нашем современном обществе видит одну только “обломовщину”, тому мы укажем на Петра, Ломоносова, Дашкову, Пушкина, — и они ответят за нас, что если и было что-нибудь общее между “обломовщиной” и старой Русью, то теперь преобладающие элементы в новой жизни нашей вовсе не напоминают уже ни беспробудной апатии Обломова, ни беспредметной и холодной деятельности его пресловутого друга»⁵².

Осознавая своеобразие русской цивилизации, русской культуры, И.А. Гончаров размышлял о взаимоотношениях общечеловеческого и национального начал. «Национальные ментальности, — отмечает Е. Краснощекова, — понимались писателем как подвижные, а не застывшие, закоренелые структуры. Способность к движению и обогащению достижениями других народов (воспитанию в самом широком смысле этого слова) — залог процветания нации»⁵³.

После выхода в свет романа «Обломов» «западник» Гончаров стал объектом критики со стороны славянофилов. Отвечая на упреки своих литературных противников, писатель выражал надежду на то, что «славянофильство, оставаясь тем, чем оно есть, т.е. выражением и охранением коренного славяно-русского духа, нравственной народной силы и исторического характера России, будет искреннее протягивать руку к всеобщей, т.е. европейской культуре: ибо если чувства и убеждения национальны, то знание — одно для всех и у всех»⁵⁴.

Примечания

¹ Мельник В.И. «Русские немцы» в жизни и творчестве И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск. 1994. С. 102.

² Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 221.

³ Там же. С. 225.

⁴ Ляцкий Е.А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. СПб., 1912. С. 61.

⁵ Мельник В.И. Указ. соч. С. 103–104.

⁶ Гончаров И.А. Указ. соч. С. 80.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 137. № 64. Цит. по: Мельник В.И. Указ. соч. С. 104–105.

⁹ Гончаров И.А. Указ. соч. С. 80.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Л., 1938, Т. 3. Повести. С. 41–42.

¹² Мельник В.И. Указ. соч. С. 109–110.

¹³ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4. Роман «Обломов». С. 154.

¹⁴ Мельник В.И. Указ. соч. С. 111.

¹⁵ Гончаров И.А. Собр. соч. ... С. 80–81.

¹⁶ Гейро Л.С. История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И.А. Обломов: Роман в четырех частях / Изд. подгот. Л.С. Гейро. Л., 1987. С. 535. («Лит. памятники»).

¹⁷ Там же. С. 535.

¹⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. ... С. 80.

¹⁹ Там же. С. 81.

²⁰ Гейро Л.С. Указ. соч. С. 602. Полный текст письма и место хранения автографа в настоящее время неизвестны. Отрывок из письма (без обращения и упоминания адресата в тексте) опубликован Л. С. Утевским в его книге «Жизнь Гончарова» (М., 1931, С. 112–113).

²¹ Гейро Л.С. Указ. соч. С. 603.

²² Там же С. 602.

²³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 1. СПб., 1873. С. 154.

²⁴ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... С. 152.

²⁵ Там же.

²⁶ Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 103.

²⁷ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... С. 153.

²⁸ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... СПб., 2003. Т. 5. С. 104.

²⁹ Там же. С. 105.

³⁰ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... СПб., 2004. Т. 6. С. 591, примеч.

³¹ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... Т. 4. С. 157–158.

³² Телетова Н.К. «Душой филистер геттингенский» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 206.

³³ Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1976–1982. Т. III. С. 442.

³⁴ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... Т. 4. С. 158.

³⁵ Цит. по: Ремизов Николай, свящ. Иван Александрович Гончаров в религиозно-этических и социально-общественных воззрениях своих произведений. Харьков, 1913. С. 32.

³⁶ Мельник В.И. О религиозности И.А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 211.

³⁷ Мельник В.И. И.А. Гончаров как религиозная личность (биография и творчество) // Studia Slavica Hung. Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1995. Т. 40. Р. 25–26.

³⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. ... С. 78.

³⁹ Малыгина Т.В. Эволюция «идеальности» у Гончарова // И.А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 221–222.

⁴⁰ Гончаров И.А. Собр. соч. ... С. 81.

⁴¹ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем ... Т. 4. С. 182.

⁴² Дунаев М.М. Обломовщина духовная, душевная и телесная // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 123.

⁴³ Холкин В. Андрей Штольц: поиск понимания // Континент 134. Париж; Москва, 2007. № 4, октябрь — декабрь. С. 445.

⁴⁴ Мельник В.И. О религиозности И.А. Гончарова... С. 211.

⁴⁵ Холкин В. Указ. соч. С. 442.

⁴⁶ Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем... Т. 4. С. 164.

⁴⁷ Уба Е.В. Имя героя как часть художественного целого (по романной трилогии И.А. Гончарова) // И.А. Гончаров: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 203.

⁴⁸ Милоков А. Отголоски на литературные и общественные явления: Критические очерки. СПб., 1875. (Статья «Русская апатия и немецкая деятельность». («Обломов», роман Гончарова). С. 22.

⁴⁹ Там же. С. 24.

⁵⁰ Азбукин В. И.А. Гончаров в русской критике (1847–1912). Орел, 1916. С. 111.

⁵¹ [Овсяннико-Куликовский Д.Н.] // Вестник воспитания. 1904. № 8, 9.

⁵² Милоков А. Указ. соч. С. 29.

⁵³ Краснощекова Е. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 173.

⁵⁴ Гончаров И.А. Собр. соч. ... С. 82.

О.А. Кривдина

Несколько аспектов творческой биографии скульптора А.Р. фон Бока (1829–1895)

Из российских скульпторов, имевших немецкое происхождение, значительный интерес представляет Александр Романович фон Бок. Он родился 7 (19) июня 1829 г. близ Дерпта (так назывался г. Тарту в Эстонии в 1224–1893 гг., до 1224 г. — г. Юрьев). Обращаясь к историческому прошлому, скажем, что на этой территории располагалось Дерптское епископство — государство в Ливонии, всецело зависевшее от Ливонского ордена в 1224–1558 гг. В начале Ливонской войны, после взятия

русскими войсками Дерпта, оно было ликвидировано. Предки фон Бок имели древние ливонские корни и гордились баронским титулом, обозначавшимся перед фамилией приставкой «фон».

Молодой Александр фон Бок обучался с 1850 г. в Императорской Академии художеств в скульптурном классе под руководством барона П.К. Клодта фон Юргенсбурга. Первый значительный успех пришел к нему в 1853 г., когда была получена малая серебряная медаль. Этот успех был закреплен в 1854 г. — скульптор награжден уже большой серебряной медалью. Известно, что в 1855 г. он получил малую золотую медаль за рельеф «Милосердие Самарянина», а в 1856 г. — большую золотую за вылепленный им рельеф «Распятие Господа» («Распятие Христа Спасителя» или «Голгофа»), отлитый из гипса, и по данным, сообщенным в каталоге «Императорская Академия художеств. Музей. Русская скульптура» С.К. Исаковым¹ этот рельеф был помещен над входными дверями в академическую церковь св. Екатерины. За этот рельеф Бок получил звание классного художника. Впоследствии, в 1941 г., рельеф был передан в собрание скульптуры Русского музея².

В 1858 г. фон Бок был отправлен за границу в качестве пенсионера Императорской Академии художеств, он должен был не только повышать свое профессиональное мастерство, но и выполнить достойные награждения произведения. Он посетил Германию, Францию и до 1864 г. обучался в Италии, большую часть времени посвятив изучению работы в мраморе. За итальянский период были созданы многочисленные работы, в числе которых «Надежда», «Амур с голубками», «Вакханка с Амуром», «Вакханка, просящая у Фавна вина». В этих произведениях скульптор демонстрирует отличное знание современной итальянской скульптуры и выступает достойным конкурентом признанным итальянским мастерам.

За самые выразительные статуи «Амур» («Амур, отпускающий мотылька на волю», мрамор, 1862) и «Психея» (мрамор, 1864), также созданные в Италии, фон Бок был признан в 1864 г. профессором скульптуры, минуя звание академика. Надо обратить особое внимание на этот факт, так как Совет Академии художеств исключительно редко нарушал правила, предусмотренные уставом. Вспомним аналогичный случай, произошедший с М.М. Антокольским в 1871 г., когда он получил, минуя звание художника, сразу же звание академика. Надо сказать, что и в том, и в другом случае эти экстраординарные решения были приняты Советом Академии художеств после решений императора Александра II, распорядившегося о приобретении произведений Бока и Антокольского в императорскую коллекцию.

В следующем, 1865, году Бок был назначен профессором-преподавателем на место умершего 4 декабря 1864 г. профессора скульптуры Н.С. Пименова. Отметим, что «Амур» и «Психея» до 1898 г. находились в императорском собрании русской скульптуры в Эрмитаже³, откуда были переданы в Русский музей императора Александра III⁴.

В 1883 г. фон Бок становится профессором 1-ой степени. С введением нового устава Академии художеств он вышел в отставку, с честью и достоинством прослужив в Академии художеств тридцать лет, обучая несколько поколений русских скульпторов.

Кроме изящных станковых произведений, Бок работал в области монументальной пластики. В 1860 г. он принимал участие в конкурсе, объявленном Академией художеств на памятник Екатерине II для сада перед Царскосельским дворцом. Его конкурентами были Д.И. Иенсен, Р.К. Залеман, М.О. Микешин и др., предпочтение было отдано проекту Микешина.

21 июня 1870 г. в Варшаве был торжественно открыт памятник князю И.Ф. Паскевичу-Эриванскому, над осуществлением которого Бок работал с 1865 г. Уменьшенная бронзовая модель памятника, установленно-го в Варшаве, до поступления в Русский музей хранилась в Эрмитаже, а ранее — в семье Паскевичей, что подтверждает каталог фамильной коллекции, изданный в 1885 г.⁵ Перед нами достаточно точное повторение утраченного памятника, включающее не только фигуру Паскевича⁶, но и пьедестал с барельефами, в которых нашли отражение «исторические» события военной карьеры генерал-фельдмаршала («Взятие крепости Эривань в 1827 г.», «Штурм Воли в 1831 г.», «Встреча в Варшаве императора и наследника престола в 1840 г.»).

История создания, установки и уничтожения памятника достаточно подробно рассматривалась в польских источниках⁷. Документы петербургских архивов рассказывают следующее: в октябре 1856 г. в связи с кончиной И.Ф. Паскевича императору Александру II был показан эскиз памятника, сделанный директором Варшавской художественной школы Волковым. Этот проект вызвал множество «высочайших» поправок, согласно которым Паскевича следовало представить «без каски, в фельдмаршальском мундире, каска у ног, накинуть пальто или шинель; на пьедестале с одной стороны герб, с другой — титул и лета, с двух прочих достопримечательнейшие эпохи его военной жизни»⁸.

Александр II вникал в каждую деталь будущего монумента, требуя то изменить сюжет конкретного барельефа, то переработать позу героя, «чтобы в самой статуе руки были сложены и сообразно портрету князя Варшавского, писанному живописцем Крюгером и на-

ходящемуся в галерее фельдмаршалов» в Зимнем дворце⁹. Договор на сооружение памятника был заключен с Н.С. Пименовым в 1857 г. В одном из условий говорилось: «По вышепоименованному проекту обязуюсь я, Пименов, исполнить окончательную модель из гипса в малом виде всего монумента для всеподданнейшего представления оной на Высочайшее рассмотрение Его Императорского Величества»¹⁰. Два подготовительных рисунка к памятнику Паскевича хранятся в собрании ГРМ.

После смерти Пименова над завершением памятника и его установкой в Варшаве перед дворцом наместника на Краковском Предместье работал А.Р. фон Бок, сменивший Пименова на посту профессора-преподавателя скульптурного класса Императорской Академии художеств. Модель памятника Паскевича, показанная им в 1869 г. на академической выставке, получила высочайшее утверждение. Отливка памятника производилась известной петербургской фирмой «Никольс и Плинке». Открытие монумента состоялось в присутствии Александра II 3 июля 1870 г. Памятник был поставлен перед дворцом наместника, на том самом месте, где в свое время предполагалось воздвигнуть монумент польскому генералу Йозефу Понятовскому (1763–1813). Конная статуя последнего, сделанная по модели Б. Торвальдсена, не была установлена сразу по своем завершении — в связи с событиями 1831 г. это стало практически невозможным. Монументальное произведение знаменитого датского мастера Николай I решил подарить И.Ф. Паскевичу, руководившему подавлением польского восстания и назначенному наместником «усмиренного» Царства Польского. Памятник Й. Понятовскому был вывезен в гомельское имение Паскевича, где находился вплоть до 1922 г. В следующем году его вернули в Польшу и торжественно установили на месте разрушенного в годы Первой мировой войны памятника Паскевичу. Вторая мировая война, в свою очередь, привела к гибели бронзовой статуи Понятовского (1944), однако сохранившаяся в Копенгагене авторская модель позволила сделать новый отлив и восстановить тем самым утраченный памятник (1952). Привезенный в Варшаву, он сначала был поставлен в Лазенках, а с 1965 г. занял свое нынешнее место, которое было предназначено для него уже в 1815 г. и на котором более 60 лет стоял памятник И.Ф. Паскевичу.

Бок — автор известной группы «Минерва»¹¹. В 1875 г. был объявлен конкурс на создание композиции для купола здания Императорской Академии художеств, победителем был признан Бок. Созданная им группа изображала богиню Минерву — покровительницу изящных искусств — в окружении маленьких детей с атрибутами живописи, скульп-

птуры и архитектуры. В 1877 г. отлитая из бронзы группа была показана на выставке в Академии художеств и получила общественное одобрение. В отличие от уменьшенной модели, где черты лица Минервы идеализированы, статуе, выполненной в большом масштабе, скульптор придал портретное сходство с императрицей Екатериной II — покровительницей Академии художеств. Гипсовая модель в натуральную величину хранится в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств (НИМ РАХ)¹². С 1885 г. «Минерва» венчала купол здания Академии художеств, она погибла во время пожара в 1900 г. С 2003 г. вновь отлитая из бронзы аллегорическая композиция, точно воспроизводящая модель Бока, возвышается на куполе Академии художеств.

20 мая 1885 г. в Смоленске был открыт памятник М.И. Глинке (бронза, гранит), созданный по модели Бока. На торжественном открытии присутствовали композиторы Чайковский, Танеев, Аренский, Балакирев¹³. Скульптор представил Глинку, стоящим в рост, с дирижерской палочкой в руке, как бы прислушивающимся к звукам музыки. Бок стремился точно передать портретное сходство. На постаменте размещена надпись: «Глинке — Россия. 1885», обрамленная венком. Вокруг памятника была установлена чугунная решетка, выполненная по проекту И.С. Богомолова. В ее рисунок были включены нотные строки опер «Жизнь за Царя», «Руслан и Людмила», «Князь Холмский», а также перечислены главные произведения Глинки. В числе монументальных произведений второй половины XIX в. статуя Глинки, выполненная Бокм, занимает значительное место и, будучи созданная первой, не уступает в своем художественном решении петербургскому памятнику, отлитому по модели скульптора Р.Р. Баха и открытого в 1906 г.

С.К. Исаков в своем каталоге перечислил те произведения Бока, которые находились в музее Академии художеств в 1915 г.

«Голова фавна», высеченная из мрамора, подписанная и с указанием даты — 1878 г. В год создания эта работа приобретена для музея Академии от автора за 500 руб.

«Тимофей Андреевич фон Нефф» — гипсовый портрет профессора живописи, прославившегося образами святых для Исаакиевского собора. Портрет подписанной и с указанием даты — 1877 г. Приобретен у автора в 1880 г. за 200 руб.

«Занозил ногу» — мраморная статуя. Приобретена Академией художеств в 1884 г. от автора за 1500 руб.

«Венера с амуром» — гипсовая статуя, подписанная с указанием даты — 1889 г. Видимо, допуская ошибку, Исаков указывает, что приобретена она в 1887 г. за 500 руб.

«Амфитрита» — бронзовая статуя. Имеется подпись Бока: «*А.Р. фон Бокъ*» и клеймо литейщика: «*фабр. К.Ф. Верфель*». Была приобретена за 500 руб. в 1896 г., т.е. у наследников скульптора.

«Минерва» — бронзовая группа, по сведениям Исакова, исполнена в 1875 г. Послужила моделью для монументальной группы, украшавшей купол Академии художеств с 1885 по 1900 гг.

В настоящее время в Государственном Русском музее хранятся девять произведений фон Бока. Как уже было сказано, «Амур» и «Психея» поступили в 1898 г. из Эрмитажа в числе самых первых скульптурных произведений, передававшихся в Русский музей императора Александра III. Через год, в 1899 г., от наследников скульптора П.К. Клодта музеем был получен гипсовый портрет П.К. Клодта, выполненный Боксом в 1870 г. Уменьшенное повторение памятника И.Ф. Паскевичу, установленного в 1870 г. в Варшаве, поступило в 1925 г. из Государственного музейного фонда. Пять произведений были переданы в 1925, 1931 и 1941 гг. из Академии художеств. В числе этих работ монументальный рельеф «Распятие»¹⁴, за который Бок в 1856 г. был награжден большой золотой медалью. Кроме того, из Академии художеств поступили портрет Т.А. Неффа (гипс), аллегорическая группа «Минерва» (бронза), мраморный бюст «Фавн» и мраморная статуя «Занозил ногу». Собранные в ГРМ работы Бока относятся к разным периодам его творческой деятельности и дают представление о своеобразии и художественной манере скульптора.

Надо отметить, что художественная критика работы А.Р. фон Бока обходила молчанием. При жизни скульптора о нем не появилось ни одной биографической статьи. Боровшийся за реалистическое искусство В.В. Стасов, писал: «...когда мне еще поднесут проект фонтана — “Похищение Европы Юпитером” профессора фон Бока, тогда я говорю, что это ничуть не талантливая, а просто несносная дребедень; что это не что иное, как второе издание прошлогоднего (кажется) “Последнего дня Помпеи” того же автора и “Минервы” на верху купола С.-Петербургской Академии (которую пришлось, к несчастью, всем рассматривать в Париже на всемирной выставке); говорю еще, что не могу в себя прийти от изумления от таких профессоров; наконец, объявляю, что все это почти столько же негодно и непозволительно...»¹⁵. Эти обидные слова в адрес Бока появились в связи с художественной выставкой 1879 г. в залах Академии художеств, где экспонировался его проект фонтана «Похищение Европы Юпитером»¹⁶.

Автор фундаментального труда «История скульптуры» барон Н.Н. Врангель следующим образом оценил творчество Бока: «В пого-

не за той же внешней красивой привлекательностью работали ученики Гальберга <...> и полунемец Александр Романович фон Бок (1829–1895 г.) <...> Эффектные статуи фон Бока — «Вакх», «Амур» (1862 г.) и «Психея» (1864 г.) — также мало содержательны и индивидуальны, но в них есть то подлинное чувство ритма и понимание массы, которые столь редки не только у скульпторов шестидесятников, но даже у многих лучших мастеров конца XIX века. В этих статуях фон Бока наряду с неприятной, чисто немецкой слащавостью еще чувствуются старые традиции. И работы его интересны как образцы последних исканий чистой красоты, как произведения скульпторов, любящих форму ради формы. В них отразились последние уроки классической школы, каноны и те заветы Мартоса, что так долго держались в России»¹⁷.

После смерти скульптора в 1895 г. появились некрологи в ряде петербургских изданий: «Всемирная иллюстрация»¹⁸, «Исторический вестник»¹⁹, в 1896 г. в Санкт-Петербургском Альманахе²⁰ и Ежегоднике П.О. Яблонского на 1897 г.

Краткая заметка о Боке приведена в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона²¹ и немецком художественном словаре «Thieme-Besker»²². В обзоре литературы, посвященной А.Р. фон Боку, обратим внимание на аннотацию в биобиблиографическом словаре «Художники народов СССР»²³ (Т. 2), изданном в 1972 г., где указаны наиболее известные работы скульптора и дан перечень изданий, в которых упоминается его имя. Персональных публикаций о А.Р. фон Боке не было издано.

Из искусствоведов, писавших в 1960-е гг., приведем характерную цитату из статьи о скульптуре М.Л. Неймана: «Произведения скульпторов-академистов, работавших во второй половине XIX в., в подавляющем большинстве случаев отличались эклектическим характером. Академический шаблон лишал скульптуру жизненной силы. Техническое мастерство сводилось к сухому штудированию натуры, к повторению избитых аллегорических приемов.

Типичными примерами такой скульптуры могут служить “Амур” (1862) и “Психея” (1864, обе в Гос. Русском музее) А.Р. фон Бока. Статуи эти, только внешне связанные с традициями русского классицизма, принадлежат к работам салонного характера. Содержание их ничтожно, движения манерны»²⁴.

Характеризуя скульптуру второй половины XIX в., М.М. Антокольский, посетив в 1868 г. Академию художеств в Берлине, с разочарованием констатировал: «...там все то же, что и в нашей Академии: у натурщиков те же позы, в искусстве та же манера, композиция на те же заданные темы, та же условность <...> Несколько лет спустя я был

не менее поражен, когда в флорентинской Академии художеств увидел опять то же самое...»²⁵. Стасов и Антокольский отмечали в современной скульптуре увлечение греческой мифологией, предпочтение, отдаваемое изображению Венер, Амуров, Психей, сатиров и вакханок. А.Р. фон Бок, В.П. Бродзский, М.П. Попов создали многие свои произведения в своеобразном «интернациональном» стиле, порожденном той эпохой. Их работы соответствовали требованиям архитекторов, работавших в 1860–1880-х гг. преимущественно в стиле эклектики. Обнаженные и изысканные «античные» божества и мраморные итальянские мальчики и девочки прекрасно вписывались в интерьеры многочисленных дворцов и особняков, возводившихся в эти годы, именно такие скульптурные работы и, конечно, портреты были востребованы обществом. Однако будем более объективны. Эти скульпторы были многогранны в своей творческой деятельности. Наряду с салонными и аллегорическими композициями, они работали и над произведениями, созданными в реалистическом направлении.

В данной статье внимание обращено лишь на ряд наиболее значительных аспектов творческой биографии А.Р. фон Бока, нас интересовали как факты биографии, так и выявление созданных им работ и упоминаний о них. В приложении к статье публикуется список произведений скульптора, экспонировавшихся на выставках в Императорской Академии художеств. Углубленное и пристальное изучение биографии, фактов художественной и педагогической деятельности профессора А.Р. фон Бока в Академии художеств будет возможно лишь при выявлении новых архивных материалов.

Приложение

Список произведений А.Р. фон Бока, экспонировавшихся на выставках в Императорской Академии художеств

Милосердие самарянина (барельеф)

г. фон Бок ученик г. проф. Барона Клодта получил 2-ю золотую медаль

Указатель художественных произведений, выставленных в музее ИАХ в 1855 г. СПб., 1855. С. 9, № 126.

Распятие Иисуса Христа (барельеф)

Ученик г. профессора барона Клодта г. фон Бок. 1-ая золотая медаль

Указатель художественных произведений, выставленных в музее ИАХ в 1857 г. СПб., 1857. С. 3, № 8.

Распятие (из гипса)

Фон Бок Александр Романович. Профессор

Указатель выставки художественных произведений в ИАХ в 1874 г. СПб., 1874. С. 15, № 98.

Статуя Минервы (модель для купола Академии художеств)

А.Р. фон Бок. Профессор

Указатель выставки «Общества выставок художественных произведений» в ИАХ в 1877 г. СПб., 1877. С. 15, № 151.

Бюст покойного профессора Т.А. Нефа

А.Р. фон Бок. Профессор

Указатель выставки «Общества выставок художественных произведений» в ИАХ в 1877 г. СПб., 1877. С. 16, № 167.

Проект фонтана «Похищение Европы Юпитером»

А.Р. фон Бок. Профессор

Указатель 3-й годичной выставки «Общества выставок художественных произведений» в ИАХ в 1879 г. СПб., 1879. С. 11, № 80.

Амур в капкане

А.Р. фон Бок. Профессор

Каталог IV выставки общества выставок художественных произведений в ИАХ в 1880 г. СПб., 1880. С. 20, № 96.

Бюст императрицы Екатерины II

А.Р. фон Бок. Профессор

Каталог IV выставки общества выставок художественных произведений в ИАХ в 1880 г. СПб., 1880. С. 20, № 97.

Удильщица

А.Р. фон Бок. Профессор

Каталог IV выставки общества выставок художественных произведений в ИАХ в 1880 г. СПб., 1880. С. 20, № 98.

Занозил ногу

Бок

Указатель выставки в ИАХ в 1884. СПб., 1884. С. 20, № 26.

Статуя Христа

Бок

Указатель выставки в ИАХ в 1884. СПб., 1884. С. 22, № 39.

Бюст Глинки (гипс) от статуи в г. Смоленске

Бок

Указатель выставки в ИАХ в 1885. СПб., 1885. С. 29, № 238.

Модель для фонтана

Бок

Указатель выставки в ИАХ в 1886. СПб., 1886. С. 26, № 233.

Венера с Амуром

Бок

Указатель выставки в ИАХ в 1889. СПб., 1889. С. 7, № 49.

Сладкий сон

Бок А.Р.

Каталог выставки 1890 года в ИАХ в. СПб., 1890. С. 7, № 85.

Амфитрида с амуром (бронза)

Бок А.Р.

Каталог выставки 1890 года в ИАХ в. СПб., 1890. С. 7, № 89.

Эхо (статуя из гипса)

Бок А.Р.

Каталог выставки 1890 года в ИАХ в. СПб., 1890. С. 7, № 90.

Бюст покойного академика Л.И. фон Шренка

Фон-Бок А.Р.

Каталог выставки 1894 года в ИАХ в. СПб., Тип. Р. Голике. С. 21, № 167.

Примечания

¹ Исаков С.К. Императорская Академия художеств. Музей. Русская скульптура. Пг., 1915. С. 21.

² Скульптура XVIII — начало XX века: Каталог / Государственный Русский музей. Л., 1988. С. 35, № 137.

³ Там же. С. 35, № 138, 139.

⁴ Врангель Н.Н. Русский музей императора Александра III: Каталог: В 2 Т., СПб., 1904.

⁵ Каталог предметам искусства, составляющим собрание князя Федора Ивановича Паскевича / Составлен в 1873–1885 годах. СПб., 1885. С. 92–93.

⁶ Такой вариант представлен в коллекции ГТГ. См.: Каталог ГТГ 2000. С. 218, 219 (воспр.).

⁷ Материалы о памятнике были подготовлены совместно с зав. отделом скульптуры ГРМ Е.В. Карповой, в частности польские материалы: *Szynkman. Pomnik Paskiewicza w Warszawie*. Warszawa, 1918; *Paszkiewicz P. Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915*. Warszawa, 1991. С. 169–172; *Karpova J. Dziewiętnastowieczne pomniki na północno-zachodnich rubieżach Imperium Rosyjskiego: idee, losy, artyści // Kultura i polityka. Wpływ polityki Rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży Imperium Rosyjskiego (1772–1915). Materiały sesji naukowej / Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1994. С. 178–180.*

⁸ ОР ГРМ. Ф. 14. Д. 111. Л. 56.

⁹ Там же. Л. 61–62.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ По инициативе М.К. Аникушина, под руководством В.Э. Горевского были проведены работы по воссозданию группы «Минерва» по модели, созданной А.Р. фон Боком. В 2003 г. отлитая из бронзы на заводе «Монументскульптура» композиция была установлена на куполе здания Академии художеств.

¹² Эта гипсовая модель была использована для воссоздания группы.

¹³ Об открытии памятника в Смоленске см.: Русская Старина. СПб., 1885. Т. XLVI. С. 449, а также краткую информацию о памятнике в кн.: *Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи: Каталог*. М., 2006. С. 345.

¹⁴ Рельеф «Распятие». 1856. Гипс. 143 × 250. Видимо, этот рельеф находился над входными дверями в церковь св. Екатерины в здании Академии художеств.

¹⁵ Художественные выставки 1879 г. Статья первая // Стасов В.В. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 10.

¹⁶ Указатель 3-й годичной выставки «Общества выставок художественных произведений» в ИАХ в 1879 г. СПб., 1879. С. 11, № 80.

¹⁷ *Врангель Н.Н. История скульптуры*. М., 1911. Т. V. С. 299, 300, 304.

¹⁸ Всемирная иллюстрация. 1895. № 9. С. 167.

¹⁹ Исторический вестник. 1895. Т. 62, октябрь. С. 303–304.

²⁰ Альманах. 1896. С. 63, 64.

²¹ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 367.

²² Thieme-Becker. Bd. 4. S. 156–157.

²³ Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь: В 6 т. М., 1972. Т. 2. С. 17.

²⁴ *Нейман М.Л. Скульптура // История русского искусства / Под ред. И.Э. Грабаря*. М., 1965. Т. IX. Кн. 2. С. 216.

²⁵ Марк Матвеевич Антокольский: Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. СПб.; М., 1905. С. 935.

**Г.Р. Залеман (1859–1919) — профессор скульптуры
и педагог Императорской Академии художеств**

Об известном скульпторе немецкого происхождения Роберте-Иоганне Карловиче Залемане (1813–1874), отце Гуго Робертовича Залемана, на конференции «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект» мною был сделан доклад, опубликованный в сборнике в 2005 г.¹ В документах, хранящихся в личном деле Р.-И.К. Залемана (старшего) в РГИА, записано, что он «в законный брак вступил 4го Октября 1850 года с купеческою дочерью Дарьею Андреевной [Доротеей Вильгельминой. — О.К.] Белл С.-Петербургскою уроженницей. Оба Евангелического — Лютеранского вероисповедания»². У них родились две дочери: Эмилия (7 октября 1851 г.) и Лидия Доротея (19 октября 1854 г.) и два сына: Оскар (5 февраля 1857 г.) и Гуго (7 июня 1859 г.)³.

В 2009 г. исполняется 150 лет со дня рождения Гуго Робертовича (Романовича) Залемана⁴, этой юбилейной дате посвящается статья.

Архивные документы, публикации в прессе, воспоминания современников и учеников⁵ позволяют говорить о Г.Р. Залемане как о серьезном скульпторе, отличавшемся исключительной индивидуальностью, своеобразием художественной манеры и собственной, четко определенной позицией в культурной жизни России конца XIX — начала XX в. Безусловно, Гуго Робертович стал преемником отца и продолжателем его традиций. Однако судьба распорядилась так, что слишком недолгое время было отпущено сыну на общение с отцом; когда Гуго было 15 лет, Роберт Карлович скончался. Получив художественное образование в Императорской Академии художеств, в 1889 г. он был удостоен звания академика скульптуры, с 1894 г. стал профессором.

Обращаясь лишь к наиболее значительным фактам творческой биографии Г.Р. Залемана, отметим, что о его ранних годах почти ничего не известно. Среднее образование он получил в Петербурге, в гимназии главного немецкого училища, учителя отмечали его склонность к математике и древним языкам. В 1877 г. Залеман был принят в число учеников Академии художеств на отделение скульптуры, в «класс голов».

Время обучения в Академии художеств приходится на 1877–1884 гг., за этот период он был неоднократно награжден денежными премиями, серебряной и двумя золотыми медалями. В 1883 г. за статую «Орест, преследуемый фуриями» получил малую золотую медаль; в 1884 г. за

барельеф «Битва гигантов с Олимпом» награжден золотой медалью и званием классного художника первой степени.

После окончания Академии художеств в числе лучших учеников 19 марта 1885 г. был отправлен за границу пенсионером на четыре года для усовершенствования в скульптуре. В мае того же года он находился в Германии, посетил Берлин, Дрезден и Мюнхен. Прибыв в Италию, осмотрел Флоренцию, в декабре 1885 г. поселился в Риме⁶. Из архивных документов известно, что 2 сентября 1886 г. Залеман сообщал правлению Совета Императорской Академии художеств: «...в течение лета я был занят исполнением барельефа “Харон перевозит души умерших через Стикс”, ширина барельефа 5 аршинов, фигуры приблизительно в половину натуры. Надеюсь кончить к концу нынешнего года сию работу»⁷. 1 июня 1887 г. скульптор пишет: «...Барельеф мой “Переправа через Стикс” окончен. Сегодня же приступают к формованию. Покорнейше прошу Совет о снисхождении, если моя работа не поспела к сроку. Но так как это первая попытка более или менее самостоятельного творчества, то потребовалось больше труда и вследствие того и больше времени, чем я предполагал»⁸. Этот барельеф был отправлен в Петербург и экспонировался на академической выставке 1889 г. Совет Академии художеств его одобрил и постановил выразить Залеману благодарность за достигнутые успехи. Как поощрение пенсионера было решено выплатить ему 500 рублей⁹.

Продолжая работать в Риме, 11 сентября 1888 г. Залеман отчитывается перед Советом Академии художеств: «В настоящее время занят лепкой группы (3 фигуры), изображающей эпизод из “Борьбы Кимвров против римлян”. К сожалению, не могу представить на усмотрение Совета фотографии, так как мастерская слишком мала, чтобы в ней снять таковую.

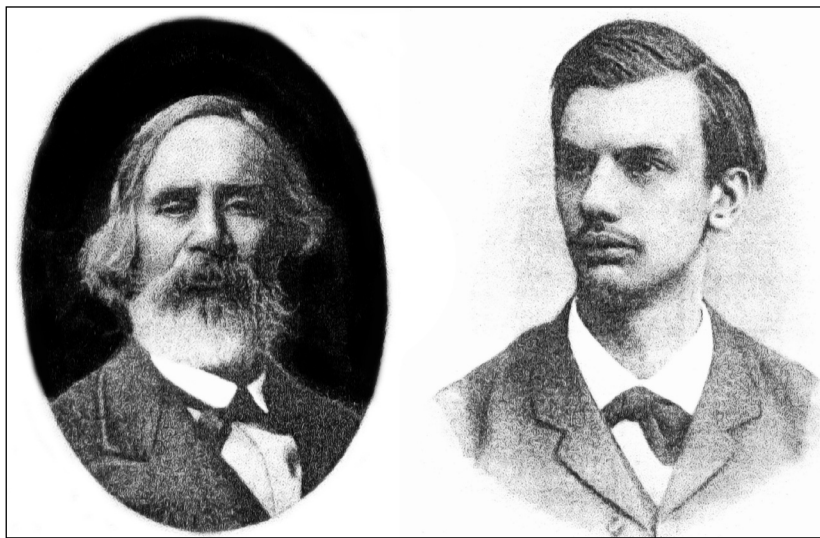
Зимой вылепил этюд мужской фигуры в половину натуральной величины и компоновал эскизы. На досуге в виде упражнения леплю женский бюст с натуры»¹⁰.

В 1889 г. завершилось время пенсионерской поездки. В мае Залеман прибыл в Петербург с двумя работами: группой «Кимвры, сражающиеся против римлян» (в настоящее время она находится в ГРМ) и этюдом с натуры (в половину натуральной величины). Эти произведения экспонировались в 1890 г. на выставке в Императорской Академии художеств¹¹.

Следуя за скупыми фактами биографии Залемана, обратим внимание, что с 1 октября 1889 г. он был принят на должность адъюнкт-профессора Императорской Академии художеств с окладом 50 рублей в месяц¹². 4 ноября 1889 г. «за искусство и отличные познания в скульптуре» он признан академиком.

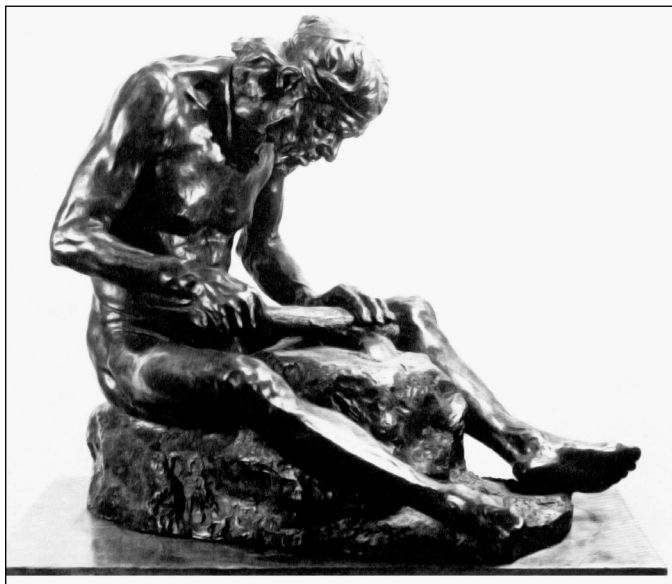
С 1892 г. Залеман совмещал занятия со студентами по анатомическому классу и обязанности адъюнкта в гипсовых классах без особого вознаграждения¹³. После трехлетней работы в анатомическом классе с 1 января 1895 г. он получил штатное место по анатомии. С 10 октября 1894 г. был утвержден на основании устава Академии художеств на 5 лет профессором искусств в натурном классе Высшего художественного училища. Каждое пятилетие он вновь избирался на эту должность¹⁴. В 1896 г. Залеман был назначен профессором, руководителем Высшего художественного училища и действительным членом Академии художеств. С 1 февраля 1911 г. состоял членом Хозяйственного комитета Академии художеств.

Обращая внимание на творческую деятельность скульптора, отметим, что в эти годы им был выполнен целый ряд произведений, принесших ему особую известность. В 1895 г. он создал монументальную фигуру лежащего старика, получившую название «К чему так трудиться» («Il tanto affatigar che giova») на стихотворение Ф. Петрарки «Trionfo della morte». Бронзовый отлив этой работы был выполнен в 1898 г. К. Берто, в 1899 г. приобретен у автора для Музея Академии художеств, откуда в 1930 г. передан в Русский музей.

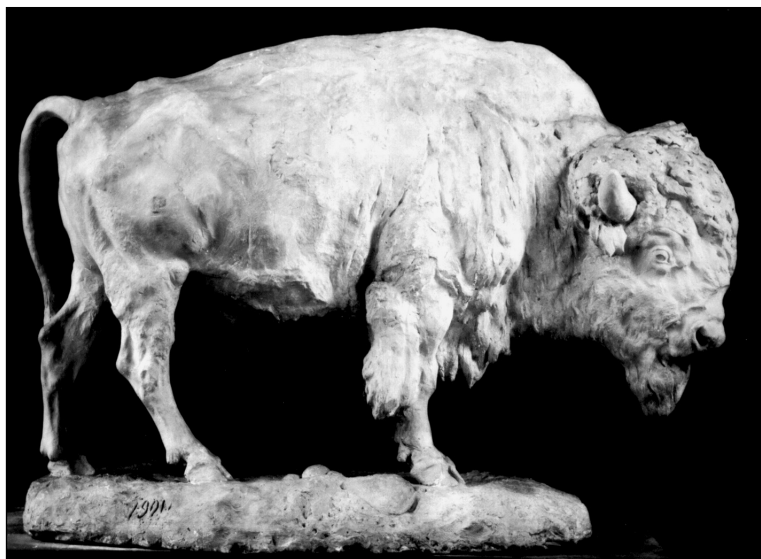

Р.К. Залеманъ

Г.Р. Залеманъ

Г.Р. Залеман. Каменный век. 1899. Бронза. ГРМ

Г.Р. Залеман. Зубр. Гипс. ГРМ

По заказу архитектора Прахова вылепил голову св. Владимира для оформления входных дверей храма св. Софии в Киеве. Это единственная работа Залемана на русскую историческую тему.

В 1890-е гг. Залеман создал цикл произведений, посвященных теме «Люди каменного века», из которых сохранились «Первобытный человек» («Точильщик», ГРМ), «Индеец, выслеживающий добычу», «Лазутчик» и др. В этих произведениях трактовка обнаженного тела выполнена на основе глубоких анатомических знаний.

К этому же времени относятся анималистические произведения: «Коровы» (этюд, НИМ РАХ), два восковых рельефа-эскиза «Зубр» (ГРМ) и статуя «Зубр» (1901, ГРМ), отлив которой находится в вестибюле здания Департамента уделов.

Самое значительное произведение Залемана было выполнено по заказу Комитета по строительству Музея изящных искусств в Москве по согласованию с И.В. Цветаевым, рекомендацию которому о скульпторе давал В.М. Васнецов¹⁵. Это венчающий аттик здания многофигурный фриз «Олимпийские игры», колоссальный по размерам — около 50 м в длину. Он был вылеплен Залеманом совместно с помощниками, скульпторами В.С. Богатыревым и Г.И. Малышевым в течение двух лет. Фриз высекал из мрамора по авторской модели мраморщик Мармони. В последние годы скульптор работал над статуей «Юноша, строгающий копы», которая не сохранилась.

В 1917 г. Залеман не вышел из преподавательского Совета Академии художеств и до конца своей жизни вел профессорскую работу. В 1918 г. он руководил Петроградскими свободными государственно-художественными мастерскими¹⁶. Из документов «Личного дела» Залемана известно, что «...в его мастерской в Академии художеств имеются весьма ценные произведения. Желая заранее обеспечить безопасность последних, секция просит Отдел охраны памятников искусства принять соответствующие меры к охране мастерской и художественных произведений профессора Залемана, составив всему подлежащему охране подробную опись. По распоряжению Отдела осмотр вещей поручается уполномоченному В.П. Полянскому 1 апреля 1919 г.»¹⁷. Точной даты смерти Залемана не установлено¹⁸, в ряде источников указывается 1 апреля 1919 г. По дате на цитируемом документе, скульптор скончался в последних числах марта. В настоящее время не обнаружено местонахождение хранившихся в мастерской скульптора работ (видимо, они не сохранились).

Художественная критика редко обращалась к творчеству Г.Р. Залемана. «Сын Залемана старшего <...> выгодно выделяется прекрасной

техникой, пониманием скульптурной массы и настоящим декоративным чутьем», — писал Н.Н. Врангель¹⁹, известный историк искусства, обычно скупой на похвалы.

В 1904 г. живописец и критик А.Н. Бенуа в журнале «Мир искусства» сообщал: «Имеется в Академии г. Залеман. Последний бесспорно умеет “лепить с натурщика” — его фриз для московского музея доказывает это с достаточной наглядностью: академические сторожа, бородатые и безбородые, увековечены и будут красоваться в мраморе на стенах гигантского здания. Однако этого мало, это еще не скульптура. Г.Р. Залеман понятия не имеет о стиле, хотя иногда и делает попытки в этом направлении»²⁰. Как педагог, Залеман отстаивал классическую, десятилетиями выработанную в Академии художеств, методику преподавания скульптуры, делая упор на профессиональном овладении рисунком, лепкой, знании анатомии. Эти основы считались представителями современного искусства давно устаревшими, изжившими себя и совершенно ненужными, мешающими свободе творческого проявления художника.

В 1924 г. искусствовед Б.Н. Терновец отмечал, что «...работал в Академии Г.Р. Залеман (1859–1919). Его глубокие познания в анатомии, повышенные требования, которые он предъявлял к своим ученикам, помогли сформироваться и окрепнуть ряду молодых дарований: Страховской, Манизеру, Лишеву»²¹. В 1932 г. он же писал: «Наиболее значительным и ценным передатчиком сохранившихся традиций является Залеман, хороший педагог, но малоспособный художник. Он вырастил плеяду скульпторов, передав им знание определенного комплекса художественных норм и приемов: из учеников Залемана крепкой надеждой Академии оказался Манизер»²².

М.Д. Бернштейн в 1940 г. в книге «Проблемы учебного рисунка» писал: «Среди ряда попыток улучшить работу над рисунком, поставить ее на более широкую базу и достигнуть более или менее заметных сдвигов отмечу в первую очередь культ анатомии, выдвинутый Г.Р. Залеманом. Задача, которую он поставил и осуществления которой настойчиво добивался, была привить подробное, уверенное знание анатомического строения человека, — знание, которое вошло бы в плоть и кровь рисовальщика»²³.

О значении Залемана в истории русской скульптуры конца XIX в. писал Г.М. Преснов в «Путеводителе» по скульптуре Государственного Русского музея, изданном в 1940 г.²⁴ Он отмечал, что «в своем подходе к натуре Залеман резко порицал всякое отклонение от реальных форм природы и отрицательно относился как к пассивному натурализму, так

и к стилизаторству, которое обедняет богатство натуры <...> тщательно изучал натуру и стремился в своих произведениях к обобщенности форм как результату внимательного анализа натуры»²⁵.

Из воспоминаний учеников Залемана становится известно, что он был человеком отзывчивым, исключительно благородным, скромным и высоко образованным (прекрасно знал античную литературу, в совершенстве владел пятью иностранными языками).

Особый интерес представляют высказывания одного из самых одаренных учеников — М.Г. Манизера: «Г.Р. Залеман жил в здании Академии, как большинство профессоров, он был одинок и все свое время отдавал работе в личной мастерской и посещению классов, где преподавал скульптуру, рисунок и вел занятия по пластической анатомии.

Уже первое знакомство с ним показало нам нелепость ходивших о нем слухов. По внимательному отношению к ученикам, по желанию передать им свои огромные знания, по живой внимательности в каждом, даже незначительном успехе учащихся он выделялся среди большинства академической профессуры»²⁶. Манизер отмечал, что «личная мастерская Г.Р. Залемана была заставлена большим количеством уже сделанных работ. Тут были и эскизы произведений, получивших осуществление, были вещи и вполне законченные, но по неумолимой строгости автора к себе ни кому не показанные.

В центре мастерской стояла в глине скульптура, над которой он тогда работал. Печать глубокой серьезности и подлинно творческой сосредоточенности лежала на всем. Эти и последующие посещения мастерской Г.Р. Залемана оставили во мне на всю жизнь неизгладимое впечатление»²⁷.

Из учеников Залемана его последователем в Академии художеств стал Керзин. Он писал: «Метод преподавания пластической анатомии в старой Академии был основан на практических знаниях по этой дисциплине, которыми руководил такой выдающийся мастер, как Гуго Романович Залеман, обладавший совершенно исключительными знаниями в этой области и притом, можно прямо сказать, гениальный педагог»²⁸.

Примечания

¹ Кривдина О.А. Материалы к биографии скульптора Роберта-Иогана Карловича Залемана (1813–1874) // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): Биографический аспект. Вып. 3. СПб., 2005. С. 130–153.

² РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 26-3. Л. 14.

³ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 26-3. Л. 10.

⁴ Современники Гуго Робертовича Залемана чаще называли его Гуго Романович. В литературе встречаются оба отчества.

⁵ При подготовке статьи были использованы материалы отдела скульптуры Государственного Русского музея. Материал о Залемане был собран в 1951–1952 гг. Г. Хромцовой на основании ее личных бесед с учениками скульптора для ее дипломной работы «Скульптор Гуго Романович Залеман (1859–1919). К проблеме реализма в русской скульптуре конца XIX — начала XX века». Защита диплома под руководством Г.М. Преснова состоялась в 1952 г. в ЛГУ им. А.Л. Жданова на историческом факультете.

⁶ Личное дело Г.Р. Залемана — РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 126. Л. 15–17.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 23, 23-а.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Каталог выставки 1890 года в Императорской Академии художеств. СПб., 1890. С. 7, № 79. С. 16, № 200.

¹² Личное дело Г.Р. Залемана... Л. 31.

¹³ Там же. Л. 45, 46, 48.

¹⁴ Там же. Л. 55, 61, 67, 81.

¹⁵ «...Васнецов просит вас обратить внимание на петербургского скульптора Залемана, человека-де удивительно даровитого и долго работающего над античными образцами <...> Отдать-де этому, вполне своему, ваятелю этот венчающий фриз нет никакого нравственного затруднения. Залеман-де человек очень скромный, застенчивый, сразу станет отказываться, а потом поймет задачу и отдастся ей уже весь: он составит проект, он, по принятии его вами, и вырубит. Задача-де такая почетная, что он пустит свои силы во весь размах. Я обещал вам написать эту рекомендацию и “убедительную просьбу” Виктора Михайловича». — Из письма И.В. Цветаева Ю.С. Нечаеву-Мальцеву, Москва, 24 марта 1902. (И.В. Цветаев создает музей / Сост. А.А. Демская, Л.М. Смирнова. М., 1995. С. 168).

¹⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 10. Д. 126. Л. 54.

¹⁷ Там же. Л. 56.

¹⁸ Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь: В 6 т. М., 1983. Т. 4. Кн. 1. С. 201.

¹⁹ Врангель Н.Н. История скульптуры. Т. V. // Грабарь И. История русского искусства. М., 1911. С. 355.

²⁰ Бенуа А. Чему учит Академия художеств // Мир искусства. 1904. № 8–9. С. 153.

²¹ Терновец Б.Н. Русская скульптура. М., 1924. С. 33–34.

²² Терновец Б.Н. XV лет советской скульптуры // Искусство. 1932. № 3.

²³ Бернштейн М.Д. Проблемы учебного рисунка. Л., 1940. С. 14.

²⁴ Преснов Г.М. Скульптура: Путеводитель / Государственный Русский музей. Л., 1940. С. 91.

²⁵ Там же.

²⁶ Манизер М.Г. Скульптор о своей работе. 1940. С. 8.

²⁷ Там же. С. 9.

²⁸ Академия художеств СССР. Четвертая сессия. Издательство Академии художеств СССР, 1950.

**Русский язык и литература в пансионе пастора Муральта
и в Реформатском училище. Педагоги и воспитанники.
Традиции**

Становлению и развитию в Санкт-Петербурге начального и среднего образования наряду с государственными народными училищами в значительной степени способствовали частные учебные заведения, открываемые известными зарубежными педагогами. По именному указу от 29 апреля 1757 г. заниматься частной преподавательской практикой в столицах имели право только получившие аттестат о сдаче необходимых экзаменов в Академии наук в Петербурге и в Университете в Москве. «...А без такого свидетельства и аттестатов никому в домах своих учителей не держать и самих школ не иметь под опасением неупустительного штрафа, за каждого по сту рублей, а тех учителей, кто без аттестатов школы иметь будет высылать за границу...» — строго предписывал императрицын указ¹. С принятием в 1876 г. «Устава народным училищам Российской империи» и введением постоянного контроля властей за учебным процессом иностранцам, не владевшим русским языком, открывать свои учебные заведения стало еще сложнее. В мае 1811 г. до сведения губернских властей была доведена «Всеподданнейшая записка министра народного просвещения А.К. Разумовского о необходимости борьбы с иностранным влиянием в системе частных пансионов», прямо предписывающая «...за правило поставить, чтобы во всех пансионах науки преподаваемы были на русском языке...»². Эти требования должен был выполнить пастор и педагог Иоганн фон Муральт³ (10.09.1780, Цюрих, Швейцария — 10.02.1850, Петербург), прибывший в Петербург 3 октября 1810 г. для занятия должности пастора Реформатской церкви и озаботившийся после ознакомления с приходом созданием сначала пансиона, а затем и Училища при реформатских церквях. Муральт с удивлением обнаружил, что ни находящееся в Немецкой слободе старейшее в Петербурге Главное немецкое училище (ныне школа № 222, Невский пр., 22), ни Иезуитский пансион (нынешний адрес: Итальянская ул., 1), где преподавание велось на немецком языке, не дают образования, позволяющего их выпускникам претендовать на обучение в университете. Кроме того, пастора Муральта никак не могли устроить схоластические принципы преподавания, исповедуемые в существующих в приходе учебных заведениях:

воспитанный в духе идей Песталоцци, Муральт был убежден в том, что «поднять уровень воспитания могла школа, хотя бы и элементарная, но основанная на новых методах обучения детей и сближения их с природой».

Деятельность пансиона пастора Муральта и училища при реформатских церквях (Реформатского училища) описана с различных позиций (от восторженных до критических) их воспитанниками Н.Ф. Здекауером и Н.А. Лейкиным еще в середине XIX в.⁴ Интерес к этой теме вновь возник после открытия в 1992 г. в здании Реформатского училища на наб. р. Мойки, 38 городской средней школы № 636 с углубленным изучением иностранных языков. Теперь с привлечением печатных «Отчетов Реформатского училища», «Циркуляр» Санкт-Петербургского учебного округа» и значительного архивного материала удалось восстановить списки более 250 педагогов и более 2000 выпускников пансиона и училища, давших России немало замечательных ученых, врачей, учителей, военачальников, политических деятелей⁵. Здесь мы расскажем о преподавании в стенах этих учебных заведений российской словесности, русского языка и литературы, значение которых в воспитании и образовании своих питомцев независимо от их вероисповедания, национальности и социального положения понимали и высоко оценивали и основатель пансиона и училища, и все руководители училища, какие бы дисциплины они ни вели сами.

Пансион, последовательно сменивший два адреса на Васильевском острове, и в 1819 г. вернувшийся в дом немецко-французской реформатской церкви на Большую Конюшенную, 25⁶, действовал под руководством Иоганна фон Муральта с 1812 по 1837 гг., Реформатское училище в доме 38 по набережной Мойки — с 1818 по 1850 гг.

Вот последовательность смены директоров Реформатского училища:

1850–1856 гг. Училищный совет, в который входили Э. Гордак, Н.С. Васильев, И. Лозиер, Г. Тидеман.

1856–1872 гг. Д.Д. Марго, лектор французского языка Санкт-Петербургского университета, автор многочисленных учебников и учебных пособий по французскому языку.

1873–1888 гг. Э. Р. Шульце.

1888–1901 гг. Р. О. Ланге (1858–1902), профессор Санкт-Петербургского университета.

1901–1918 гг. А. А. Брок (1867 — после 1930), профессор Санкт-Петербургского университета, магистр римской словесности. Фактически возглавлял коллектив училища до марта 1919 г. — все время завершения дел по закрытию училища.

За столетнюю историю Реформатского училища, успешно начатую 11 марта 1818 г. и печально закончившуюся закрытием в декабре 1918 г., в его стенах сложился замечательный коллектив педагогов, в разные годы возглавляемый талантливыми учеными, филологами по образованию и педагогами по призванию.

Число преподавателей пансиона достигало двадцати, а за столетие в училище преподавали свыше 250 учителей. Среди них почти 50 человек — ученые с профессорскими званиями, более 100 — выпускники российских и зарубежных университетов.

При изучении истории пансиона и училища при реформатских церквях неизбежно возникает вопрос об особенностях преподавания наук в этих быстро ставших популярными в Петербурге частных учебных заведениях, давших России многих выдающихся деятелей науки и культуры, военачальников и государственных деятелей. Естественно посвятить первую из задуманного цикла статью особенностям преподавания русского языка и литературы⁷.

Пастор Муральт не знал русского языка, но должен был организовать его изучение в пансионе и училище, контингент воспитанников и педагогов которых был первоначально преимущественно немецким. После опубликования в 1825 г. «Временным комитетом составления проекта общего устава для учебных заведений» предложений министра народного просвещения А.С. Шишкова о введении единообразия в методике преподавания и усиления духа православия и народности, по которым «...язык славянский, то есть высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и одобряемы»⁸, Муральт привлек к преподаванию русского языка и литературы в своем пансионе Никиту Ивановича Бутырского, Николая Ивановича Греча и Александра Григорьевича Ободовского, преподававших в пансионе в течение шести лет. Тогда же курс риторики здесь вел Василий Тимофеевич Плаксин, один из самых талантливых преподавателей российской словесности эпохи императора Николая I. В предоставлении права преподавать в пансионе этим педагогам, по разным причинам не нашедшим места в государственных учебных заведениях, сказалась европейская демократичность пастора Муральта. При этом Муральт отказался от введения в пансионе и училище не разделяемой им идеи взаимного обучения, пропагандируемой Гречем, хотя и рекомендовал столь разным по своим характерам и авторитету педагогам использовать выпущенные Гречем учебники, о которых мы скажем ниже.

Поскольку вклад новых педагогов в русскую литературу и журналистику изучен весьма подробно, выделим из их биографий страницы, относящиеся к педагогической деятельности.

Н.И. Бутырский (14.09.1783 — 26.06.1848) происходил из духовного звания. Он учился в Коломенской и Тульской духовных семинариях, а затем в Главном Педагогическом институте в Петербурге (1803–1807), откуда в 1808 г. в числе двенадцати лучших студентов был послан за границу (вместе с А. Галичем и А. Куницыным, будущими преподавателями Царскосельского лицея). В Геттингенском университете Бутырский изучал «эстетику и вообще теорию словесности». Выдержав соответствующий экзамен, в 1812 г. он был избран адъюнкт-профессором эстетики и российской словесности Педагогического института, а в 1817-м стал его экстраординарным профессором. В 1814–1825 гг. «обучал российской словесности» в Пажеском корпусе. В 1822 г. после выхода из университета ряда ведущих профессоров начал читать также политэкономии и науку о финансах и в 1826 г. был утвержден в звании ординарного профессора политэкономии Петербургского университета; в январе 1831 г. назначен деканом философско-юридического факультета и оставил преподавание в пансионе пастора Муральта, но продолжал преподавать российскую словесность в Военной академии Генерального штаба (1832 — февраль 1848 г.). Современники отмечали, что Бутырский в преподавании держался «середины между строгим классицизмом и новыми требованиями века»⁹.

Н.И. Греч (14.08.1787 — 24.01.1867), журналист, филолог и педагог, сын обруселого немца, дослужившегося до должности обер-секретаря Сената. Учился в Педагогическом институте. Служа в 1806–1815 гг. в цензурном комитете, преподавал русский язык в училище при евангелической церкви святого Петра (1809–1813) и во 2-й гимназии (1813–1817). В 1818 г. был назначен в комиссию по составлению учебников для кантонистов, основал общество образования по методу взаимного обучения, выпустил в 1819 г. соответствующее руководство (2-е издание вышло в 1830-м). В том же году ввел ланкастерскую систему в Петербургском Воспитательном доме и учредил училище для солдат гвардейского корпуса. В 1819–1822 гг. издал в четырех частях «Учебную книгу российской словесности», в 1822 г. — «Опыт краткой истории русской литературы», в 1827-м — «Пространную русскую грамматику» (2-е изд., 1830) и «Практическую русскую грамматику» (2-е изд., 1837), в 1828-м — «Начальные правила русской грамматики», выдержавшие множество изданий и называемые с 10-го издания «Краткой русской грамматикой». В 1832 г. вышли его «Практические уроки русской грамматики». В 1838–1844 гг. Греч опубликовал «Учебную всеобщую географию», в 1840-м — «Чтения о русском языке», в 1843-м — перевод «Всемирной истории» Беккера. Оставив в 1843 г. службу в Министерстве

финансов, посвятил свои труды главным образом составлению и изданию учебной литературы. Кроме переиздания ранее вышедших работ, выпустил «Русскую Азбуку» (1846), «Учебную русскую грамматику» (1851–1852), «Руководство к преподаванию по учебной русской грамматике» (1851), «Задачи учебной русской грамматики» (1852), «Русскую грамматику первого возраста» (1860–1865). После смерти Греча были изданы его «Записки о моей жизни» (1886)¹⁰.

А.Г. Ободовский (1795–1852) родился в Галиче в старинной дворянской семье. Первоначальное образование получил в Санкт-Петербургской губернской гимназии и хотел по примеру отца, талантливого врача, получить специальность медика, для чего поступил в Медико-хирургическую академию, но вскоре, разочаровавшись в своем выборе, перевелся в Главный Педагогический институт. Будучи студентом-выпускником института, по решению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова в 1816 г. вместе с Карлом Свенске, Федором Буссе и Матвеем Тимаевым был направлен за границу «для приобретения всех нужных теоретических и практических сведений для народного образования в своем отечестве». Главной целью командировки было «не что иное... как приобретение всех теоретических и практических сведений по части новой системы, изобретенной гг. Ланкастером и Беллем для народных училищ. Сие приобретение должно быть теоретическое, дабы вы, вникнув в дух сей системы и не довольствуясь одними наружными формами, могли, по возвращении вашем в Россию, применить сии познания к надобностям народного образования в нашем отечестве и показать на самом деле, что вы странствовали с пользою и с осмотрительностью. Но сие приобретение должно быть также практическое, дабы вы могли увериться в логической связи всех частей сей системы», — гласила подробная инструкция, данная студентам¹¹. В Англии студенты изучили модную тогда ланкастерскую систему образования, затем в Париже познакомились с системой Готье, затем учились в Швейцарии у Фелленберга и Песталоцци, в Германии у Линдера, Круга и Жирара. Из всех этих педагогов наибольшее внимание привлек Песталоцци «как тем воодушевлением, которое он вносил в дело, так и своими беседами о совершенствовании домашнего воспитания». Запомнил Ободовский и слова Песталоцци о естественном развитии индивида, и возбуждение в нем самостоятельности духа как конечную цель воспитания.

По возвращении в Петербург в 1820 г. Ободовский и его соученики были приняты преподавателями в Учительский институт, специализируясь в области преподавания географии, только Тамаев стал профессиональным преподавателем русского языка, остальные могли препода-

вать этот предмет как дополнительный. Кроме географии Ободовский временно преподавал в институте латинский язык и в 1822 г. — математику в средних классах 2-й гимназии. В 1825 г. пастор Муральт, увидев в Ободовском последователя педагогических идей Песталоцци, которые разделял и сам, предложил молодому педагогу вести в своем пансионе уроки русского языка, которые пришлось оставить после назначения Ободовского в 1830 г. инспектором классов Санкт-Петербургского воспитательного дома, где он принял на себя преподавание дидактики, педагогики, начальных оснований физики, технологии, энциклопедии, медицинских наук и др. Опираясь на полученный педагогический опыт, он в 1835 г. издал «Руководство к педагогике, или науке воспитания», а затем «Руководство к математической географии» (1836), выдержавшее до 1843 г. три издания. Особенно продуктивным стал 1838 г., когда вышли его «Руководство к дидактике, или науке обучения», «Руководство к физической географии», «Теория статистики в настоящем состоянии с краткой истории статистики». (Это сочинение было удостоено Академией наук Демидовской премии. Затем вышли «Начальные основания космографии» (1841) и «Краткая география Российской империи» (1844).)

С 1829 г. Ободовский состоял адъюнктом, а с 1830 — профессором Главного Педагогического института, где сначала читал географию, а затем еще статистику и педагогику, а с 1834 г. исполнял обязанности ученого секретаря конференции института. Он состоял действительным членом Санкт-Петербургского Минералогического и Императорского Русского географического обществ, а в 1845 г. был назначен членом ученого комитета при IV отделении Собственной его величества канцелярии. В 1849 г. Ободовский напечатал «Всеобщей географии учебную книгу» и «Краткую всеобщую географию», выдержавшие до 1874 и 1874 гг. по 14 изданий, в 1850-м — «Учебный атлас Российской империи» и «Руководство к черчению ландкарт по памяти, с приложением сеток частей света и первостепенных государств Европы». Кроме того, Ободовский поместил ряд статей по минералогии, педагогике и географии в различных периодических изданиях. В 1833 и 1834 гг. совместно с Е. Гурьевым и П. Гугелем он издавал первый в России «Педагогический журнал». В 1870 г. вышло «Обозрение земного глобуса с кратким обозрением России».

Неприятности по службе, которые ему пришлось испытать после 25-летнего служения, привели к ухудшению здоровья и смерти: 17 июля 1852 г. Ободовский скончался от апоплексического удара. Похоронен на Смоленском православном кладбище¹².

В.Т. Плаксин (7.04.1795 — 6.02.1869) родился в семье священника в Спасском уезде Рязанской губернии. По окончании Рязанской семинарии в 1817 г. поступил в Главный Педагогический институт в Петербурге, откуда в 1819 г. переведен во вновь открытый Санкт-Петербургский университет, где показывал примерные успехи в учебе. В 1921 г. в числе многих студентов исключен во время «разгрома» университета «по неблагонадежности» без класса, но с позволением вступить в гражданскую службу. Позже последовало разъяснение, что студент Василий Плаксин «неблагонадежен только к учительскому делу, и может быть принят в государственную службу», после чего он был «определен в департамент народного просвещения канцеляристом». Узнав о судьбе Плаксина, пастор Муральт в 1825 г. предложил ему место «приходящего учителя» для преподавания риторики, которое он оставил в 1831 г. в связи с большой занятостью преподаванием в военных учебных заведениях и подготовкой к изданию «Краткого курса словесности» (вышел в 1832 г.).

В 1827 г. В.Т.Плаксин, получивший опыт преподавания, был приглашен директором Морского кадетского корпуса адмиралом И.Ф. Крузенштерном провести пробные занятия российской словесности в классе гардемарин. После нескольких занятий Крузенштерн обратился к министру народного просвещения А.С. Шишкову с сообщением «о принятии <В.Т. Плаксина> в Морской корпус учителем словесности для испытания его способности к учительскому званию и найден им имеющим весьма достаточные сведения и хорошие способности. Посему он желал бы принять его в действительную службу в штат учителей Морского корпуса; но как при пожаловании Плаксину чина 10 класса права на учительское звание ему не возвращены, то он просил меня исходатайствовать сие право, которого он по справедливости достоин». Всеподданнейшая записка была подана Шишковым в октябре 1827 г., и уже 24 ноября 1827 г. была получена резолюция императора Николая I: «Предоставить служить там, где ныне находятся», чем Плаксину возвращались права кандидата университета с утверждением в 10 классе; с этого времени начинается его официальная учительская деятельность. В 1827 г. в Морском кадетском корпусе он продолжил чтение лекций русской словесности в офицерских и гардемаринских классах и первым ввел преподавание истории литературы. В это же время он начал чтение лекций в офицерских и старших юнкерских классах Артиллерийского училища, в 1828 г. — во 2-м Кадетском корпусе (в старших классах), в 1829 г. — в Технологическом институте, в 1830 г. — в Академии художеств и школе гвардейских подпрапорщиков, но в то же время, после столкновения с директором Н.И. Демидовым, оставил 2-й Кадетский

корпус. В 1835 г. после преобразования учебной части военно-учебных заведений он получил приглашение в 1-й Кадетский корпус, где в 1836 г. стал наставником-наблюдателем и оставил службу в Морском корпусе. В 1-м Кадетском корпусе Василий Тимофеевич преподавал до 1866 г. (до реформы 1864 г. — в корпусе, а после реформы еще два года в 1-й военной гимназии), всего 31 год. Вообще же 40 лет был преподавателем человек, признанный некогда неблагонадежным для учительских обязанностей! Из этих 40 лет 31 год падает на 1-й кадетский корпус — его любимое заведение; 26 лет — на Инженерное училище и 20 лет — на Артиллерийское училище, тоже весьма любимое им заведение.

Из учебников, написанных В.Т. Плаксиным, кроме уже упоминавшегося «Краткого курса словесности» (1832), переизданного со значительными исправлениями в 1834 г., отметим несколько раз издаваемое «Руководство к познанию истории литературы» (1833, 1834, 1846) и «Кадетские вопросы, или разбор книги “Руководство к познанию истории литературы”» (1834), «Учебный курс словесности с присовокуплением предварительных понятий о человеке» (в двух книгах, 1843–1844). В 1845 г. в Журнале Министерства народного просвещения начата, но не окончена им «История, или опыт истории изящных искусств в России». В.Т. Плаксин всего два дня не дожил до 50-летнего юбилея Петербургского университета, который при нем родился¹³. Похоронен В.Т. Плаксин на Смоленском православном кладбище. Скрамная эпитафия на могильном камне гласила: «Учитель словесности».

Несомненными свидетельствами педагогической деятельности названных нами педагогов пансиона служат успехи воспитанников пансиона в литературном творчестве, каким бы ни был род их основных занятий. Так, широко известен своими военно-историческими трудами генерал-адъютант, командир XIII гвардейского корпуса Константин Манзей (выпуск 1837 г.), посвятил себя филологии Герман Клеменц, а выпускник 1834 г. Александр Свечин, более 30 лет после окончания училища правоведения служивший по судебному ведомству, известен и как драматург (из его оригинальных и переводных пьес многие были поставлены на сцене Александринского театра. Он прекрасно перевел стихами драмы В. Гюго «Рюи-Блаз» (СПб., 1894) и «Король забавляется» (1896). Живя в Иерусалиме, под псевдонимом Старого паломника посылал корреспонденции в разные периодические издания. Переделал для сцены романы Ф.И. Достоевского «Идиот» и «Село Степанчиково»). В 1837 г. выпущены из пансиона Аркадий Дмитриевич (1822–1899) и Дмитрий Аркадьевич (1818–1893) Столыпины. Первый из них — профессиональный военный и придворный, скульптор-любитель, автор

«Истории России для народного и солдатского чтения» и ряда статей и воспоминаний, напечатанных в разных журналах и газетах; второй, выйдя в отставку, занялся устройством быта крестьян в своих многочисленных имениях и изучением экономических вопросов, результатом чего стали публикации «Арендные хутора» («Русский Вестник», 1892); «Граф Н.С. Мордвинов в его сельскохозяйственной деятельности» (1874); «Земледельческие порядки до и после упразднения крепостного права» (1874); «Из личных воспоминаний о Крымской войне» (1874). Посмертно друзья напечатали его большую работу «О существовании научных естественных законов для общественных явлений. По вопросу нашего сельского быта».

В Реформатском училище регулярное преподавание русского языка и литературы, как и в пансионе, предполагалось начать в 1825 г. К этому времени училище состояло только из трех начальных классов, и приглашенные Муральтом новые педагоги ограничились преподаванием русского языка и литературы хорошо подготовленным воспитанникам пансиона. Русский язык в училище преподавался первоначально воспитателями классов. Только в 1839 г. в штат училища был приглашен бывший преподаватель Главного Инженерного училища Логгин Абрамович Нувель, происходивший из иностранцев и получивший педагогическое образование в Петербурге в 1830-х гг.¹⁴ О его уроках русского языка в 1850-х гг. рассказывал учившийся в Реформатском училище будущий писатель и журналист Н.А. Лейкин: «Нувель — совсем больной старик. Иногда приходил в класс, садился и засыпал, и мы затихали, давая ему спать. Часто, придя в класс, принимал порошки, накапывал себе капель на сахар. Он был почти всегда в дремоте. Грамматику преподавал по Гречу «отсюда и досюда» и спрашивал в зубрежку. Книжкой для чтения была книга «Друг детей». О Пушкине, Гоголе, Грибоедове мы от него не слыхали...»¹⁵. Отдельные уроки русского языка после 1939 г. вел преподаватель русской истории И. Данилевский (1809–1879).

Возможно, такое отношение к преподаванию русского языка было обусловлено ослаблением влияния на учебный процесс постаревшего пастора Муральта и передачей управления училищем его инспектору Гордаку, как и Муральт, не владевшему языком и не имевшему муральтовских образования и широты интересов. Только с приходом к временному руководству училищем после смерти Муральта совета педагогов положение начало меняться, что отметил Н.А. Лейкин: «Русский язык и литературу в трех старших классах преподавал Н.С. Васильев — человек нестарый, сердечный, любящий свое дело. Он тотчас же начал нас знакомить с Пушкиным, Гоголем, Жуковским»¹⁶.

Проверка деятельности Реформатского училища в 1856 г. перед утверждением на директорский пост избранного советом училища лектора французского языка Санкт-Петербургского университета доктора Д.Д. Марго установила «слабую подготовку учащихся по русскому языку и литературе». Поэтому новый директор поспешил привлечь к преподаванию в помощь Н.С. Васильеву учителя русского языка из Главного немецкого училища (Петершуле) Василия Федоровича Лебединина и стал поручать ведение уроков русского языка «из платы по найму» штатным педагогам других учебных заведений.

Возможно, уроки Васильева и Лебединина помогли склонным к литературному творчеству воспитанникам училища Николаю Лейкину и Михаилу Пыляеву вырасти в настоящих знатоков русского языка и истории Санкт-Петербурга. Учеными-филологами стали Вильгельм Регель, приват-доцент Петербургского университета, сотрудник, а затем редактор журнала «Византийский Временник», издаваемого при Императорской Академии наук, Вольдемар и Эдмунд Фишеры, филологом, а затем домашним учителем — Хуго Ропенберг. Добавим к ним Митрофана Беляева, ставшего крупнейшим российским лесопромышленником и известным книгоиздателем,

Николай Степанович Васильев (умер в 1877 г.) преподавал в училище российскую словесность в 1856–1869 гг. Вместе с Гордаком, Лозиером и Тидеманом входил в совет педагогов, который управлял училищем после смерти пастора Муральта (1850–1856). В 1866 г. — старший учитель, имел годовую нагрузку 638 часов. Нередко Н.С. Васильев приглашал своих учеников на «домашние занятия» в снимаемую им квартиру в доме 6 по Большой Мещанской улице. 5 марта 1868 г. в память 50-летия основания училища был награжден орденом Св. Анны 3 степени. В 1875 г. стал коллежским советником со старшинством от 29 апреля, сотрудником Министерства народного просвещения.

Педагогическая деятельность В.Ф. Лебединина продолжалась 40 лет, в том числе 11 лет — в штате Реформатского училища (с 1.09.1883 по 25.10.1894)¹⁷, где он вел более 260 учебных часов в год. В 1862 г. он назначался переводчиком при управлении училищ Санкт-Петербургского учебного округа. С 1873 г. статский советник. Награжден орденами Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава I степени, Св. равноапостольного князя Владимира 3-й степени¹⁸, знаком «XL» за беспорочную 40-летнюю службу. Уволен от службы по прошению. Находясь в отставке, жил в доме 11 по Подольской улице. Умер В.Ф. Лебединин 1 января 1900 г. и был похоронен на Гатчинском католическом кладбище.

Столь же длительной, как и у В.Ф. Лебедкина, была и педагогическая деятельность Павла Густавовича Моравека, который преподавал в Реформатском училище историю, русский язык и словесность с 1.10.1877 по 1915 г., став штатным педагогом училища в январе 1878 г. Именно Моравек стал инициатором публикаций в ежегодных отчетах училища научных и методических работ преподавателей¹⁹.

Ставший в 1888 г. директором училища профессор Санкт-Петербургского университета Р.О. Ланге и в особенности сменивший его в 1901 г. профессор Санкт-Петербургского университета магистр римской словесности А.А. Брок вновь обратились к обыкновению приглашать в училище для преподавания видных педагогов и ученых. Так преподавателями русского языка в училище стали Дмитрий Павлович Белошапкин, Павел Иванович Беюл, Николай Иванович Коробка, Иван Андреевич Кубасов, Георгий Захарович Кунцевич, Михаил Григорьевич Курдюмов, Аркадий Иоахимович Лященко, Валериан Владимирович Майков.

В.В. Майков преподавал в Реформатском училище с 1.09.1887 по 1.08.1890 г. русский язык и русскую историю²⁰. Педагогическую деятельность Майков начал преподавателем латинского языка в Николаевском сиротском институте, в 1882 г. был переведен преподавателем в Нарвскую гимназию, а в 1887 г. — в Реформатское училище. Преподавал русский язык и русскую историю в гимназиях доктора Ф.И. Видемана, Ларинской, М.С. Таганцевой. Майков — автор биографии А.А. Дельвига, помещенной в «Сочинениях» поэта (СПб., 1893. С. III–XX) и др. издания, в 1886 г. составил совместно с В. Владимирским атлас «Виды города Нарвы и его окрестностей», в 1892 г. опубликовал литературоведческие исследования «Гоголь и Аксаков. К истории литературных влияний» и «Сказка о рыбаке и рыбке Пушкина и ее источники», в 1893 г. издал в прозаическом переводе со вступительной статьей и комментариями «Пиндар. Четыре эпипикия в честь Иерона Сиракусского и Эгнейского». Умер В.В. Майков 11 августа 1899 г. в чине статского советника и похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря. Вдове В.В. Майкова Марии и сыну Валериану назначены пенсии вне существовавших правил: «Государь Император по положению комитета министров в 3-й день июня 1900 г. Всемилостивейше соизволил на назначение умершего на службе бывшего учителя русского языка и словесности СПб. гимназии, содержимой Видеманом, статского советника Майкова Марии Майковой с несовершеннолетним сыном Валерианом, родившимся 2 сентября 1885 года за свыше 11-летней службы Майкова, пенсии вне правил в размере 333 р. 33 коп. в год (в тексте — прописью. — *А.В.*), т.е. из 500 руб., составляющих 2/3 оклада жалования (750 руб.), присвоенного должнос-

ти старшего учителя в столичных гимназиях по штатам от 17.04.1859, в т.ч. вдове в размере половины (250 руб.), и сыну одной трети от другой половины — 83 руб. 33 коп.»²¹.

В сентябре 1890 г. к преподаванию русского языка в училище «из платы по найму» приступил Александр Семенович Бернадский, начавший свою педагогическую деятельность в 1885/86 учебном году классным наставником и преподавателем русского языка в гимназии Императорского Человеколюбивого общества (ИЧО). В штате Реформатского училища числился с 1.09.1893 по 1.08.1899 г. Статский советник со старшинством от 1 августа 1895 г.²² Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени²³.

Майкову и Бернадскому, но, главным образом, А.И. Лященко пришлось выдержать немалые трудности, связанные с переходом преподавания грамматики по новым учебникам академика Я.К. Грота, основанным на его работе «Русское правописание», впервые опубликованной Академией наук в 1885 г.²⁴ Вопреки ожиданиям школьных педагогов, Грот сохранил написание букв *ять*, *фиты*, *ижицы* и *і*, употребление которых не было регламентировано определенными правилами. Имея в виду половинчатость мер, которые предлагал Я.К. Грот, А.П. Чехов писал 18 января 1887 г. М.Е. Чехову: «Если б от меня зависело, я упразднил бы и *ять*, и *фиту* (дурацкая буква!), и *ижицу*, и *і*. Эти буквы мешают только школьному делу, вводят в конфуз деловых людей, которым нет времени учиться грамматическим тонкостям, и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики». Употребление буквы *ѣ* как показатель грамотности человека Чехов высмеял в «Правилах для начинающих авторов» (1885), в рассказах «Мыслитель» (1885) и «Розовый чулок» (1886).

Историк литературы и библиограф Аркадий Иоакимович Лященко, приступивший к работе в училище в 1894 г. и бывший штатным педагогом училища и заведующим русской библиотекой для учащихся с 1 октября 1896 г. по 1 августа 1902 г.²⁵, оказал заметное влияние на преподавание в училище русского языка и истории, развитие литературных талантов воспитанников. В училище Лященко организовал и вел литературоведческий семинар учащихся, опыты которого нашли отражение на страницах ученических журналов, выпускавшихся в училище²⁶.

А.И. Лященко (1871–1931) — потомственный дворянин, сын офицера. В 1888 г. окончил гимназию в Житомире и поступил в Санкт-Петербургский историко-филологический институт, откуда в 1890 г. перевелся на историко-филологический факультет университета, который окончил в 1892 г. с дипломом 1-й степени. Педагогическую деятельность начал

в 1893 г. преподаванием истории русской словесности в частной женской гимназии С.И. Бибиковой, затем в 1899–1902 гг. совмещал преподавание в Реформатском училище и Павловском военном училище; в 1902–1917 гг. преподавал и исполнял должность инспектора в Петровском коммерческом училище. «Аркадия Иоакимовича мы ценим как симпатичного и в высшей степени гуманного, выдающегося как в педагогическом, так и в научном отношении преподавателя, искренне любимого и уважаемого всеми без исключения учениками. Реформатское училище никогда не забудет того, что он сделал для него в качестве учителя и классного наставника, в качестве заведующего основной библиотекой, русским отделением ученической библиотеки и пособиями для бедных учеников в должности делопроизводителя общества вспомоществования, наконец, как истинный друг своих учеников, в сердцах которых он создал себе нерукотворный памятник, — говорили, провожая А.И. Лященко в Петровское училище, его коллеги. — Да будет ему суждено и на новом поприще сеять в душах детей и юношей семена добра и пожинать обильные плоды». Успешная педагогическая деятельность Лященко способствовала его быстрому продвижению по Табели о рангах от чина коллежского асессора в 1896 г. до статского советника в 1905-м. Кроме преподавания А.И. Лященко занимается благотворительной деятельностью как председатель комитета общества «Детский клуб» (1909), товарищ председателя попечительного совета Сестрорецкого коммерческого училища, член совета Александро-Невской торговой школы (1915). Деятельности А.И. Лященко как историка литературы, журналиста и библиографа посвящены статьи в литературоведческих изданиях²⁷. С закрытием в Петрограде ряда учебных заведений, где он преподавал, в поисках заработка Лященко заведовал Профессиональными курсами сапожного, переплетного и мыловаренного мастерства (1918–1919), в 1920–1922 гг. был деканом словесного отделения Показательного музея-аудитории 1-го Городского р-на Петрограда, с 1922-го и до конца жизни заведовал Славянским отделом Библиотеки АН СССР. В 1925 г. избран членом-корреспондентом Всеукраинской АН, в 1928-м — членом-корреспондентом АН СССР по разряду русского языка и словесности Отделения гуманитарных наук. Летом 1926 г. как секретарь Славянской комиссии АН СССР и заведующий Славянским отделением Библиотеки Академии наук А.И. Лященко побывал в Чехословакии в командировке для налаживания обмена изданиями между АН СССР и научными учреждениями Чехии и Словакии. Умер Аркадий Иоакимович Лященко 12 сентября 1931 г. Сотрудники Института славяноведения посвятили его памяти пространный некролог²⁸.

Работая в Реформатском училище, Лященко жил в доме 11 по Подольской улице, затем — в доме Петровского Коммерческого училища (наб. р. Фонтанки, 62).

Учеными-филологами времени преподавания в училище Майкова и Лященко стали выпускники училища Александр Вальтер, Василий Гольцингер, Алексей Каль, Владимир Мясоедов, приват-доцент университета, хранитель Музея древностей при Петербургском университете, сотрудник журнала «Записки отдела русских и славянских архивов Русского архивного общества». Унаследовал и развил фамильную книго-торговлю Василий Глазунов.

Д.П. Белошапкин (1872 — после 1930). В Реформатском училище преподавал с 1902/03 учебного года до 1914 г. Родился в г. Суджа Курской губ. В 1893 г. окончил Владикавказскую гимназию и в 1897 — Петербургский историко-филологический институт по разряду истории и русской словесности и в 1897 г. поступил классным воспитателем в Гатчинский сиротский институт императора Николая I. Затем преподавал русский язык и словесность во 2-й (Коломенской) гимназии и географию в частном учебном заведении М.М. Турыгиной²⁹, был воспитателем в пансионе при гимназии ИЧО общества и преподавателем русского языка в этой гимназии³⁰. Оставляя штатную преподавательскую деятельность, служил делопроизводителем VII класса канцелярии Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах императрицы Александры Федоровны, продолжая вести уроки русского языка и словесности с оплатой по найму в гимназии ИЧО и Реформатском училище. В 1914 г. служил в канцелярии попечительства о трудовой помощи и преподавал в Реформатском училище. В 1917 г. статский советник, директор правления Товарищества борьбы с жилищной нуждой. В 1930 г. жил на Греческом пр., 17 и вновь работал преподавателем. В 1904 г. отдельными оттисками вышли его публикации «Памяти А.П. Чехова» (12 с.) и «Петр Александрович Плетнев как литературный критик» (23 с.).

Павел Иванович Беюл (1874, г. Оргеев, Бессарабия — после 1930, Ленинград) с 14.09.1901 г. преподавал в училище географию³¹ и с 30.01.1902 г. русский язык³². В 1892 г. Беюл с золотой медалью окончил гимназию императора Александра III в Болграде, и в 1897 — курс наук в Санкт-Петербургском историко-филологическом институте (древние языки и русская словесность), став в 1897 г. помощником классных наставников и преподавателем греческого языка в 1-й Санкт-Петербургской гимназии. В следующем году он перешел в гимназию ИЧО воспитателем при пансионе и преподавателем латинского и русского языков (с 18.11.1898 сроком на 1 год; Циркуляры..., 1898, 34). Преподавал в гим-

назии ИЧО до середины 1912 г., оставаясь там воспитателем пансиона. В Табели о рангах прошел ступени от коллежского асессора в 1898 г. до статского советника в 1910-м. В 1914–1917 гг. — статский советник, преподаватель в гимназии ИЧО и Реформатском училище, секретарь О-ва вспомоществования бывшим и настоящим ученикам гимназии ИЧО. После закрытия гимназии ИЧО и Реформатского училища (1918) преподавал в 34-й Единой советской трудовой школе (наб. р. Мойки, 104). Первым из педагогов Реформатского училища ввел в практику преподавания географии тематические экскурсии и в 1912 г. опубликовал методическое пособие «Общеобразовательная поездка “В память 1812 г.” и другие экскурсии, совершенные воспитанниками училища при Реформатских церквях в 1911–1912 учебном году под руководством преподавателя П.И. Беюла».

Н.И. Коробка (1872–1920) преподавал в Реформатском училище русский язык и словесность с 1901/02 учебного года до середины 1905/06, оставив школьную преподавательскую деятельность, начатую в 1897 г., для углубленных занятий литературной критикой, работы в Археографической комиссии Министерства народного просвещения и преподаванию в высших учебных заведениях (в 1910–1917 гг. он преподавал в Санкт-Петербургском учительском институте, Психоневрологическом институте, педагогических курсах Фребелевского общества). Кроме того, он был секретарем правления Санкт-Петербургского педагогического общества взаимопомощи. Литературно-критическая и творческая деятельность Н.И. Коробки хорошо изучены и не лежали в области школьного образования³³. Жил Н.И. Коробка в доме 5 на Английском пр. Его жена Александра (урожденная Хлапонина), окончив Высшие женские курсы, с 3.06.1900 преподавала в гимназии Ставиской.

И.А. Кубасов (1875–1937) начал преподавательскую деятельность в гимназии Карла Мая и Реформатском училище в 1902 г. по окончании Императорского Историко-филологического института; оставил преподавание в 1909 г. и посвятил себя литературной и редакционно-издательской деятельности. В 1915–1917 гг. статский советник, заведующий книжным складом Императорской Академии наук, помощник редактора «Правительственного Вестника». Автор биографических очерков о русских писателях и деятелях культуры. Среди персонажей его исследований А.П. Бентицкий, А.Н. Майков, Н.В. Кукольник, Измайлов, П.Г. Ободовский, А.И. и В.Ф. Одоевские, А.Н. Оленин, А.С. Пушкин, И.Н. Скобелев...

Г.З. Кунцевич (1872–1925) преподавал в Реформатском училище русский язык с 1.08.1899 по 1915 г. В штате с 1.02.1903³⁴. По окончании

Курской гимназии на стипендию императора Николая I в 1890 г. поступил и в 1895-м окончил курс Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. В 1896 г. был прикомандирован к Петербургскому университету для приготовления к профессорскому званию и в 1899/1900 учебном году выдержал экзамен на степень магистра русского языка и словесности. В 1900 г. избран в члены-корреспонденты Императорского общества любителей древнего письма. С 1911 г. сотрудник Императорской Археографической комиссии. В 1915 г. статский советник, магистр русской словесности, приват-доцент Петроградского университета. Кроме Реформатского училища преподавал русский язык в гимназии ИЧО.

В 1916 г. Г.З. Кунцевич избран экстраординарным профессором кафедры русской словесности Варшавского университета, вскоре эвакуированного в Ростов-на-Дону, куда переехал и Кунцевич и где работал до конца жизни. С.П. Розанов в статье «Памяти профессора Георгия Захаровича Кунцевича» в 1925 г. писал: «В научно-педагогическом круге Петербурга Г.З. был достаточно известен. Это был человек тихий до робости, скромный, без каких-либо внешних претензий, несколько замкнутый, но очень доброжелательный. Интересы его сводились, главным образом, к научно-педагогическим занятиям. В научной сфере его деятельность выразилась в довольно большом ряде печатных научных работ и рефератов. За 17 лет его научной жизни, вплоть до 1915 года, им напечатано до 30 работ. Темы этих работ — почти все — относятся к XVI столетию, именно к эпохе Грозного, причем треть их касается “Истории о Казанском царстве”, взявшей более половины всей затраченной автором научной энергии; затем крупная работа о сочинениях князя Курбского, а среди прочих работ — связанные с крупными именами XVI в.: митрополита Макария и архиепископа Новгородского Феофосия, работы по описанию рукописей. <...> И наш долг почтить таких работников благодарными воспоминаниями»³⁵. Одна из работ Кунцевича опубликована в «Отчетах Реформатского училища»³⁶.

В 1899/1900 учебном году русский язык во II классе училища преподавал выпускник Варшавского университета Михаил Григорьевич Курдюмов (1869 — после 1935)³⁷, сотрудник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питий. Всю свою последующую деятельность М.Г. Курдюмов посвятил изучению древних рукописей. В 1906 г. он стал научным сотрудником Археографической комиссии, с 1915-го — членом Императорских обществ археологии и любителей древней письменности. В августе-сентябре 1919 г. был командирован академиком С.Ф. Платоновым для обследования архива и библиотеки

Кирилло-Новоозерского монастыря, где скопировал приходно-расходные памятные книги и книги XVI–XVII вв. и представил рукописный отчет о проделанной работе. В отчете приведено описание событий, свидетелем которых явился ученый. В 1920 г. Курдюмов эмигрировал во Францию, где опубликовал ряд результатов своих исследований и размышлений о судьбах современной ему России.

В 1914/1915 учебном году в женской гимназии при реформатских церквях (Мойка, 104) и гимназии Императора Александра I русский язык преподавала детская писательница Вера Павловна Мохначева.

Ряд ставших литераторами воспитанников пансиона пастора Муральта продолжили и выпускники Реформатского училища: в 1899 г. окончил гимназический курс училища Юлий Форсман, ученый-филолог, педагог и деятель народного просвещения. Литератором стал ученик Реформатского училища периода 1905–1910 гг. Всеволод Курдюмов, поэт и драматург круга Ахматовой и Гумилева, автор более 20 книг, изданных в 1920–1930-х гг.

Приведенными нами весьма краткими сведениями о склонных к литературному творчеству выпускниках пансиона и училища эта тема далеко не исчерпывается. Она заслуживает особого исследования.

Традиции преподавания русского языка и литературы, сложившиеся в Реформатском училище, изучены педагогами нынешней 636-й школы, расположенной в здании училища. Педагоги Марина Михайловна Былинская, Елена Петровна Воронова, Любовь Николаевна Иванова, Ирина Сергеевна Кирсанова вели преподавание по авторским программам, вводя в них элементы истории литературы и библиографии. Ученики школы, Наталья Андросова, Дарья Брюхова, Александр Грязнов, Иван Куренбин, Илья Теребилов, Иван Ботанцов, под руководством педагогов-филологов и с помощью преподавателей истории и краеведения готовили свои первые научные сообщения по истории Реформатского училища и его преподавателей и успешно выступали с ними на городских и российских историко-краеведческих чтениях. Статьи начинающих исследователей опубликованы в петербургском детском историческом журнале «Автобус» и историко-краеведческом сборнике «Наследники великого города». Стихи юных поэтесс Александры Михеевой и Александры Наливкиной вошли в сборник «Новые имена Санкт-Петербурга (М., 2002).

Примечания

- ¹ ПСЗ. Т. XIV. Ст. 10724.
- ² РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 275. Л. 9–9об.
- ³ Ревуненкова Н.В., Векслер А.Ф. Иоганн фон Муральт // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб., 2005. Т. II. Девятнадцатый век. Кн. 4. С. 262–263.
- ⁴ *Zdekauer N.* Reminiscences de la pension du pasteur Jean de Muralt, de 1825 a 1831. SPb., 1874. P. 1–39; *Лейкин Н.А.* Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003.
- ⁵ *Векслер А.Ф.* Пансион пастора Муральта // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Библиографический аспект. Вып. 1. СПб., 2003. С. 231–243; *Боглачев С.* Пансион Муральта // Адреса. 2005. № 20/32. С. 16–19; *Векслер А.Ф.* Реформатское училище и история застройки участка на Мойке, 38 // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): Библиографический аспект. Вып. 4. СПб., 2008. С. 231–243.
- ⁶ В 1811–1812 гг. здесь работала предшественница пансиона — частная мужская школа пастора Муральта.
- ⁷ Последующие статьи цикла будут посвящены изучению географии и истории, математики, иностранных языков.
- ⁸ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 49922. Л. 125–126.
- ⁹ *Григорьев В.В.* С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 21, 39 и след.; *Кибальник С.А.* Бутырский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1991. С. 378–379.
- ¹⁰ *Zdekauer N.* Op. cit.; *Карпов А.А.* Греч // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Библиогр и арх. источн.
- ¹¹ *Ободовский А.Г.* Отправка молодых педагогов за границу в 1816 г. // Русская старина. 1880. № 11.
- ¹² *Zdekauer N.* Op. cit.; Ободовский Александр Григорьевич // Русский биографический словарь: В 25 т. / А.А. Половцов. М., 1896–1918. Т. 17. С. 7; *Свенске К.* Несколько слов в память А.Г. Ободовского // СПб. Ведомости. 1852. № 153, 154; Краткое обозрение действий Главного Педагогического Института // ЖМНП. 1836. Ч. IX. С. 581.
- ¹³ Плаксин Василий Тимофеевич // Русский биографический словарь... Т. 19. С. 9; Маяковский, И.Л., Николаев, Н.И. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1818–1918. Пг., 1919. Т. 1. 1819–1835. С. 336–337; Рассказы из воспоминаний Плаксина // Русская старина. 1880. Кн. 8–12. С. 757–758, 761–764; Саитов, III, 425. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. С. 250.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 4. 1851–1855.
- ¹⁵ *Лейкин Н.А.* Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003. С. 168.
- ¹⁶ *Лейкин Н.А.* Указ. соч. С. 180.
- ¹⁷ Циркуляры Санкт-Петербургского учебного округа, 1894. С. 532.
- ¹⁸ Там же. 1889. С. 7.
- ¹⁹ *Моравек П.Г.* А.С. Грибоедов и его комедия «Горе от ума» // Отчеты... за 1878/79 уч. год. СПб., 1879. С. 1–26; Его же. В память по в Бозе почившем Государе императоре Александре II Николаевиче // Отчеты... за 1880/89 уч. год. СПб., 1881. С. 1–17.
- ²⁰ Циркуляры Санкт-Петербургского учебного округа, 1887. С.306; 1890. С. 371.
- ²¹ Там же. 1900. С. 434.
- ²² Там же. 1890. С. 368; 1896. С. 312; 1899. С. 429.
- ²³ Там же. 1888. С. 42; 1896. С. 262.
- ²⁴ *Грот К.Я.* Русское правописание // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. XXXVI. № 1. С. 1–144.

- ²⁵ Циркуляры Санкт-Петербургского учебного округа, 1897. С. 131; 1902. С. 628.
- ²⁶ Векслер А. Ф. Ученические журналы и сборники // Петербургская школа. 1998. № 1. С. 38–42.
- ²⁷ Поляков С. Г. А. И. Лященко // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3 (К–М). М., 1994. С. 447; Перетц В. Н. Список работ Лященко // Труды института славяноведения АН СССР, 1932. Т. 1; Русская наука о литературе в конце XIX — начале XX в. М., 1982.
- ²⁸ Перетц В. Н. Памяти Аркадия Иоакимовича Лященко // Труды Ин-та славяноведения АН СССР. 1932. Т. I. С. 354–376.
- ²⁹ Циркуляры Санкт-Петербургского учебного округа, 1898. С. 146.
- ³⁰ Там же. 1899. С. 167, 420.
- ³¹ Там же. 1901. С. 465.
- ³² Там же. 1902. С. 200.
- ³³ Казбек М. М. Н. И. Коробка // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь... С. 74–75.
- ³⁴ Циркуляры Санкт-Петербургского учебного округа, 1899. С. 424; 1903. С. 325.
- ³⁵ Розанов С. П. Памяти профессора Георгия Захаровича Кунцевича. Л., 1925.
- ³⁶ Кунцевич Г. З. Феодосий, архиепископ Новгородский (1491–1563) // Отчеты... за 1900/01 уч. год. СПб., 1901. С. 1–14.
- ³⁷ Циркуляры Санкт-Петербургского учебного округа, 1899. С. 470; 1900. С. 474.

XX век

Н.А. Цветкова

П.А. Фрикен — один из пионеров варки отечественного оптического стекла

В самом начале Первой мировой войны в России выявилось катастрофическое положение с обеспечением армии и флота оптическими приборами. Монополистами в области производства стекла и оптических приборов более ста лет были немецкие фирмы Отто Шотта и Карла Цейсса. Варили оптическое стекло также на заводах Парро-Монтуа во Франции и братьев Ченз в Англии. Поставки из-за границы вскоре прекратились. Запасы стекла кончились. Имевшиеся в Москве и Петербурге сборочные мастерские остановились. Главное артиллерийское управление потребовало в срочном порядке организовать собственное производство.

Изготовление оптического стекла в начале XX в. относилось к числу самых сложных и засекреченных технологических процессов. Ни специалистов, ни литературы по стекловарению в России не было. Попробовали варить оптическое стекло на Императорском фарфоровом заводе, имевшем опыт изготовления художественного стекла. Главным инженером завода в это время был недавно окончивший Горный институт Н.Н. Качалов. Первые опыты в 1914 г. не дали положительных результатов: печи, отапливаемые дровами, оказались непригодными для варки оптического стекла.

Для отработки основ технологии получения стекла в августе 1915 г. была создана авторитетная комиссия из академика Н.С. Курнакова и профессоров химии и физики Д.С. Рождественского, В.Е. Тищенко, Н.А. Пушина и специалиста по расчету печей В.Е. Грум-Гржимайло. Государство выделило 200 тысяч рублей на эксперименты. В.Е. Грум-Гржимайло приступил к созданию печи на нефтяном топливе. На заводе был организован отдел стекла во главе с заведующим И.В. Гребенщиковым, ранее ассистентом Н.А. Пушина¹. Его помощниками стали инженеры К.П. Мельников и П.А. Фрикен.

Петр Александрович Фрикен (1880–1944) относится к старинному роду фон Фрикенов, известному в Европе с начала IX в. Первый пред-

ставитель российской ветви этого рода Федор Карлович фон Фрикен (1781–1849) служил в Тенгинском полку, участвовал в Наполеоновских и русско-шведских войнах, был сподвижником А.А. Аракчеева, дослужился до чина генерал-лейтенанта. Его сын Александр, рождения 1827 г., окончил Пажеский корпус, служил в гвардии, затем был видным земским деятелем. Внук Федора Карловича, Петр Александрович Фрикен, окончил Политехнический институт и стал одним из пионеров варки отечественного оптического стекла².

К концу 1915 г. были готовы четыре производственные печи и две опытные. Под руководством профессора химии Петербургского университета В.Е. Тищенко инженеры отдела стекла П.А. Фрикен, К.П. Мельников, В.С. Косоглядов и техник Г.И. Поляков приступили к освоению технологии варки. Печи первоначально помещались в деревянном сарае, и при вывозе из печи горшка с горячим стеклом начался пожар. Строительство производственных зданий, газового завода и трехэтажного здания для физической и химической лабораторий и группы расчетчиков состава стекол продолжалось до конца 1916 г. Шли месяцы, но годного стекла так и не получалось.

Пришлось идти на поклон к союзникам. Зимой 1915/16 г. правительство договорилось с английской фирмой Братьев Ченз о продаже за 600 тысяч рублей золотом технологической и конструкторской документации на производство оптического стекла. В феврале 1916 г. Н.Н. Качалов через Скандинавию, в обход воюющей Европы, привез в Петроград описание процессов и чертежи оборудования. К этому времени по проекту В.Е. Грум-Гржимайло была закончена постройка здания стекловаренного цеха, названного по форме крыши «шатром Грума». Командовал новым цехом П.А. Фрикен, мастером по опытным варкам был Г.И. Поляков. Гончарным цехом по производству стекловаренных горшков руководил К.П. Мельников³. Освоения варки оптического стекла по английской технологии началось под руководством И.В. Гребенщикова и при непосредственном участии молодых специалистов А.А. Лебедева и И.В. Обреимова. Работа сводилась к строгому исполнению довольно примитивных английских приемов. Для детального ознакомления с процессами производства стекла И.В. Гребенщиков с инженером-переводчиком Б.Ф. Тарнке, стекловаром Ф. Ибеком, специалистом по горячей обработке стекла К. Тихоновым и гончаром М. Самсоновым были командированы на завод Чензов в Бирмингеме⁴.

В мае 1916 г. было получено полтора пуда бесцветного стекла. Из стекла этой варки изготовили призму, испытали в Артиллерийском ведомстве и признали годной. Начало казалось обнадеживающим. Оп-

тический отдел посетил Император Николай II, наградил рабочих денежными премиями, а П.А. Фрикена — памятным подарком и орденом Святого Станислава 4 степени.

Производство стекла стало налаживаться. На 15 апреля 1917 г. в оптико-механические мастерские было передано 206,6 пудов годного стекла трех марок⁵. Весной 1918 г. в мастерской Обуховского завода был изготовлен и собран первый бинокль из отечественного стекла, полученного на Фарфоровом заводе.

Революционные события в России привели к постоянной смене руководства на Фарфоровом заводе. После Февральской революции завод был передан в ведение Министерства торговли и промышленности, в марте 1918 г. — в Наркомат народного просвещения, в июне того же года завод был национализирован и получил статус государственного предприятия. Сменялись директора: в 1917 г. им был Н.Н. Пушкин, в 1918 г. — Н.Р. Тонков. Общим в этот период был вопрос об угрозе закрытия завода. Но завод не остановился. Он продолжал работать, сохраняя объем выпуска изделий из фарфора на довоенном уровне. Со стеклом было сложнее. В январе 1918 г. цех оптического стекла прекратил работу из-за отсутствия топлива и дорогостоящего сырья. После подчинения Наркомпросу средства были получены, и работа возобновилась.

Немалую роль в поддержании работоспособности завода сыграл П.А. Фрикен, помощник директора по административно-хозяйственной части при Н.Н. Пушкине и заместитель директора по технической части при Н.Р. Тонкове. В июле 1918 г. по предложению рабочих, утвержденному Наркомом просвещения А.В. Луначарским, П.А. Фрикен назначается «Красным директором» Фарфорового завода.

Первостепенной становится проблема кадров. Часть квалифицированных рабочих вымерла от голода и болезней, другая часть уехала в деревни, чтобы прокормиться от земли. Уехал в деревню и И.В. Гребенщиков. В июле 1918 г. в Орловскую губернию за ним с личным письмом наркома просвещения А.В. Луначарского был послан Г.И. Поляков. Чтобы не потерять приобретенный опыт, при заводе организуется подготовка рабочей молодежи на вечерних курсах Школы по керамике и стеклоделию, председателем педагогического совета которой становится П.А. Фрикен. В 1918 г. в школе учились 28 учеников в возрасте от 12 лет и старше. И еще одно новшество: в 1919 г. на заводе образуется отдел открытий, изобретений и усовершенствований, куда может представить свои предложения каждый рабочий. Зафиксировано, что «в результате экспериментов, проведенных под начальством заведующего

пехом оптического стекла М.С. Максименко, в 1921 г. получено прозрачное кварцевое стекло. В 1922 г. оно впервые в России внедрено в производство»⁶.

Д.С. Рождественский также озабочен угрозой потери опыта. Он пишет в Комиссию по изучению естественных производительных сил (КЕПС): «Оптическая промышленность находится в таком же параличе, как и остальная промышленность страны. Для некоторых производств нет соответствующих мастеров. Целесообразно организовать центральное учреждение»⁷.

15 декабря 1918 г. был образован Государственный оптический институт, первой задачей которого было создание производства оптического стекла на научной основе. Первыми сотрудниками института стали ученые отдела стекла Фарфорового завода, первым директором — Д.С. Рождественский. Он всеми средствами и силами два года поддерживал жизнь оптического производства. Но в 1920 г. оно остановилось на три года, ценное оборудование было убрано, хранителем его назначен Г.И. Поляков. В следующем году оптическое производство было подчинено ГОИ. Многочисленные обращения профессора Рождественского в военные и гражданские организации о необходимости восстановления оптического производства дали результат 23 августа 1923 г. В этот день президиум Высшего совета народного хозяйства под председательством Рыкова принял решение о передаче оптического отдела Петроградского Фарфорового завода в ведение Главного управления военной промышленности в виде Петроградского завода оптического стекла⁸. От Фарфорового завода новому предприятию отошла часть территории со зданиями и сооружениями оптического производства. С 1924 г. завод стал называться Ленинградским заводом оптического стекла. Свидетелями этого времени являются надстроенное трехэтажное здание лабораторий, ставшее заводоуправлением, и «круглая башня» — здание газгольдера, построенное по чертежам Ченза, в котором в конце 1940-х гг. разместился участок плавленного кварцевого стекла.

П.А. Фрикен по состоянию здоровья в 1923 г. перешел на преподавательскую деятельность. Читал курсы физико-химических дисциплин в Инженерно-экономическом, Технологическом и Текстильном институтах.

Примечания

¹ *Стойжаров А.И.* Наука об оптическом стекле в ГОИ за 50 лет // 50 лет ГОИ им. С.И. Вавилова (1918–1968): Сб. статей. Л., 1968. С. 449–451.

² Рыхлаков В.Н. Род фон Фрикенов в российской истории и культуре // ИРГО. Вып. 8. СПб., 1997. С. 90–91.

³ Поляков Г.И. Из истории завода. Л.: Библиотека НИТИОМ, 1957. Машинопись. С. 1–34.

⁴ Гребеничиков И.В., Качалов Н.Н. Химический сектор ГОИ за 15 лет его существования // 15 лет ГОИ: Сб. статей / Под ред. акад. С.И. Вавилова. Л.; М., 1934. С. 160–165.

⁵ Рождественский Д.С. Записка об оптическом стекле / Труды ГОИ. Т. VIII. Вып. 84. Л., 1932. С. 1–15.

⁶ Носович Т.Н., Попов И.П. Государственный Фарфоровый завод. 1904–1944. СПб., 2005. С. 15, 24, 166–168, 172–174, 714.

⁷ Архив АН СССР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 196. 1918. Л. 6–8.

⁸ ЦГА СП (б). Ф. 1552. Оп. 3. Д. 56. Л. 118–120.

Т.А. Шрадер

«Немецкое засилье» и борьба с ним в Петрограде и губернии в годы Первой мировой войны

Первая мировая война нарушила не только экономические, политические контакты между Россией и Германией, но и сложившиеся на протяжении многих десятилетий межэтнические связи между немцами и гражданами России. В конце XIX — начале XX в. Германия и Россия были деловыми партнерами. В России многие из государственных и представителей деловых кругов России были выходцами из Германии. Германский капитал играл положительную роль в развитии экономики России. Но с началом Первой мировой войны складывались очень сложные межгосударственные отношения, которые подогревались националистическими настроениями ряда представителей государственной власти и российскими газетами. До начала Первой мировой войны в правящих кругах России, среди которых преобладали германофильские настроения, гасились возникавшие дебаты относительно «немецкого засилья» в России. Председатель Совета министров Б.В. Штюрмер, бывший ранее заядлым германофилом, неожиданно стал инициатором создания Особого комитета по борьбе с немецким засильем. Совет министров одобрил это предложение, 22 марта 1916 г. это решение было «высочайше» утверждено.

В XX в. германо-российским отношениям в годы Первой мировой войны посвящен ряд исследований. Значительное число было опубликовано во второй половине XX в.¹, среди них надо выделить книгу И.Г. Соболева, вышедшую в начале нынешнего столетия и посвященную вопросу «немецкого засилья»². В ней автор использовал ранее опубликованные работы, но основная часть исследования базировалась на архивных материалах, раскрывающих деятельность указанного выше Особого комитета.

Борьбу с «немецким засильем» правительственные круги вели в двух направлениях.

Первое — ликвидация землевладения лиц немецкого происхождения. Интерес руководства страны к проблеме немецкого землевладения в первую очередь заключался в стремлении каким-то образом решить животрепещущую для страны аграрную проблему. Это подтверждается резолюцией императора Николая II от 2 мая 1915 г., который поддерживал этот курс: «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса наладить теперь же подготовку земель казенных»³.

2 февраля и 13 декабря 1915 г. были опубликованы законы о землевладении и землепользовании иностранцев — подданных воюющих государств, а также состоявших в русском подданстве выходцев (немецких колонистов-поселенцев). В первую очередь законы касались тех, кто проживал в полосе шириной в сто верст вдоль границы от устья Западной Двины вдоль Балтийского моря до реки Торнео в Финляндии⁴.

В книге И.Г. Соболева подробно представлен процесс «отчуждения» земель под руководством Особого комитета по борьбе с немецким засильем, проводимый в 29 губерниях европейской части России⁵. В итоге на 1 января 1917 г. было «отчуждено» 1774 владения площадью 406 485 десятин, что для российских земельных просторов было довольно скромным результатом⁶. Вместо запланированных двух миллионов десятин Крестьянский поземельный банк выкупил у немцев 144 894. При этом необдуманные действия правительства, связанные с «борьбой», усугубляли продовольственную ситуацию в стране⁷.

Не обошла стороной деятельность Особого комитета Петроград и Петроградскую губернию. Необходимо отметить, что численность жителей немецкой национальности в Петербурге на 1910 г. составляла приблизительно 47,4 тысяч человек, т.е. 2,5 % от общего числа жителей столицы⁸, а число немецких крестьян-колонистов (поселенцев) в конце XIX в. было 3 % от общего числа крестьянского населения Санкт-Пе-

тербургской губернии⁹. На 1 апреля 1916 г. немцами в Петроградской губернии было продано Крестьянскому поземельному банку всего 167 имений общей площадью 3280 десятин, из них 128 принадлежали германским подданным, 39 владений — неприятельским выходцам (колонистам), среди них были жители Стрельнинской, Среднерогатской и Новосаратовской колоний¹⁰. На 1 января 1917 г. в Петроградской губернии Крестьянским поземельным банком было выбрано к покупке владений неприятельских подданных 256, неприятельских выходцев (колонистов) 408 владений, поставлены на торги 24 владения, продано же 16 усадеб¹¹. Судя по приведенным данным, политика «отчуждения» земель, на которых проживали немецкие крестьяне под Петроградом, не достигла желаемого для правящих кругов результатов, но при этом затронула судьбы семей немецких крестьян, проживавших в Петербургской губернии на протяжении почти полутора столетий.

Вторым направлением ликвидационной политики правительства была борьба с «немецким засильем» по закрытию в России деятельности промышленных и торговых предприятий, которые были созданы на базе германских капиталов. В начале войны, в 1914 г., был принят ряд указов, которые были вызваны исключительно военной необходимостью. Все ведомства получили право отчуждать в собственность государства патенты или усовершенствования, имеющие государственное, общественное или промышленное значение. В начале февраля 1915 г. министр финансов П.Л. Барк попытался разделить предприятия на промышленные и торговые, но этому воспрепятствовали некоторые министры. Неудачи на фронте подогревали шовинистические настроения, и если крупные финансовые олигархи относились к борьбе с «германским засильем» негативно, то мелкие предприниматели усматривали в этом возможность получить значительные доходы при дележе немецкого промышленного и торгового «германского наследства». Правящие круги учитывали эти настроения и подыгрывали им¹².

Правительством был выпущен ряд постановлений, ограничивавших деятельность германских подданных как владельцев предприятий. Так, 10 мая 1915 г. опубликован указ о ликвидации торгово-промышленных предприятий, которые функционировали по германским уставам. Далее, 1 июля того же года было объявлено подписанное императором постановление о том, что ликвидация распространялась на фирмы с русским уставом, в которых участвовал германский капитал. Но при этом надо отметить, что в России было всего 34 акционерных общества, которые руководствовались германским уставом, и 600 акционерных обществ, в которых участвовал германский капитал, с русским уставом¹³. В конце

января 1917 г. был предпринят последний шаг в деле борьбы с «германизмом» — принято решение о принудительной продаже «неприятельских акций»¹⁴. Правительственные чиновники подбадривали себя, заявляя, что «те события, которые происходят сейчас в Европе, случаются раз в столетие, поэтому следует использовать эпоху в целях освобождения русской промышленности от нежелательных капиталов»¹⁵. Представители правящих кругов проводили непоследовательную политику, волновал их не качественный, а количественный результат. Мелкие немецкие фирмы ликвидировались безболезненно, но, несмотря на распространяемую демагогию о господстве в российских банках немецкого капитала и различного рода призывы ряда газет, нетронутыми остались все коммерческие банки¹⁶.

В журналах заседаний Особого комитета по борьбе с немецким заисием представлен список всех торгово-промышленных акционерных обществ и фирм, где в той или форме был немецкий капитал. Согласно этим данным и представлениям Министерства торговли и промышленности, 711 торгово-промышленных предприятий с немецким капиталом были подчинены правительственному надзору, располагались они по всем районам России от Николаевска-на-Амуре и Владивостока до Ревеля и Риги, от Архангельска до Астрахани. Из этих предприятий, в той или иной степени принадлежавших немцам, 181 находилось в Петрограде¹⁷.

Безусловно, нет возможности перечислить все эти организации, но надо сказать, что в списке присутствовали «Сименс и Гальске», «Сименс-Шуккерт», акционерные общества электрических заводов, товарищество пароходства и судоходства Тегельсена Э.К., Механический завод «Титан», Акционерное общество аккумуляторных заводов «Тюдор», резиновая мануфактура «Треугольник» и многие другие. Из небольших частных предприятий можно назвать следующие: типографная и переплетная фабрика Шварца В.В., кондитерская и пекарня Шниринга, цветочный магазин Эйлерса, кинематограф «Унион», две колбасные Шваба, фабрика и магазин роялей Ольсена А.К., акционерное общество «Европейская гостиница», фотография Боассона и Эглера, шляпный магазин Боркевиц О.Ф., булочная и пекарня Альбрандт, мастерская и магазин мебели «Беккер А. и компания», значительное количество различного рода товариществ, торговых домов и пр. Владельцами их были немцы.

Приведем некоторые небезытересные выдержки из Журналов Особого комитета, касающиеся таких предприятий.

В сентябре 1916 г. было проведено заседание по правительственному надзору, в том числе введении временного управления и ликвидации

общества по производству строительных работ фирмы «Бодо Эгесторф и компания». Это общество действовало на основании Высочайше утвержденного 25 февраля 1913 г. устава. Учредителями его были германские подданные Эгесдорф и Рюгенберг и потомственный гражданин России Гротен. Основной капитал составлял 600 000 руб., разделенный на 6000 акций по 100 руб.; 5700 акций были расписаны на учредителей. В состав правления входил директор и кандидат в директора. Фирма производила канализационные, водопроводные, асфальтовые и другие строительные работы. Обществу принадлежал бетонный завод в Петрограде. В 1916 г. во время рассмотрения вопроса об его ликвидации проводились работы на Обуховском сталелитейном заводе, Александровском снарядоделательном заводе, шли работы для Олонецкой железной дороги. Межведомственное совещание при Министерстве торговли и промышленности признало в рассматриваемом предприятии значительное участие немецкого капитала, вследствие чего было решено закрыть Общество, но, поскольку оно производило работы по заказам казенных учреждений, применив закон от 1 июля 1915 г., приняли решение образовать особое правление для заведывания делами общества и его ликвидации, поручив правлению продать предприятие на ходу, без нарушения деятельности¹⁸.

12 июля 1916 г. Совет Министров передал на обсуждение Особого комитета вопрос о мерах, которые необходимо принять к акционерному обществу русских электрических заводов «Симентс и Гальске», русскому обществу «Сименс и Шуккерт», Всеобщей компании электричества, Обществу соединительных кабельных заводов, Обществу электрического освещения. Этим вопросам Особый комитет посвятил 5 заседаний. Министр морского флота И.К. Григорович, Глава Военного ведомства Д.С. Шувалов, начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А. Мониковский, министр торговли и промышленности В.С. Шаховской высказывались за осмотнительное решение судеб этих обществ, так как эти предприятия были заняты исключительно выполнением заказов, связанных с обороной¹⁹.

Познакомимся с некоторыми из этих предприятий.

АО «Сименс и Гальске» в России было создано в 1898 г. Основной капитал его составлял 5 600 000 руб., разделен на 14 000 акций по 400 руб. на предъявителя. В мае 1914 г. германским подданным принадлежало 13 436 акций, 12 000 из которых до войны принадлежало берлинскому обществу «Сименс и Гальске», которые в 1916 г. по заявлению баронесс Буксгевден и Греневиц, дочерей учредителя общества К.Ф. Сименса, принадлежали им. До войны из девяти директоров петроградского Об-

щества пятеро были германскими подданными. В период рассмотрения ликвидации этого общества на предприятии в Петрограде изготавливали для военного морского ведомства телеграфные и радиоприборы, детали к ним взрыватели и т.п. Техническое руководство осуществлялось берлинским Обществом, которое получало определенное вознаграждение и передавало русскому Обществу свои усовершенствования. Но при этом берлинское Общество давало русскому указания на подбор персонала и предоставляло возможность русским техникам специализироваться в своих мастерских. На межведомственном совещании при Министерстве торговли и промышленности 3 марта 1915 г. большинством голосов было принято решение о необходимости закрыть предприятие с передачей его во временное управление правительства, меньшинство присутствующих выступало за назначение правительственного надзора. В июне того же года Совет министров постановил не закрывать предприятие, а назначить трех правительственных инспекторов²⁰.

Другим важным для промышленности предприятием было расположенное в Петрограде русское общество «Всеобщая компания электричества». Образована она была в 1901 г., основной капитал составлял 12 000 000 руб., входили в нее 48 000 пайщиков с акциями по 250 рублей. Учредителем была германская компания «Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft», в состав правления входили трое германских подданных и восемь российских. В ряде писем в правительственные органы указывалось на перевод денег в Германию и шпионаж. Но при проверке оказалось, что это было ложной информацией. Особый комитет по борьбе с немецким засильем принял решение о закрытии и ликвидации общества, заменив его новым²¹.

15 декабря 1916 г. Особый комитет рассматривал дело о ликвидации акционерного общества русского аккумуляторного завода «Тюдор», основанного в мае 1897 г. германским обществом аккумуляторных заводов в Берлине. Капитал его составляли 2 400 000 руб., 4800 акций по 500 руб. Аккумуляторный завод находился в Петрограде, отделения — в Москве и Киеве. На заводе изготавливались стационарные и переносные аккумуляторы для различных целей — передачи электроэнергии, освещения железнодорожных поездов, подводных лодок и др. Выполнялись заказы для Морского ведомства. Русское Общество «Тюдор» до 1917 г. следовало условиям договора с германским аккумуляторным обществом, которое передавало русскому предприятию право исключительного использования всех изобретений, патентов, способов производства. В представлении начальника отдела подводного плавания Главного управления кораблестроения капитана I ранга Быкова, направ-

ленном в правительственные круги, читаем: «На подводные лодки в России работало 3 завода. Первое место занимает Общество “Тюдор”, которое благодаря техническому персоналу и правильной постановке дела, а равно заключенному до войны договору с Берлинским обществом аккумуляторных заводов и хорошо оборудованной в Германии лаборатории, исполняло больше половины всех вообще заказов Морского министерства по этой части, причем исполнение этим заводом заказов казны отличаются сравнительной быстротой, дешевизною и наилучшим качеством изготовления предметов»²². Особый комитет вынес решение, что русское общество «Тюдор» носит немецкий характер, представляет опасность государственным интересам России, подлежит закрытию и передаче в новые руки.

Объем статьи не позволяет представить все решения Особого комитета по промышленным петроградским предприятиям, которые в той или иной степени были связаны с германским капиталом. Но в указанном выше списке намеченных к ликвидации предприятий и торговых домов были частные мелкие предприятия, принадлежавшие немцам. Рассмотрим некоторые из них.

Акционерное общество «Европейская гостиница» основано в 1872 г. с капиталом в 1,5 млн руб. и 15 000 акциями. В 1916 г. 120 акций принадлежали швейцарским подданным, 8937 — российским, из которых 8446 были во владении г-на В. Шмитца. Он родился в Петербурге, воспитывался в Германии, там он владел недвижимостью. В русском подданстве с 1901 г., входил в сообщество купцов I гильдии. Женат на германской подданной фон Аллерс, дочери генерал-лейтенанта баварской службы. В документе отмечена его причастность к шпионажу. Особая комиссия приняла решение о ликвидации «Европейской гостиницы», что было утверждено Советом министров²³.

Другой пример. Торговый дом «Л. Бертран», модный магазин в Петербурге, основан в середине XIX в. в Петербурге Луизой Бертран. Перед войной торговый дом принадлежал германским подданным Елизавете и Иосифу Вейраухам. 24 мая 1914 г. чета выехала в Пруссию, передала предприятие приказнице, французской гражданке Матильде Картель и русской мещанке Евгении Лоренц, что было заверено 6 декабря 1914 г. у нотариуса во Франкфурте-на-Майне. Капитал фирмы составлял 10 000 руб., и она была в России одним из крупнейших модных магазинов такого рода. В Журнале Комиссии было указано, что магазин на оборону не работал, указано также на фиктивную передачу его в другие руки, поэтому с магазина было снято звание Поставщика Высочайшего двора. Бывший хозяин, офицер запаса, числился в германской армии. Фирму

обвинили в том, что у клиенток, жен высокопоставленных лиц, выведывали шпионские сведения. Торговый дом ликвидировали²⁴.

Итак, в журналах Особого комитета по борьбе с немецким засильем сохранилось значительное количество подобных сведений. Чиновниками этого учреждения была проведена огромная работа по сбору информации и организации совещаний. Но принесло ли все это пользу России, военным ведомствам, российским гражданам и немцами в российском подданстве?

Судьба Особого Комитета была решена после вступления на пост министра председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, который, являясь членом Государственной думы, был ярким противником борьбы с германизмом. Указом Временного правительства от 14 июля 1917 г. Особый комитет по борьбе с немецким засильем был ликвидирован, что повлекло окончание всей кампании в целом.

Упразднение ведомства осталось в обществе незамеченным и не вызвало изменений в деятельности государственного аппарата. После этого «немецким засильем» никто не занимался.

Примечания

¹ Дякин В.С. Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт). Л., 1971; Ананич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б. и др. Кризис самодержавия в России. М., 1984; Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988; Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968.

² Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы первой мировой войны. СПб., 2004. 176 с.

³ Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1483, Оп. 1. № 30. Л. 104.

⁴ Шрадер Т.А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев. Исторический аспект: Материалы международной научной конференции: Сб. статей. М.: Готика, 1998. С. 197.

⁵ Соболев И.Г. Указ. соч. С. 77.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Санкт-Петербурга. Л.: Наука, 1984. С. 24.

⁹ Высколков Л.В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII — XIX в.). Л.: Наука, 1989. С. 121.

¹⁰ Шрадер Т.А. Указ. соч. С. 203.

¹¹ Там же. С. 202, 203

¹² Соболев И.Г. Указ. соч. С. 104–105.

¹³ Там же. С. 106–107.

¹⁴ Там же. С. 109.

- ¹⁵ Там же. С. 108.
¹⁶ Там же. С. 111.
¹⁷ Там же. С. 139–174.
¹⁸ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. № 48. Л. 38.
¹⁹ *Соболев. И.Г.* Указ. соч. С. 117.
²⁰ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. № 48. Л. 60 об.
²¹ Там же. Л. 61.
²² Там же. Л. 222, 223 об.
²³ Там же. Л. 505.
²⁴ Там же. Л. 191.

В.А. Толмачева, О.А. Степаненко, В.Ф. Шеффер

Русские немцы из Стрельны (К 200-летию Стрельнинской немецкой колонии)

Когда-то знаменитая Петергофская дорога, проходящая по южному берегу Финского залива, связывала северную столицу с ее летней резиденцией. Она была украшена великолепными дворцовыми ансамблями Ораниенбаума, Петергофа, Стрельны, усадьбами вельмож: Вяземских, Нарышкиных, Воронцовых, Чичериных, Трубецких... Между ними располагались ухоженные деревни и поля русских крестьян, финнов, немецких колонистов.

Иностранные послы и гости, восхищаясь Петергофской дорогой, сравнивали ее в XVIII–XIX в. с дорогой, соединяющей Париж и Версаль. И, как отмечали современники, Стрельнинская немецкая колония была неотъемлемой частью той благоприятной среды, в которой могли существовать «жемчужины» еще совсем недавно великолепной, процветающей и самой оживленной части пригородов Санкт-Петербурга.

Образование Стрельнинской немецкой колонии, в то время одной из многочисленных немецких колоний в Петербурге и его окрестностях, историки относят к периоду царствования Александра I, который повторил попытку своей державной бабушки Екатерины Великой привлечь в Россию аккуратных и трудолюбивых немцев и тем самым поднять общий культурный уровень местного населения.

По желанию Великого князя Константина Павловича в 1810 г. на землях его Стрельнинского имения были поселены восемь немецких семейств из Приморского лагеря под Ораниенбаумом, куда они прибыли водным путем из германского порта Любек вместе с другими переселенцами. 18 ноября 1810 г. — день рождения первого ребенка в колонии — стали считать официальной датой образования Стрельнинской немецкой колонии.

После расформирования колонии Извара в том же году в Стрельну переселились еще 20 семей, и для освоения колонистам было передано в аренду 980 десятин и отдельно 50 десятин земли для имения пастора. Одной из первых была освоена территория вдоль дороги на Ропшу по высокому берегу реки Стрелки. Она была названа Нейдорф (Новая деревня). Затем заселяется побережье Стрелки после впадения в нее речки Черной и получает название Нейгаузен (Новые дома). Переселенцы из Извары образовали южнее по Ропшинской дороге Оведорф (Верхнюю колонию). Впоследствии все три поселения стали именоваться соответственно Нижняя, Верхняя и Средняя немецкая колония, позже топоним «немецкая» пропал из употребления, а в остальном названия улиц сохранились. Следует заметить, что первые поселенцы колонии были выходцами из Саксонии, Силезии, Эльзаса и Пруссии, и, согласно закону «О колонистах» от 1764 г., пользовались значительными льготами на постройку дома, приобретение земельного инвентаря, скота, семян, фуража.

Всего за восемь лет колонисты наладили образцовое хозяйство. У расположившихся поблизости кавалерийских эскадронов они покупали по сходной цене семена для своих полей и огородов и получали отменные урожаи ржи, овса, картофеля.

Внутреннее управление в колонии осуществлялось через выборных лиц: сельского старосту (шульца), двух заседателей и по одному десятскому на каждые десять дворов. Важные вопросы решались на общих сходах. Первым старостой Стрельнинской колонии с 1812 по 1821 гг. был Мартин Шац. С начала XIX в. колонией управляло Министерство внутренних дел. На местах управление осуществляли особые инспектора или смотрители, а с 1838 г. управление колонией перешло к Министерству Государственных имуществ. С этого времени колонисты начали платить общие повинности, специальные общинные сборы и казенные подати. В 1873 г. была введена всеобщая воинская повинность, в том числе и для колонистов, с этого момента колонисты были уравнены в правах и обязанностях с прочими земледельцами-собственниками России и стали называться «поселянами-собственниками».

Отмечая столетие закона «О колонистах», в 1864 г. общее собрание колонии Стрельна решило выкупить арендуемую ими землю по цене 60 руб. за десятину. Оформление купчей оказалось достаточно длительным, и только 23 марта 1881 г. состоялось торжественное введение стрельнинских колонистов во владении купленной ими земель.

В основном колония жила плодами земледельческого труда, а в суровом климате Нечерноземья только интенсивное ведение хозяйства могло принести ощутимые результаты, тем не менее на рынках Петербурга колонисты успешно торговали своей молочной продукцией и овощами.

Вся жизнь колонии строго регламентировалась законами лютеранской церкви. Духовная жизнь общины была сосредоточена в кирхе (церкви) Святых апостолов Петра и Павла, которая территориально располагалась на стыке трех улиц: Нижней, Верхней и Средней колоний, т.е. практически в центре поселения. Еще в 1812 г. церковь вместе с домами была привезена из Изварской общины и установлена на высоком берегу реки Стрелки. При храме находилась приходская школа, занимавшая 20 десятин земли из 50, принадлежавших пастырю. В 1874 г. старая кирха сгорела, была разобрана, а на ее фундаменте возвели более просторную новую деревянную церковь, в алтарной части которой установили орган на восемь регистров работы Бауэра.

К концу XIX в. приход насчитывал 1150 прихожан.

В 1863 г. в Петербурге было образовано дамское общество для основания «Дома защиты и спасения падших девушек и женщин», которое открыло в следующем году убежище Святой Магдалины на берегу реки Стрелки недалеко от кирхи, арендовав у колонистов одну десятину земли.

Надо заметить, что после заключения купчей и выкупа земли в собственность, колония начала интенсивно развиваться, получила как бы второе дыхание: учреждаются строительное товарищество и ссудно-сберегательная касса, в 1895 г. общество велосипедистов-любителей Стрельны строит циклодром (велодром) в Нижней колонии, пользовавшийся впоследствии большой популярностью у петербуржцев. В 1896 г. в Средней колонии на средства общины строится новая приходская школа, имевшая пять отделений и более 100 учеников. Занятия в ней проводятся на немецком языке. Через 10 лет к школе пристраивают каменный дом для учительского персонала. Школу окружает прекрасно содержавшийся фруктовый сад.

Евангелическое общество покупает у колонистов несколько десятин земли напротив кирхи и строит вначале деревянное двухэтажное здание, а затем каменное в готическом стиле богадельни Вифезда для при-

юта неизлечимо больных женщин всех возрастов. Со стороны дороги высаживают дубовую аллею, некоторые из этих деревьев живы и по сей день.

Важным событием для колонистов стало рождение любительского духового оркестра под управлением П.Д. Полякова. Оркестр стал душой колонии, неотъемлемой частью ее культурной жизни, неизменно участвовал в свадьбах, праздничных и танцевальных вечерах. Последним руководителем оркестра вплоть до Великой Отечественной войны был профессор Ленинградской консерватории, уроженец колонии, Александр Николаевич Шмидт.

В 1900 г. организуется вольное пожарное общество; брандмейстером пожарной дружины из 18 человек избирается Николай Петрович Шмидт.

После постройки бароном Штиглицем Балтийской железной дороги и открытия станции Стрельна 26 июня 1860 г. значительно возрос приток дачников в колонию, которых привлекали удобство сообщения, свежие молочные продукты и овощи, а также чистота и уют домов колонистов. Для привлечения большего числа дачников предприимчивые колонисты строят лодочную станцию на реке, специализируются на выращивании ранних сортов ягод: клубники, земляники, смородины.

Популярность колонии у петербуржцев подтверждает тот факт, что в начале XX в. на Балтийской железной дороге существовал ежедневный товарно-пассажирский поезд, который назывался «молочным». На нем из Стрельны в Петербург привозили разнообразные молочные продукты на продажу.

Всякий, кто попадал в немецкую колонию, всегда восхищался благоустроенностью, обилием цветов в палисадниках, чистотой и порядком не только в домах, но и в усадьбах. Нищих в колониях никогда не было. Если же случалось кому-нибудь впасть в нищету, то его родственники и просто соседи помогали выбраться из трудного положения: засевали своими семенами его поле, давали скотину. С такой помощью бедняк скоро поправлялся. Малолетних сирот «отдавали в учение», а когда последние вырастали, им находили невест с полными домами.

Особое внимание в семьях колонистов обращали на трудовое воспитание детей. Девочек учили шитью, уходу за скотиной, огородничеству, медицинским навыкам; мальчиков обучали столярничать, слесарничать, шорному ремеслу и уходу за лошадьми.

К своему столетию в 1910 г. Стрельнинская колония подошла в полном расцвете духовных и материальных сил. Она превратилась в одну

из самых крупных и процветающих немецких колоний Петербургской губернии. Протяженность ее составляла 4 версты, общее число дворов — 56, всего 640 душ.

Зажиточная община колонистов содержала на свои средства храм, два благотворительных учреждения: богадельню «Вифезда» на 85 детей и 65 взрослых, убежище Святой Магдалины Общества защиты женщин, где находилось на попечении около 40 девиц; школу и детский сад (очаг); пожарную дружину и духовой оркестр. В колонии также процветала торговля, было несколько своих лавок и магазинов и два раза в год устраивались ярмарки. В сфере финансовых услуг было образовано несколько страховых касс.

Можно сказать, что все новое и передовое, появлявшееся в жизни россиян того времени, давало быстрые всходы на благодатной почве Стрельнинской колонии.

Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война нанесли первый удар по благополучию колонии. Резко сократилась статья дохода от уменьшения числа дачников в летний период, не хватало рабочих рук, замерли торговля и строительство.

В период НЭПа колония стала оживать, восстановила свои прежние связи, отлаженный ритм жизни.

1929 год. В стране началась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. Зажиточные независимые земледельцы тормозили завершение кампании. Были раскулачены и сосланы на Кольский полуостров семьи Браун, Бренер, Лефлер, Краубнер, Шефер, Шмидт, Штро и многие другие.

1930 год. На землях колонии создается колхоз «Ротэ Фане» («Красное знамя») во главе с 25-тысячником Яковом Нагельманом, присланным партией. В домах репрессированных были размещены общежития, столовая, пекарня, лавка, правление колхоза. Жизнь брала свое и постепенно начала входить в нормальное русло. Традиционные устои немецкой общины: трудолюбие, аккуратность, взаимопомощь — в скором времени вывели колхоз в передовое хозяйство Ленинградской области. Он стал первым колхозом-миллионером и неоднократно завоевывал призы за успехи в области агротехники и животноводства в Москве на ВДНХ.

1933 год. Началась кампания против церкви. В августе состоялась последняя конфирмация пастором Симоном, затем он был арестован, и больше его никто не видел. Церковь закрыли и в ней устроили клуб с демонстрацией фильмов в церковном интерьере, молодежь стала заниматься в драмкружке.

1937 год. В колонии по ночам стал появляться «черный ворон», увозя с собой то одного, то другого колхозника. Первым пострадал заведующий молочно-товарной фермой Николай Федорович Людвиг, осужденный по 58 статье (политической). Жертвами репрессий стали братья Аман, Байль, Краубнер, Ульрих и многие другие рядовые колхозники, а также председатель колхоза Нагельман. Все они были расстреляны и захоронены на Левашовской пустоши, а семьи сосланы на Урал, в Сибирь и Алтай. И только через полвека дети и внуки смогли узнать правду о тех страшных годах и получить документы о реабилитации своих безвинно пострадавших родных, узнать место их захоронения.

С началом Великой Отечественной войны многих мужчин мобилизовали в трудовую армию на строительство дорог, мостов, укреплений, аэродромов для армии. Уже в сентябре 1941 г., когда противник вышел в тыл к петергофскому оборонительному валу, почти все колонисты вместе с другими жителями Стрельны попадают в пересыльный лагерь под Гатчину, а затем их отправляют на работы в Германию.

В 1945 г. те из колонистов, кто был угнан в Германию и при ее оккупации оказались в американской зоне, остались там. Тем, кого освободила Советская армия, не разрешили вернуться в Стрельну, их депортировали в Сибирь, Казахстан, на Алтай.

В настоящее время территория бывшей Стрельнинской колонии относится к двум административным районам. Нижняя колония с руинами «Вифезды» принадлежит Петродворцовому району Санкт-Петербурга, Средняя, Верхняя колония и захоронения лютеранского кладбища — Горбунковскому сельскому поселению Ломоносовского района Ленинградской области.

Судьба когда-то одной из самых крупных немецких колоний под Петербургом во многом схожа с судьбами многих других национальных поселений, для жителей которых Россия стала второй родиной. До сих пор они бережно хранят в своих семейных альбомах старые фотографии, с любовью ухаживают за могилами родных и близких на старом лютеранском кладбище. Наиболее же ярко и живо страницы истории колонистов предстают в их воспоминаниях. В них судьба одного из «малых народов» России оживает, наполняется мыслями и чувствами живых свидетелей тех далеких трагических событий.

Из воспоминаний Елизаветы Филипповны Лялиной (Краубнер) 1912 г.р.

«Мои родители были двоюродные брат Филипп Иванович Краубнер и сестра Ольга Филипповна Штро. Их дома были рядом, где-то в середине Верхней колонии. Всего у нас было 7 десятин земли, где сажали в основном овощи и картошку. В хозяйстве держали две лошади, две коровы, свиней, овец, кур; сено для скота сушили на дальних лугах.

Наш дом разделялся на две части: передняя из четырех комнат и кухни с выходом на улицу сдавалась на лето дачникам, в задней, где было три комнаты и кухня, мы жили сами.

В 1929 г. начались обыски, а в 1930 нас раскулачили, отобрали всю скотину и поселили к нам в дом подселенцев из русских. Я уже тогда работала в конторе служащей и хотела учиться на бухгалтера, но меня не взяли как дочь кулака.

В 1931 г. в июне в числе других тысяч изгнанников нашу семью выслали в город Кировск Кольского полуострова. Там нас расселили по баракам по три семьи в одну комнату. В 1935 г. я вышла замуж за вольнонаемного русского Петра Лялина, и мы в 1938 г. переехали в Мончегорск, где я устроилась работать машинисткой, а затем товароведом. В этом же году нашего отца Филиппа Ивановича осудили и расстреляли, обвинив в участии в немецко-финском заговоре. Реабилитировали его только в 1965 г.

В ноябре 1947 г. мы были официально освобождены из-под надзора, но паспорт мне не выдавали еще 16 лет. Только в 1968 г. я с семьей смогла вернуться на родину в Санкт-Петербург».

Сегодня Елизаветы Филипповны уже нет в живых. Она похоронена на старом лютеранском кладбище бывшего Стрельнинского немецкого поселения.

Из воспоминаний Виктора Федоровича Шеффера 1929 г.р.

«К моменту моего рождения мои родители Федор Владимирович (Теодор Вольдемарович) и Елена Александровна (урожденная Эйдемюллер) уже уехали из Стрельнинской колонии и жили на Васильевском острове в Петербурге.

Отец работал на фабрике “Скороход” начальником планового отдела, а мать — учительницей в 33-й школе. В нашей семье были еще старшие брат Рихард и сестра Франциска 1923 и 1926 г.р.

Раннее детство я вспоминаю в самых радужных красках: большая коммунальная квартира, много детей, шумные игры. Особенно светлые воспоминания о ежегодных летних каникулах у родителей матери Александра и Софии Эйдемюллер, живших в доме 39 по Верхней колонии. К этому времени в колонии была проведена насильственная коллективизация и организован колхоз “Роте Фане”. У дедушки с бабушкой, имевших восемь детей и большое хозяйство (одних лошадей было шесть), отобрали один из двух домов, а дедушку сделали конюхом в его же бывшей конюшне при его же лошадях.

Крестьянское хозяйство напротив принадлежало семейству Краубнер (откуда вышла моя бабушка по отцу), во время коллективизации его раскулачили и выслали на Кольский полуостров.

Как-то в сентябре 1938 г. я проснулся ночью и вижу, что все в комнате разбросано, перевернуто, ходят какие-то посторонние мужчины и простукивают стены. Затем увели отца. В январе следующего года почему-то его выпустили, а почему, он молчал. И только перед смертью отец рассказал нам о своем содержании в подвале большого дома.

Война застала нас с Франциской в пионерском лагере под Лугой. Немцы уже подходили к Луге, когда за нами приехал отец.

В первые месяцы войны родители неделями отсутствовали — были мобилизованы на оборонные земляные работы. Отец, чтобы облегчить положение семьи, решил записаться добровольцем на фронт, но ему было отказано — немец! Тогда он устраивает Рихарда рабочим на фабрику “Скороход”, чтобы получить дополнительную рабочую карточку.

Настали холода, центральное отопление в нашем доме не работало, отключили электричество, замерзла вода в трубах. Мы приобрели “буржуйку”, топили ее в основном книгами.

В один из декабрьских дней 1941 г. Рихард не дошел до фабрики, упал, его подобрала и отвезли в больницу им. Коняшина, где он умер 25 февраля 1942 г.

О блокаде написано много, но всего ужаса тех дней представить не пережившему ее невозможно. Мне было всего 13 лет, а у меня уже были мысли о самоубийстве.

Мы, теперь уже четверо, мама, папа, Франциска и я, спали поперек двух составленных кроватей, укрываясь ворохом всяких теплых вещей. Все были страшно завшивлены. Температура воздуха в комнате опускалась до –17 градусов.

20 января отец в очередной раз просит перевернуть его на другой бок, а на следующий день мы просыпаемся в постели с его трупом.

17 февраля. Мы с сестрой просыпаемся с трупом матери.

Перебираемся к маминой сестре тете Соне и у нее живем до 24 марта. В этот день ее как немку в 24 часа выселяют из Ленинграда в Салехард, а по пути она умирает от истощения.

Нас каким-то чудом она успевает устроить в детский дом, который позднее эвакуировался на Кавказ. Хорошо помню, что мы переезжали по льду Ладожского озера 13 апреля, это был мой день рождения.

2 мая. Мы прибываем в станицу Лабинская, играет духовой оркестр, открывается дверь товарного вагона, и на пороге лежит труп ребенка, фамилия мальчика была Желудь.

7 августа. Немцы заняли станицу Лабинскую, наши войска открыли по ним огонь, и от одного из снарядов сгорел наш детский дом вместе со всеми документами.

Трудно рассказывать, как после этого мы, лишившись всего, ходили попрошайничать по дворам и немецким казармам.

После окончания оккупации мы с сестрой наладили связь с маминой сестрой Анной Александровной Эйдемюллер, которая жила в Череповце и работала директором школы.

Она оформила вызов и взяла нас на воспитание, к июню 1943 г. мы уже были в Череповце.

С ее помощью я получил паспорт уже как русский — Шеффер Виктор Федорович. Благодаря этому документу я, немец, бывший в оккупации, смог поступить в Военно-морскую медицинскую академию. После окончания академии в 1953 г. был назначен врачом — хирургом на крейсер “Орджоникидзе”.

После демобилизации в 1958 г. занялся научной деятельностью, защитил докторскую диссертацию. От двух браков имею сына Константина и дочь Юлию, они носят фамилии русских матерей. Род Шефферов на мне кончается. Только в семейных архивах останется то, что наши предки, выходцы из Германии, были Стрельнинскими колонистами и растворились в просторах большой России».

Виктор Федорович Шеффер проживает в Санкт-Петербурге. В его семейном архиве бережно хранятся фотореликвии бывшей немецкой колонии. Он считает, что Стрельнинской колонии все-таки повезло больше, чем другим, ведь сохранились захоронения на старом лютеранском кладбище, руины бывшей «Вифезды», да и названия улиц: Верхняя, Средняя и Нижняя колонии «говорят» о немецком прошлом этих мест.

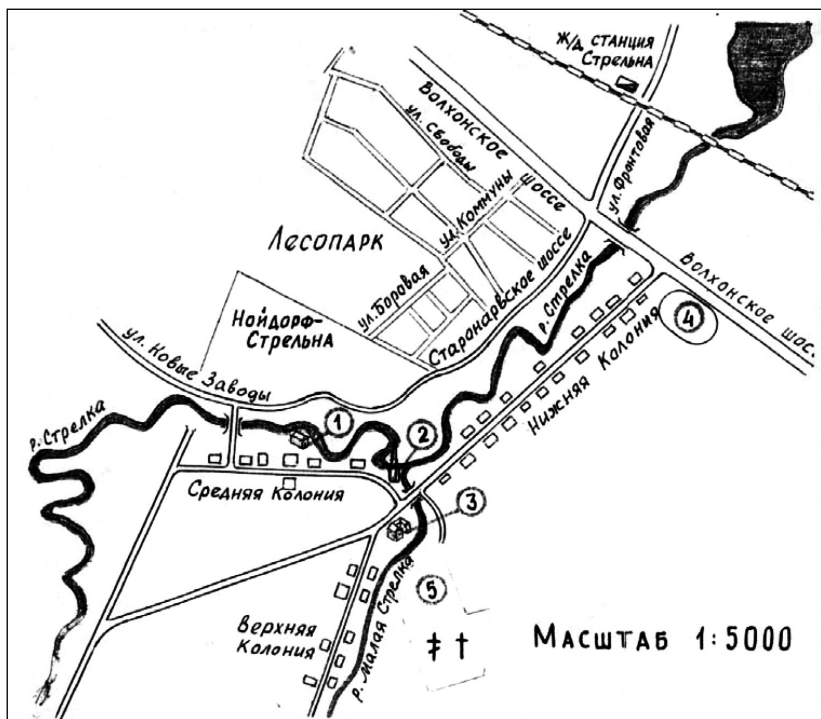

Схема расположения основных объектов

Стрельнинского немецкого поселения.

Условные обозначения: 1. Немецкая начальная школа;

2. Кирха; 3. «Вифезда»; 4. Циклодром; 5. Кладбище

Дом семьи Аман располагался в середине Верхней колонии по правой стороне под номером 34. Он был деревянный, одноэтажный, с мезонином, состоял из трех комнат и кухни. Комнаты отапливались печами-голландками, а в кухне была большая русская печь. В одной комнате жили родители, в двух других — мальчики и девочки, мезонин на лето сдавали дачникам. Во дворе находились погреб и сараи для сена, дров, сельскохозяйственного инвентаря и скотины. По тем временам жили они небогато, в хозяйстве имелись всего одна корова, одна лошадь, несколько свиней, гусей и кур.

Из воспоминаний Аман Софьи Матвеевны 1918 г.р.

«У родителей моего отца — Софии и Якоба Аман — было семь детей. Таким образом, у меня оказалось три тети и три дяди. Мой папа — Ма-

теас (Матвей) — был третьим ребенком в семье, но почему-то именно он стал наследником старого, но большого отцовского дома. Был женат на Августе Куфель из немецкой Ямбургской (Кингисеппской) колонии. У них тоже появилось пятеро детей.

Я, София, названная в честь бабушки, была старшей. Помню, все тети и дяди, кроме самого младшего, Якова, были женаты, жили своими домами. Все братья отца были музыкантами, увлекались духовой музыкой, и в нашем доме, в большой 30-метровой комнате, часто устраивались репетиции духового оркестра. Иногда с участием профессора Ленинградской консерватории А.Н. Шмидта, который руководил этим прекрасным оркестром. Что только не исполнялось. Я с самого раннего детства полюбила музыку и особенно была равнодушна к вальсам Иоганна Штрауса. До сих пор в моей душе звучит эта чудесная музыка. Обычно после сыровки (репетиции) приходили за своими мужьями жены, и вскладчину накрывался стол, конечно, с выпивкой. Папа хорошо пел, подпевала хорошо и его младшая сестра Лизбэт (Елизавета). Пели “Степь да степь кругом”, “Все васильки, васильки” и многое др. Затем озорная Лиза просила: “Мацке (Матвей), сыграй польку “Ой: ра” или кадрили и тащила танцевать своего мужа Петю. Танцевали все: и стар, и мал. И, так как это устраивалось по субботам, гуляли до самой зари.

Работали много и хорошо, зато умели и веселиться. Праздники устраивались по любому поводу.

Например, молотьба: Молотилка (не помню, кому принадлежала) по очереди шла со двора на двор. Доходила очередь до нас, родственники приводили своих лошадей, впрягали в молотилку, и все мужчины и женщины помоложе занимались молотьбой. Пыль стояла столбом, смех, шутки. Между взрослыми толкались и дети — свои и двоюродные. Маме на кухне помогала одна из невесток — готовили обильный обед с пирогами и кофе. И так от родни к родне.

А поздней осенью, к зиме, когда резали свиней, устраивались “Свинкины поминки”. Готовились немецкие колбасы, зельцы и пр. вкусная еда, и опять собиралась то к одним, то к другим вся большая родня. Опять музыка, песни, веселье. Как-то раз кто-то в шутку крикнул: “Deutschland uber alles auf der Welt”. Папа строго посмотрел и сказал: “Шалишь! Uber Deutschland “Russland есть”. Я очень гордилась своим папой, потому что мы все любили свою родину Россию. Впоследствии она для нас, русских немцев, стала мачехой.

Престольным праздником в колонии считался Иванов день — Johanna, 24/VI. Церковная служба, молебен, проходила на кладбище в 12 часов

дня. К этому дню нарядно цветами убирались могилы, дорожки посыпались желтым песком. Колонисты наряжались во все самое лучшее. Особенно красивы были дети. Опять играл духовой оркестр. А дома (или у родственников) ждал вкусный обед, обязательно из курицы и с самым лакомым детским блюдом, клюквенным киселем со взбитыми сливками или с домашним мороженым. Позже, к вечеру, кофе с традиционными “шпик” и “цуккер кухен” (пирогам). Мужчины в гостиной садились играть в карты на деньги — по мелочи. Любимая игра, кажется, называлась “Sollo” (“Соло”), и, помню, раздавались голоса: “Karo Trumpf”, “Ich pas”, “Pik Trumpf”. Женщины мыли и убрали посуду, готовились к кофе, судачили о том, о сем. Ну а дети гонялись в саду, играли в прятки или лапту. И так до позднего вечера.

Помню первую красную свадьбу. Примерно в 1929 г. мамина двоюродная сестра, красавица Лиля Эйдемиллер, вышла замуж за финна, интеллигентного и симпатичного учителя Илмара Раппу. Венчания не было. Регистрация брака торжественно происходила в Заводском сельсовете. У шаферов в петлицах пиджаков были красные банты. Шаферицы в нежных шелковых платьях. Была ранняя осень, много цветов было в большом саду невесты, на всю колонию гремел духовой оркестр. Гуляли вместе немцы и финны.

В 1929 г. (или до?) в колонии организовали большой колхоз “Ротэ Фанэ”. Наша семья и семья дяди Филиппа тоже вступила в колхоз.

При Стрельнинской немецкой колонии, кроме немецкой Kirche Св. Петра и Павла еще имелась начальная школа (4 класса).

Немного о школе.

Когда и кем она была основана и что там до революции помещалось, я не знаю. Помню, это было двухэтажное белое здание, которое стояло почти в самом начале средней колонии на берегу реки Стрелки. На первом этаже были помещения, где жили учителя, уборщица и еще не помню кто. На втором этаже — учебные классы. Это были три большие комнаты. В двух комнатах по левую и правую стороны стояли парты, посередине на стене висела доска. Учились 1 и 3, 2 и 4 классы. Самая большая комната — физкультурный зал, где в углу стояло пианино.

Перед школой был разбит небольшой сад, куда ученикам во время большой перемены разрешалось выходить гулять. В школе учились примерно 30–35 учеников.

Первые учителя. Заведующий школой и преподаватель 2 и 4 классов Карл Петрович Заблочкий пожилой, интеллигентный, очень строгий человек (за глаза мы его звали “Карлошевич”) и милая наша учительница старушка-“наседка”, которая вела 1 и 3 классы, Лидия Ивановна

Гольц. В 1926 г. у нее появилась новая группа из 7 девочек (Соня Аман, Оля и Маргарита Менг, Регина Терлиман, Муся Кун, Оля Шмидт и Лиля Штейнмиллер) и 1 мальчика (Миша Краубнер). Все мы учились хорошо, и Лидия Ивановна нами гордилась и хвасталась перед школьным советом (куда входила и моя мама — Августа Петровна Аман): “Мои семь курочек и один петушок — все отличники”.

К сожалению, с Лидией Ивановной мы проучились всего один год. Она умерла и похоронена на немецком кладбище, но могила в колонии не сохранилась.

Наша школьная форма состояла из темного сатинового халатика (одевался на любое платье) с белым воротником, в кармане обязательно носовой платок. У мальчиков — темные брюки и куртка. За спиной разрешалось носить только ранец. По утрам, перед занятиями, очередной дежурный проверял, чистые ли руки и уши.

После смерти Лидии Ивановны нам прислали другую учительницу, которая была очень недолго: я даже не помню ее имя. Через некоторое время уехал и Карл Петрович Заблоцкий, и появился молодой очень красивый учитель — Альберт Корнеевич Винс, и наша школа ожила. Появились спортивный и хоровой кружки. Мы готовили музыкальные программы. Пели под аккомпанемент (пианино) учительницы Tante Berta (Тети Берты):

Wir furchten nicht, ja nicht...

Den Donner der Kononen

Wir fuctten nicht. Ja nicht die grune Polizoi

Den Karl Ziebknecht, hoben wir verlozen

Der Rosa Zuxsemburg reichen wir die Hond

“Мы кузнецы, и дух наш молод...”, “Наш паровоз летит вперед летит...” и много других немецких и русских песен.

Tante Berta учила нас танцевать. Любили мы очень физкультуру. Занимался с нами Альберт Корнеевич. Господи, что мы только не вытворяли: бегали, прыгали, скакали, делали разные стойки и пирамиды. Физкультурная форма у девочек — широкие (как юбочка) темные шаровары и светлые футболочки, у мальчиков — не помню.

Создали школьный кооператив, где можно было купить тетради, карандаши, ручки, перья № 86 (писать разрешалось только ими), акварель, краски и пр. “Кооператором” выбрали ученика 4 класса Шуру Штейнмиллер.

Во время войны (1941–1945 гг.) здание школы было разбито и больше не восстанавливалось».

Хорошее, веселое было время... пока не наступил 1937 г., и не начались аресты. 27 февраля 1937 г. арестовали Матвея Яковлевича Амана (отца Сони) — заведующего колхозной кузницей — и его двух братьев — Филиппа и Ивана. Соне разрешили проводить отца до вокзала. По дороге она сквозь слезы как могла успокаивала отца: «Папа, во всем разберутся и тебя отпустят». С этого дня по июнь 1938 г. семья жила в постоянном страхе. Мама каждый месяц ездила на Арсенальную улицу в «Кресты» с передачей. В начале июня денег не взяли, объявили, что дело закончено. Папе присудили восемь лет лагерей. На самом деле отец и его братья были расстреляны 9 июля 1938 г. и захоронены на Левашовской пустоши.

Но об этом Софья и ее родные узнали гораздо позже, после их реабилитации.

Семья Аман переживала трагическое для всех время. Много слез было пролито, много сил потрачено... впустую: погибших было не вернуть...

У молодой Сони в те годы был жених, русский парень, и отец до своего ареста обещал справить им хорошую веселую свадьбу. Но когда «суженый» узнал, что Матвей Аман — «враг» народа, то отказался от Софьи и исчез неизвестно куда. И все же мужественная девушка в 1938 г. вышла замуж (без любви и симпатии) за киномеханика клуба колхоза «Ротэ Фанэ» Бориса Петрова. Он оказался хорошим человеком, вся семья его полюбила. Молодые после свадьбы переехали жить в Ленинград, и обыкновенная девушка из Стрельнинской немецкой колонии Соня Аман превратилась в Софью Петрову.

Сегодня Софья Матвеевна живет в Дачном, в тесной «хрущевке» в семье внучки Ирины. Давно дом стоит на очередь на капитальный ремонт, не греют батареи, мокрые стены, но Софья Матвеевна говорит, что были времена и похуже, не теряет веры в справедливость и радуется жизни. Любят ее и заботятся о ней ее близкие. Каждое лето она ездит в Кингисепп к сестре Луизе, помогает по мере сил управляться с дачей. Вторая сестра Софьи Матвеевны — Елизавета (Лиля) — так и не смогла перебраться поближе к сестрам, в настоящее время живет в Алтайском крае. Из пятерых детей Матвея Амана и Августы Куфель после войны остались только три сестры. Они сохранили теплые отношения на протяжении всей жизни, какой бы тяжелой она ни была. Сейчас Луиза, Елизавета и Софья Аман переписываются. Им тяжело вспоминать о детстве, о войне, потому что слишком много пришлось пережить... просто страшно вспоминать. Их радуют дети и внуки, которые живут теперь в свободной стране. Они учатся всему, что хотят, делают то, что нравится, и не забывают о родителях.

У Софьи Матвеевны две внучки — Ирина (39 лет), Ольга (34 года), внук Михаил (25 лет) и одна правнучка Наташа (21 год), дочь Ирины.

Рис. 2. Храм во имя Святых Апостолов Петра и Павла для новопоселенных колонистов по Высочайшему Государя Императора Александра I повелению сооружен в 1813 году на счет казны

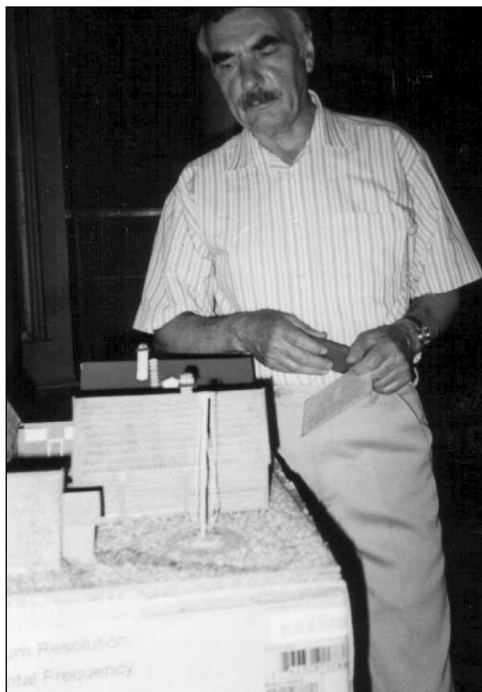

Рис. 3. Шеффер Виктор Федорович у макета дома немецкого колониста. 2000 год

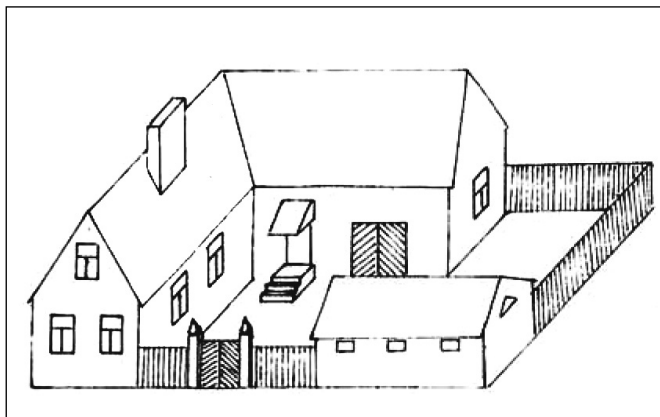

Рис. 4. Рисунок-схема дома немецкого колониста

Рис. 5. Представители трех поколений немецкого рода Краубнер из Стрельнинской колонии: Краубнер Елизавета Филипповна, ее дочь Краубнер Н.П. (Уральская) и внук.

Фото сделано 3 года тому назад в квартире Елизаветы Филипповны в СПб. Сегодня ее уже нет в живых, она похоронена на кладбище в Средней колонии (за «красным домом»)

Рис. 6. Аман Софья Матвеевна. 1970-е гг.

В школьном музее «Летопись нашего края» Дома культуры поселения Горбунки есть скромная экспозиция, повествующая о страницах истории Стрельнинского немецкого поселения, более полувека тому назад соседствовавшего с русской деревней. Любопытных школьников заинтересовали странные названия улиц: Средняя, Верхняя и Нижняя колонии, необычные развалины старинного дома «Вифезда», мимо которых многие из них ездят в школу, и непонятные надписи на плитах старого кладбища.

Работая над сбором материала, они познакомились с особенностями немецкого характера: аккуратностью, порядочностью, трудолюбием и прониклись уважением к русским немцам, их трагической судьбе. Юные экскурсоводы вновь и вновь рассказывают своим слушателям об удивительных русских немцах, прошедших унижение и геноцид «малого народа», но не сломленных духом.

Примечания

¹ *А. фон Гернет*. Немецкая колония Стрельна. Юбилейный листок. СПб., 1910.

² *Верландер А.П.* Путеводитель по Балтийской железной дороге. СПб., 1883.

³ К 100-летию немецкой колонии в Стрельне // Петербургский листок 1910. № 279.

⁴ *Петрова (Аман) С.М.* Что на Стрелке реке. St. Petersburgische Zeitung (St/ PZ). 1994, июль.

⁵ *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.

⁶ *Столпянский П.Н.* Петергофская перспектива. СПб., 1923.

⁷ *Шефер В.Ф., Штейнер И.Н.* Стрельнинская немецкая колония. St. PZ. Fgthkm, 1993.

⁸ Архивные материалы музея «Летопись нашего края» поселения Горбунки.

⁹ Материалы личных архивов С.М. Аман, В.Ф. Шеффер.

Именной указатель

- Haumant E. 31–32
Homann I.B. 46
- Абрамов Д.И. 32
Авсеев В.Г. 31
Агеева О.Г. 32–33
Александр I 171
Александр II 209
Аман М.Я. 270
Аман С.М. 266, 269–271
Ангальт-Дессауский Леопольд I 114
Ангальт-Дессауский Леопольд III 114
Ангальт Иоахим Эрнст 114
Ангальт Эдуард фон 114
Ангальт-Бернбург Шаумбургский Виктор Амадей, принц 116–119, 121
Ангальт-Кетенский Фердинанд, герцог 122–123
Ангальт-Цербская София Августа Фредерика (Екатерина II) 12, 64–65, 69, 72–73, 76, 92–97, 99, 101–104, 107, 109–112, 114, 115, 117, 120, 146
Ангальт-Цербская Иоганна Елизавета 92, 94–95, 106
Анисимов Е.В. 31
Антокольский М.М. 214
Аракчеев А.А. 246
- Бандхауэр Готфрид Генрих 124
Барклай де Толли Михаил 118
Барятинский Ф.С., князь 77
Батюшков К.Н. 135
Бауер Фридрих Вильгельм 12–27, 40
Беккер А. 252
Белл 230
Белл Д.А. 218
Белошапкин Д.П. 236, 239
Беляев М. 235
Беляев О. 7–8
Бенедиктов В.Г. 169, 174–176, 188
Бентицкий А.П. 240
Бенуа А.Н. 223
Бернадский А.С. 237
- Бернштейн М.Д. 223
Бертран Л. 255
Беспярых Ю.Н. 30, 32–35, 40, 54
Бестужев-Рюмин А.П. 65
Бестужев-Рюмин М.П. 66
Беюл П.И. 236, 239–240
Бобров Н. 170
Богатырев В.С. 222
Божеянов И.Н. 31, 33
Бойе Г.Х. 130–131, 137
Бок А.Р. фон 207–216
Болотов А.Т. 56, 64–69, 71–72
Боркевиц О.Ф. 252
Брок А.А. 227, 236
Бутырский Н.И. 229
Быков, капитан I ранга 254
Бюргер Г.А. 131, 136, 138–139
- Вальтер А. 239
Васильев Н.С. 227, 234–235
Васнецов В.М. 222, 225
Вейч Сирил (Кирилл) 57–58, 60–64, 66
Вольф К.Ф. 3, 81–89
Воробьев В.А. 159
Врангель Н.Н. 212, 223
Вяземский П.А. 169
- Гайсинович А.Е. 89
Галич А. 229
Галлер Альбрехт фон 82–83, 88, 90
Гаррингтон Вильям, лорд 57
Геккинг Л.Фр.Г. 131
Гельти Л.К.Г. 130, 137
Глазунов В. 239
Гнедич Н.И. 133–135, 137
Гоголь Н.В. 135, 194
Головин Н.Н. 31–32, 35
Гольц Л.И. 268–269
Гольцингер В. 239
Гольштейн-Гошторп Пётр, герцог (Петр III) 56–79, 93, 115
Гончаров И.А. 191–197, 200–205
Гордак Э. 227, 234–235

- Готтер Ф.В. 131, 137
 Гофман Э.Т.А. 199
 Граф Альберт «Медведь» 113
 Гребенщиков И.В. 246
 Греч Н.И. 167, 228–230, 234
 Григорович И.К. 253
 Грот Я.К. 237
 Грум-Гржимайло В.Е. 245–246
 Гурко В.И. 161
 Густав III 118
 Гюго В. 233
- Дельви́г А.А. 236
 Деникин А.Н. 162–163
 Дзержинский Ф.Э. 159
 Дмитриев Н. 6
 Дювернуа И.Г. 85, 91
 Дюма Александр 77
- Елизавета Петровна, императрица
 Елизавета I 56–58, 63, 65–66, 70, 93, 95, 99, 104, 110–111
 Епатко А.Ю. 32–33
- Жуковский В.А. 134, 138, 188
- Заблоцкий К.П. 268–269
 Залеман Г.Р. 3, 218–225
 Залеман Р.К. 209, 220
- Ибек Ф. 246
 Иенсен Д.И. 209
 Императрица Мария Федоровна 164–166
 Исаков С.К. 208, 211–212
- Каау-Бургаве А. 85, 91
 Каль А. 239
 Канкрин Е.Ф., граф 167, 169–185
 Каратыгин П.П. 38
 Качалов Н.Н. 245
 Керенский А.Ф. 256
 Клеменц Г. 233
 Клодт П.К. 212
 Клопшток Ф.Г. 130, 132, 139
- Кнапас Р. 128
 Князев Г.А. 85
 Кольбер Жан-Батист 171–172
 Константин Павлович, Вел. князь 165–166, 258
 Коробка Н.И. 236, 240
 Косоглядов В.С. 246
 Крафт В.Л. 16, 38, 89
 Кривошеин А.В. 161, 163
 Кротов П.А. 45
 Крузенштерн И.Ф. 232
 Кубасов И.А. 236, 240
 Кукольник Н.В. 169, 240
 Куницын А. 229
 Кунцевич Г.З. 236, 240–241
 Курдюмов В. 242
 Курдюмов М.Г. 236, 241–242
 Курнаков Н.С. 245
 Кутузов М.И., фельдмаршал 118
- Ланге Р.О. 227, 236
 Лангсдорф Г.И. 142
 Ланкастер 230
 Лебедин В.Ф. 235–236
 Лейзевиц И.А. 130
 Леопольд IV 125
 Лейкин Н.А. 227, 234–235
 Лейтман И.Г. 35
 Ленин В.И. 159, 161
 Лесков Н.С. 169, 180–184
 Лозиер И. 227, 235
 Ломоносов М.В. 170, 205
 Луначарский А.В. 247
 Лялина Е.Ф. (Краубнер) 263
 Лященко А.И. 236–239
- Майер А.Л. 16–17, 19–21
 Майков В.В. 236–237, 239
 Манзей К. 233
 Манизер М.Г. 223–224
 Марго Д.Д. 227, 235
 Меллер-Закомельский Е.И. 146
 Меллер И. 146
 Меллер-Закомельский В.В., барон 145, 147–163

- Меллер-Закомельский В.П. 146
Меллер-Закомельский П.И. 146
Мельников К.П. 245–246
Мещерский В.П. 183
Микешин М.О. 209
Милуков А. 204–205
Милуков П.Н. 161
Миних К.Б. 121
Михеева А. 242
Модзалевский Л.Б. 82, 90
Мониковский А.А. 253
Мордвинов Н.С. 234
Мохначева В.П. 242
Муральт Иоганн фон 226–229, 231–232, 234–235
Мусин-Пушкин А.А. 139–140
Мусин-Пушкин В., князь 118
Мюллер Ф.Г. 41–42, 48, 55
Мюних Александр фон, граф 122
Мясоедов В. 239
- Наумов А.Н. 151, 155
Нейман М.Л. 213
Николай Людвиг Генрих 127–129, 131–132, 135
Николай I 125, 171, 190, 210
Николай II 157, 247
Нувель Л.А. 234
Ободовский А.Г. 230–231
Ободовский П.Г. 240
Озерцовский Н.Я., академик 142
Оленин А.Н. 240
Ольсен А.К. 252
Орлов А.Г., граф 77
Остен-Сакен Д.Е. 182
- Павел I 76–77
Пален Петр, фон дер 117
Паллас Петр Симон 3, 5–11
Паскевич-Эриванский И.Ф. 209–210, 212
Паулус Х.Э.Г. 129
Пименов Н.С. 209–210
Плаксин В.Т. 228, 232–233
Платонов С.Ф. 241
- Поднебесный М.М. 170, 172–174, 179, 187
Поляков Г.И. 246, 248
Поляков П.Д. 260
Померанец К.С. 31, 33
Потемкин Г. 117, 121–122
Протасов А.П. 85, 91
Пушин Н.Н. 247
Пушина Н.А. 245
Пушкин А.С. 69, 73, 134–135, 139, 189, 236, 240
Пфальц И. 125
Пыляев М.И. 31, 32, 235
- Райков Б.Е. 89, 143
Рождественский Д.С. 248
Румянцев П.А. 12, 117
Руофф Э. 129
Руссов Ф.К. 7
- Свечин А. 233
Севергин В.М., академик 140
Сименс К.Ф. 253
Соболевский С.А. 177, 179, 189
Сталь Жермена де 77
Стасов В.В. 212, 214
Столянский Т.Н. 31, 33
Столыпин П.А. 150–151
Суворин А.С. 181
Сухачев Н.Л. 16, 34, 40
- Терновец Б.Н. 223
Тидеман Г. 227, 235
Тищенко В.Е. 245–246
Тодорский Симон 64
Толстой Л.Н. 182
Тонков Н.Р. 247
Тук В. 37–38
Тютчев Ф. 195
- Уба Е.В. 203–204
Уваров С.С. 8, 142, 230
Ульрих К.П. 56–58, 262
Уркарт Л. 152–153

Фальц-Фейн Эдуард фон, барон 126	Шувалов Д.С. 253
Фальц-Фейн Фридрих 126	Шульце Э.Р. 227
Фейн Фридрих 125	Шумский П. 6
Финч Э. 57	
Фишер В. 235	Эйлер Л. 83, 89, 90
Фишер Э. 235	Эйлерс 252
Форсман Ю. 242	
Фосс И.Г. 127–135	Юргенсбург П.К. фон 208
Фрейган фон 122	
Френ Х.Д. 8	
Фридрих II 119	
Фридрих Ангальтский, герцог 119–122	
Фрикен П.А. 245–248	
Фрикен Ф.К. фон 246	
Фус Н.И., академик 142	
Хайер Э. 128, 131, 137	
Христиан III 56	
Цветаев И.В. 222	
Чехов А.П. 237, 239	
Чехов М.Е. 237	
Чистякова С.А. 31	
Шаховской В.Н. 156	
Шац М. 258	
Шваб 252	
Шварц В.В. 252	
Шерер А.Н., академик 140	
Шеффер В.Ф. 263, 265	
Шиллер Ф. 131–132, 133	
Шишков А.С. 228, 232	
Шлегельмильх А.К. 3, 139–140, 142–143	
Шлегельмильх К. 139	
Шлецер А.Л. 69	
Шляпников А.Г. 159	
Шмидт А.Н. 260, 267	
Шмидт Н.П. 260	
Штелин Я. 70, 73, 85	
Штиглиц, барон 260	
Штольберг Ф.Л. 128, 130, 136	
Штюрмер Б.В. 249	

Содержание

К читателю	3
Сведения об авторах	4
XVIII в.	
Иванов Д.В. Немецкие ученые XVIII в. и формирование буддийских коллекций Кунсткамеры	5
Богданов В.И., Малова Т.И. Геодезические и картографические работы Ф.В. Бауера в связи с катастрофическим наводнением Невы 1777 г.	12
Богданов В.И., Малова Т.И. Гравюра неизвестного немецкого автора с изображением наводнения Невы 1721 или 1777 гг.	30
архимандрит Августин (Никитин). Петр Федорович — Император Всероссийский	56
Иодко О.В. Каспар-Фридрих Вольф в Петербурге	81
Сафонов М.М. Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская по «Запискам» Екатерины II	92
XIX в.	
Шван Х.К. Вклад представителей ангальтских княжеств в развитие России в 1763–1856 гг.	113
Ефимов М.В., Мошник Ю.И. Петербургские связи И.Г. Фосса	127
Иодко О.В. Загадка жизни А. Шлегельмилха	139
Сардак Л.Л. Барон В.В. Меллер-Закомельский	145
Сафонов М.М. Загадка могилы императрицы Марии Федоровны	164
Зенкевич С.И. Граф Е.Ф. Канкрин как литературный герой	167
архимандрит Августин (Никитин). Андрей Штольц — русский немец	191
Кривдина О.А. Несколько аспектов творческой биографии скульптора А.Р. фон Бока (1829–1895)	207
Кривдина О.А. Г.Р. Залеман (1859–1919) — профессор скульптуры и педагог Императорской Академии художеств	218
Векслер А.Ф. Русский язык и литература в пансионате пастора Муральта и в Реформатском училище. Педагоги и воспитанники. Традиции	226

XX в.

<i>Цветкова Н.А.</i> П.А. Фрикен — один из пионеров варки отечественного оптического стекла	245
<i>Шрадер Т.А.</i> «Немецкое засилье» и борьба с ним в Петрограде и губернии в годы Первой мировой войны	249
<i>Толмачева В.А., Степаненко О.А., Шеффер В.Ф.</i> Русские немцы из Стрельны (К 200-летию юбилею Стрельнинской немецкой колонии)	257
Именной указатель	276

Научное издание

Немцы в Санкт-Петербурге

Биографический аспект

XVIII–XX вв.

Выпуск 5

Редактирование и корректура М.В. Банкович
Компьютерный макет Р.А. Морозовой
Корректор К.С. Аверина

Подписано в печать 10.12.2009. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.печ л. 16. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 300 экз. Заказ № 1451

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lemma@mail.ru